

Любите нас, пока мы живы

Боевые действия в Чечне и Дагестане в очерках и рассказах

Москва, 2006 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*«Та страна, что могла быть раем,
стала логовищем огня»*

Н. Гумилёв

«ЭТО ЗВЕЗДЫ ИЛИ ВОЛЧЬИ ГЛАЗА?...»

Еще несколько каменных, выщербленных ступенек, железная дверь – и я... на войне. А чтобы быть точным, на грозненской крыше превращенного в крепость здания, где размещается ГУОШ – Главное управление объединенного штаба МВД России. Там, на оставленных внизу этажах, кипит своя напряженная военная жизнь: в кабинетах горит яркий свет, офицеры стоят у карт, работают с документами, отчитываются о дневной работе. А мне надо на крышу, на пост № 37, чтобы побыть с бойцами тюменского ОМОНа. Им, конечно, куда интереснее, если бы ночное дежурство с ними разделил свой, тюменский, пишущий. Я-то в их краях не бывал. Зато, историк в прошлом, я знаю, какой была казачья крепость Тюмень, когда казаки миролюбиво поладили с Маметкулом, племянником непримиримого врага Ермака – Кучумом. Да так, что в сражениях Ивана Грозного в Лифляндии Маметкул водил в бой левое крыло русской конницы. Впоследствии и Шамиль, умный вождь, оценил русскую военную дипломатию.

Шагнув на охраняемую крышу ГУОШа, я, как на машине времени, переместился далеко назад, в XVI–XIX века, когда недоброжелатели России язычески, как Богу, поклонялись свободе, на самом деле оставаясь вассалами крупных, враждебных нам государств, использующих малые народы в личных стратегических целях. Разве в конце XX века такое не происходит в Чечне?

Вот такие мысли роились в голове, когда я с провожатым-бойцом тюменского ОМОНа шел по крыше на пост № 37, где меня встретили с сибирским спокойствием и на таком открытом месте, словно мы были не на объекте, обстреливаемом каждую ночь. Перебрасываясь традиционными при первой встрече словами, я мысленно недоумевал по поводу малого количества людей на посту, который прозвали «глаза и уши ГУОШа». Но, когда первая чеченская осветительная ракета со змеиным шипением взмыла в небо, а мы пригнулись, в залитом светом пространстве обнаружилось, что мы далеко не одни. Меня представили старшим группы, а остальные бойцы в это время

«держали» службу, контролируя сектора обстрела – наблюдением и подслушиванием. Несмотря на видимую бдительность дежурных огневых средств, старшие поста Александр и Сергей через равные промежутки времени тоже брали в руки приборы ночного видения.

Ночью в Грозном, как и по всей Чечне, все точки компактного пребывания российских военных, от блокпостов до ГУОШа, один к одному – те, знаменитые в истории, крепости сибирских землепроходцев и воинов Ермолова, князя Барятинского. Когда только солнце уходило за Иртыш, а на Северном Кавказе – за Терек, казаки, стрельцы, драгуны, егеря – крепостные ворота на засов и к бойницам – отстреливаться от мстительных всадников Кучума, Шамиля, Байсангура Беноевского.

В дудаевской Чечне пропагандистская работа среди простого народа, как и в период кавказских войн XIX века, построена на ненависти к России и русским. «Коварней и подлее нет народа», – поют чеченские барды, вспоминая походы ермоловских батальонов в горы, проецируя ту, былую, ненависть на сегодняшний день. В современной идеологической войне дудаевской пропагандой эксплуатируется только месть за людские потери Чечни от кавказских войн и сталинского выселения.

Чеченские пропагандисты, возвеличивая «месть» за былое, не жалеют свой народ. Дудаев, нуждаясь в резервах, тыкал пальцем с экрана телевизора, говоря: «Сколько ты, чеченец, будешь прятаться за бабью юбку? Бери автомат и мсти за невзгоды, которые последние столетия переживала Чечня».

У телевизора вечерами обычно вся семья. И её глава, крестьянин, пристыженный своим президентом, бросал дом, поле и уходил умирать за финансовые интересы лидеров Ичкерии.

Для чеченца 19-й век – это было вчера. Историческая память чеченца – опасная тропка к малодоступной горной вершине. И Дудаев идет по ней, как языческий вождь, принося в жертву свой народ. Правду гласит чеченская поговорка: «Ружьё убило одного, а язык – тысячу».

Ладно скроенный – срочную он служил в ВДВ, – в каждом жесте обстоятельный сибирский «стрелец» Александр, наблюдая за близкими жилыми домами, сказал мне: «Какие мы оккупанты? Разве оккупанты позволяют себя безнаказанно убивать? Нам позволено открывать огонь только по видимым целям».

Да, ни одна армия мира не разместит свой воюющий штаб на территории, вплотную окруженной жилыми домами. Людей или выселят, или на время боев не разрешат вернуться в свои квартиры.

Чеченские боевики здесь, в Старопромысловском районе, ведут огонь чаще всего из заселенных пятиэтажек.

– Ну, и где они, видимые цели? – спросил я Сергея с Александром.

Словно в ответ на мой вопрос, по российскому блокпосту там, в черном мареве, за полуразрушенными домами, почти сдвоенно, невидимые, пальнули чеченские гранатометчики. Следом татакнули пулеметные очереди.

– Ответили бойцы внутренних войск, – сказал Сергей.

Над нашей головой было малозвездное небо, подсвеченное редкими зарницами осветительных ракет. Вперемешку то высились остовы разбитых домов, то лезли в глаза заселенные людьми хрущевские пятиэтажки с освещенными окнами. Мы сидели на плоской крыше, начиненной оружием. Мою спину холодил АГС, смотрящий стволом туда, где только что проявили себя дудаевцы. Наши лица были иссиня-черные, как бы закамуфлированные главной краской ночи. С четырех сторон света то, давая пламя, то, искрясь и опадая, мерцали редкие, давно не затухающие пожары.

– Мы как на гигантской сковородке, – сказал я, намекая на плоскоту крыши, на чугунную темноту вокруг, тыкая пальцем в освещенные мелким, языкастым пламенем север, юг, запад, восток.

Со мной молчаливо согласились, уточнив, что огню под этой сковородой дудаевцы не дадут потухнуть ни на минуту.

Вдалеке снова автоматные очереди, и пули на излете с каким-то даже вежливым свистом чиркают левее от нас.

«Успех ночного боя, – помнил я, – зависит от того, насколько тщательно он подготовлен в период организации обороны в светлое время». Я знал, что ГУОШ тщательно подготовлен к круговой обороне, что все подступы к зданию простреливаются фланговым и перекрестным огнем. И что даже если противник чудом прорвется к стенам здания, он для начала нарвется на минные поля, на другие сюрпризы, а потом его все равно добьют оружейным огнем. Именно знанием, что так будет, я объяснял себе абсолютное спокойствие тюменцев Александра и Сергея, с которыми подходило время прощаться...

Сменяясь, ребята уходили со словами, что сегодня на удивление тихо. Шутили: «Может, вас, журналиста, испугались. Не захотели попасть в газеты».

Пришли Олег, Наиль, Гена, Андрей – такие же уравновешенные, в каждом жесте опытные, обстрелянные, потомственные «стрельцы».

– Спар-так – чем-пи-он! – в той стороне, куда смотрит ствол АГЭЭСа, кто-то отбивает из пулемета Калашникова.

– Это Клепа! Чеченец! – восхищенно смеются такому умению ребята. – Этого поклонника «Спартака» мы давно знаем.

Автоматные, пулеметные, гранатометные дуэли идут в стороне от ГУОШа. Почему? Может, собровцы почистили округу, и те, кто с большой интенсивностью обстреливали ГУОШ, убиты? Тайная и явная война вокруг Главного управления объединенного штаба МВД России не стихает ни на день. Выбьют, захватят одних – другие боевики не оставляют без внимания это здание на Ладожской, 14.

Свою пулю никогда не услышишь, – говорит мне Геннадий. Срочную службу он прошел в 405-м горно-альпийском батальоне. Я смотрю на него с нескрываемым уважением. Отец Гены – военный, жена и тёща – милиционеры. Парень вспоминает о них с любовью.

– Сегодня у Гены день рождения, – неожиданно произносит Андрей. – Ему пошел двадцать пятый год.

Поздравляя Геннадия, я мучительно вспоминаю, где же я встречал своё двадцатичетырёхлетие. И не могу вспомнить. Чеченцы тем временем отсалютовали в нашу сторону тремя – одна за другой – осветительными ракетами. Мы ложимся ниц на брезент.

В прибор ночного видения «Ворон» обнаруживаются мириады звёзд. Их далекая красота оставляет равнодушными. Здесь, на крыше ГУОШа, от их холодного, зеркального света нам никакого толка. «Это звезды или волчьи глаза?» – вспоминается стихотворная строчка. «Почему, – думаю я, – сидящие рядом и напротив бойцы тюменского ОМОНа не говорят об опасностях своего боевого дежурства, о дудаевских снайперах? Почему ребята передвигаются по крыше, не особенно пригибаясь? А через опасные участки иногда проходят демонстративно в полный рост? Подчеркивают, кто в доме хозяин? Но война, я знаю, это балет случайностей. Нет гарантии, что именно сейчас тебя не выцеливают в ночной прицел. «Что же это такое?» – спрашиваю. И в ответ: «Будешь тут трусливой мышкой бегать, своя «крыша» быстро поедет».

– В Чечне мы не первый раз. Здесь, на крыше ГУОШа, мы вроде на отдыхе, – говорят ребята, бывшие десантники, пограничники.

«Ничего себе отдых, – думаю. – Под навесным огнем из подствольных гранатометов». Неразорвавшиеся гранаты из чеченских подствольников я не раз видел во дворе ГУОШа. Через ночь, а то и каждую ночь идут возле ГУОШа снайперские дуэли, в которых омоновцы иногда вроде живцов – это когда по снайперам работают собровцы.

– В январе под Хасавюртом мы с боем брали не одну высоту. В августе помогали выбивать «духов» из Аргуна.

– На одной из «зачисток» нашли раненую в живот молодую чеченку. По причине бедности её не взяли в чеченскую больницу. Первую помощь ей оказал наш отрядный доктор.

– А еще был случай. Пошли мы на пасеку. Осмотрелись. Из всех ульев вылетают пчелы, а из одного нет. Вскрыли. Там два автомата, две гранаты

«Ф-1» и заряд к РПГ. Хозяин пасеки упал на колени: «Не забирайте оружие. Оно чужое. Придут боевики, зарежут за то, что не сумел сохранить!».

– Таких случаев много, боевики прячут стволы у безобидных людей.

– Уже глубокая ночь, а окна многих домов горят. Почему? – спрашиваю.

– То мера предосторожности и миролюбия.

– Сегодня хорошая, спокойная ночь, – говорит мне Геннадий.

– Просто «духи» решили не отравлять тебе день рождения, – я пытаюсь шутить в ответ. Мне неожиданно кажется, что тюменские омовцы вроде как-то неловко себя чувствуют. На опасный объект пришел журналист, а в их сторону ни разу не выстрелили. И я говорю, что несказанно рад, что по нам не ведут огонь.

Прохлада и сырость чеченскими змейками давно неприятно холодят тело. Город спит или не спит? Непонятно. Кругом вязкая, промозглая темнота. Местные жители на ближайшем базарчике говорили, как они боятся наступления ночи. Потому, что за дверями их квартир кто-то еле слышно начинает ходить, открываются и закрываются чердаки, скрипит под ногами битое стекло. «Кто ходит? Не знаем. Может, убиенные души, а может, боевики».

Все здесь в Грозном лукаво-обманчиво. Многое нужно воспринимать с точностью до наоборот.

Домой, в «будку» пресс-центра, я, обозреватель газеты «Щит и меч» МВД РФ, уходил, когда открычали свои предутренние песни грозненские петухи-долгожители. На удивление, их, переживших бомбардировки и уличные бои, оказалась целая вокальная группа. Я уходил, отбив на крыше положенные омовцам шесть часов, с уверенностью, что и остаток ночи для них пройдет бескровно. Ведь с первым мистическим криком петуха нечистая сила исчезает с городских улиц.

Перед тем как железная дверь, пропуская в тепло, закрылась за мной, Геннадий, встретивший своё 24-летие на крыше ГУОШа, с легкой грустью сказал:

– А наши тюменские петухи кричат куда веселее...

Сентябрь, 1995 г.

ПАСХА ПОД ГУДЕРМЕСОМ

Волк – ночное животное. Он прославлен умением работать в стае и бессмысленной жестокостью. Волки режут скотины столько, сколько позволяют свободное время и отсутствие человека с ружьем. Как только за волков берутся профессионалы, вооруженные не только опытом, волчьим разбоем приходит конец.

Волк слаб против охоты облавой, охоты с гончими и охоты на падаль.

Волкам всегда несладко жилось в России, потому что этот ночной хищник любит убить больше, чем может съесть. Вот почему страшен и непредсказуем путь людей, избирающих волка символом своего народа.

В Чечне сегодня два хозяина: днем – российские военные силы, ночью – чеченские боевики. В Грозном чеченскими волками обстреливаются комендатуры, штабы, блокпосты, передвигающаяся по пустынным ночным улицам техника.

Дудаевские боевики, государственный символ которых – волк, ведут огонь из домов, населенных гражданскими людьми, из тех мест, куда бойцы российского МВД не могут позволить себе нанести удар. Штаб на Ладожской, 14, регулярно обстреливается подствольными гранатами из-за работающего хлебозавода. Боевики чают надежды, что когда-нибудь у российских солдат сдадут нервы и ответным огнем они сами развалят хлебозавод и другие жизненно важные для населения предприятия.

Что за судьба у российского воина воевать не в полную силу? В Чечне уже давно все решают политики, то есть те, кто умеет выдавать желаемое за действительное. И сегодня можно с полной уверенностью сказать, что план мероприятий Правительства Российской Федерации по урегулированию кризиса в Чеченской Республике под угрозой провала. Первый этап мероприятий, а именно: создание зон взаимного неприменения силы и начало постепенной демилитаризации территории Чеченской Республики, прекращение

деятельности незаконных вооруженных формирований, изъятие оружия у населения – оказался непреодолимым.

А чужестранные политики, всякие там ОБСЕ, МВФ и другие конторы влияния, торопят с отходом на другие рубежи, настаивают на абсолютно мирных мероприятиях.

И время смертей становится постоянной величиной. Время, когда волки выходят на ночные разбои, а охотникам не позволяют применять силу, потому что мировое сообщество бдительно следит за тем, как бы охотники не обидели режущих все живое волков, ведь по плану мероприятий их, волков, вроде бы уже нет, и якобы это сами охотники от скуки подстреливают друг друга.

Трагическая страна Россия. Её все время заставляют относиться к своим солдатам и офицерам только как к боевым патронам. Выстрел! И гильза в сторону.

По плану мероприятий сегодня в Чечне наступил «переходный период». Но как переходить ко второму этапу, когда не завершён первый? Когда боевики еще сильны и приступили к самому опасному для жизни российских войск и гражданских специалистов образу действий – партизанской войне, в которой выйдут победителями только профессионалы.

В Чечне нельзя воевать вполсилы, там русское «авось» не пройдет. Войну вполнакала презирают даже боевики, та самая уголовная крутизна из Чечни, которая любит вызывать на драку словами: «Если тут есть мужики, выходите!».

Чеченская армия не разгромлена, ее моджахеды обучены и воюют профессионально. В ходу тактика и приемы, наработанные в Афганистане и других воюющих странах.

Чеченцы свободны на своей войне, российские части МВД, ВВ, МО воюют, не применяя силу, на какую способны. Потому что по плану с государственным гербом России войны якобы уже и нет, а на самом деле... И раз-

ве партизанская война – не война? И не требует сверхвзаимодействия всех родов войск и спецслужб? Применения авиации?

Но это не наше правительство ходит по горным тропам, высоткам, лесным дорогам Чечни, сидит в заслонах на Тереке, стоит на блокпостах, рискуя в любую секунду пасть от рук снайпера.

Рискуют те солдаты, кому по 18–19 лет, рискуют офицеры СОБРа, ВВ, МО 25–45 лет, с кем я встречался в Чечне, с кем ходил на броне. Лично я – без оружия, а в БТРах в ногах солдат, офицеров лежали гранатометы «Муха», огнеметы «Шмель». Боевиков-чеченцев, как было в Афганистане, воюющие в Чечне называют «духами».

С офицером СОБРа (Специального отдела быстрого реагирования) из Уфы я встретился в Грозном в Главном управлении объединенного штаба МВД РФ.

С разрешения старшего начальника, который сам попросил меня встретиться с подчиненным, офицер уфимского СОБРа, еще не отойдя от пережитого, рассказал мне о двух днях из жизни своего отряда. Я сидел напротив боевого офицера из Управления по борьбе с организованной преступностью. Бумага, на которой я вел запись, билась в такт офицерскому и моему сердцу, а я сгорал от чувства вины перед теми, кто погиб в пасхальные дни 1995 года в Чечне.

Потому что мы, когда-то Великая Русь, потом СССР, а теперь бедная Россия, так умеем самообманываться, проскакивать повороты и переходить ко второму этапу мероприятий по урегулированию кризиса в Чеченской Республике, не выполнив первого. Сказано в «Молениях Даниила Заточника»: «Ведь не море топит корабли, но ветры».

«...Наш уфимский СОБР прибыл в Чечню пятого апреля. Изымали у чеченцев оружие, встречались, договаривались о чем-то. Срок командировки подходил к концу, а настоящего дела не было. Ребята опытные, все со спецназа: русские, татары, башкиры – томились: «Дела хотим».

Двадцать второго апреля офицер войсковой разведки Леонов (позывной «Бэтман») попросил с собой шесть человек. Роте внутренних войск предстояло выдвинуться на высоту 13 в район населенного пункта Аллерой. В разведку на БТРе и БМП ушли «Бэтман» (из ВВ) с девятью ребятами по 18–19 лет и шесть собровцев-офицеров. Макс седьмым по счету запрыгнул к своим собровцам на броню, но Ромка Ситдииков согнал его: «Не фиг делать. Мы на двадцать минут: туда, обратно, только дорогу проверим». Так Макс не пошел с ними. Остался в расположении. Впереди у ребят были лес и высоты.

Через сорок минут оставшиеся в лагере услышали отдаленную перестрелку. Макс кинулся к командиру: «Выручать надо!». Тот ответил: «Это не по нашим». Но «Бэтман» больше не выходил на связь. Прошел час. Макс с Валентином снова бросились к командиру: «Искать надо!». Дали БТР, БМП. Друг Сашки Леонова («Бэтмана») поехал с уфимцами – собровцами на БТРе. Проверили КПВТ (башенный пулемет) – заклинен, связь не работает. Мы взвешникам кричим: «Не отрывайтесь!». Где там...

Пока ехали, вторая группа разведки (на БМП) нарвалась на «ГАЗ-53»: полный кузов людей, все из кузова в стороны. Пожалели их, гадов, думали – мирные жители.

Мы же на БТРе встретили боевика на мотоцикле с люлькой. Тот, как нас увидел, выхватил автомат, а мы по нему с брони. В мотоциклетной люльке «Муху» (ручной одноразовый гранатомет) нашли.

Потом нарвались на «лежанки» – что-то вроде мирного места: загон для скота, овцы, куры. «Духи» навоюются и приходят сюда на отдых, режут баранов. И обратно в зеленку.

Влетаем на БТРе на высотку, оглядываемся. Смотрим, за нами внизу БМП забуксовала. Нам рукой машут. Глядим, БМП вроде разворачивается за нами следом. Прокрутилась и как рванет обратно на базу. Что такое? И все быстрее от нас, мы за ними не успеваем. Женьке – другу «Бэтмана» – спасибо! Младшему лейтенанту, инструктору глубинной разведки, спецу с ВВ. Он

рычагами нормально работал. Пока летели за БМП, нарвались на засаду, две «Мухи» хлопнули по нам, не попали. Мы как могли отстреливались, по лесу шли на скорости 80 км. Макс между люками на броне катался и садил во все стороны. У него под коленкой теперь осколок сидит. Отбились от «духов».

Первую засаду мы проскочили. Вылетаем на пригорочек, с пригорка вниз поляна, на ней горит БМП. Семь человек горят! А пацаны с такой надеждой на наш БТР глядели. Ведь мы спецы-офицеры, а им по 18–19 лет.

Только мы вперед, как дали нам с «Мухи» в лоб. Наш БТР на пять метров назад. Подбили. Макс башню крутит, а КПВТ заклинен. Женька за шлем, помощи просить, а связи нет. Мы свои «Мухи» вытащили, взялись за «Шмели», а Женька: «Не надо, своих пожжем».

Флюр (имя) – через дорогу лежит открытый. На наших глазах еще три «Мухи» в БМП попали. Флюр кричит: «Еще попали! Еще раз попали!». Мы с Женькой из-за БТРа выскочили, как дали из «Мухи», врезали по их скопленю, потому как там замолчали.

А остальные боевики на нас перекинулись. Меня из «Мухи» контузило, опалило. БМП горит, никаких признаков жизни. Женька кричит: «Отходим! Мы по два рожка патронов имеем!». Нас ушло пятеро. Уходили вниз по «зеленке». Они гнали нас четыре часа, но особо высовываться боялись. Тыкались по кустам. А мы их встречали.

В голове: «Уходим. Сообщить надо». Оторвались. Возле дороги выскочили на «Жигуль».

Кто-то из местной чеченской администрации с бабами отдыхал. Вытряхнули их из машины. Мы из них никого не тронули. Двух ребят с ними оставили, чтобы поклепов не было. И на чеченской машине в бригаду скорее - в мотопехоту. Они нас как увидели!.. Влетает с картой один вэвээшник, кричит: «Для вас два танка готовы и три БМП с полным составом». Мы: «Вперед!» А командование: «Отставить!».

На следующий день пришел с Гудермеса наш соборовский БТР «Кешка». Забрал нас троих к себе на базу, дозарядились. И 23-го в Пасху опять на

высотку, где братаны остались. Пошли с девяти утра. Собровцы: Макс, Дима и капитан. Думали, нормально будет. С ними еще тридцать спецназовцев внутренних войск. И снова засада! Один БТР, одна БМП сгорели. Командира спецназа убило, командира разведки ранило. Макс их перевязывал.

Мы отрыли окопы. «Духи», выходя на нашу частоту, кричали:

– Русские, если мужики, вставайте!

Мы им в ответ:

– Готовы! Давайте сюда, шакалы!

Вэвээшники – мальчишки по восемнадцать лет, но какие классные это бойцы! У каждого из нас была и есть своя подписанная граната. Никто в плен бы не сдался.

Они лезут, а мы их е...м!

Нам свои по рации: «Только, парни, не суйтесь! Берегите людей! Вы окружены. К вам десантура пробиться не может. Заминированы подходы. Мотопехота тоже не может. Держитесь!». А боеприпасов ноль. На БМП по одному боекомплекту. Тут, спасибо им, вертушки подходят. Четыре борта. Мы себя дымами обозначили. Как они сверху п... Вот тогда мы узнали, сколько их, чеченцев, против нас стояло. Весь лес отсалютовал, словно взорвался!

«Духи» тоже дымы пустили и к нашим окопам жмутся, чтобы от вертушек уйти. Спасаться лезут, а мы их встречаем. Как они, родные наши вертушечки, работали! Поддержали нас. Под таким плотным огнем...

Тут и десантура из Псковской дивизии к нам на выручку прорвалась. Первым пробился полковник с Башкирии: не то он родом из наших мест, не то в Уфе образование получал. Спасибо ему!

Пришла команда: «Сворачиваться и уходить на броню». Олежка – собровец – кричит: «Куда, ребята? Прикроем ВВ!». Мы: Макс, Дима, Олежка, на последнем БТРе ушли. Прорвались.

Приходим мы на броню в Гудермес, а там «духи» комендатуру атаковали. Ну, мы им все вместе ответили.

Двадцать второго апреля под Аллероем, попав в засаду, в первой разведке с «Бэтманом» погибли офицеры из уфимского СОБРа: лейтенант Ситиков Роберт, лейтенант Чурин Сергей, младший лейтенант Щекатуров Андрей, старший лейтенант Дементов Дмитрий, капитан Соколов Анатолий, лейтенант Вереденко Станислав.

Стаса и сегодня, 26 апреля, мы достать еще не смогли. Мы «духам» позволяем забрать свои трупы, а они нет...

«Одоновцы» (ВВ) за наших парней пятнадцать своих положили. У всех наших погибших семьи. У Стаса жена вот-вот родит. У Роберта трое детей, у других тоже по двое, по трое.

Нас, собровцев, было двадцать, на сегодняшний день в живых четырнадцать. В наличии одиннадцать. Трое уехали сопровождать погибших в Уфу. Погибшим собровцам – каждому в обязательном порядке – «духи» разложили голову.

Макс из двух окружений вышел, имеет за плечами городской бой. Из четырнадцати живых у троих теперь самый большой боевой опыт. Никто из нас, поклялись, отсюда, из Чечни, теперь не уйдет. Отработаем сверх положенного.

Положили мы «духов» за 22-е и 23-е до ядерной матери. Когда мы обнаружили наш БТР, подбитый двадцать второго апреля, в нем лежало десять духовских трупов, это мы их побили. «Духи» закинули тела в наш БТР, чтобы зверье не пожрало. А нас-то было всего ничего.

О численности поконкретнее. Поддержала нас бригада ВВ. А в ней по личному составу и батальона не наберется. Нас, собровцев и спецназовцев из ВВ, было всего ничего – сводное соединение. Но мы дудаевским «духам» вломили. Вот такие наши пасхальные праздники.

Чеченцы активизировались. Кричат, чтобы с 1 по 9 мая по всей Чечне гражданские лица сидели дома и не высывались.

И еще... Генерал один приезжал из Питера, с местным чеченским префектом четыре дня пьянствовал, а потом ближе к 22-му префект с личной ох-

раной в наше расположение появился, мы его выставили. Тогда префект побежал к генералу с жалобой: дескать, уфимский СОБР – хамы!

Генерал этот приезжал отличиться. Он и отличился. Приказал снять блокпосты, отменил пропускной режим. В Гудермес бандиты входили без оружия, поодиночке, оружие у них было на сохранности в городе.

Генерал пропьянствовал четыре дня. Таким образом он участвовал в некоем миролюбивом процессе, а окна в месте его ночевки были закрыты бронезилями, которые он забрал у одоновцев.

Мы подшутили над ним. Показали коробку из-под противогаза, сказав: «Товарищ генерал, мина». Он с пяти метров расстрелял её. А потом объяснил собутыльнику: «Асхад! Вот это взрыватель». Уголь в противогазе генерал обозвал взрывчатым веществом.

В «зеленке» против нас работают и чеченцы, и наемники – все с боевым опытом. Воевать умеют, экипированы – нам бы так. Сегодня места особого накопления бандитов – это населенные пункты Центорой, Аллерой, поселок Новогрозненский.

Когда мы уходили из Новогрозненского, «духи», только-только вышедшие из боя, стояли и улыбались. А у нас приказ: «Не стрелять!».

На русскую Пасху у них была задумка простая. Отрезать внутренние войска на высотке, окружить, уничтожить. Потом ударить по гудермесской комендатуре. А почему нет? Комендантского часа для чеченцев нет, это мы, русаки, с семи вечера не показываемся на улице.

На Пасху чеченцы везде вели активные действия. В Гудермесе их снайпер, пока его не обнаружили, полдня вкладывал из окошка, потом его свалили из БМП, и остальные полдня он провисел, голова и руки наружу.

Они активизировались повсюду. Идет ввод бандгрупп в Грозный, Шали, Гудермес, Аргун.

Купить нас, офицеров СОБРа, нельзя. Мы, офицеры, не продаемся. А вот продать нас уже продали. Идет война на наше истребление. А мы, в силу

всяких причин, переговорных процессов, связаны по рукам и ногам – и не отвечаем врагу в полную силу.

Уезжать отсюда мы, собровцы, не намерены. Разве что женам и детям на короткое время покажемся. Пусть нас научат воевать в горах. Мы готовы к работе. Мы рвемся в дело.

Вообще, надо воевать как положено. Если прочесывать, чистить «зеленку», то будьте благоразумны поставить по бойцу через каждые десять метров. Перед операцией надо обрабатывать места скопления «духов» авиацией, артиллерией, минометами. Лежки дудаевских бандитов минировать, все минировать, где ступает нога «волков», заноса расположение мин на карты, чтобы потом, после окончания войны, их поснимать.

У «духов» трудятся специалисты с Афгана, имеются инструкторамусульмане из Сербии, из Прибалтики. Есть и русские, все они воюют за доллары.

А нам вяжут руки везде. Против нас крутые, умеющие воевать спецы, а против них в основном восемнадцатилетние пацаны из федеральных и внутренних войск России. Можно сказать, котятка, но они больно кусаются. Про что «духи» очень хорошо знают.

Что здесь творится? Где логика войны и жизни? Только наш боец научится воевать, как его через сорок пять дней меняют – отправляют домой. Как это назвать? И почему?

Погибли наши ребята – собровцы из элитного подразделения МВД, погибли спецы из внутренних войск. Они предотвратили массовую гибель людей. Если бы не было первой разведки, которую водил «Бэтман», «духи» бы уничтожили всех, кто шел на основную работу.

Наш экипаж БТРа спасся, потому что, по стечению обстоятельств, БМП внутренних войск сильно ушла вперед.

Всю Святую Пасху мы проторчали на боевых. Бабулька, что приходит в наше расположение, мы ее подкармливали, как родную, обещала нам пасху испечь.

Но это не религиозная война. Чеченцы-старики говорят нам: «Газават объявлен Дудаевым не по закону. Газават – когда притесняют веру». Никто из российской армии и других частей чеченскую веру не притеснял. Мы, собровцы, воюем с бандитами. В нашем отряде русские, татары, башкиры. Мы выходили из окружения с Флюром. Он, как и я, косил «духов» из автомата. Стрелял в них, бандитов. А ведь тоже Коран читает. Просто он знает, как и все мы, что идет криминальная война.

Потом разговор продолжился возле БТРа, на котором в Главное управление объединенного штаба МВД РФ в г. Грозном приехали остальные офицеры уфимского СОБРа.

Ребята в черных косынках, с оружием. Вот обрывки услышанного:

– На 9 мая нас обещают вырезать (со смешком).

– У «духов» сильная радиосвязь, нам бы такую.

– Чеченцы забирают у русских почти всю гуманитарную помощь.

– Бабулю, что приходила к нам, мы ж её мамой Ираидой звали, убили днем 23-го. Вызвали из дома и застрелили. Испекла нам на Пасху кулич и умерла, как святая. Мы хоронили её под охраной. Водителю, что вез ее на кладбище, чеченцы сказали: «Тебе не жить. Зарежем, как войска уберутся».

– Где ФСК? ГРУ? Чем они занимаются? 6 апреля возле гудермесской комендатуры был замечен Радуев. Перед 22 апреля Масхадов провел совещание в окрестностях города. Они ждали «зеленку». И дождались. Это война. И надо работать против бандгрупп, как того требует воинский опыт.

– Мы знаем, что девушка-снайпер торгует на рынке. Загорелые «духи» с белыми щеками, сбрив бороды, бродят по рынку. Они нам шепчут по радио: «Иван, ты нас и накормишь, и напоишь, и уложишь рядом со своей русской бабой. Ты нам и построишь всё, что нужно для жизни, а мы тебя будем убивать».

– Когда нас в горах окружили, в Гудермесе перед нападением на комендатуру, за десять минут до атаки, дети и женщины ушли по домам.

– Это примета верная. Когда мы входим в село, если женщины и дети на улице, стрельбы не будет, если на улицах пусто, жди беды.

– Того генерала, что снял блокпосты и пьянствовал все свое пребывание, охраняло три БТРа.

– Нам кричат по радио: «Русские, здесь ваша могила».

– В Гудермесе хорошо поддержал челябинский СОБР своим БТРом и десантом, они закрыли вертушки, которые увозили раненых.

– Теперь вместо четок у «духов» опознавательные жетоны русских солдат и офицеров.

– Это криминальная война.

– Война не против народа, а против волков Дудаева.

СОБры, среди которых немало охотников, знают о волках всё. Им известно, что лежки волков обнаруживаются по отпечаткам зверя на свежесмятой траве.

Караулить волков удобнее в тихие, лунные, не морозные, а лучше в мглистые ночи, когда падает мелкий снег, но зверей хорошо видно.

В стародавних заповедях пластунов (казачьего спецназа) сказано: «Чтобы прожить среди волков, нужно стать волком». Российским собровцам, спецназам ГРУ, ВДВ, ФСБ, которым пока не дозволено работать в полную силу, сейчас, в 1995 году, не по сердцу становиться волками. Им чужд принцип чеченских спецназов: «Сделай так, чтобы все работало на тебя». Зато вот почему у дудаевских волков лучше оптика на винтовках, изумительная радиосвязь – всё то, что помогает убивать.

Собровцы – это охотники на волков. На практике проверено, что лучше всего стрелять в волков в тот момент, когда их много прибежит к падали и между ними начнется грызня. В этом случае охотник может тщательнее выцелить зверя и, несмотря на темноту, верно бросить заряд картечи.

Апрель 1995 г.

ВОЛКИ И ОХОТНИКИ

В Моздоке, в пресс-центре Объединенного командования, мне сказали, что СОБР из Кургана находится в Грозном, по другим сведениям выходило, что он в Гудермесе. И только через два дня в Главном управлении Объединенного штаба МВД РФ сообщили, что курганцы за Терек, в станице Червленной.

Сам генерал Бабак – начальник Главного управления – сказал Сергею Д., лейтенанту из курганского СОБРа, который на время командировки в Чечню стал водителем генеральского БТРа: «Вези корреспондента к своим. Святое дело. Благословляю».

«Грозный и днем, как при лунном свете», – эти крылатые слова соответствуют действительности.

Остовы сгоревших зданий, гусеницы подорванных танков – таков городской пейзаж после битвы. От Грозного до Червленной – час пути на броне, а везде следы ожесточенных боев: то оплавленный БТР, то останки подбитого чеченскими моджахедами вертолета. Перед мостом через Терек грузили еще два наших, зимой подорванных танка.

Я ехал в легендарные места, где названия станиц: Червленная, Наурская, Шелковская, Гребенская – говорили сами за себя. Эти исконно православные места овеяны славой Терского казачьего войска.

Зимой в районе этих станиц шли бои, вели охоту прибалтийские снайперши.

Бои с применением тяжелой артиллерии давно переместились в предгорья Чечни, оставив не менее страшное ожесточение – партизанскую войну. Днем в Чеченской Республике – обстановка под контролем внутренних войск России, с наступлением темноты активизируются чеченские боевики: снайперская стрельба, обстрелы из гранатометов, закладка мин. Смерть поджидает каждого, а в «зеленке» – лесных массивах – и на дорогах в особенности.

В Чечне курганскому СОБРу (Специальному отделу быстрого реагирования) Управления по борьбе с организованной преступностью выпала на долю противотеррористическая деятельность: борьба с бандгруппами, изъятие оружия, заслоны, засады, другие специальные операции. И в Главном управлении объединенного штаба МВД РФ курганский СОБР, я уже знал, был на отличном счету, как для такой работы подготовленный, тренированный, смелый, а самое главное – результативный.

С курганским СОБРОм я познакомился в феврале 1995 года. Выступал у них с лекцией о Далматовском Свято-Успенском монастыре, потом видел выучку собровцев на показательных выступлениях, и вот – командировка в Чечню. Как было не повидать земляков...

СОБР из Кургана – автономная команда. Его походная палатка в лагере сибирского полка внутренних войск. В палатке пятнадцать зауральцев: курганцы, двое шадринцев и еще два оперативных офицера из других городов.

Командир курганского СОБРа подполковник МВД Евгений Викторович Родькин – ветеран Афганистана. Он точен в движениях, обстоятелен, сдержан, а темно-карие глаза скажут наблюдательному человеку о сверхбыстроте реакции, мудрости и чувстве юмора, без которого на войне нельзя.

СОБР – элита специальных сил МВД России. В мирной жизни он предназначен для ликвидации вооруженных бандгрупп, освобождения заложников и другой работы, которую могут осуществить только специально обученные люди.

СОБРы России в Чечне с первых дней войны. Курганский отряд прибыл в место своего расположения ближе к середине марта. В палатке у офицеров мне попала на глаза редкая брошюра под названием «По указу Петра», рассказывающая об истории терских казачьих станиц, ставших районом боевых действий офицеров из-за Урала. Элитным подразделением всегда была свойственна оправданная любознательность: как общаться с коренными жителями, не зная их сути и стати?

Наурский и Шелковской районы Чечни – это местность, откуда русское население выдавливалось дудаевцами. Все время режима Дудаева – ни зарплаты, ни пенсий, ни защиты правоохранительных органов. У русского можно было отнять всё, что приглянулось вооруженному боевику: жизнь, дочь, жену. По телевизору, радио, в газетах царствовал декларативный интернационализм, дудаевские призывы: «Русский и чеченец – братья навек!». А в реальной жизни: камень к ногам – и в Терек. Сотни обращений от русскоязычного населения в российскую Комиссию по правам человека, западные миротворческие организации оставались без ответа.

В первые недели после приезда в заданный район курганский СОБР столкнулся с тем, что потомки казаков-героев разговаривали, глядя в сторону, потаенно шепча: «Братки, не оставляйте нас, только не уходите». Говорили, почти отвернувшись, боясь ночного прихода дудаевцев, мучительной смерти под пытками.

Первым, с кем помог встретиться подполковник Родькин, был казак из Червленной. Тот рассказал, как три года на проходящей рядом железной дороге грабились российские поезда: хищнически, с точным знанием, что везут, сколько и что в вагонах будет в следующий раз: «Беспредел был невыносимый. Почему Россия терпела такой бандитизм? Геноцид русского населения? Дочку два года не выпускал на улицу. Боялся, украдут. Разломают на части, как куклу. В лучшем случае изнасилуют».

В станциях, на дорогах, по которым мотался БТР № 198, приданный курганцам, только самые смелые русские женщины благословляли наших парней, сидящих на броне, крестным знаменем – на воинское счастье. И оно у зауральцев было.

Из нескольких боев, побывав под минометным и пулеметным огнем, ребята вышли с результатом и возросшим уважением к своему командиру – подполковнику Евгению Викторовичу Родькину, который, не кланяясь пулям, умело решал поставленные задачи и, не в ущерб делу, берег людей.

В первый вечер мы говорили с подполковником до поздней ночи. Это было вербное воскресенье. Над лагерем то и дело взлетали осветительные ракеты, иногда наши блокпосты напоминали о себе автоматной стрельбой. В эти минуты становились не слышны шакалы, которые с наступлением тишины снова начинали свои твякающие, нервные песни.

Евгений Викторович говорил, какое это неудобное дело – война. Я спрашивал об афганских боях, о которых он рассказывал куда охотнее. Та война, хотя и не отболела, уже подчинялась анализу, и разговор о ней шел стройнее, чем о Чечне. «Приказ для офицера – закон чести, – говорил подполковник Родькин. – Я выполнил все приказы, которые отдавались мне. Но есть еще чувство ответственности перед матерями, женами, детьми офицеров, с которыми мы здесь. Я должен вернуть их семьям живыми, здоровыми», – вот такой был ночной разговор.

Палатка боевых офицеров СОБРа – это не ночлег в пресс-центре Объединенного командования. Хотя та же холстина над головой, под ногами утрамбованная земля с упрямо пробивающейся травой. А вот ночные тени – резко другое, таинственное, словно материализованные обрывки военных снов смертельно усталых людей. Если в пресс-центре, размещенном в аэропорту Северный, офицеры комендатур, уплотнившие журналистов, которых на войне всегда единицы, могли себе позволить лечь далеко за полночь, офицеры курганского СОБРа, когда не случалась ночная работа, проваливались в сон, как под лёд.

В первую ночь под защитой вооруженных земляков я мысленно закреплял в памяти увиденное в Чечне, где никому не надо было объяснять, почему из всех центральных газет едва ли не только «Красная Звезда», «Щит и меч» и журнал «На боевом посту» духовно расположены к солдатам России и в состоянии объективно рассказать о войне, а никак не мелком вооруженном конфликте, как втолковывают обывателям.

Готовясь к выходу из состава России, Дудаев создал по-современному вооруженную, обученную армию. Россия, словно пребывая в плену баптист-

ских религиозных идей, воспитывала отвращение к оружию. Дудаев же совершенствовал молодежную военно-спортивную подготовку. Россия безалаберно разоружалась, как мог позволить себе только душевнобольной, а дудаевская Ичкерия, избрав государственным символом волка, всю свою жизнь подчинила будущей войне. Если коснуться даже самого малого – экипировки элитных подразделений МО, МВД РФ, то и она, на удивление, резко уступает снаряжению дудаевских спецназов.

С детских лет, читая о 1941 годе, я знал, что связь в Красной Армии была безобразно плохой. Кто изобретатель радио?

Александр Попов, который два года учился в Далматовском Успенском монастыре на нашей с курганскими собравцами Родине – в Зауралье. С каким трудом внедрялось его изобретение, известно всем. Но что и в 1995 году наши российские военные силы будут стонать в Чечне от отсутствия хорошо налаженной связи, достаточной оснащенности портативными современными рациями – не могло присниться и в кровавом кошмарном сне.

То, что руководство МВД отправило спецподразделение на противопартизанскую войну, в регион, где противник только и делал, что готовился к боям, без портативных раций «Кенвуд», без высококлассной оптики, без переправочных средств – резиновых лодок, плавательных костюмов, спецснаряжения, позволяющего вести бесшумную стрельбу, это значит, что знания данного руководства о Чечне кончились на рассказе Льва Николаевича Толстого «Рубка леса».

Курганский СОБР героически отработал свою командировку без всего того, чем надо обязательно снабдить тех, кто поедет им на замену. Специальный отряд быстрого реагирования воевал в Чечне, компенсируя нехватку специального снаряжения опытом командира, изобретательностью, личной боевой выучкой, мужеством, самоотверженностью и добротой, которую местное население оценило.

СОБР навел порядок в районах, назначенных ему для службы. Маски на лицах, ярко бросающиеся в глаза тренированность, отлаженное вооруже-

ние, ловкое обращение с ним, жестокость в работе – заставили дудаевцев притихнуть, умерить агрессивность. Изъятие оружия, захват дудаевских разведок и другие виды работ позволили местному казачьему и мирному чеченскому населению вздохнуть свободнее, укрепиться в том, что матушка-Россия про них вспомнила и прислала защитников.

Какая это по счету необъявленная война для лейтенанта Олега? Супер-профессионала – стержневого в подразделении. Для командира отделения Игоря – в каждом жесте «сорохвата» из повести Богомолова «В августе 44-го»? Для Игоря помоложе – надежного оператора-пулеметчика БТР? Для снайперов Михаила, Вадима? Для Иваныча, Петровича, Кости, Макса, Валеры, Петра? Всех зауральских «волкодавов», воспетых бывшим спецназовцем-фронтовиком Богомоловым, о которых я только читал, а теперь убедился, что они существуют в действительности. И на дворе не 1944 год, а 1995-й. Работы же у российских спецназов все прибавляется.

В свое время много было газетных пересудов о бывшем аэродроме ДОСААФ у станицы Калиновской. Дудаевцы превратили его в кузницу кадров для военно-воздушных сил Ичкерии. Долго были живы опасения москвичей, кто не забыл посадку немца Руста возле Храма Василия Блаженного – в самом сердце России. Ведь большинство западных радиоголосов и дудаевская пропаганда подчеркивали наличие чеченских летчиков-смертников, способных с бомбовой нагрузкой долететь до столицы. Верилось и нет: в силах ли летчики Дудаева осмелиться на такое?

Российские военно-воздушные силы совершили на бывший советский аэродром ДОСААФ тринадцать атак.

Майор дудаевской авиации, бывший капитан Советской Армии, выпускник Новосибирского военно-политического училища, Иса в разговоре со мной горестно осуждал российскую бесхозяйственность: «Уничтожили учебные самолеты Л-39. Зачем? От них не было никакого вреда». Но под каждым крылом этих и других самолетов были пилоны для бомб и ракет.

Курганский СОБР под командованием подполковника Е.В. Родькина обнаружил на аэродроме возле Калиновской четыре 155-килограммовых осколочно-фугасных бомбы, несколько стволов к авиационным пушкам, пиропатроны, которые могли послужить террористам.

«До прихода к власти Дудаева Л-39 в большом количестве стояли на советском военном аэродроме в Ханкале, – рассказывал мне потом специалист авиатор. – Да, Л-39 – учебный самолет, который в любой момент можно превратить в штурмовик – легкий, маневренный, удобный в партизанской войне, идущей в Чечне». С какой целью сохранялись авиабомбы на аэродроме, многократно проверенном на этот предмет военными специалистами, – знают только оперативные офицеры. Но вот приехали курганцы и разыскали то, что не удавалось другим. Все четыре авиабомбы и пиропатроны были взорваны в безопасном месте. А российское военное руководство убедилось, что авиационные налеты на учебный аэродром были не напрасной тратой сил и средств.

Подъем у курганского СОБРа в семь утра. По подполковнику же Родькину можно сверять часы – в шесть утра он всегда на ногах. Ночью через каждые полтора часа дежурные по цепочке менялись – иначе нельзя. Хотя лагерь полка ВВ окружен минами, всякое могло случиться. Чеченский диверсант, который попался на сигнальной растяжке (взлетела осветительная ракета, и боевик с огромным ножом – почти самурайским мечом за спиной – был убит пулеметчиком из ВВ), прошел почти все заградительные системы. Может, когда-то служил в специальном подразделении Советской Армии?

Погода в Чечне непредсказуема... Только что было безветрие, в оконце заглядывало солнце, а вышел из палатки – туман, накрапывает дождь. Или ветер, словно чеченский кулак, может хлопбыстнуть в лицо. Откуда прилетел? В какой котловине прятался? Почему взъярился?

БТР № 198 поставлен близко у входа в походное жилище курганцев – это защита от дудаевских снайперов, о которых на бытовом уровне в лагере не вспоминает никто.

Все мысли о противнике начинаются, когда БТР и приданный курганцам «Уазик» выходят из расположения на работу. Но и на заданиях СОБР трудился без внешнего напряжения. Может, потому, что офицеры уже давно свыклись с тем, что по ним могут открыть огонь в любую минуту.

Курганцам и шадринцам довелось работать в чеченских джунглях на Тереке, лежать в засадах, а настоящие, природные волки, теряясь в догадках, кто перед ними в такой глухомани и темноте, подходили ближе, чем на четыре метра. И распознав человека, стремительно, однако по-братски не нарушая тишины, скрывались.

Но это в Афганистане спецкоманды «чистильщиков», подобных СОБРУ, называли волками: обстановка диктовала быть хищным в броске. Но когда в Чечне Дудаев обозначил волка государственным символом и его люди говорили: «Если в паспорте печать с волком, ты – жилец. Нет – покойник», – терминология поменялась. И собровцы России, работающие по чеченским боевикам, стали называться охотниками за волками. Ведь при Дудаеве в чеченском обществе верх был взят уголовниками, матерыми убийцами.

С прекращением российского правоохранительного влияния в Чеченской Республике сразу утвердился бандитский образ жизни. Тот самый, которого опасались и не допускали русские государи.

Сохраняя национальные меньшинства в России и только поэтому не призывая их на войну, царь Николай II с началом 1-й Мировой войны был вынужден в 1914 году создать Дикую дивизию, а в ней чеченский и другие национальные полки, дабы на оставляемом без пристального внимания Кавказе не возобладала многостолетняя, представляющая государственную опасность склонность к преступной добыче средств, просто вирусная легковесность в утверждении и распространении житейского грабительского уклада.

После 1991 года такое произошло по всем азиатским, кавказским окраинам бывшего СССР, а в особенности в Чечне, где народу отводилась роль

рабской, бессловесной массы, которой была предоставлена только одна возможность – восхищаться своим диктатором.

Среднеазиатские, кавказские, южные окраины Российской империи, потом СССР всегда рисковали сорваться в штопор националистического беспредела, так как феодальные порядки на всем нашем государственном провинциальном пространстве – вечный двигатель политики. Менялись формации, декларации о намерениях, а механизмы жизнеустройства оставались прежними – диктатура одиночек, опирающаяся на кланы. Все определяли только вкусовые рецепторы лидеров. Какие они у бывших советских генералов и первых секретарей – знают все.

Именно в этой ситуации моим землякам-курганцам выпала тяжелая ноша – защита русских интересов и восстановление порядка на территории Чеченской Республики. Домой курганский СОБР вернулся без потерь.

P. S. В 1-ю Мировую войну кавалерийская Дикая дивизия воевала изумительно достойно. Чеченцы, ингуши, дагестанцы, кабардинцы, балкарцы прославили себя смелостью, преданностью российскому престолу.

Апрель 1995 г.

МИР ВСЕМ

В Грозном, разрушенном войной, есть место, где каждый может получить питьевую воду и хлеб, – церковь Архистратига Божиего Михаила в центре города, недалеко от дворца Дудаева.

Божий промысел берег её до 26 января 1995 года: когда же российские войска резко продвинулись, кто-то из уходящих чеченских боевиков в два часа дня прошелся из автомата по деревянной церковной кровле зажигательными. Церковь сгорела за сорок пять минут. Батюшки – отцы Анатолий и Александр, пономарь Николай Денисович Жученко и другие православные, жившие под непрерывным обстрелом в подвале, спасли немного из того церковного великолепия, что собиралось сто восемь лет.

Огонь, как дракон, пожрал вдохновенной красоты убранство. Потом российский случайный снаряд повредил часть административного здания, а чеченская ручная граната нанесла урон ещё двум комнатам. Всё время войны осколочный дождь падал на церковный двор. Но люди молились в подвале административного здания, как первые христиане в пещере. И многие без ненависти в душе.

Двадцать четвертого апреля пришел в церковь русский юноша, зажег поминальную свечку и сказал перед распятием Иисуса Христа: «Господи, покарай чеченцев – убийц моего отца». А Валентина Михайловна Рудакова, у которой только-только зажили перебитые руки, негромко заговорила с ним, что и за врагов надо молиться. Потом парень, отца которого захоронили в общей могиле, раздавленный своим несчастьем, не уходя из церкви, еще долго думал над сказанным. Да разве перед ним одним мучительный вопрос: «Молиться ли за врагов?».

Только в Грозном поймешь справедливость строго выверенных слов православного Катехизиса: «Зло – неправильно понятая свобода». Эта святая формула – ответ на политические недоумения, почему так случилось в Чечне.

Отец Анатолий (Чистоусов), просветленный страданиями настоятель храма Архистратига Божиего Михаила, на мой вопрос о причинах разрушения церкви ответил: «По грехам нашим. Ибо мы маловерны».

В Грозном церковь Михаила Архангела называют «Красной» или «Солдатской». Старожилы города рассказывают, что это стародавний войсковой храм, стоящий на казачьем кладбище, где покоились останки терских, гребенских, сунженских казаков. Кладбище было большим, потом на нем построили ныне разрушенные пятиэтажки да проспект Ленина, по которому сегодня носится военная техника.

В храме возле распятия Иисуса Христа – икона Покрова Пресвятой Богородицы с медной табличкой: «Сей Образ сооружен казаками 1-го Кизлярско-Гребенского Генерала Ермолова Полка»... И дата – 8 ноября 1905 года. Фамилии казаков – денежных благотворителей на создание Образа: Любин, Величкин, Табалин – поражают уже нездешней красотой и мужеством.

Первыми, кто зимой 1995 года не оставил в беде храм Михаила Архангела в Грозном, тоже были ставропольские и кубанские казаки. Они помогли продуктами, какое-то время охраной.

Храм ни на один день не закрывался. Приходили православные и мусульмане: в городе знали, где перевяжут, умоют, утешат, дадут кров. Однажды пришел абхазец-дудаевец. Снял кинжал с пояса, оставил его на церковных ступеньках, вошел, помолился и тихо исчез. Так же поступил российский боец, попросив меня подержать его автомат, пока он поставит свечи за погибших друзей. И я ждал бойца на церковном дворе с АК в руках, в слепой уверенности, что с храмом Архистратига Божиего Михаила больше никогда ничего не случится.

Ненависть к врагам православные, приходящие в храм, оставляют за простреленными воротами.

Церковный забор испещрен осколками от мин и снарядов. Сам храм – это под открытым небом прямо стоящие стены и колокольня без колоколов. Все деревянное сгорело так, что и бревнышка не найдешь.

Пономарь Николай Денисович Жученко, 1918 года рождения, мастерует теперь на четырех колокольцах. Но даже их звон слышен над Грозным, потому что с наступлением темноты город умирает до следующего утра.

Ночью в городе хозяйничают дудаевцы. В Грозном, как и по всей Чечне, идет партизанская война, но по церкви Михаила Архангела боевики не стреляют. Наверное, знают, что в храме молятся и за них, что православный, грешащий непримирительным гневом, повинен вечной смерти.

В храм приходит много солдат. В Лазаревскую субботу я разговаривал с рядовыми 324-го полка, стоящего под Шали: с парнями из Воронежа и Иркутской области. У одного подживало пораненное лицо.

У солдата всегда немного времени, его хватает поставить свечку – чаще всего за здоровье матери, любимой девушки или купить иконку.

Не надо в Грозном никаких пресс-конференций: приди в храм – и все узнаешь о городе.

В первый день, когда с волнением я переступил порог Храма Михаила Архангела, а потом молился вместе со всеми, ко мне подошла пожилая интеллигентная женщина и сказала:

– Простите меня.

– За что?

– Простите меня. Я о вас плохо подумала.

– Но почему?

– Я не люблю журналистов и иностранцев. А теперь я вижу: вы – наш.

У меня на груди на красной веревочке висела аккредитационная корреспондентская карточка, на левом боку фотоаппарат. И, конечно, больше всего мою нездешность определяла чистота одежды и обуви – моя пятнадцатидневная поездка в Чечню только начиналась.

Только к концу командировки я убедился в справедливости претензий к журналистскому корпусу и иностранным благотворителям.

И если за журналистов я еще пробовал заступаться, говоря, что корреспонденты-информационники всегда торопятся, того требует служба, они вы-

нуждены общаться с людьми с немыслимой скоростью, поэтому их встречанный вид вызывает раздражение и подозрение в легковесности чувств.

Зато об иностранных благодетелях сказать было нечего. Из международных организаций, оказывающих скромную помощь мирным жителям Грозного, можно с уверенностью назвать только Красный Крест, организацию «Врачи без границ» и религиозную конфессию «Харре Кришна». Остальные сверхмногочисленные международные, российские благотворительные союзы, религиозные конфессии, православные братства за время войны в Чечне ничем не напомнили о себе голодающему населению республики, её городов, станиц, аулов, населенных пунктов.

Русские в Грозном по-прежнему проживают на дне. Их материальная, врачебная, социальная, психическая, нравственная реабилитация государством так и не началась.

Пока еду, одежду, пайки раздавали российские войска и российское МЧС, люди кое-как выживали. Теперь МЧС России передает свои функции чеченскому министерству по чрезвычайным ситуациям, только-только организованному.

Сегодня даже в церкви перебои с водой и хлебом. «На все воля Божия. Так угодно Господу по нашим грехам», – говорят верующие. И молятся за своих благодетелей, первые из которых сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации. Отец Анатолий и православная община г. Грозного особенно благодарны генералу МЧС Кириллову Геннадью Николаевичу.

МЧС подарило церкви электродвижок, резервуар для питьевой воды, походную баню. Её осваивает грозненец Александр, бывший заложником у дудаевцев, его правая нога пропорота штык-ножом. Из плена Саша освобожден морпехами, жена и дочь убиты, ни кола ни двора. Церковный корабль – его единственная надежда.

Каждый день в храме Архистратига Божиего Михаила панихиды. Православные люди продолжают умирать в госпиталях от ран и болезней.

Накануне Пасхи на mine подорвался мальчик, мать криком кричала у Пляшаницы, вымаливая спасение своему ребенку.

В России город Грозный для детей самое опасное место. У пацанов на руках несметное количество взрывоопасных боеприпасов. И саперы из МВД, внутренних войск, российской армии работают, не разгибая спин.

Скорее, скорее, чтобы сберечь жизни мирных людей, возвращающихся на свои пепелища, где их подстерегает опасность.

Ночью над Грозным висят осветительные ракеты, запускаемые с блокпостов и комендатур, светлыми пулеметными строчками прорезают темноту трассеры, простуженно глухо бухают ручные противотанковые гранатометы. Жизнь российского военного или дудаевского боевика, гражданского человека может прерваться в любую минуту.

Сурово смотрит с небес на отсутствие мира Господь. Но коленопреклонно просят его за всех людей настоятель храма Архистратига Божиего Михаила – священник отец Анатолий и священник отец Александр, стоят на ночной молитве пономарь Николай Денисович Жученко, другие православные люди, дома и квартиры которых перестали существовать. Они молят Господа и Божью Матерь, чтобы они допустили городу жить, чтобы люди не умирали, чтобы на этой благодатной, но страшно грешной земле воцарился мир.

Апрель 1995 г.

СТАЛЬНАЯ МУЗЫКА ВОЙНЫ

У российских саперов в Чечне фотографироваться перед операцией – плохая примета. Поэтому фотокорреспондент Юрий Тутов снимал их только работающими.

Саперы, скрываясь за БТРом, рвали обнаруженные ими мины, Юра снимал этих чудо-богатырей, открытый всем ветрам и осколкам. Парни только восхищенно смеялись на это. Лишних слов на войне не принято говорить.

Юрий Владимирович Тутов, работает в газете «Щит и меч», потомственный фотокорреспондент.

Раньше он любил снимать спорт, в 1983 году в Париже на международном конкурсе за снимок со стремительными баскетболистками он получил медаль Мастера.

Последние годы Юрий снимает войну. О вводе войск в Чечню он узнал в Германии. Тринадцатого декабря, прервав поездку, он вылетел в Москву, а двадцать второго декабря прибыл в грозненский ад. В транспортном самолете один веселый майор спросил его: «Вы в каком звании?» – «У меня нет звания», – ответил Тутов. «Но разве без звания можно жить?» – реплика была риторически грустной.

Юрий, этот неунывающий остроумец, вполне фотолетописец Отечества. Он любит снимать жизнь и отказывается снимать трупы.

Сам 1951 года рождения, Юрий Тутов навидался их вдоволь. И кинокомиксами не увлекается. Настоящая война – совсем другое, не то что смотрят по видео российские пацаны. Только в Осетию у Юры было четыре командировки, где он ходил по горам с пермским спецназом.

«На войне хрен что снимешь», – говорит Тутов. В Грозном ему мешали не только плотность огня, но и страшный, не дающий работать с фотокамерой небывалый туман.

Юрий Тутов, работающий только с фоторужьем, по своей человеческой сути – сострадатель. Добрый фотокорреспондент, за все командировки в Чечню лучшим своим снимком он считает мгновение, когда удалось снять солдата, помогающего мальчишке пописать. «Не надо это фотографировать», – угрюмо сказал Тутову русский солдат, который оказался в кадре. Но Тутов, охотник за жизнью, просто трепетал от радости, что снял такую незамысловатую, отеческую подробность.

Когда тринадцатого января Тутов фотографировал русских жителей Грозного, впервые уходящих от консервного завода организовано в тыл, они измучили его душу вопросами: «Когда мы вернемся?» На слова же: «Вы беженцы» – Юре ответили: «Мы не беженцы, мы погорельцы».

«Это ужас!» – рассказывал он мне в палатке пресс-центра в грозненском аэропорту «Северный». Тутов навидался такого, что главным его чувством к концу первой командировки в Чечню было: «Уехать! Только уехать!».

Но, прилетев в Москву, проявив фотопленки, напечатав первые снимки в газете, он понял: «Пора возвращаться в Грозный».

В Чечне Юрий снимал везде, где ступала нога военного человека. Он нетипичный военный корреспондент. В его фотоматериалах нет ангажированности. Он художник, который умеет работать в профессиональной журналистике, что означает: он сохраняет душу, не разочаровывая редакцию.

Четырнадцатого апреля в палатке пресс-центра мы проговорили до поздней ночи. Запомнились его переживания за детей Грозного, сомнения – озаботят ли кого вопросы их постстрессовой реабилитации: ведь дети наполнены страхом. А его слова о разрушенном Грозном: «Он и днем, как при лунном свете», – классика военной поры. Иногда вступал в разговор подполковник внутренних войск Николай Зайцев.

Утром он и Юрий Тутов в головном БТРе пошли на сопровождение девяти машин Международного Красного Креста с гуманитарной помощью для чеченцев. В машинах ехали швейцарцы и англичане.

Чеченская сторона была извещена о маршруте. Радио-переговоры шли открытым текстом. Вечером весь путь был проверен саперами. Но в районе села Старые Атаги в 10.30 утра единственный БТР сопровождения с военнослужащими внутренних войск на броне – тот самый, который вез подполковника Н. Зайцева и фотокорреспондента Ю. Тутова, подорвался сразу на трех противопехотных минах.

БТР вошел на бетонный мост, потом Тутов увидел ярко-цветную вспышку, словно павлиний хвост распустился, взрыв, и БТР рухнул вниз правым бортом. Как все сидящие на броне не напоролись на металлические штыри давно разломанного ограждения моста, одному Богу известно. Подполковник получил тяжелое ранение правой ноги; Тутов – ранение в голову; все, кто шел на броне, оказались с травмами.

Тутов с лицом, залитым кровью, утопив фотоаппарат, но сохранив другой, едва выбравшись из воды, сразу стал снимать подорванный, завалившийся набок БТР, ведущих стрельбу бойцов внутренних войск, подбегающих к поврежденной машине и раненым людям представителей Международного Красного Креста. Снимал, как перевязывали водителя БТРа и мужественно переносящего ранение подполковника Зайцева.

Тутова, когда он отснял всё, что, на его взгляд, представляло интерес для газеты, перевязал пресс-атташе Международного комитета Красного Креста Эрик Ройманн.

Швейцарцы и англичане были в шоке от пережитого. «Если бы не вы, – говорили они. – Если бы не вы!». Подразумевая, что если бы не головной стальной БТР, взявший на себя взрыв, то что бы стало с мирной машиной с иностранным экипажем и гуманитарной помощью!..

По особому журналистскому везению в колонне Красного Креста с кинокамерой ехали люди с Центрального телевидения, которым удалось снять и подрыв на минах, и все последовавшее за этим.

Подполковник Николай Зайцев с раздробленной ногой был сразу доставлен в Грозный, где он доложил командованию о случившемся, попросил

помощи и вызвал саперов. И только после этого позволил себя госпитализировать.

Благодарные сотрудники Международного Красного Креста послали в Моздок Николаю Зайцеву посылочку.

Колонна дальше места подрыва не двинулась. И, слава Богу! Приехавшие саперы обнаружили впереди еще семь мин ТМ-57.

Потом очень грамотный сапер из Сибири объяснил мне, что ребята с БТРа в рубашке родились, так как эти мины устаревшего образца чеченцы обыкновенно закладывают столбиком: две, три, а сверху заряженную, что в этот раз не получилось сделать. Мост-то бетонный. Три таким образом начиненных заряда – и можно было выйти на космическую орбиту.

В палатке пресс-центра Объединенного командования Юрий Тутов появился к вечеру – перевязанный, с фотоаппаратом, запачканным кровью.

Его знобило, кружилась голова, но он шутил, что боднул рогами чеченский мост, взломал их оборону. И надо было его, Тутова, как новое оружие раньше применить. Потом он восхищался, с каким умением перевязывал подполковника Зайцева солдат внутренних войск. «Он вместо шины наложил рожок автомата. Какой парень! А?». Затем Тутов хвалил водителя БТРа, раненного в голову, тот не оставил машину и только вместе с ней эвакуировался в Грозный.

Потом Юра уснул, а офицеры внутренних войск, что жили в палатке пресс-центра, говорили, что ему в этот раз повезло: не было чеченских снайперов, пулемета, а то перещелкали бы всех, как котят.

Ночью в отдалении несколько раз по-медвежьки рявкнули танки, над аэропортом «Северный» висели гирлянды осветительных ракет, где-то потаенно-коротко татакнули пулеметы. Все это звуковое сопровождение укрупняло мои мысли о Туове, его творческой судьбе и работе.

В этот раз вся эта стальная музыка была предназначена не ему.

Впереди Юрия ждали Москва, родная редакция, напечатанные фотографии, новые командировки туда, где жить опасно, где выживают только талантливые на дружбу, умеющие сражаться, любить и побеждать страх.

Апрель 1995 г.

...ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ НОЧЬЮ

Пока на Грозный убийцей-маньяком не обрушилась тьма, минно-розыскная овчарка Блэк отдыхает там, где защищена от всех неприятностей. Хотя Блэк заслуженный пес, на блокпосту № 15 он постоянный предмет для шуток. Самая распространенная, что после контузии Блэк позволяет себе похитрить, будто не слышит команды.

Этот любимец челябинских омовцев попал под разрыв гранаты из чеченского подствольника. Он сутки не узнавал хозяина, медленно, бестолково передвигался. Риф, проводник хорошо обученной в питомнике «Красная звезда» милицейской собаки, выходил друга. За Блэка переживали все. Когда по блокпосту № 15 бьют из подствольника, сначала раздается резкий, сухой щелчок. А Блэк, как флюгер, точно указывающий направление ветра, всегда смотрит в сторону, где чеченец спустил курок. И омовцы знают, куда отвечать.

Днем издали блокпост № 15 – закрытое маскировочной сетью, внушающее уважение монументальное здание. При близком рассмотрении – домик, закрытый бетонными блоками, грамотно защищенный в военном смысле.

«Наша «Брестская крепость», – говорят о своем стратегическом объекте челябинские омовцы. Они прикрывают дорогу Грозный – Аргун. И все, что их окружает: «зеленка», старый арык, заброшенный дачный городок – с наступлением темноты представляет опасность.

Днем на блокпосту № 15 в разгаре психологическая война. Проверить сотни, если не тысячи машин – испытание для омовских нервов. Выходя из автомобилей, водители-чеченцы обычно, в знак презрения, плюют на землю и только потом разговаривают.

На все крики, истерики омовцам рекомендована вежливость. Особенно когда недовольны женщины. Тогда обращаются к их мужьям: «Есть среди вас мужчины, которые не прячутся за спины женщин? Только с вами будем решать». Но это когда возле блокпоста соберется толпа. Челябинские омо-

новцы на Кавказе не первый раз. Чеченскую психологию знают. Здесь в делах женщине последнее слово.

В тот вечер, когда журналистская дорога привела под Ханкалу, последними машинами, уходящими в сторону Аргуна перед наступающей на блокпост темнотой, были автобусы с женщинами в зеленых платьях и белых платках. Тесно рассаженные чеченские женщины, мерно постукивая в ладони, пели завораживающую по красоте боевую песню.

Здесь, в Чечне, развеян воспеваемый поэтами образ горянки-миротворицы, бросающей между сражающимися насмерть свой снятый с головы платок.

– Сегодня они почему-то не кричат в нашу сторону Аллах-Акбар, – говорит про женщин в зеленом старший прапорщик челябинского ОМОНа Эдуард Н. – Они едут с какого-то митинга или от военкомата, где проходят переговоры.

Мелодия, которую пели чеченки, может, была молитвой? Но вот автобусы трогаются, лавируя между лежащими на шоссе бетонными глыбами, увозя к родным очагам в Гудермес, Аргун и аулы отработавших на фронте идеологической войны активисток-дудаевок, которых так любит показывать Центральное телевидение, а блокпост № 15, как и все другие российские блокпосты в Чечне, начинает готовиться к смертельным боям и обстрелам.

– Здесь военная жизнь начинается ночью, – говорит старший прапорщик. – Когда политики отходят ко сну.

Метрах в тридцати от блокпоста, прикрывая его, врыта в землю БМП-2 внутренних войск. Иду знакомиться. Стоя возле БМП, говорим, как живется. Тихонько по левому борту машины проходит солдат, садится на корточки, вглядывается в меня. Смотрю в ответ. А это Сережа Пиголин. Механик-водитель, который в апреле за Тереком возил на своей броне челябинских собровцев, а здесь, под Ханкалой, прикрывает челябинский ОМОН.

– А я вас сразу узнал, – сказал он. Мы обнялись, как братья. Теперь было время поговорить. Оказалось, Сергей потомственный тракторист. С шестого

класса за рычагами. Была мечта, как отец, пахать землю. Какой он умелый механик-водитель, я знаю еще по апрельской встрече.

Наш разговор шел в быстро наступающей тьме. И тут по нашему блокпосту ударил чеченский автомат «Борз».

Сразу команда старшего прапорщика:

– Взять автоматы! Снять с трассы людей! – Смотрю на время – девятый час вечера.

– Били с дачного домика, с башенки, – говорит наблюдатель. Сергей Пиголин уходит на свое боевое место, в машину. Мы прощаемся уже в темноте. Возле овчарки, которую давно привели из укрытия, чтобы она сторожила главный вход на блокпост, механик-водитель Пиголин проходит свободно. Для Блэка он свой человек.

Хотя БМП прикрыта секретами из снайперов, пулеметчика, мне тревожно за ее экипаж. Я видел, как кромсают технику из «Мух» и «Шмелей».

Старший прапорщик, проверив месторасположение своих людей, рассказывает, что здесь каждая ночь на нервах.

– Прямо перед нами вырубленный виноградник, – говорит он. – Раньше виноградник был заминирован. Потом днем подорвался мирный чеченец. И виноградник разминировали. Теперь пространство перед нами открыто для вражеских снайперов. Тактика заурядная: изматывать нас ночными обстрелами, вызывая на ответный огонь, чтобы чеченский снайпер, работая по вспышкам, поражал нас. Ещё они любят пострелять в сторону одного блокпоста, другого, рассчитывая, что «блоки» втянутся во взаимную перестрелку. Но здесь дураков нет! – улыбается старший прапорщик. – Мы контролируем обстановку с помощью портативной радиостанции «Джонсон».

В руках у командира взвода челябинского ОМОНа Эдуарда Н. постоянно включенная рация – это как бы открытое окно в огромный, все более вулканизирующийся ночной Грозный.

– Как обстановка? – слышен по рации жесткий, властный, командный голос.

– Это в эфире «Радиус», – с уважением говорит Эдуард. – Самый уважаемый командир. Неизвестно, когда он спит. Он обеспечивает безопасность Грозного. Афганец. Его решения всегда разумны. Приказы точны.

Где-то рядом с неприятным писком и хлопаньем носятся летучие мыши.

– Контроль-16, – запрашивает соседей старший прапорщик Эдуард Н. – Я контроль-15. Как обстановка? Прием.

– Всё в норме, – звучит ответ.

Еще только начало ночи, а этот блокпост № 16, где тоже челябинские омовцы, уже два раза обстреляли из «Мухи» и автоматов АК и «Борз».

Из-за туч вываливается луна. Серебряная, для блокпоста № 15 она – золотая. Потому что в яркие ночи чеченские боевики умеряют наглость, опасаясь ответного прицельного огня. И тут я отчетливо слышу резкий сухой щелчок. По нам сработал подствольный гранатомет?

– Крыша?! – кричит старший прапорщик, обращаясь к тем, кто контролирует обстановку сверху. Ему докладывают, что разрыв гранаты произошел в двухстах метрах от здания, где в этот момент со своей переговорной группой ночует Аслан Масхадов. Этот дом недалеко от нас. Ясно, что сработали провокаторы, чтобы поссорить с Масхадовым, чтобы пошли разговоры, что с российского блокпоста обстреляли резиденцию Масхадова, сопредседателя СНГ.

Снова сухой щелчок. На этот раз стреляют по нам, получая в ответ две гранаты.

Здание блокпоста № 15 окружено дополнительной «крепостной» стеной из бетонных блоков с бойницами, возле которых, как маятники, контролируя ситуацию, ходят прапорщик и его подчиненные. На главном входе еще люди и Блэк. На втором этаже, где круговой обзор, шесть человек: снайперы,

пулеметчик, «Рэмбо» со своим АГЭЭСом. На первом этаже пулеметчики, автоматчик с ночным прицелом. В траншеях еще бойцы.

– В Чечне герои те, кто на земельке лежит, – говорит старший прапорщик. Нет на него писателя Александра Ивановича Куприна. Вот рассудительный, умный, только с другой судьбой герой нового российского «Поединка».

– Как там в БМП ребята? – спрашиваю я его.

– О них не беспокойтесь. Днем они дети, а на службе – мужчины.

Каждую ночь как командир взвода Эдуард не смыкает глаз.

– Когда обстрел блокпоста интенсивный, ночь проходит быстрее, – говорит он. – Тяжелее дается психологическая война. Здесь, в Чечне, я много нового узнал о себе. Оказывается, я и пьяница, и дегенерат, и детей мы, омоновцы, якобы убиваем. Мы – Отряд милиции особого назначения. Нам по тридцать лет. Мы – надежные люди. Поэтому маховик нашей дискредитации раскручен на полную мощность. В дудаевской Чечне много фанатиков вседозволенности, которую они вкусили, и не хотят расставаться. Чечня омафиозила всю Россию. Мафия свела свой народ с ума, но сама здесь не дерется.

Трагедия в том, что на войну поднят народ. Простые, обычные люди, обманутые своим режимом, бродят ночью с оружием, думая, что совершают подвиги, стреляют по нам, таким же рядовым россиянам – русским, татарам, башкирам, украинцам, белоруссам.

Обстановка этой осенью сложнее, чем в январе. Она опасна вседозволенностью. Российские военные давно ждут введения чрезвычайного положения в Грозном, потому что укоренившийся здесь уголовный, террористический беспредел – это одно, а мирные переговоры – совсем другое. Все здесь как в басне «Рак, лебедь и щука».

Потом рация принесла известие о нападении на блокпост № 2 в Грозном. Мы слышали нервную командную переключку о затянувшемся бое, где неизвестные били из автоматов, пулеметов, гранатометов со стороны детско-

го садика по такому же, как наш блокпост, сооружению, только менее защищенному. Когда появились раненые, «Радиус» дал команду выдвинуться трем «коробочкам», чтобы поддержать блокпост огнем, эвакуировать пострадавших.

Эта ночь была длинной-предлинной, за которую нас обстреляли пять раз. В ответ пришлось применить даже «Ходячий подствольник».

Это героическая кличка челябинца старшего сержанта Андрея Х. Но на этот раз он бросил «эргэдэшку» не на семьдесят метров, а только на пятьдесят.

Луна всю ночь таким ярким милицейским фонарем светила с небес, что я, журналист, даже мог вести записи. Вот они, ночные милицейские скороговорки: «Если вражеская граната попадет в маскировочную сеть, под которой мы с тобой, корреспондент, сидим, нам хана. Когда ночью хочешь что-нибудь увидеть, обязательно увидишь. Сначала считаешь обстрелы, потом привыкаешь. В Чечне идет партизанская война. К нам на пост в январе и сейчас приходят избитые, ограбленные, изнасилованные чеченцами русские люди, их выживают отсюда. У меня трагическое ощущение, что я всю жизнь в Чечне. Что я никогда и не жил в России».

В шесть тридцать утра над блокпостом № 15 неожиданно рассвело. И сразу замолчала рация. Словно мы всю ночь провели в театре, и кто-то все-таки опустил занавес.

Довольно жмурился от внезапно вспыхнувшего дневного света минно-розыскной пес Блэк, честно, вместе со всеми отслуживший эту рядовую тревожную ночь. А старший прапорщик Эдуард Н. шутливо трепал его за загромок, говоря:

– Ну что, Блэк, ты опять всю ночь спал? А? Да жрал. Или ты опять все на свою контузию списываешь?

Умный пес, хотя и виновато прижимал уши, не обижался на эти слова. Он понимал, что у командира после бессонной ночи гуляют нервы.

И ему надо выговориться.

Сентябрь 1995 г.

В ЛОГОВИЩЕ ОГНЯ

Торговцы военной амуницией в Измайловском парке и других свободно-рыночных точках Москвы, трепещите! Не дай Бог, на ваших лотках бойцы Отрядов особого назначения № 6 «Витязь» и № 8 «Русь» внутренних войск МВД РФ, вернувшись из Чечни, увидят продающийся краповый берет.

Не знаю, с какой строгостью российские государи охраняли шапку Мономаха, но в отрядах спецназа даже подержать краповый берет имеет право только тот, кто носит его по закону. Простые смертные этой привилегии лишены. Вот такая подробность из фронтовой жизни ОСНа (Отряда специального назначения) № 6 – старшего брата ОСНа № 8.

В Чечне эти два отряда стоят рядом в простых армейских палатках, возле каждой мини-спортгородок: перекладина, гири, макивара, битые-перебитые мешки с песком и опилом. Спецотряды живут и работают на сверхскоростях, поэтому в случае боевой необходимости базы их расположения вместе со спортивным инвентарем сворачиваются за сорок минут, а сами бойцы все время в режиме пятиминутной готовности.

О поэте Александре Блоке говорили: «Он отдельно в толпе». Бойцы 6-го, 7-го и 8-го отрядов тоже как бы отдельно среди других военнослужащих внутренних войск. Все они, исключая контрактников, как правило, призыва осени 1994 года, но на войне год идет за три, поэтому в лицах этих воевавших парней твердое гордое осознание, для какой строгой работы они предназначены. Судьба каждого – пока ненаписанная книга, но когда такую рукопись издадут, её нельзя будет читать матерям.

Бойцы 6-го и 8-го Отрядов специального назначения, если не взаимодействуют в ночных операциях, каждое утро встречаются на зарядке. Подъем в шесть утра. Еще туман чеченским разведчиком ползет по ложбинам, окопам и капонирам, а ребята, высокие, худощавые, крепкокостные лоси, уже бегут по краю вертолетного поля – сколько понадобится. И эта зарядка называется «Никто не хотел умирать». Бегут, как прикажет старший, то сразу в броне-

жилетах и сферах, то постепенно одеваясь, и только к концу зарядки – с полной выкладкой.

Погода, температура воздуха: какая – по Цельсию или Гринвичу? Не в счет. Чем хуже для нормального человека, тем лучше для бойца или офицера спецназа.

Американский документальный фильм о январских событиях в Чечне справедливо назвали «Добро пожаловать в АД». В Ханкале я встретил майора внутренних войск Яковлева, бывшего офицера ВДВ, воевавшего в Афганистане в десантно-штурмовом батальоне, потом в горно-стрелковом подразделении, которого в Чечне определили в Главный штаб. А он рвется в боевые порядки, говоря: «Мой дом там, где ад». Слова ветерана двух самых страшных войн конца двадцатого века самым прямым образом соотносятся с местом и образом боевой работы Отрядов специального назначения № 6 и № 8 внутренних войск МВД РФ. Тех самых войск, о которых языки без костей судачат, что вэвэшники сидят на деньгах, что им отваливают бешеные гонорары за несение службы в Чечне. Кто-то специально ссорит ВВ со всем миром, кощунственно говоря напраслину. Сорок тысяч «президентских» в месяц и еще немного по возвращении вот и весь доход срочника Отряда специального назначения внутренних войск в 1995 году.

Командиры, жалея своих бойцов, говорят, что в Чечне даже спецназ питается чуть лучше собак. В Чечне солдаты могут не получать по шесть месяцев писем. И если у тебя заболели зубы, то на передовой ты, рядовой, обречен на самую страшную пытку, потому что зубной врач с необходимыми инструментами может быть только на уровне дивизии. А полет в Ханкалу в сводный медицинский отряд с заболевшим зубом – такое ирреальное счастье возможно, если у тебя в командирах человек с душой Александра Васильевича Суворова. Это – частность о внутренних войсках, стоящих на высотах, которые чаще всего и, благодаря выучке, малой кровью брали 6-й и 8-й Отряды, сдавая их потом под охрану батальонам мотопехоты.

Сколько журналистских «поэм» написано о спецназах, сколько было рекламных снимков о сверхэкипировке спецотрядов ВВ – этих якобы, по общему непросвещенному мнению, любимцах правительства, что все у них по мировому стандарту: и оружие, и техника, и одежда!

По Чечне Отряды специального назначения № 6 и № 8 мотаются на старье – БТРах с лысыми шинами и прострелянными бортами. В 6-м только два БТРа не подрывались. В отрядах чудо-ремонтники срочной службы, на которых молятся командиры. Не обделил Бог Россию талантами. Не было случая, чтобы технику не отремонтировали в рекордно короткий срок. И это когда совсем нет запчастей к БТРах, нет сменных колес – с подбитых снимают!

Что из оружия и спецприборов старшие офицеры-спецназовцы видят на московских выставках, в Чечне их подчиненные не имеют. В плане поощрения большезвездные генералы дарят батарейки к ночным прицелам.

Ботинки, в которые обуты ОСНы № 6 и № 8, поставляют Украина, так они стираются в два месяца. Водоотталкивающая маскировочная болонья шуршит при движении, а значит, демаскирует. Единственное, чем из экипировки довольны бойцы, так это специализированными костюмами «Зебра», в отрядах их называют «куклами», и добрым словом вспоминают новосибирского предпринимателя Юрия Капишникова, создателя этой военной формы. Но первый раз за поставку великолепной, по полгода нелиняющей, нервущейся одежды МВД РФ расплатилось с Капишниковым через полгода, другой раз – через год.

Чтобы поправить финансовые дела, новосибирец Ю. Капишников был вынужден выпустить свою модель на свободный рынок, а потом вообще свернул ее производство. Министерству внутренних дел РФ эту превосходную форму он поставлял, платя за материю из собственного кармана. Вот так, как на противотанковой мине, умирают хорошие дела.

Все эти нехватки, традиционные для матушки-России недоразумения компенсируются – воинской Присягой, привычным риском, исполнением на-

работанных спецназами законов и правил, всем тем, что заповедано русским воинам с древнеславянских времен.

14 июня 1995 года, когда террористическая группа Басаева ворвалась в мирный, незащищенный Буденновск, на Ножай-Юртовском направлении внутренние войска при самом активном участии 6-го Отряда, сломив сопротивление боевиков, заняли господствующие высоты и к 16.30 блокировали Ножай-Юрт. Потом в это «логовище огня» вошел 6-й, и два бойца – Володя Сулимин и сержант Рыгун подняли над Ножай-Юртом, лежищем Басаева, российский флаг.

В Буденновске при захвате мирного города Басаеву противостояло несколько десятков смельчаков-милиционеров, под Ножай-Юртом против 6-го отряда работали триста до зубов вооруженных боевиков, десять единиц бронетехники и огнеметы.

Володя Сулимин, что вместе с сержантом Рыгуном поднимал российский флаг над районной администрацией басаевского Ножай-Юрта, по спецназовски не речист, в рукопожатии жестковат. Ему скоро увольняться из внутренних войск.

На боевых он с декабря 1994 года, до армии был каратистом, здесь стал рукопашником. Между 6-м и 8-м Отрядами, он рассказал, периодически для поднятия боевого духа и настроения проводятся спарринги. Бьются бойцы одного года призыва, как на соревнованиях, с отдыхом, но в полный контакт. Недавно парню из 8-го отряда зашивали лоб, он пропустил удар коленом. «К армии надо готовиться», – на вопрос, что бы он мог сказать российскому допризывному молодняку, ответил В. Сулимин:

– Пусть занимаются спортом, бегают, стреляют, борются, что угодно, лишь бы не быть дохляками. Нетренированному в Чечне, что дождевому червю на раскаленном асфальте.

О противнике – чеченских спецназовцах и боевиках – командиры 6-го и 8-го отрядов говорят, что «нохчи» бегают по горам, как олени, что подготовка у них нормальная. Воюют чеченцы здорово. Знают местность, любят «ра-

ботать» с господствующих высот. Экипированы прилично, часто боевики одеты в турецкую «гуманитарную помощь». Однажды под Орехово 6-й отряд захватил снайпера с английским оптическим прицелом на оружии. Долго думали, как включить прицел. А он работал в автоматическом режиме, только поднеси к глазу.

Война в Чечне не из легких. Под Бамутом против 8-го отряда стоял чеченский спецназ, где командиром был бывший капитан ГРУ, украинец. А Западным фронтом командовал чеченец, который вместе с командиром 6-го полковником Александром Никишиным в 1992 году оканчивал Российскую военную академию.

ОСНы 6-й и 8-й имели дело с противником из Ирана и Иордании, украинскими и русскими по национальности специалистами, кто продал душу дьяволу, но не выстоял против российского государства, которое 6-й и 8-й отряды представляют в Чечне.

«Наши 19-летние бойцы срочной службы и контрактники – достойные люди. Они воюют в условиях, какие не вынести ни одному западному военнослужащему», – рассказывали о своих младших товарищах командиры.

Мы сидели возле кошээмки (командно-штабной машины) под маскировочной сетью. Наш разговор время от времени прерывали с ревом уходящие в небо вертолеты. Беседа могла прерваться сигналом «тревога», поэтому полковники А. Никишин и А. Голоскоков не расставались с рациями.

К этому дню спецгруппы 6-го отряда – старшего брата, который прошел Карабах, Узбекистан и другие «горячие точки», и спецгруппы 8-го отряда – младшего брата, находящегося в своей первой командировке, сравнялись по выучке. Ведь восьмой отряд уже девятый месяц в Чечне. А 17 сентября 1995 года был ровно год, как 6-й отряд прибыл на Северный Кавказ, именно он выручал наших военнослужащих, взятых в заложники под Хасав-Юртом, когда «разразился» ввод войск в Чечню.

Из совместных 6-го и 8-го отрядов операций командирам вспомнились Аргун и Самашки.

На Аргун, где «духи» захватили комендатуру, отряды выступили в пять утра. Совершили марш. Блокировали город, 6-й ушел в направлении комендатуры, 8-й – на прочесывание жилых домов, автотранспорта, большого участка кладбища, части «зеленки», центра города – искали оружие.

В Самашках в начале апреля 6-й и 8-й отряды брали штурмом его северо-восточную часть. Сначала были долгие переговоры. Приходили старейшины, говоря, что они попытаются уговорить боевиков покинуть Самашки. Поэтому начало атаки переносилось то на 9 утра, то на 16 часов. Российские спецназовцы дали время уйти всем, кто хотел. И в 9.15 утра 8-й отряд провел разведку боем, встретив ожесточенное сопротивление боевиков. В штурме Самашек, как и на всех самых опасных операциях, первыми шли контрактники – сами недавние бойцы срочной службы 6-го и 8-го отрядов. В шестом отряде получили ранения двое, в восьмом обошлось.

В этих спецподразделениях все одного поля ягоды, поэтому нет дедовщины. В своей воспитательной работе с личным составом командиры и офицерский состав опираются на Древнюю Русь, на примеры незабвенного героизма, которые сохранили для нас древнерусская история и литература.

6-й и 8-й Отряды специального назначения внутренних войск МВД РФ на самой боевой работе, главным образом – ночной. Поэтому никакого отступления от режима и дисциплины. Если нет операций, до обеда два часа физподготовки, а после обязательно отдых еще два часа. Но командиры советовали, что отбор в спецподразделения теперь не такой строгости, как много раньше. Какой же он был, если сегодня, чтобы претендовать на место в отряде, надо пройти сверхсложное тестирование: отжаться минимум 50–60 раз, затем упражнения на координацию, растяжки, рукопашный бой с «профи» – надо выстоять четыре минуты. В результате в новобранцы спецназа рекрутируются лишь единицы призывников. Из этих людей потом готовят не средневековые стенобитные орудия, а самостоятельно мыслящих бойцов, способных принимать индивидуально-верные, ведущие к успеху операции решения.

В процессе обучения новобранцев отрабатываются способы проникновения в тыл противника и выхода в расположение своих войск, ведение разведки наблюдением, а также действия в дозорах, по захвату террористов и вражеских военнослужащих, в том числе и в условиях их внезапного нападения. Будущие спецназовцы учатся работать на незнакомой местности и выживать. На занятиях изучаются средства связи, техники передачи информации, военная топография, проводятся дневные и ночные занятия по ориентированию на местности.

В программе подготовки огневая выучка, проведение штурмовых операций, особенности обращения с террористами и заложниками, применение взрывчатых веществ, овладение приемами рукопашного боя, аэромобильные и вертолетные десантные операции, подъемы и спуски по отвесам скал и стенам домов.

Всё это как бы начальная школа, куда отобранная молодежь приходит таким Филиппком из одноименного детского рассказа Льва Николаевича Толстого.

Командиры 6-го и 8-го отрядов подчеркивают, что раньше к ним приходили ребята минимум с первым взрослым спортивным разрядом. Сейчас в этом направлении напряженка. Со спортом в России беда. Дефицит веса у новобранцев превращается в норму. Поэтому за основу впечатления от будущего бойца спецназа берется природная выносливость, по знаменитой поговорке: «Были бы кости, а мясо нарастет».

Но из-за интенсивности перегрузок вес у новобранцев может продолжать стремительно падать. Потом боец закаляется, матерееет, становится космическим сгустком ума, воли и силы.

В день, когда в Грозном чеченские террористы взорвали мост, по которому шел кортеж машин с секретарем Совета Безопасности Российской Федерации, представителем Президента в Чеченской Республике Олегом Лобовым, 8-й отряд сопровождал на очень важную встречу командующего Объе-

диненной группировкой Федеральных сил в Чечне генерал-лейтенанта А.А. Романова.

Перед тем как БТРы со спецназовцами вышли из Ханкалы, я, сидя среди бойцов на броне, спросил – откуда кто родом и какими видами спорта занимался до службы? И получил ответ, что бойцы, с кем свела судьба, из Владимира, Тюменской области, Алтайского края. Большинство парней были из каратистов, боксеров, один, улыбаясь, сказал, что занимался всем, другой на гражданке имел разряд по самбо.

Потом, уже войдя во враждебный Грозный, исписанный лозунгами: «Аллах с нами, Россия под нами, победа за нами!», оцетинившиеся автоматами и пулеметами, мы увидели огромный столб черного дыма, прямо как хвост грозненского пса-людоеда, стоящий в пространстве.

Это в час дня, когда наши БТРы только тронулись в путь, чеченские боевики подорвали нефтеперегонный завод. Но тогда, в дороге, я еще не знал об этом, с тревогой глядя на будоражащее сознание происшествие.

Лица же бойцов 8-го отряда, антично-прекрасные военной молодостью, были невозмутимы. Просто каждый отсматривал порученное ему направление. Разрушенный Грозный – логовище дудаевских снайперов и подрывников, еще долго будет самым удобным местом в мире для безнаказанного, поражающего наповал выстрела террориста.

Общаясь с бойцами и офицерами, я так и не узнал, кто из них краповый берет? Кто преодолел эти чудовищные нагрузки и заслуженно вошел на краповый Олимп бессмертия? Все скромно молчали о таких достижениях, предпочитая говорить о другом.

Потом я решил, что информация о точном количестве «краповых» – военная тайна. Потому что краповый берет – это оружие, которое умеют создавать только во внутренних войсках МВД РФ.

А сначала ты сдаешь экзамен на право ношения личного жетона спецназовца – это двенадцать километров марш-броска, когда «все на тебе», а по-

том шесть спаррингов рукопашного боя. Устоял – значит, ты полноценный боец 6-го или 8-го ОСНа.

Ну, а на краповый берет сдаст только матерый человечище. Сначала для поднятия тонуса те же двенадцать километров по пересеченной местности – этаким владимирским тяжеловозом, в бронежилете, с оружием и боезапасом.

Потом осложненная препятствиями, с применением имитационных взрывных средств, огненно-штурмовая полоса. Затем проверка оружия, с которым ты прошел через топкие болота и воду. И десять минут на замену одежды. Следующий этап – высотная подготовка, когда кандидат на краповый берет, используя спусковое роликовое устройство, обязан переместиться с 5-го этажа на 4-й, на уровне 3-го этажа он должен открыть огонь, в окно второго этажа бросить гранату – и на все сорок пять секунд.

Дальше экзамен по акробатике. И на завершающем этапе – двенадцать минут рукопашного боя, где главное выстоять, не рухнуть под ударами «краповиков», принимающих тебя в свою общину.

За чеченскую кампанию командир 6-го отряда представил к наградам около восьмидесяти человек, на 24 сентября 1995 года награды были вручены только пятнадцати.

Командир 8-го отряда отправил представления на восемьдесят своих бойцов, вручено четыре награды: два ордена Мужества, две медали А.В. Суворова – сержанту и трем офицерам.

Не торопится матушка-Россия с наградами, медлят президентские «канцлеры», чего выжидают?

По общему мнению, россиян, воюющих в Чечне, награды уровня: медаль «За Отвагу», медаль «Суворова», «За охрану общественного порядка» – должны утверждаться на уровне Главкома Федеральных объединенных сил в Чечне. Тогда дорога от благородного воинского поступка до награды станет много короче. Как считал папа Хемингуэй, «братство фронтовиков – это

единственное, что приобретают те, кто воевал». Солдатские медали имеют свойство укреплять неразрывность такого братства.

Говорят, что казацкому роду нет переводу. Так же как не будет недостатка в добровольцах на право работать и в ОСНах № 6 и № 8.

На границе Чечни и Дагестана, на высотах, с которых дудаевцев сбивал 6-й отряд, на самом переднем крае, в пятидесяти метрах от «зеленки», я видел нештатного разведчика батальона ВВ Олега Шарикова, боксера, который, подав заявление на сдачу крапового берета, ежедневно бегает семь-восемь километров, а возле его землянки, в специально углубленном месте, чтобы не достал вражеский снайпер, гири и штанга. Даже на «передке» этот упертый парень ежедневно спаррингует с друзьями, готовясь к еще более тяжелой службе, нежели здесь, где он ходит под чеченскими пулями.

Я верю, что Олег, этот тренирующийся в окопах русский боец, обязательно завоюет принадлежащее только Отрядам специального назначения право в счастливый миг своей новой жизни сказать: «Служу Отечеству и спецназу!».

P.S. Когда этот материал был подготовлен, пришло известие о террористическом акте в Грозном против генерал-лейтенанта А.А. Романова, Главкома объединенных Федеральных сил в Чеченской Республике.

Когда он и сопровождающие его бойцы 8-го отряда на технике проходили под мостом на печально известной «Минутке», боевики взорвали управляемый фугас. Анатолий Александрович Романов был тяжело ранен, одиннадцать бойцов 8-го отряда получили ранения различной тяжести, боец Денис Ябриков из города Ковдор, Мурманской области, погиб.

Сентябрь – октябрь 1995 г.

ПОЗЫВНОЙ: «АФГАНЕЦ»

Во Владимирском батальоне внутренних войск, что стоит на границе Чечни и Дагестана, есть жесткая, но справедливая поговорка: «Пуля летит в солдата, но находит офицера». Суровый смысл поговорки в том, что командиру, потерявшему бойца, до конца своих дней не избавиться от боли, что он не сберег человека. Вот почему исполняющий обязанности командира батальона оперативного назначения майор Е.Е. Миронов так строг, когда видит солдата без «броника». И сержанту влетит за такую непростительную беспечность. Хотя для матерых «замков» и ВРИО командиров взводов, которым скоро демобилизоваться, «броник» весом четырнадцать килограммов – что рубашка на теле, и «сферу» они носят, как кепочку, но тоже, бывает, расслабляются. Так ярко светит осеннее солнце, что охватывает какая-то слепая уверенность: «Днем просто так не выстрелят – побоятся. В Грозном идут переговоры. И якобы перемирие...».

Но пока комбат В.С.Молоканов был в отпуске, а временно исполняющий его обязанности майор Е.Е. Миронов готовился к отлету в Ханкалу, чтобы получить свой второй нагрудный знак «За отличие в службе», позиции батальона были снова обстреляны. И в книге учета боевых действий ротного командира майора О.В.Колбина появилась запись: «По командно-наблюдательному пункту произведено пять выстрелов из стрелкового оружия. Предположительно, из АКМ или СВД. Огонь велся с правого фланга из «зеленки». Источник огня не выявлен. Огонь в ответ не открывался».

Потому что чеченские стрелки, как правило, в темное время провоцируют ответный огонь, чтобы их снайпер по вспышкам солдатских выстрелов быстро выявил цели и поразил их.

Но владимирцам повезло на своих командиров. И комбат В.С. Молоканов, и нач. штаба Е.Е. Миронов – афганцы, а это значит: они умеют беречь людей. Плюс многие офицеры батальона – бывшие командиры Советской Армии и потомственные военные. Командир роты Вадим Петров, как «Отче наш»,

знает заповеданное ему отцом, полковником СА Вячеславом Васильевичем Петровым, правило: «С какими словами должен ложиться и вставать командир? Личный состав. Оружие. Боеприпасы. Техника».

Но пуля, как известно, дура и тварь! Тем паче прицельная! На переднем крае написал письмо на родину рядовой Игорь Очеретянный – встал, расстегнул бронежилет, откинул тяжелый щиток, чтобы положить конверт в нагрудный карман, и в 18.35 поразила солдата пуля чеченского снайпера. Вся рота ударила огнем по «зеленке», откуда прозвучал ненавистный выстрел.

Как надо было поступить с этим трагическим письмом к матери – в Бурятию, где были хорошие слова о чеченской природе, о плодовых деревьях, из-за которых прицелился в юношу боевик? Письмо было пробито пулей и залито кровью. Сначала думали оставить конверт в батальоне – навечно, как память об идущей войне. Но потом поняли, что письмо, хранящее сердечное тепло Игоря, должно быть на руках у матери. Как ни больно было осознавать, что происходило с мамой солдата, когда...

Вот почему ответственны и строги командиры Владимирского батальона, когда видят, что солдаты пренебрегают законами безопасности.

«Воевавшие дети невоевавших отцов», – говорит о своих подчиненных ротный командир, майор Олег Колбин. В его приборе ночного видения давно сели батарейки, и, взяв СВД, с наступлением темноты, он наблюдает за «зеленкой» в снайперский прицел, а когда засекает работающий по его подразделению «ночничок», не стреляет на поражение. Пока, потому что в Грозном переговоры, потому что он, майор, любит своих солдат. Вот уже шесть месяцев они не спят по ночам, пристально наблюдая каждый за своим сектором, открытые всем ветрам, дождям и мощным ночным приборам дудаевских снайперов и разведчиков, упакованных в новенькие турецкие комбезы.

За шесть же месяцев боевой работы Владимирский батальон оперативного назначения внутренних войск МВД РФ только один раз получил гуманитарную помощь из родного Владимира. И командиры с бойцами с благодар-

ностью вспоминают мэра города, который хоть раз в полгода, да подумал о земляках-солдатах.

А пока у ребят нет сменного белья и портянок, нет конвертов, бумаги и ручек, все ждут посылки из дома с теплым бельем, но злополучная почта «Москва-400», как Снежная Королева, все время проносится мимо. Вот почему майор О.В. Колбин на День танкиста отдал свои классные облегченные «берцы» – десантные ботинки оператору-наводчику БРДМ № 636 Алексею Фокину, которым нельзя не восхищаться как специалистом и человеком.

Владимирский батальон бедноват на одежду, обувь, гуманитарную помощь и сладости, зато у него есть походная сауна и он врыт в землю по всем правилам военной науки и практики. Большую часть апреля батальон стоял в Грозном на контрольно-пропускных пунктах, где по нему работали снайперы. Потом его перебросили на защиту границы, чтобы на их участке боевики не прорвались в Дагестан. «От солдат 1941-го года нас отличает только то, что на головах вместо касок – «сферы», на груди – бронежилеты, а в руках автомат с «подствольником», – говорят между собой офицеры, восхищаясь трудолюбием своих бойцов 18–19 лет.

Месторасположение батальона возле шоссе Махачкала–Грозный, но лагерь замаскирован. Девяносто кубов выброшенной солдатскими руками земли – вот цена одной укрытой в землю палатки. Умело, в полный профиль, открыты траншеи, ходы сообщения, окопы, пулеметные гнезда – и все ценой афганского опыта командиров Молоканова и Миронова.

Исполняющему обязанности комбата майору Евгению Евгеньевичу Миронову, в поощрение его офицерской доблести, второй нагрудный знак «За отличие в службе» (солдаты зовут эту награду крестом) лично вручал командующий Объединенной группировкой Федеральных войск в Чечне генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов.

Миронова знают и любят во внутренних войсках как боевого офицера. С 1981-го по 1983-й годы он был в Афганистане солдатом; с 1987-го по 1989-й уже офицером – в 66-й бригаде спецназа воздушно-десантных войск.

На границе его позывной «Афганец». Он из тех людей, кто, несмотря на беспредельную личную неустроенность, любит военную службу. Личные вещи у «Афганца» в одном городе, любимые сын и жена в другом, батальон расквартирован во Владимире, а сам майор Миронов – в Чечне.

По его батальону недавно долбили из пока незнакомой мировой военной мысли техники: на грузовой автотранспорт боевики приспособились ставить вертолетные НУРСы и одиночными работать по передовой – тоже, на счастье, хорошо укрепленной, замаскированной по правилам афганской науки.

Стреляли по Владимирскому батальону из 122-миллиметровой гаубицы и из кочующего танка Т-72 – этой, как говорит комроты Петров, «снайперской винтовки на гусеницах». Отовсюду стреляли, но только не со стороны села Галайты.

Сегодня Чечня разделена на три непримиримых лагеря: один за Дудаева, другие за Хасбулатова, третьи за Хаджиева. А председатель госхоза, что в селе Галайты, Салман Эльсункаев из тейпа Бильто, специалист с большим стажем, выпускник Дагестанского сельхозинститута – за Хлеб.

В его доме удивительная по культурному содержанию библиотека, а на стене фотопортрет, где Салман, как с другом, снят с Расулом Гамзатовым. Когда в период боев горела местная библиотека, именно Салман, взяв трактор, спас большую часть библиотечных книг. Сбереечь книги было не самым трудным мужским делом. Село за время войны обезлюдело, жители ушли в Дагестан, туда же вывезли всю сельхозтехнику. Еще недавно чистые, плодородные поля были заминированы чеченскими боевиками и российскими военнослужащими. Когда продовольственные запасы закончились, встал жесточайший вопрос – надо спасать людей от голода. Как? Значит, пришла пора восстанавливать госхоз – детище всей трудовой жизни Салмана. И тогда он, мужчина из тейпа Бильто, решился подняться на занятые Владимирским батальоном высоты и рассказать, что люди хотят косить люцерну, выращивать хлеб, убирать урожай и снова растить пшеницу. Вместе с бригадиром Ахмедом Салман сел на трактор и поехал в сторону российских позиций. За триста

метров от «передка» он сошел с трактора и, подняв руки, пошел на высоту. Навстречу вышли комбат В.С. Молоканов и ротный В.В. Петров.

Прошли еще сутки, и руководство, проинформированное о народной дипломатии в районе населенного пункта Галайты, дало добро...

В Галайты, что в переводе с чеченского означает Городище, 350 дворов; до начала боевых действий в селе жили 1700 человек, к началу первой встречи с владимирцами там оставались 12–13 жителей.

Когда-нибудь о происходившем на полях у села Галайты снимут художественный фильм. Как капитан внутренних войск МВД РФ Вадим Петров: природный талант на саперно-минерные дела, считающий, что «разминирование – это гимнастика для нервов», шел, снимая мины, впереди убирающего люцерну комбайна, а БРДМ № 626 Владимирского батальона с экипажем из механика-водителя Юры Белова и оператора-наводчика Алексея Фокина охраняла уборку.

«Сапер ошибается дважды – в первый раз при выборе профессии», – шутит неизвестный российский герой капитан Петров, он же национальный герой чеченского села Галайты. Ведь чеченским госхозом во главе с Салманом Эльсункаевым, из тейпа которого «славный Бейбулат, гроза Кавказа», о котором А.С.Пушкин писал в «Путешествии в Арзрум», был собран урожай как люцерны, так и пшеницы. И люди вернулись в село. Потом с первого августа этого года заработала школа, где приступили к занятиям 396 детей. Только первых классов в школе четыре.

Вот в какое трудное время началась трудовая биография учительницы начальных классов Джарадат Исламовой, когда-то выпускницы школы села Галайты, которая мечтает, чтобы у всех детей были учебники.

А все доброе случилось, потому что российский офицер Петров, смелый человек, и его солдаты разминировали поля.

И когда от «сигналки» вдруг загорелось пшеничное поле, то пожар тушили и майор Миронов, и капитан Петров, и солдаты-владимирцы, у которых

на время созревания хлебов командованием батальона были изъяты все трасера, чтобы не допустить случайного поджога пшеницы.

«Главное – человечность!» – сошлись во мнении российские военные и чеченцы из села Галайты. А еще было постановлено, что у подлецов национальности нет.

С тех пор со стороны Галайты по Владимирскому батальону ни одного выстрела. Но это только с одной стороны света. А со стороны «зеленки» работают боевики Гелисханова, где-то рядом ходят спецназовцы из абхазского батальона Басаева.

И паренек из Владимира, что во имя воинского братства прибыл в эти места добровольцем, часто видит один и тот же сон, что в родном городе, на дорогой его сердцу улице он сидит в блиндаже со школьными друзьями, а о чем они говорят, он все время забывает, проснувшись.

Когда город Владимир праздновал своё тысячелетие, над передовой, занимаемой ротами Владимирского батальона, ярко светила спасительница луна, то ли во имя святого праздника, то ли по своей равнодушно-прямой обязанности высвечивая все лощины, ложбинки и другие укрытия, удобные для скрытных подходов. А сержанты-дембеля, которые вообще не спят по ночам, говорили между собой, что комбат Молоканов, обращающийся к подчиненным только уважительно-ласково «сынки», считает, что, выйдя из Чечни во Владимир, батальон обязательно и строгим поминальным шагом должен пройти через Золотые ворота. Призванные на действительную военную службу из Архангельской области, Башкирии, Иванова сержанты вернутся к месту постоянной дислокации значительно раньше своих офицеров и подчиненных, но они всё равно пройдут через Золотые ворота: сами, пусть даже, как они говорят, толпой. С мыслью о пережитом, о погибших друзьях, живых командирах-афганцах, спасенных чеченских хлебных полях, и если бы был у Владимирского батальона свой, только ему назначенный позывной, то он должен быть только «Афганец». Потому что война прежде всего учит ценить мир.

Сентябрь 1995 г.

РЕШИЛИ РАНО ПОВЗРОСЛЕТЬ

Сначала в черном студеном небе уверенно нарастающий гул самолета, какое-то неяркое цветное мигание – и степное пространство вокруг нас озаряется острым, все разоблачающим светом. «Люстру повесили», – говорит мне сапер Владимир Бирюков, ладно скроенный девятнадцатилетний кубанский казак.

Саперов, приданных собровцам, чуть больше десяти человек. Командует ими подполковник Сергей Шаховцов. Этой ночью все они спят в медицинской «таблетке», за год войны привыкшие к фронтовым неудобствам. Володя же не позволяет себе заснуть. Он бережет сон двух минно-розыскных собак: молодую, беспокойную восточно-европейскую овчарку, которая время от времени порывается на меня, и крепко спящего эрдельтерьера.

С этой золотисто-рыженькой, ласковой собачкой по кличке Нюра я познакомился еще вчера. Наслышанный о подвигах минно-розыскных собак в годы Великой Отечественной войны (тогда ими было обнаружено более четырех миллионов мин), я знакомился с Нюрой, чувствуя к ней огромное уважение. А на вопрос: «Почему в саперной команде декоративный эрдельтерьер?» – подполковник Шаховцов ответил: «У нас и дворняжки работают. Был бы у собаки нюх, да для них хороший учитель».

Пока в небе висела «люстра», я смотрел на Нюру. Безмятежно спокойно, как ребенок, она спала, и невозможно было не залюбоваться этим чудом природы, отыскивающим мины. Завтра бой. И ей, Нюре, идти с саперами в Первомайское, где их ждут мины, «растяжки», смертоносные ловушки. «Нюрочка! Девочка!» – так, когда ласково, когда требовательно, обращается к ней ее проводник-кинолог сержант Бирюков. Он не спит, чтобы выспались минно-розыскные собаки.

– Не то чтобы кто их обидит, – говорит он мне у костра. – Этого не будет, мы в охраняемой зоне. А просто надо, чтобы люди к ним не подходили, не отвлекали от сна. Работа завтра будет тяжелая.

Мы с Володей поддерживаем костер то ли колючей акацией, то ли терновником. Невысокое пламя все равно беспокоит овчарку. Она пытается уснуть в трех шагах от нас, а может, это моя негромкая речь тревожит ее. Она вдруг снова взлаивает.

– Тихо! Это свой... Нервничает немного, – помолчав, поясняет поведение собаки Владимир.

Что завтра бой – известно всем. Многодневное ожидание атаки на Первомайское через несколько часов должно вылиться в выстрелы, команды, кровь, стоны людей. И боевая восточно-европейская овчарка, возможно, предчувствует то, что недоступно нам, людям. Что она думает и знает о нас?

– Может, мне уйти, чтобы не беспокоить собак? – говорю я Володе.

– Вы не мешаете. Грейтесь, – отвечает он мне. «А куда мне идти? – думаю я. – У СОБРа ГУОП МВД России в распоряжении только маленький «Кавзик». Мы спим в нем, меняясь через два часа. Среди офицеров есть люди богатырского роста и телосложения, так пусть отсутствие журналиста, которого на время операции с разрешения старшего начальника взяли в отряд, позволит хоть одному из бойцов расположиться на сиденьях свободнее».

Авиаторы снова постарались, чтобы стало светлее, и я вижу караван автобусов с работающими на малых оборотах двигателями – там обогрываются люди, которым поутру в бой. Возле каждой машины охрана из собровцев. Редкая цепь костров. А мы с Володей возле дороги. Рядом с нами «таблетка», где в позах эмбрионов спят саперы. Падают снег. Влажно. Костер нервно подергивается, требуя в жертву сухие дрова и ветки. Но где их взять?

– О собаках я читал с пяти лет, – поддерживая разговор, говорит мне Володя. – «Белого клыка» Джека Лондона я прочитал еще в первом классе. Очень нравится Василий Песков. Я люблю животных. Работаю с малых лет. Особенно нравилось на конеферме. Ведь я крестьянский сын.

Он поворошил ветки, на правой руке тонко блеснуло кольцо.

– Ты женат? – спросил я.

– Обручен.

На Кубани ждет Володю невеста. Она приехала в казачью станицу из далекого Казахстана. Куда еще возвращаться русским людям? Туда, где особенно крепок русский православный корень, где знают, почему фунт лиха.

В наступившей тишине, глядя на огонь, я думаю, что невеста Володи, наверное, красива не по-кубански. Она кажется мне светленькой, хрупкой, голубоглазой и, как Володя, немногословной. Знает ли она, что ее жених постоянно на боевых операциях? Что он был в группе саперов, которая прибыла на «Минутку», где при взрыве фугаса подорвался генерал-лейтенант Анатолий Романов? Командиром той группы был майор Виктор Шахов. Несколько дней назад он подорвался при разминировании кизлярской больницы. Володя, вздыхая, говорит, что Шахов – один из его учителей.

Мы молчим. Наконец-то овчарка уснула.

– Где ты хочешь работать, Володя, когда вернешься домой? – спрашиваю я.

– Буду проситься в УГРО, кинологом.

Наш разговор идет медленно, как сама ночь. Иногда в темноте постреливают.

В Чечне мы с Володей уже были где-то рядом, но не встречались, а теперь вот довелось. Подполковник Сергей Шаховцов рассказал, что в его подразделении, командированном в Первомайское, все добровольцы.

– Бывало, – рассказывал подполковник, – 30–40 километров надо проверить – не заминированы ли? Все забираются на броню. Туда-сюда проедем... Знаете, как шутят в Чечне? Мы – «одноразовые саперы». Вот так о нас говорят. Главное же, не нарваться на приличный фугас.

Шаховцов поступал в Тюменское инженерное училище еще в 1975 году.

– Мне кажется, – сказал я ему, – все саперы, как вы, Сергей Михайлович, выдержанные, сверхвнимательные интеллектуалы, с большим чувством юмора.

Но глаза у Шаховцова были с грустинкой, как и у старшего лейтенанта Дмитрия Колотилина, как и у тех саперов, что спали сейчас в «таблетке».

«Что день грядущий им готовит?» – спрашивал я себя, переживая за все наше воинство. Как-то нехотя Володя признался, что был ранен в Грозном на блокпосту в левое предплечье осколком от РПГ.

– Но я жизнерадостный, – сказал мне под утро он. – Нюра моя, саперочка, такая же жизнерадостная. Вечером мы с ней потренировались. В несколько консервных банок мой помощник положил два кусочка тротила. Он запрятал их здесь рядом, с большим разбросом, землей прикопал, но она нашла. – И Володя с большой любовью посмотрел на крепко спящего эрдель-терьера.

– Ну, а чем ты поощрил Нюру? – спросил я. – Кусочком сахара?

– Да нет. Солдатским сухарем. Она их очень любит.

Январь 1996 г.

«ПУРГА-555» ПОД ПЕРВОМАЙСКИМ

Дагестанские старейшины, уходя из Первомайского перед штурмом, просили российское командование побережь кладбище с могилами предков. «Село-то мы отстроим заново, – говорили они, – а вот не сохранить дорогие могилы для нас большое несчастье». Боевики-чеченцы особенно вгрызлись в землю именно на кладбище. Заставляя работать захваченных заложников и новосибирских милиционеров, они закопались в дагестанскую землю, как кроты, нарыли дополнительные ходы сообщения, запасные окопы, а самое неприкосновенное в Дагестане – могильные плиты – стали для них пулеметными щитками.

Такой участок предстояло атаковать краснодарским собровцам 15 января, Краснодарский же спецназ УИН был определен на охрану передового КП, где находился командир сводного отряда генерал-майор А.Карташов, на эвакуацию раненых, а в дальнейшем на работу по специальности – на фильтрацию пленных боевиков.

Из Краснодара эти два отряда вылетели одним «бортом» 9 января. Отличный организатор, начальник УВД Краснодарского края генерал-лейтенант милиции А. Сапрунов оперативно решил вопрос с отправкой своих людей на задание. Предстояло освобождение двух с половиной тысяч заложников из больничного комплекса. К чеченским боевикам и наемникам, захватившим больных детей, женщин, стариков, у спецназовцев уже давно не было ненависти. Только презрение и четкое профессиональное осознание: преступники должны быть уничтожены. Все сотрудники и военнослужащие МВД, летевшие в Кизляр из Краснодара, Москвы, Ставрополя, Волгограда, надеялись, что на этот раз операция по ликвидации захватчиков состоится. По их общему мнению, то, что бандюг отпустили из Буденновска, стало причиной того, что боевиками овладела зараза вседозволенности. После Буденновска в России началась эпидемия террористической чумы. Уже на второй день после того как, вопреки мировой практике, правительство России пошло на перегово-

воры с Басаевым, краснодарские спецназовцы УИНа схватились с террористом в Новороссийске, потом еще, еще... Во всем мире террорист не «фигура», ему сразу дают понять, что наказание неотвратимо. Посягнувший за рубежом на жизнь детей, стариков твердо знает, что его ждет смерть. Своей лютой акцией в Кизляре радуевцы поставили правительство России перед принятием решения о том, какой быть государственной политике по отношению к террористам. После Буденновска в России с этим так и не определились. Уровень бандитского злодеяния на этот раз был так велик, что не отреагировать на него адекватно означало обречь Россию на террористический беспредел.

После захвата чеченцами Первомайского стало ясно, что предстоит войсковая операция. Какими силами? Чтобы мировое сообщество поняло, что в Кизляре и Первомайском Россия имела и имеет дело с уголовными элементами, было принято решение об их ликвидации силами спецподразделений по борьбе с организованной преступностью.

9 января 1996 года можно назвать точкой отсчета в новом осмыслении чеченской преступности и борьбы с ней. В своей жестокости и хищнической организованности боевики достигли такого кровавого изуверства и такой оснащенности, что Россия, чтобы защититься, должна теперь законодательно закрепить возможность уничтожения уголовно-террористических бандгрупп силами армейских войсковых подразделений. Раньше такие перспективы почему-то нервировали американских, западно-германских, швейцарских налогоплательщиков и российских господ, вроде Сергея Ковалева, к которым, к несчастью, прислушивались в правительстве. Решение на уничтожение банды Радуева – профессиональной в военном смысле, оснащенной современным оружием, уголовной по сути и поведению, – стало новым этапом борьбы России с терзающей ее преступностью.

Вот какие обстоятельства привели собровцев ГУОП МВД России, из Краснодарского края, из Московской области, Москвы, Махачкалы, Ставрополя, Волгограда в чистое поле с приказом о взятии села Первомайского, оккупиро-

ванного радуевцами. А их было более трехсот человек, вооруженных гранатометами, тяжелыми и обычными пулеметами, минометами, автоматами, снайперскими винтовками.

Собровцам после короткого «щадящего» артонала, дабы не погубить захваченных боевиками заложников, и недолгого огневого воздействия четырьмя–шестью вертолетами предстояло атаковать село среди белого дня! Налицо были недооценка противника и переоценка своих возможностей. Идеальным вариантом было бы размолотить село до основания, уничтожив земляные укрытия и окопы чеченцев минометными батареями. Но кто бы назвал это освобождением заложников? Выходило, куда ни кинь, везде клин! Соотношение атакующих и защищающихся боевиков к 15 января было один к одному. Это изначально предполагало большие потери среди наступающих. В этот день собровцам и спецназовцам внутренних войск из отрядов «Витязь», «Русь», бойцам спецгруппы «Ягуар» ценой личного мужества пришлось превозмочь сверхосторожность политиков, отсутствие мирового опыта по освобождению большого числа заложников из укрепленного противником населенного пункта. А также и недостаток огневых средств, назначенных для поддержки, отсутствие надежной связи, зимней экипировки, в частности, костюмов и обуви с электроподогревом, горячего питания, средств его доставки. Вот почему нормы обеспечения отрядов по борьбе с организованной преступностью, предназначенных для кратковременных операций в городских условиях, должны коренным образом пересматриваться. События в Буденновске, Кизляре и Первомайском раскрыли мировому сообществу глаза на то, что в пределах Российской Федерации набрала силу организованная преступность, представляющая опасность для всего человечества.

Собровцы Краснодара атаковали на левом фланге, рядом москвичи, волгоградцы, ставропольцы, дагестанцы, а для их поддержки... всего две БМП-2.

Артоналет и удар с воздуха не нанесли радуевцам ощутимых потерь, ни одна огневая точка не была подавлена. Чеченцы переждали артоналет, уйдя по

отсечным позициям вперед, в то чистое поле, откуда ждали собровцев, наступающих, как пехота.

– «Пурга-555», – раздалось в эфире. И вся линия атакующих, числом чуть больше трехсот бойцов и офицеров, пришла в движение.

Первую БМП-2 из гранатомета сжег боевик в черном полушубке. Он внезапно вырос над окопом. Выстрел. И БМП окуталась сначала белым дымом, а потом разгорелась, распространяя в пространстве тяжело ползущий, клубящийся черный дым. За ним, спасительным, краснодарцам по арыку удалось продвинуться несколько вперед без потерь. Вторую БМП, завалившуюся в арык, краснодарцы стали использовать как огневую точку. Их командир, майор, когда-то окончивший Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, умело стрелял из башенной пушки, гася огневые точки радуевцев. На левом фланге атакующим собровцам Краснодара, Ставрополя, Москвы, Волгограда, Дагестана препятствовали вырытые в полный профиль окопы, пулеметные гнезда, ходы сообщения, длинный высокий бетонный забор, превращенный боевиками в крепостную стену с бойницами для тяжелых пулеметов, ПК, стрельбы из гранатометов.

Как бы там ни было, краснодарский СОБР (в нем служит много бывших армейских офицеров) выбил радуевцев с дагестанского кладбища. И закрепился на нем. Самый ближний «духовский» окоп был всего в тридцати метрах.

В первый день у краснодарцев было трое раненых. Первое ранение – самое тяжелое – в живот.

Александр по прозвищу Рейнджер получил ранение в правую кисть руки. Капитан Сергей П. – ранение в бок. Раненого в живот эвакуировали сразу. Александр и Сергей остались в строю. «Война есть война, – сказал мне потом заместитель командира отряда Владимир Г., – но холод – вот это страшно».

Двое с половиной суток краснодарцы провели на январском морозе, то забываясь коротким сном на корточках, то участвуя в ночных перестрелках и снайперских дуэлях.

– Эй, русс Иван, – кричали им из чеченских окопов, – сдавайся! – А когда боевики замолкали, краснодарцы напоминали им о себе:

– Нохча! Давай не спи! Видишь, один уснул и получил пулю! Задремавшего боевика отыскал в прицел краснодарский снайпер...

Собровцы воевали упорно, смело, нанося врагу невосполнимый урон. На дагестанском кладбище и напротив него нашли свою смерть не один чеченский гранатометчик и снайпер. Краснодарцы использовали тактику, воюя малыми группами в составе снайпера, гранатометчика, двух-трех автоматчиков. Двое с половиной суток упорных боев на стылой земле, когда один сухпай на троих, нет чистой воды, раненые... Плотность огня по собровцам была очень высокой... А потом по ним ударили... свои вертолеты. Ошиблась и родная артиллерия: снаряд разорвался в пяти метрах от делящих одну бутылку водки на пятерых, горлышко которой начисто срезал осколок.

Краснодарскому же спецназу УИН поначалу под Первомайском выпала доля эвакуировать с «передка» раненых, доставлять боеприпасы, охранять передовой КП, который время от времени обстреливался. А 18 января под командованием майора Николая Р. отряд шел в первой линии атакующих. Я встретился с ними на зачистке села Первомайского, и майор Р. сказал мне, что «работой краснодарцев-собровцев и своих ребят в селе Первомайском удовлетворен. Мы доказали, что Россия будет долбить боевиков при любой их попытке показать клыки. Главное, мы перестали утираться! Лично я воюю, чтобы мафиозная экспансия с идеей мусульманской фундаменталистской конфедерации «от Каспия до Черного моря» не получила реального воплощения. Я воюю, чтобы моя родная Кубань была в безопасности. Мне известно, что Дудаев мечтает о расширении своих земель за счет Ставрополя, Кубани и Дона. Не бывать этому!».

Домой герои-собровцы и спецназовцы Краснодара, СОБРы ГУОП МВД России, Московской области летели в одном самолете. В Краснодаре их ждала теплая встреча кубанских руководителей. Меня дружески приветствовал начальник Управления по организованной преступности Краснодарского

края, который 9 января провожал, а 19 января встречал каждого своего бойца крепким отцовским объятием и которому, прощаясь 9 января, я хотел шутливо сказать: «Прощевайте покуда, господа казаки», а вырвалось только «Прощевайте». И он меня пожурил: «Эх ты, разве так прощаются?! Надо говорить: «До свидания!»».

Краснодарцы вернулись в родной город живыми – все! – честно отработав свое. А из Краснодара я улетал с одной мыслью: правительство России должно быть достойно своих бойцов.

Январь 1996 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*«Ведь не море топит корабли, но ветры;
не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами»*

Слово Даниила Заточника

МИР НАЧИНАЕТСЯ С НИХ

Ранним утром из Златоуста мне позвонил омоновец Сергей Зяблов. Радостно сообщил:

– Мы вернулись домой. Все живы, здоровы...

– Материал об одном эпизоде вашей работы в Кизляре подготовлен к печати, – сказал я. – Один вопрос: в целях безопасности ребят надо ли давать фамилии?

На другом конце провода раздался смех:

– Да я уже устал бояться!

Получив добро назвать фамилии двух, часто бывающих по долгу службы на Северном Кавказе офицеров, я с уважением их обнародую. Страна должна знать своих героев.

На окраине дагестанского Кизляра восемьсот метров шоссеиной дороги принадлежат Чечне – таков рельеф административной границы. Этот спорный участок водители пролетают на скорости, прося Аллаха или православного Бога, чтобы не случилась поломка, особенно в ночное время. Подрывы, разбои, похищения людей на этих «неподконтрольных» России метрах – обычное дело.

Когда руководство Дагестана выразило готовность «подровнять» границу, предлагая за восемьсот метров асфальта часть территории в Ногайских степях, из Чечни последовал ответ: «По принципиальным соображениям данный вопрос обсуждению не подлежит».

Еще бы... Бензовозы с контрабандным топливом, обойдя российский пограничный блокпост, выползают с чеченской территории именно на этом участке кавказской дороги, а потом также беспрепятственно идут в Кизляр и на Махачкалу.

А какая возможность для провокаций! 22 декабря 1997 года, когда возле железнодорожного моста через русло Терека, благодаря мужеству кизлярских вохровцев, сорвалась диверсионная акция, террористы в панике бросили

три снаряда и... четыре катушки с электрокабелем. Четвертый фугас был обнаружен позднее...

Медленно ползет «Урал» с инженерно-технической группой златоустовского ОМОНа. Поднятые по тревоге саперы-омоновцы проверяют телефонный сигнал о том, что возле шоссе моста на злополучном чеченском участке из-под снега торчат разноцветные проводки.

Штатские водители проскочили бы эти восемьсот метров на предельной скорости. А саперы на подходе к мосту едут тихохонько, словно в кузове у них взрывоопасные предметы.

В кузове же совершенно бесценный груз – минно-розыскная овчарка Чара, на счету которой более тысячи обнаруженных зарядов. Её проводник, сержант милиции Владимир, еще солдатом срочной службы полгода отвоевал в Чечне. Он внешне спокоен, как и его товарищи из инженерно-технической группы, командир которой, старший инженер-сапер Станислав, три года назад сам был сержантом. Армейский спецназовец с большим стажем, теперь он старший лейтенант и на Северном Кавказе уже четвертый раз, а у взрывотехника прапорщика Виталия это вторая командировка.

Стоп! «Урал», как бросивший якорь корабль, останавливается. По правому борту на серо-коричневом земляном просвете еле видна нитка провода, уходящая под снег.

Ни разу не подводившая Чара сразу находит месторасположение взрывного устройства.

В штаб идет сообщение: телефонный сигнал подтвердился. По большому сбору поднимаются резерв златоустовского ОМОНа, саперы внутренних войск и те, кому назначено в таких случаях. Мгновенно на месте происшествия появляется заместитель начальника кизлярского райотдела подполковник милиции Я. Закиряев.

Движение на трассе приостанавливается. В оцеплении златоустовские омовцы – гвардейского роста плечистые уральцы. Их инженерно-техническую группу усиливают сапером внутренних войск.

Капитан из воинской части, командированный в Дагестан из Кирова, берет нож и трогает снег.

Пока инженерно-техническая группа с осторожностью хирургов проникает в тело земли, омовцы и саперы внутренних войск ищут диверсионную лежку.

Чеченская сторона извещена о начале розыскных работ. С их ближайшего блокпоста подъехал и наблюдает за россиянами высоченного роста сухопарый старший лейтенант Ислам – заместитель начальника сектора этой зоны. На вопрос, кто заложил фугас, Ислам отвечает, что не может сказать, чья это работа.

Лежка не обнаружена. С миноискателем и щупами отработано все пространство вокруг моста.

Руководит поиском майор милиции Леонид Иванович Бучнев, его заместитель капитан Сергей Владимирович Зяблов отвечает за прикрытие и внешнее кольцо оцепления.

Вся ситуация под контролем полковника милиции Владимира Ильича Л., заместителя начальника ГОУ.

Тем временем инженерно-техническая группа докладывает: «Обнаружен подготовленный к взрыву 152-миллиметровый осколочно-фугасный снаряд». Общая точка зрения: фугас заложен 22 декабря, а провод для детонации подсоединен недавно.

Виновников закладки заряда поблизости не видно. А может, из абсолютно безопасного места они наблюдают за каждым шагом российских милиционеров? В январе 1995 года, зачищая Грозный, златоустовские омовцы находили на позициях противника даже корабельную оптику.

Отрытый в земле снаряд – предмет для недолгого, но важного разговора. Саперы считают, что фугас поставлен на неизвлекаемость. Принимается решение сдернуть его «кошкой»... Все отходят на безопасное расстояние. Майор Леонид Бучнев, многократно бывавший в Чечне, говорит, что под снарядом может быть «Ф-1» без чеки.

...Мы идем с Бучневым по мосту. Стараюсь не думать, что нас в эту минуту способен выцеливать снайпер.

В Златоусте майор Леонид Бучнев – заместитель командира ОМОНа. Здесь этот улыбчивый, хладнокровный, умный офицер – в должности начальника командированных омовцев. Его люди – опытные, не раз награжденные боевыми орденами и медалями профессионалы. Легко с ними. Но и велика ответственность за их жизнь и здоровье. Как и в Чечне, право первого выстрела здесь за террористом. У диверсантов, идущих с чеченской территории, сотни троп. У тех, кто призван противостоять им, – одна.

Майор Леонид Бучнев и капитан Сергей Зяблов, вернувшись в родные края, немало добрых слов скажут о своих подчиненных начальнику Златоустовского УВД подполковнику милиции Анатолию Степановичу Киселеву и мэру Златоуста Василию Петровичу Мальцеву – благодетелю, лучшему другу ОМОНа.

Фугас сдернут. Полковник Владимир Ильич Л. принимает решение: по заключению специалистов, транспортировка снаряда невозможна. Взрыватель есть. Целесообразно уничтожить на месте. И улыбаясь, добавляет:

– Ну что, ребята, есть кто в рабочей одежде? Снаряд далеко придется нести...

– Парадная форма осталась дома, – шутит Сергей Зяблов.

Четыре омовца осторожно поднимают фугас и несут в сторону от дороги – подальше от моста и высоковольтных проводов.

Потом томящая тишина. Все внимание приковано к златоустовской инженерно-технической группе и саперу из Кирова.

В эфире переключка: вызывают «Гранит», потом «Зарю»...

– Я – «Заря», – отвечает Бучнев.

Взрыв фугаса, не принесший вреда, – радостное зрелище. Даже веселое. Словно красный цветок распустился зимой.

На ближайших российском и чеченском блокпостах от детонации сотрясилось развешенное по стенам вагончиков оружие.

– Вроде мирная жизнь, – иронично улыбаясь, еще раз поясняет мне ситуацию на этом участке дагестано-чеченской границы майор милиции Леонид Бучнев.

Декабрь 1997 г.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ...

Александр Уздяев, павший смертью храбрых в Чечне, уже давно был погребен в родной вятской земле, когда в газете «Советская Россия» его мама, Людмила Гавриловна, увидела снимок, потрясший её: возле двухметрового грубо сколоченного распятия стоял скромный надмогильный памятник с надписью: «Уздяев А.А.», а возле креста, закрыв лицо руками, сидел на обожженной земле убитый горем солдат.

– Неужели на снимке настоящая могилка сына? – самые страшные подозрения родились в голове, стальными тисками сжали сердце, лишили сна. – И ко мне в Киров в цинковом гробу привезли не моего мальчика, а кого-то другого, по которому плачет такая же, как я, страдальца-мать?

На письма, вновь отправленные сослуживцам сына, ответа не последовало. Командир части, в которой воевал и погиб Саша, ответил, что на снимке не могилка, а солдатский памятный знак, которым под населенным пунктом Орехово отмечено место гибели А.А. Уздяева.

Командиру Людмила Гавриловна не поверила, потому что по его вине Саша прослужил в Чечне на три месяца больше установленного срока, и погиб от чеченского ПТУРа, попавшего в башню спецмашины.

Потом «Советская Россия» напечатала письмо Людмилы Гавриловны, в котором она просила откликнуться фотокорреспондента МВД, снимавшего не то могилку сына, не то место его гибели. Кировская газета «Вести» обратилась в МВД России с просьбой найти автора снимка...

Искали и продолжаем искать... Снимок мог сделать любой из офицеров пресс-центра МВД, напряженно работавшего все два года боевых действий в Чеченской Республике. В пресс-центре, меняя друг друга через 45 суток, несли свою службу многие и многие специалисты, командированные в Чечню из областных, краевых и республиканских МВД и УВД, офицеры-журналисты внутренних войск.

Сегодня, обращаясь к дорогой Людмиле Гавриловне, мы можем сказать, что на фото, где четко обозначены имя и фамилия ее сына, конечно же, запе-

чатлено место его последнего боя. На снимке хорошо видна зарытая в землю техника, а на переднем плане фотографии – черно-бурое, выжженное пятно – погребальный ковер, что остается от той огненной магмы, в которую превращается подожженная боевая техника.

Металл горит так, что земля надолго сохраняет следы чудовищного военного костра. Вот это печальное место, где сгорела подбитая чеченцами спецмашина Уздяева и еще двоих военнослужащих, один из которых, Толя Иванов, скончался от ран позднее, было отмечено с солдатским состраданием боевыми товарищами Саши.

Подобных памятных знаков я и мои коллеги, фронтовые корреспонденты, видели в Чечне немало. Эти знаки уважения и скорби были как бы последним «прости, брат!», которое не удавалось сказать погибавшим товарищам.

Ваш сын, Людмила Гавриловна, прибыл в Чеченскую Республику на боевую работу в апреле 1995 года.

Александр был элитным солдатом – корректировщиком огня. Это значит – он был очень умен, ваш сын. Корректировщик – самый драгоценный человек в войсках. Он на «ты» с математикой и обязательно смел – ведь за ним постоянно охотится враг. Корректировщики – главное оружие возмездия! Я встречал их в Чечне. Как правило, они очень сосредоточенные, немногословные, дисциплинированные, внимательные к людям. Их так недоставало в том вооруженном противостоянии.

Армия, подразделения МВД – крайнее средство политиков. Решение о начале боевых действий принимают только политики. Когда это происходит, подразделения, введенные в конфликт, становятся некими космическими объектами со своей орбитой движения. Что в первую очередь заботит тех, кто участвует в бою? Неукоснительное выполнение поставленной задачи и сохранение жизни своих боевых товарищей.

На войне всегда несколько правд. Есть наша правда, правда врага и правда сторонних наблюдателей. Ту правду, которую знал ваш сын Саша, он не

смог вам, Людмила Гавриловна, передать, потому что погиб в бою как герой, корректируя ответный огонь по противнику.

Вы и я не знаем, сколько молодых жизней он сохранил. Уверен, что много. Поэтому на месте его гибели памятный знак.

Таких солдатских распятий удостаивались немногие. Вашего сына почитали как воина! Как друга! Как сына своей мамы. Этот поминальный крест был воздвигнут и в вашу честь, Людмила Гавриловна, в знак того, что солдаты группировки, введенной тогда в Чечню, разделили с вами горе невосполнимой утраты.

И еще... Хочу высказать заветное. На Кавказе не бывает бессмысленных войн. Как только ни называли то, что происходило в Чечне. Даже ситуацией. Помню реакцию одного руководителя, которого спросил: «Здесь война?». «Не задавайте политических вопросов», – такой испуганный ответ последовал. До сих пор руководящее большинство не разрешает себе и другим признаться, что в Чечне мы имели войну истребительную, современного типа – партизанскую и контрпартизанскую, а не конфликт низкой интенсивности. Противоборствующие стороны были вооружены не кинжалами и шашками, а «Градами», танками, огнеметами «Шмель», гранатометами, минометами. Эта бойня была в самом разгаре, когда погиб ваш мальчик, Александр Уздяев.

Разве не вызывало подозрения то, как дружно газеты и телевидение, находящиеся на содержании нефтедобытчиков, кричали о бессмысленности происходящего в Чечне? При этом держатели денег сохраняли дружеское расположение к воюющим чеченцам, а армия и МВД проливали кровь.

Когда тебя обстреливают из минометов, когда твою колонну обрабатывают гранатометчики и снайперы, тем, кто под огнем, не до того, кто виноват в начале вооруженного конфликта в Чечне.

Сегодня в Дагестане события развиваются по чеченскому варианту. Снова из рук в руки там гуляют листовки, над содержанием которых некому из властимущих задуматься. А в тексте этих листовок – обещание новой войны, которую, наверное, снова назовут бессмысленной.

Вот несколько фрагментов из документов:

«...Штаб Центрального фронта освобождения Дагестана обращается к вам с призывом встать на священную войну Джихад-газават против российских агрессоров.

...Моджахеды Кавказа объявляют о начале освобождения земли Кавказа от власти русских оккупантов – палачей народов.

Кавказ должен быть свободной и Великой Державой, которой Россия должна платить налоги.

...Освобождение Дагестана от кафиров (неверных) есть выход в другие государства, выход на юг, выход в море и открытие воздушного пространства всем мусульманам. Этим мы закроем кафирам дорогу на юг, как по суше, так и воздушному пространству...

Мы решили идти путем Джихада, и перед нами два пути: или победа, или шахадат.

И наши убитые будут в раю, а их убитые – в аду».

Все это не шутки... Это продолжение того, что было в Чечне. Только смертоносная сеть исламского фундаментализма, национализма теперь брошена на весь Северный Кавказ.

Помню, как небезызвестный Александр Лебедь обещал, что с выводом войск из Чечни там воцарятся мир и спокойствие. Только в Грозном в одну из майских недель этого года захоронили 50 трупов убитых русскоязычных жителей. Такова информация оттуда, где снова царят беспредел, уголовный геноцид, воровство, бандитизм, похищения людей. Русским и чеченцам – ненавистникам нынешней басаевской власти пожаловаться некуда: Лебедь теперь особенно далеко – в Красноярске, до него не доедешь, а сам он не спросит: «Каково вам там, в Чечне, без меня, миротворца?».

Уважаемая Людмила Гавриловна! Вы вправе не поверить мне, как и многим другим, оставившим свое сердце и здоровье в Чечне. Ведь мы живы, а вашего дорогого мальчика нет. В наших прогнозах на будущее нет оптимизма, но мы никогда не назовем погибших в Чечне бессмысленными во-

енными потерями. Ведь когда они, воины, были живы, в секторе их личной ответственности не убивали славян, чеченцев, презиравших Дудаева, Басаева, Радуева, Хаттаба.

Мы видели подбитые чеченские танки, на которых было написано: «На Москву». Как в 1941 году, подражая нацистам, боевики кричали нашим парням: «Рус Иван, сдавайся!». Им отвечали свинцом и гранатами. Очень многим боевикам хотелось и хочется прийти в Россию завоевателями.

«Зло, – говорится в одной древней книге, – это неправильно понятая свобода и неверно направленная воля». Как это правильно по отношению к тому, что происходило с чеченским народом перед тем, как в Чечню ввели войска. Свободу там дудаевцы восприняли как вседозволенность, как освобождение от законов. «Русские! Не уезжайте – нам нужны рабы и проститутки!» – вот самый популярный лозунг чеченской демократии тех лет.

Нет таких слов, чтобы утешили мать, сын которой убит на чеченской войне – магически-таинственной, гильотинирующей души, средневековой по жестокости, современной по мощи огневых средств, тектонической по последствиям.

Чем мы, газетчики, можем утешить вас, солдатская мать? Тем, что вот так откровенно поговорили с вами? Тем, что скажем в память о вашем сыне: «Прости, брат!». Что помолимся о нем в День поминовения? Что будем крепче крепкого в духовном смысле? Что споем о вашем сыне и тысячах других песню, которую в Чечне пели боевики и русские воины? Горе чеченских и наших матерей одинаково велико. «Помянем тех, кто были с нами, кого судьба не сберегла – их души тают над горами, как след орлиного крыла».

1998 г.

ПОГОНЩИКИ ДУШ

То, что книга была в зеленой обложке, радовало Ваху. Бережно глядя её, он говорил:

– Вот документ, собравший нашу ненависть в один кулак, объясняющий наше величие и презренность гяуров. Эта книга призвана утратить русских, лишит их воли. Те славяне, кто добровольно не уйдут с Кавказа, познают нашу безжалостность.

Ваха, называющий себя полевым командиром, тридцатилетний чеченец в черном берете и поношенном, ветеранском камуфляже, снова поднял книгу над головой и, потрясая ею, крикнул:

– Запомните, книга называется «Наша борьба, или Повстанческая армия Имама»! Вы спросите, почему она издана на языке русских собак? Чтобы они тоже знали правду о себе. Чтобы, читая эти грозные страницы, содрогнулись и бежали из Таганрога, Ростова, Царицына, потому что это земля общекавказского имамата, за возрождение которого мы сражаемся.

Вахе безмолвно и грустно внимали двенадцать вооруженных чеченцев. Они уже знали, что через пару часов им в который раз переходить Терек, и восторженное клекотание Вахи воспринимали, как потустороннее, даже неуместное.

После бегства русских войск из Чечни в жизни этих чеченцев никаких изменений не наступило. Как всегда и везде, за войну обогатились только политики, командующие фронтами и отрядами, что поделили между собой нефтяные вышки, торговали бензином, пленными, а рядовые боевики как не имели, так и остались без денег: не на что было залечить раны, обути и одеть детей. Чтобы подкормиться, исполняя волю таких, как Ваха, полевых командиров, они ходили за Терек – угонять скот и на другие задания. Большая часть добычи шла Вахе, который перед каждым походом читал политинформацию, даже рядовой грабеж называя мстью кафирам. В этот раз, открыв книгу, он прочитал из нее, что «элементарный поджог здания прокуратуры

также незаметно приблизит нас к желаемой победе», и ушел в дом, где его ждала молодая жена и накрытый стол, а двенадцать его собранных в банду людей разбрелись по двору – готовиться не то к диверсионному выходу, не то к грабежам под Кизляром. Ваха никогда заранее не объявлял задачу. Как и у всех в Чечне, у него был бзик в отношении разведчиков ФСК и милиции. Они мерещились всюду. Чеченцам мало приходилось иметь дело с правдой. Однажды в подпитии Ваха признался, что победы чеченцев не было и не могло быть. «Все в нашу пользу решил генерал Лебедь, а точнее, те, кто за ним стоит», – рассказал он. Ваха когда-то учился в Саратовском университете и умел четко излагать мысли. В нем странным образом сочетались любовь к книгам и мастерство палача. В войну ликвидацию контрактников Ваха не доверял никому: сам резал им глотки, оставаясь в этот день радостно возбужденным, словно принял сильный наркотик. Ему казалось, что все восхищаются им. На самом деле вокруг Вахи существовало незримое отчуждение – некая алая линия, через которую люди, знающие его, старались не переступить.

Нестерпимо холодный, предвесенний Терек перешли в том месте, где воды было по пояс. Ислам, молодой, с фигурой борца, голубоглазый чеченец, проклиная все на свете, выдержал эту ледяную пытку, но потом стал отстаивать. Давала себя знать спина, надорванная в Грозном в августе девяносто шестого года.

Все в жизни Ислама оказалось не так, как мечталось, как обещали Дудаев, потом Яндарбиев, Масхадов, Басаев, Хаттаб. На чеченских кладбищах прибавлялось молодых могил, горько рыдали по ночам вдовы, ветшали дома. Богатели только те, кто сохранил или развил в себе уголовную суть. Нет, не волчью! Волки не копят богатств.

– Вы безжалостные волки! – внушал своим людям Ваха. Слыша это, Ислам, двадцатилетний деревенский парень, больше гордо не вскидывал голову. Этой весной, повинувшись инстинкту, он особенно много думал о том, что из года в год истончаются трудовые навыки его народа. Погибают сады и

огороды, ремесла. «Где добыть столько рабов, чтобы отстроить разрушенное войной?» – раньше частенько и с горечью говорил он близкому другу, который теперь пыхтел впереди него с пулеметом.

Время от времени с дубовых веток слетало, начиная голосить, потревоженное заспанное воронье.

Бандгруппа шла к цели змейкой, оцетинившись стволами автоматов и пулеметов. Ислам, неся за спиной РПГ-7, стал совсем выдыхаться. И тут Ваха дал команду:

– Привал.

Сняв настывший гранатомет, Ислам привалился больной спиной к столетнему дубу, надсадно хватая ртом колкий морозный воздух.

Пройдя по цепи, Ваха остановился перед обессиленным Исламом и стал негромко ругать его:

– Ты должен быть впереди, а плетешься, как кляча. Мы во имя Аллаха идем на большое дело.

«Во имя твоих барышей», – сердито подумал Ислам, но ничего не ответил. Взбешенные, навывкате глаза Вахи не обещали ничего хорошего.

– Когда вернемся, ты сто раз прочитаешь книгу «Наша борьба»... Ты – гранатометчик – наша самая большая надежда. Ты должен быть лучше всех. Где твои силы, Ислам?

– Наверное, все потрачены на «Минутке», в августе 96-го, – горделиво, с металлом в голосе ответил Ислам.

Ваха примирительно улыбнулся, похлопал по стволу РПГ-7 и, мягко ступая, отошел поговорить с людьми, которые ждали его одобрительных слов.

Ваха был в омовских берцах, новеньком зимнем американском камуфляже, подаренном Хаттабом, а Ислам в солдатских подвернутых кирзачах и рыжем с подпалинами полушубке, теперь распахнутом, чтобы остудить молодое, разгоряченное тело.

Небо над головами чеченцев начинало светлеть, а куда шли и зачем – оставалось тайной.

«Удаление от Терека больше десяти километров, – недовольно прикинул Ислам. – Как будем возвращаться обратно? Все ли переступят порог родного дома?»

Успокаивало, что в этот раз не пришлось тащить на себе «фугасы» – как правило, танковые снаряды, уложенные в холщовые мешки, которые, сгибаясь под тяжестью, обыкновенно несли двое. Тогда, ожидая подходящую цель, можно было, замаскировавшись, пролежать несколько суток. Иногда операции срывались: чем больше томились в ожидании жертвы, тем больше было вероятности, что детонационные провода истерзают вечно голодные мыши.

Когда взлетали на воздух милицейские «Уралы», Ваха готов был танцевать от радости, но жизнь заставляла мгновенно давать команду: «Отходим!». Даже сильно раненные, контуженные российские милиционеры находили в себе силы открыть ответный огонь, и чеченцы, как сурки, стремительно исчезали в складках местности.

Обыкновенно диверсии проводились вблизи административной границы с Чечней, чтобы сразу укрыться на родной территории.

В этот раз удаление от нее можно было считать трагическим. В висках Ислама уже давно стучали погребальные барабаны, как вдруг Ваха поднятием руки остановил движение...

Все оказалось проще простого... Дагестанский милицейский пост из пяти автоматчиков практически не оказал сопротивления, только один человек залег в окопчике, но огня не открыл. Угоняя больше четырехсот голов скота и уводя с собой двух пастухов, чеченцы-налетчики весело балагурили, а когда возле милицейского, слабо укрепленного поста, прикрывавшего селение, снова нарисовались четыре расстроенные фигуры – это ППСовцы вышли почитать отягощенных добычей боевиков, Ислам шутливо навел на них свой заряженный гранатомет и те, упав ничком на землю, расплзлись.

Дагестанские милиционеры, обескураженные решительностью и силой вооружения налетчиков, всё же сумели сообщить о нападении в райотдел милиции, начальник которого, подняв личный состав «в ружьё», вышел с информацией на генерала П. из временного пункта управления. У того под рукой всегда были вертолеты с десантом из спецназа внутренних войск, два из которых через десять минут были подняты в воздух.

Следовало, обнаружив боевиков, перегоняющих украденный скот в Чечню, пресечь их бандитские действия. Спецназовцы, имеющие опыт войны в Чечне, были сосредоточенно молчаливы.

Идущие двойкой вертолеты, опустив носы, шли на высоте, позволяющей широкий обзор. Солнце – союзник спецназовцев, светило дерзко и весело, открывая вертолетчикам и офицерам внутренних войск все необходимое взору.

Скотокрады-чеченцы, загоняя похищенных коров и баранов в Терек, встревоженно подняли головы, прислушались, и тут же Ваха разразился матерной бранью, а Ислам, истово молясь, стал ловить в прицел своего гранатомета нарастающий в глазах, грозно ревуший, пятнистый, как рысь, боевой вертолет.

Выстрел из гранатомета оказался напрасным. Крутым виражом уйдя от него и пулеметно-автоматных очередей, потянувшихся к нему с земли, вертолет ударил из своего оружия по водной глади, пугая скот и заворачивая его обратно на дагестанский берег.

Ваха что-то орал, размахивая автоматом, но рев заматавшегося в страхе скота, надсадный вертолетный гул и выстрелы глушили его команды. В первые минуты боя, сосредоточив огонь на внезапно вынырнувших из-за леса вертушках, боевики тем не менее больше всего побоялись быть снесенными с ног разбушевавшимся скотом, и умело, стремительно разомкнулись вдоль берега, а потом бегом рванули к полуразваленной кошаре.

До нее добрались не все. Ваха упал первым, подкошенный автоматной очередью одного из десантировавшихся на воду российских спецназовцев.

Второй вертолет, оставаясь в воздухе, подверг обстрелу кошару из крупнокалиберного пулемета.

Те из чеченцев, кто остался в живых, используя все доступные углубления, открыли огонь по перебегающим спецназовцам.

Сергей и Виктор, окунувшись в Терек по шею, вырвались из воды и, укрывшись, стали методично работать по целям. Снайпер и пулеметчик, всю боевую жизнь работая в паре, они отличались высокой результативностью. Широко и свободно видя поле боя, спецназовцы замечали всестораживающие подробности, шевеления.

Отступить в глубь Дагестана боевикам-скотокрадам не дали сотрудники райотдела и командированные на границу российские милиционеры. Чеченцы, оказавшиеся между двух огней, думая только о спасении, продолжали яростно отстреливаться.

Ислам, израсходовавший все заряды к гранатомету, за автомат не взялся, а пополз к Тереку. Его единственной надеждой был предусмотрительно одетый под полушубок самодельный белый маскхалат, сшитый матерью – Сацитой.

Ислам сумел добраться до воды, потому что Руслан, друг детства, стреляя из пулемета длинными очередями, отвлек на себя внимание русской спецназовской спарки...

Когда убили Руслана, Ислам уже был в воде, то надолго ныряя, то всплывая, похожий на кусок весеннего грязного льда.

Терек уносил его все дальше и дальше от грохочущих вертолетов, ревущего, но не пораненного, собравшегося в стадо скота, огрызающихся огнем боевиков, разумных в натиске спецназовцев и расстреливающих рожок за рожком, отчаянных в стремлении наказать скотокрадов дагестанских милиционеров.

Выкатясь из воды неживым бревном, Ислам провел по лицу рукой, сдирая с бровей и усов настывший колючий лед. Он не суетился в воде и, когда заполз в рвущий его на части лес, сразу замерз, словно окаменел. Не

чуя ног, сапоги-то, чтобы не утонуть, пришлось скинуть, Ислам пошел среди заснеженных деревьев зигзагами, хотя погони не было. Его гнал вперед кошмар случившегося, что сегодня планета облегчила свой вес на двенадцать загубленных душ. Он шел, вспоминая, как Ваха в предсмертных муках бился затылком о настывшую землю.

Пройдя через лес в истыканном колючками акаций обмерзлом маскхалате, изможденный холодом и пережитым, Ислам пришел сначала в дом к Вахе, чтобы рассказать его старикам про бой на Тереке. Ему не хотелось встречаться с женой Вахи, ждущей ребенка. Слава Аллаху, она была у соседей.

Получив черную весть, старики долго молчали. Потом мать Вахи закрыла лицо руками и, выйдя из гостевой комнаты, без звука упала на пол, покрытый дорогим персидским ковром.

Прежде чем уйти, Ислам задержался взглядом на книге зеленого цвета с названием «Наша борьба, или Повстанческая армия Имама», сиротливо лежащей возле окна, смотрящего в сторону святого Востока. «Где сейчас эти люди, вооружившие Ваху словом, разжигающие пожар новой войны? – Строго подумал Ислам. – Может, кайфуют в Грозном, в Буйнакске, Кизил-Юрте или Махачкале? Не они стали первыми жертвами идей всекавказского Газавата, обдуманных в тиши кабинетов, а Ваха, Руслан и другие, переломанные политикой».

«Ружье, направленное на людей, выстрелило назад», – Ислам вспомнил старинную чеченскую поговорку, и, подержав книгу в дрожащих, окровавленных руках, бросил ее в огонь догорающего очага. Теперь надо было думать только о том, как вернуть родным тело Вахи и еще одиннадцати погибших. Магомед Тагаев, автор горящей в мирном огне книжки «Наша борьба», в этом скорбном деле, конечно, был не помощник.

1999 г.

ЛЮДИ-ДЕРЕВЬЯ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ-ЗМЕЙ

Влажный лес. Солнце то проглянет, то спрячется. Идущие впереди со- бровцы неслышны в чащобе. Мы на учениях. Влад, командир отделения, ко- торому в снайперской экипировке стать невидимкой ничего не стоит, оста- навливается. Его негромкая команда – и Борис раскатывает свою маскиро- вочную накидку: вместе с Владом они исчезнут в «зеленке», а нам предстоит их «ликвидация».

– Надо быть предельно внимательными, – давая вводную перед тем, как уйти, говорит Влад. – Выдвигайтесь парами, обязательно страхуя друг друга. Напрямую не ходите.

«В лесу не война, а убийство», – вспоминаю я слова друга – командира Терского батальона 205-й бригады майора Гололобова.

В лесном пространстве мы, «зеленые», что щепочки в океане.

В снайперском снаряжении Борис вызывает улыбки боевых друзей.

– Человек-дерево, – констатирует Крытый, ветеран Афганистана. – Кор- респондент, – обращается он ко мне, – сфотографируй его. Один Борин сни- мок я поставлю в шкафу, где конфеты, другой, где варенье, чтобы дети не ла- зали.

Все улыбаются, но с сочувствием глядят не на Бориса, а на Олега – тот пойдет на снайперов первым. «На живца», – проносится в моей голове. Первый выстрел из засады чаще всего точен. Обнаружить снайпера можно только по пулевому отверстию и по положению упавшего тела.

– Подстрелили у вас кого, кидаете дым, прикрываете огнем и вытаскивае- те товарища, – продолжал Влад. – После огневого контакта разбиваете лес по секторам, прочесываете.

Да, кто-то должен умереть первым, чтобы обнаружился снайпер – огневой кошмар любой войны. В чеченских событиях снайперы боевиков работали только с прикрытием из гранатометчика, пулеметчика, нескольких автомат-

чиков. Ведя беспорядочный огонь, они старались вызвать ответный, а снайпер поражал обнаружившие себя цели.

Сегодня на учебе в лесу мы делимся на своих и чужих, хотя и родные.

Снайпера уходят. Мы в ожидании. Замаскировавшись, Влад дает нам по рации команду:

– Начать движение.

Старшим у нас теперь Крытый – это его позывной.

– Снайперов, прежде чем уничтожить, надо обойти, – резонно напоминает он. За его плечами Афганистан: служба в десантно-штурмовом батальоне, боевые действия в Чеченской Республике. Он тверд, умен и стремителен.

Скоро здесь, в лесу, в учебном бою схватятся люди. Еще молодые, но навоевавшие, получившие раны в реальных боях. Их профессия – защита мирных жителей от уголовных преступников, террористов. Российские собровцы всегда в боевой готовности. Передышки коротки. Угроза исходит и от скопища уголовников, сосредоточившихся в Чечне, которые совершают набеги на сопредельные с Чеченской Республикой территории: похищают детей, убивают, грабят безжалостно, дико. Идущие из Чечни бандгруппы оснащены современным оружием, обладают хорошей оптикой, средствами связи. Вот почему собровцы чтят суворовский завет: «Тяжело в учении, легко в бою». И преступники боятся «зеленых». Так в среде чеченских боевиков-уголовников называют российских разведчиков, спецназовцев армии, МВД, ФСБ.

«Зеленка»... Сколько песен о твоей смертельно опасной сути! Тоненько, как полевая мышь, в руке Крытого пискнула рация. Мы выдвигаемся.

Тот, кто в дозоре, скрывается из вида первым. От дерева к дереву, пригибаясь, он прокладывает нам маршрут, режет пахнущий смертью воздух. Нырять под ветки, Олег вглядывается в то, что впереди него, выцеливая любые неровности почвы, ища возможное шевеление, малейшие непонятности. Я сочувствую Олегу всем сердцем.

Нам, скрытно передвигающимся, выпала роль противника и ждет нас засада милицейского спецназа. Отрабатывался один из непростых ее вариантов – работа снайперской пары в лесу.

В снайперском прицеле Бориса дозорный появился минут через двадцать, беззащитный, как ребенок. У английских спецназовцев еще во время войны на Фолклендах были приборы, фиксирующие тепло человека на значительном расстоянии. Будь этот прибор у Олега, он уже давно вычислил бы опасное для себя направление. Олег, дозорный, передвигался мастерски: легко и бесшумно, идя зигзагами, то появляясь, то исчезая в прицеле «Винтореза».

Конечно, Борис пропустил его, оставив эту жертву Владу, лежащему дальше под маскировочной сеткой.

Сухая ветка предательски хрустнула под моими обутыми в кроссовки ногами. Я шел замыкающим. Накрапывал дождик. Лес маячил передо мной частоколом, через который не перелезешь. Я удивлялся, что там Крытый видит перед собой? Он руководил людьми специальными, отработанными на войне жестами. Ему подчинялись мгновенно, страхуя друг друга, то перебегая, то расплзаясь пятнисто-зелеными змеями.

Не хотелось думать, какая на этот раз мне выпала доля. Даже презрительно-мысленно не было желания побыть в волчьей шкуре преступника. А пришлось.

Чаща сгущалась. Я ориентировался на спину идущего впереди Александра, понимая, что в настоящих боевых действиях открывающаяся передо мной картина была бы острее, ярче, ужаснее.

Потом на Бориса, снайпера, прямо в лоб вышел Геннадий. Хитроумный Крытый резко ушел влево, и Боре, чтобы Гена не наступил ему на голову, пришлось стрелять в него, а не в Крытого, ускользнувшего из прицела. Услышав в тишине леса еле слышный щелчок – так подал о себе знать спусковой крючок, Геннадий опустился на землю. Посредник сообщил:

– Ты убит.

И сразу выстрелом Влада был снят дозорный Олег, ушедший далеко вперед.

В дневном реальном бою снайпера вычислить невероятно трудно. В горах, в лесу гуляет никому не подвластное эхо.

Через несколько минут стало ясно, что перевес явно на стороне снайперской пары. Скоро некому будет бросать дым, вытаскивать из-под огня раненых...

Саша был «убит» за несколько минут до того, как Влад поразил меня. Только Крытый где-то шарашил по лесу, еще живой. Осторожный, вдумчивый и хищный, как лесной зверь, он был свидетелем разгрома своих людей. Крытый мучительно долго вглядывался в зеленую хмарь и все-таки нашел того, кто был главной его целью на этом отрезке времени.

Продвинувшись ровно настолько, чтобы можно было расстрелять затаившегося под маскировочной сеткой Бориса, он «выпустил» очередь. И сам оказался под огнем снайпера Влада.

Так закончилась эта история. Оказалось, мы с Сашей прошли в четырех шагах от замаскированного Бориса. Вот каков этот человек-дерево!

Влад хвалил Крытого:

– Хорошо ходишь. Я готовился завалить тебя, но увидел только ухо, ствол автомата и часы на руке.

На обратной дороге, идя в цепочке за Владом, неся маскировочную сетку Бориса, я долго переживал, что был «убит» старым товарищем в голову. Но потом, заново все осмыслив и словно переродившись, счастливый, что живой, я с радостью вдыхал и не мог надыхаться терпким, больше не пахнущим смертью лесным воздухом.

1998 г.

КОННЫЙ РАЗЪЕЗД НА ТЕРЕКЕ – РЕКЕ ВРЕМЁН

Кони казачьего милицейского взвода станицы Галюгаевской не прельстились на сахар в моей руке, только трофейный рыжий жеребец Чечен с удовольствием съел его. С 21 мая 1998 года он, взятый в бою, стоит в колхозной конюшне. Той ночью конные чеченские налетчики напоролись на милицейскую засаду. Перегоняя украденный в Ставропольском крае скот, преступники действовали, как на войне. Когда милиционеры вступили в бой, за спиной у них оказалась еще одна группа чеченцев. Получив достойный отпор, скотокрады умчались в Чечню, оставив возле затагнутого песком рва лошадь, сиротливо опустившую голову, да гранатомет.

С тех пор этот рыжий англо-кабардинец на галюгаевских колхозных харчах. Кормить десять милицейских коней и Чечена колхозу, конечно, накладно. Но пока в Москве решают финансовый вопрос о содержании первого в России конного казачьего милицейского взвода, колхоз из уважения к милиции и любви к лошадям помогает. Галюгаевские милиционеры того заслуживают.

Едут казаки...

С 1993 года, когда в Чечне совсем не стало порядка, нет покоя и в ставропольских пограничных с Чечней казачьих станицах. На оперативных картах эта восточная часть Курского района Ставропольского края обозначена, как «Зона-3 «А», где несут службу не только поселковые милиционеры, сотрудники райотдела, но и сводный, через каждые 60 суток меняющий личный состав отряд ставропольской милиции, военнослужащие внутренних войск.

От поселкового отделения милиции станицы Галюгаевской до проходящей по Тереку административной границы с Чечней меньше километра, при хорошей погоде в 5 вечера в кабинете старшего лейтенанта милиции Николая Сулименко слышны из-за Терека молитвы муллы.

Начальник поселкового отделения милиции Сулименко говорит мне, что Терек – по-прежнему серьезное препятствие как для преступников с того берега, так и для контактов с милицией чеченского Надтеречного района. Куда больше проблем у галюгаевцев в бурной зоне ответственности, где полностью закрыть административную границу не представляется возможным. Поэтому в Галюгаевскую часто приезжает другой чеченский сосед – начальник Наурского райотдела милиции Ойси Ларсанов, бывший полевой командир.

– Беседуем, – рассказывает Сулименко, – без политики, с уважением, по существу вопросов. Чеченской милиции трудно сдержать обрушившийся на них девятый вал преступности. Недавно два их сотрудника, без оружия, по взаимной договоренности на нашей территории отслеживали идущие из Чечни автоцистерны с бензином.

На мой вопрос: «Поступают ли из Чечни ориентировки на преступников?» – Сулименко ответил отрицательно.

Я свалился ему как снег на голову накануне всероссийской милицеской операции «Вихрь-3», получив возможность увидеть станичную милицескую жизнь изнутри.

В режиме усиленного варианта галюгаевская милиция работает с 1994 года, с начала боевых действий в Чечне. Неизвестно, чьи снаряды рвались на окраинах станицы. Танки попортили ее дороги. Поселились в станице беженцы. Еще 2615 человек приезжают сюда из Чечни получать пенсии. Едут даже из Грозного, рискуя жизнью на обратной дороге.

В Чечне криминальный беспредел. Если ты не в волчьей стае, значит, сиюминутно рискуешь жизнью. Больше 155 банд, никому не подчиняющихся, нацеленные только на обогащение, терзают Чечню. Двадцать процентов чеченской молодежи употребляют наркотики. С употреблением спиртного в Чечне борются, с наркоманией – нет. В чеченской милиции осталось немного профессионалов. Бывшим полевым командирам, ставшим милиционерами, надо еще много учиться. Тейповая структура общества не позволяет им быть объективными в расследованиях. Кумовство процветает.

Мирным чеченцам и русским, оставшимся в Чечне, нелегко. Им очень хочется сохранить добрососедские отношения с левым берегом. Народная дипломатия на Тереке не погибла. Как-то на охоте, увлеченные погоней за кабаном, пропали две молодых собаки. Житель станицы Галюгаевской обратился к чеченцу Ахмеду, тот к мулле – и охотничьи собаки вернулись, хотя находились за Терекком на привязи у разных людей.

Однажды на рыбалке чеченец открыл прицельный огонь из пистолета, ранил казака в ногу. Снова беседовали старейшины. Подобные случаи не повторялись. Один из стариков-чеченцев сказал: «Придут к вам непрошенные, бейте!».

На Ставрополье из Чечни рвутся бандиты, не признающие своих старейшин, считающие, что и «собака бывает старой».

Станичники без запчастей

В станице Галюгаевской 3520 жителей. Еще недавно колхоз держал 56 тысяч овец, до 5 тысяч голов крупного рогатого скота, чистокровных скаковых лошадей. Теперь хозяйство числится в должниках, во дворах у людей только 110 коров. Животноводство убыточно. В бурунах, где привольно скоту, небезопасно. Колхоз живет пшеницей, кукурузой, сахарной свеклой да домашней птицей. В зоне ответственности поселковой милиции, станицах Галюгаевской, Стодереvской и на хуторах, уличной преступности практически нет. В основном мелкое хулиганство, кражи уток, гусей, кур. Каждую субботу в станичном клубе молодежная дискотека, и с наступлением темноты у родителей начинает постанывать сердце: не случилось бы чего...

В заложниках у чеченцев два жителя Галюгаевской, один из них мальчик девяти лет. Помочь им вернуться домой не удастся. Чеченская милиция бессильна. Похитителей интересуют только доллары.

Похищены три трактора и автобус: его угоняли вместе с людьми. Прикрываясь галюгаевцами, как щитом, чеченцы всю дорогу интересовались финансовой состоятельностью бригадира Василия Васильевича. Их убедили,

что, как и все захваченные, он небогат. В бурунах, на границе, людей вместе с Василием Васильевичем отпустили.

Жизнь мирных людей в «Зоне-3«А» протекает без внешнего напряжения, в привычно-событийном ритме. Но наличие 114 пограничных с Чечней километров никто со счетов не сбрасывает. Население, безусловно, защищено, обстановка местной милицией и приданными силами контролируется, но ЧП в силу прозрачности административной границы возможно в любую минуту.

Чеченские скотокрады уходят в набег с прибором ночного видения на голове, с гранатометом за спиной, верхом на обученной, не боящейся выстрелов, разбойничьей лошади, с японской радиостанцией в разгрузке. Столько в Чечне было оставлено военного снаряжения и завезено предпринимателями всех мастей! Налеты этих «всадников без головы» и других бандгрупп в «Зоне-3«А» сдерживает грамотная расстановка милицейских сил, экипировка которых пока далека от совершенства. Виной тому наша старушка-экономика, скуповатость московских милицейских руководителей, не спешащих реализовать заявки ставропольской милиции: в «Зоне-3«А» нехватка БТРов, «Уралов», острая необходимость в запасных частях к автомобильной технике.

Поселковые стражи порядка

Поселковое отделение милиции станицы Галюгаевской, говоря по фронтovому, «на передке». Семьдесят процентов личного состава моложе тридцати лет: достойные, уравновешенные перед лицом опасности милиционеры. Недавно созданная патрульно-постовая рота под командой лейтенанта милиции Павла Савченко, бывшего десантника, усилила поселковую милицию. Сотня казаков, ставших милиционерами, своим появлением на границе испортила настроение злоумышленникам: ведь возросло количество секретов и патрулей. Именно Савченко с подчиненными задержал пятерых

ижевских бандитов, приехавших поживиться аж в Галюгаевскую – на границу с Чечней.

Обучение казаки прошли под руководством командированных в станицу ставропольских инструкторов. По краю к тому времени пошли легенды, что в «Зоне-3«А» приступила к патрулированию конная казачья милицейская рота, что в ее силки попала уже не одна чеченская шайка. Но в деле пока только десять конных, отлично сидящих в седле милиционеров. Они патрулируют берег Терека, лесной массив вдоль реки. Их появление на административной границе с Чечней дало эффект скорее психологический, чем боевой. Начальник поселковой милиции Сулименко с горечью говорит, что от здания милиции до бурунной зоны, пограничной с Наурским районом Чечни, 17 километров. Нужна быстроходная техника, чтобы по тревоге поспеть в нужную точку. «Нам крайне необходима «Нива», – вслух мечтает он. Я в ответ говорю, что, видимо, «Зоне-3«А» надо придать особый пограничный статус с льготным режимом обновления техники, поступления новой, оплатой милицейского труда.

Появление же конного милицейского взвода было инициативой снизу, поддержанной руководством Ставропольского УВД как дань казачьим традициям, шаг навстречу желанию казаков защитить свои семьи. Станичники Галюгаевской не раз говорили о создании отряда самообороны. И войдя в реестр, пошли на службу в милицию, сделав ответственный выбор. А при соответствующей подготовке конный милицейский казачий взвод сможет выполнять не только патрульные функции.

В поселковой милиции люди как на подбор рослые, физически крепкие. Прапрадеды-то служили не где-нибудь, а в конной казачьей государевой сотне - царском конвое. Этим милиционерам бы современное военно-техническое оснащение. Но пока на них только один добротный комплект милицейского обмундирования, в нем на парад, на патрулирование и в секрет. В поселковом отделении милиции станицы Галюгаевской Курского

РОВД нет ни одного прибора ночного видения, несколько устаревших раций «Радий-М» и две «Мотороллы», никуда не годные в зимнее время.

Выходя в секреты на административную границу с Чечней, поселковые милиционеры ничем не отличаются от казаков времен Ермолова, Шамиля. Надежда, как и тогда, у них только на остроту зрения и хороший слух. Граница в «Зоне-3«А» по большому счету держится на русском казачьем воинском характере, чувстве долга и милицейской порядочности.

Резервный «Вихрь»

В ночь перед началом «Вихря-3» в Галюгаевской побывал начальник Курского РОВД полковник милиции Виктор Володькин. Потом с заместителем начальника поселкового отделения лейтенантом милиции Олегом Мартюшовым мы проверяли патрули и секреты, крутясь по станице и ее окрестностям на единственном «Уазике». Второй, поступивший с заводским браком, стоял на приколе по причине отсутствия запчастей. В резерве у здания отделения ждал своего часа БТР, пожирающий горючее, как дракон: 100 километров – 100 литров.

В операции «Вихрь-3» были задействованы все поселковые милицейские силы. Особое внимание уделялось пресечению административных правонарушений, проверке паспортного режима, безопасности детей. В плане мероприятий был подворный обход. С командиром взвода роты НПО лейтенантом милиции Сергеем Максимовым и постовыми мы проверяли притоны, в этот раз свободные от посетителей. В целом обстановка на административной границе и в станицах Галюгаевской, Стодеревской была спокойной.

Из самого примечательного была добровольная выдача 418 патронов к автомату калибра 5,45 мм и гранаты Ф-1 без запала, обнаруженные местным жителем при прогулке по лесу. Нет-нет да и находят казачки то гранатомет РПГ-7, то «Муху» или гранаты, брошенные в лесах, где можно встретить не только оружие, случайных людей, но и пришедших из Чечни пятнистых чу-

до-олений, спасающихся на русском берегу Терека от автоматных и пулеметных очередей браконьеров.

Режим работы поселковых милиционеров был привычно испытанным: вооруженные сотрудники дежурили сутки через сутки, невооруженные – с 9 утра до 9 вечера и с 9 вечера до 9 утра.

Во все времена Россия держится и продолжает выживать на приверженцах долга и чести. Зарплата рядового милиционера – 700 рублей (с пайковыми) в месяц. Пайковые в Галюгаевской милиции не видят давно. За газ, свет и воду милиционер платит полную сумму: у станичной администрации нет средств, чтобы обеспечить эту немаловажную привилегию. Но служат милиционеры-казаки достойно по Присяге, как завещано дедами, отцами. И, что самое удивительное, без агрессивности по отношению к беспокойным соседям-чеченцам.

«В чем тайна?» – размышлял я, найдя ответ только в станичной школе-лицее, где при входе обнаружил написанный на стене крупными буквами «Трактат о милосердии», где сказано, что милосердие – это милость сердца. В трактате, обращенном к ученикам, призывалось чувствовать боль другого как свою. Детей учили не ожесточаться, не озлобляться, внушали, что милосердие – не слабость: «Милосердие – это чувство сильных людей».

В 1997 году галюгаевская средняя школа-лицей была признана лучшей в России: в ней, что удивительно, углубленно изучают художественную литературу и труд. Вот такое светлое понимание казачьей души! Поэтому у выпускников школы, галюгаевских милиционеров, с пониманием долга все в порядке. Руководство Ставропольского УВД смело на них опирается, а милиция Галюгаевской – на станичников.

А левый берег живет

С раннего вечера и до утра чеченский берег Терека залит огнями. Чеченские села Гвардейское, Братское, Бено-Юрт пользуются электричеством, не платя российской стороне ни рубля. Солнце встанет, а уличные фонари и

не думают выключать. В Братском, все знают, беспрепятственно работает учебный центр боевиков. На деньги российских налогоплательщиков там освещаются учебные помещения и досуг головорезов-наемников.

Левый же, казачий российский, берег живет в строгом режиме экономии. Вот и думай: по кому война больше прошла – по тем, кто в тревоге ждет-пождет бандитского нападения, или по тем, кто живет работоторговлей, кражами скота, браконьерством, получая от своих декларируемых врагов-россиян бесплатный электрический свет и гуманитарную помощь...

1998 г.

СКОРБНАЯ ДОЛЯ БЫТЬ С «КОСТЛЯВОЙ» НА ТЫ

Жизнь Антона Теплова, солдата внутренних войск, оборвалась в Чечне в первый день нового, 1996 года. Как Антон оказался в дачном массиве под Ханкалой, никому не известно. Не поберегся воин, и ровно через месяц его обезглавленное тело было обнаружено омовцами Златоуста. На то она и «зачистка», чтобы тайное стало явным.

На теле Антона и в зимнем камуфляже не оказалось ничего, что открыло бы фамилию погибшего.

«Здравствуй, сынок...»

Справный солдат, Антон имел при себе материал для подшивки подворотничков, две иголки с ниткой, ножницы, плоскогубцы и... письмо матери, не единожды читанное.

– Здравствуй, сынок, – прочитали с болью омовцы. – Привет с Прочноокопа. Антоша, получили от тебя письмо, и все сразу обрадовались.

То, как был найден Антон, хладнокровно зафиксировала омовская видеокамера. Тело отвезли в бывшую пожарку, в те годы морг аэропорта «Северный». На кусочке желтой клеенки, привязанной к труп, кто-то из златоустовцев написал: «Антоша». А письмо матери к сыну омовцы оставили у себя. Не было уверенности, что на том скорбном пути, который предстоял телу, важный для опознания документ не затеряется.

Возвратясь в Златоуст, омовцы обратились в следственный аппарат УВД. Было установлено, что Прочноокоп – это станица Прочноокопская Краснодарского края. Следовательно, которому поручили расследование, связался с военкоматами Кубани. Потом обмен информацией неожиданно прекратился...

В декабре 1997 года в Дагестане судьба свела меня, спецкора «Щита и меча», с омовцами Златоуста. Они и поведали эту печальную историю,

сказав, что письмо к Антоше по-прежнему у них. И, может, мать все еще ищет сына.

Межрегиональная ассоциация социальной защиты ветеранов спецподразделений правоохранительных органов и спецслужб «Русь», которой руководит Л. Петров, командировала меня в Златоуст.

Вернувшись, я обратился в Генеральную прокуратуру России к сотруднику Главного следственного управления А. Еланцеву. Он, много работавший на Северном Кавказе, вдумчиво прочитал привезенный из Златоуста документ, просмотрел видеоматериал с кошмарными подробностями обнаружения трупа и стал звонить по московским инстанциям, занятым поиском пропавших без вести в Чечне. Обнадеживающих ответов не последовало. Антон из Краснодарского края в московских компьютерах не значился.

– Надо ехать в Ростов-на-Дону, в 124-ую судебно-медицинскую лабораторию Северо-Кавказского военного округа, – вздохнув, сказал А. Еланцев. – Только там можно узнать что-то конкретное.

По ориентирующим признакам

В период боевых действий на чеченской территории Ростову-на-Дону выпала печальная участь принимать тела погибших российских воинов. Был создан и самоотверженно трудился Центр погибших, где опознанные трупы, обмыв и переодев в новенькое обмундирование, закатывали в цинк. Только потом взмывали в воздух «Черные тюльпаны». Обезличенные тела военнослужащих, то есть неопознанные, оставались в ведении 124-й судебно-медицинской лаборатории СКВО, перед которой была поставлена задача идентифицировать всех погибших.

По дороге в Ростов я думал об Антоне, о его родителях, родственниках, друзьях. В письме к Антоше мама передавала ему привет от Лени, Саши, бабушки и Настеньки. «У нее уже два зуба прорезалось», – сообщала. И просила, чтобы сын берег себя. Была еще приписка отца: «Антон, что же ты так

долго не писал? Тут мать чуть не чокнулась. Я же тебе говорил, что надо писать почаще и ничего не скрывать...».

Эксперты 124-й СМЛ СКВО, с которыми я ждал встречи, мыслились мне седыми полковниками, изработанными донельзя. Подобного, смертельно уставшего старшего офицера я видел в Центре погибших в конце марта 1996 года, когда сопровождал до Ростова двух убитых в Чечне офицеров СОБРа. Тогда с горечью давно оторванного от нормальной жизни человека тот полковник сказал: «Сколько с этой «Минутки» вы будете трупы везти?».

В Ростове-на-Дону меня встретил молодой, доброжелательный, но со строгим взглядом старший лейтенант Сергей Семенов. Я полагал, что лаборатория – на окраине города, до нее же оказалось не больше пятнадцати минут пешком.

По дороге Сергей вежливо отмалчивался, сказав, что полковник Владимир Владимирович Щербаков, начальник лаборатории, сейчас на месте. Все вопросы к нему...

Я понял: военная дисциплина в 124-й на должном уровне – и взволнованно ждал встречи.

...Полковник медицинской службы В. Щербаков впился глазами в текст привезенного мной письма и через минуту совершенно уверенно сказал:

– Антоша? Оpoznан. Тело выдано.

Через пару дней, прощаясь, я спросил Владимира Владимировича: «Что чувствуют эксперты, когда тело воина, уже не обезличенное, а с возвращенной ему фамилией увозят на родину?». Ответ был кратким: «Успокоение».

Нечто похожее испытал и я, когда услышал, что Антон опознан, что это военнослужащий 101-й бригады внутренних войск МВД России Антон Викторович Теплов, 1977 года рождения.

Боль в моем сердце по нему не иссякла, ее прибавилось – ведь теперь у солдата, замученного боевиками, были не мифические родители, а с конкретным адресом, пережившие страшную трагедию.

Славяна, помощница В.Щербакова, принесла нам скорбную папку. Среди фотоснимков, документов я увидел ксерокопию того письма, что мне вручили омоновцы.

– Значит, уральцы помогли идентификации?

– Письмо, сохраненное ими, оказалось судьбоносным, – сказал Владимир Владимирович.

Вся работа по идентификации обезличенного трупа, найденного 31 января 1996 года под Грозным, именовалась: «Информационно-аналитическая разработка по ориентирующим признакам».

Когда тело поступило в 124-ю судебно-медицинскую лабораторию СКВО, его идентификация была поручена эксперту Александру Борисовичу Коптеву.

На камуфлированном бушлате Антоши четко читалось: «Кочетков», а на куртке – «Э.Ф....лов». Таких случаев, когда в Чечне донашивали дембельскую одежду, в практике лаборатории было немало. Чужая маркировка уводила поиски в сторону, замедляла их. В идеале работа судебно-медицинского эксперта не предполагает оперативных расследований. Сотрудникам 124-й судебно-медицинской лаборатории (судебных экспертиз и медицинской идентификации) приходится активно заниматься этим, что, конечно, не дело. Нагрузки и без того велики.

– Своими офицерами горжусь, – сказал мне полковник В. Щербаков. – Их, абсолютно надежных, никогда не надо подгонять.

Офицеры и другие сотрудники 124-й СМЛ были, как на подбор, молодые, с опытом, что сделало бы честь любой державе. У большинства из них, как и у полковника В. Щербакова, за плечами Санкт-Петербургская военно-медицинская академия. Она дала им не только знания и академическую ответственность, но и гвардейскую прямоту и духовную высоту, что не позволяет им очерстветь.

В нашей повседневной жизни мы старательно избегаем мыслей о смерти, боимся снов о ней, а когда видим смерть, когда она разит наших близких,

мы заболеваем, выбиваемся из привычного круга забот, долго восстанавливаемся.

Каково же офицерам 124-й, которые с «костлявой» на ты? Они в постоянном сражении с ней, любящей отнимать у своих жертв имена и фамилии.

В комнате для опознания 124-й СМЛ СКВО есть созданная на средства ростовского Комитета солдатских матерей стела с надписью: «Им возвращены имена». За каждой фамилией на ней – незримые для нас слезы матерей и отцов, жен и невест, детей... С 1 февраля 1995 года по 5 марта 1998 года сотрудниками лаборатории установлены личности 551 погибшего в Чечне военнослужащего, тела которых отправлены к местам захоронения.

Полковник В. Щербаков говорил, что после каждого успешного опознания в душах сотрудников лаборатории хоть ненадолго, но наступает успокоение. Мне думается, только не для их родных, которым тоже известно, какое это мучительное, выматывающее силы и нервы действие – идентификация обезличенных трупов, как терзают подкорку запахи тления, сам вид истерзанной, гниющей плоти...

Отпуск у сотрудников 124-й всего полтора месяца, санаторно-курортного обслуживания не бывало, обеспечение квартирами не предвидится. О наградах разговоров нет.

Неужели за успешную идентификацию военнослужащих внутренних войск молодые, классные эксперты лаборатории не заслуживают нагрудных знаков внутренних войск «За отличие в службе»? Их, ежедневно выходящих на поединок со смертью, надо окружить всеобщим вниманием, а если конкретно о наградах, то орденов и медалей «За заслуги перед Отечеством» они более чем достойны.

Для них, как для матери Антона Теплова и тысяч матерей других, война – это прежде всего могилы.

И провели по аду...

Первая телефонограмма из Златоуста на предполагаемую родину Антоши в Краснодарский край ушла 12 марта 1996 года. Ответный звонок по поводу высылки копии письма был на другой день.

В документах 101-й бригады Антон Теплов числился как самовольно оставивший часть. По факту его исчезновения было проведено расследование, в Прочноокопской допросили мать. Каково ей, бедной, было столько пребывать в неведении?

Признаюсь, я вез письмо в 124-ю лабораторию с внутренним ужасом, ощущая себя черным вестником, которому предстояло открыть матери Антоши страшную тайну. Эта тяжкая участь выпала 15 апреля 1996 года офицеру Новокубанского военкомата, который показал Татьяне Семеновне ксерокопию ее письма. Почерк свой – горе-горькое – она узнала сразу.

Потом были запросы военкома Новокубанского района в Чечню – в 101-ю бригаду, военному прокурору Грозненского гарнизона, начальнику Центральной военной комендатуры города Грозного: где находится тело Антона Теплова? В ответ – продолжительное молчание и, наконец, сообщение командира в/ч 5594, что, возможно, в Ростове-на-Дону, в специальном хранилище. 21 июня 1996 года в 124-ю лабораторию поступила исчерпывающая информация из Новокубанского военкомата, следом на опознание приехала мама Антона, Татьяна Семеновна.

Ее, как Пресвятую Богородицу, провели по аду. Показали видеопленку с запечатленным на ней обнаженным телом, потом предметы, найденные в карманах бушлата и куртки х/б. Следующий этап – поездка в поселок Военвед, где тело Антона было представлено очно.

И вот передо мной завершающий все трагический документ... «Сомнений в установлении личности погибшего Теплова А. В. не имею» – и подпись Татьяны Семеновны Тепловой.

Все, что могли омовцы Златоуста, работники Новокубанского военкомата, эксперты 124-й СМЛ СКВО для нее сделали.

У меня перед глазами десятки российских матерей с портретами пропавших без вести сыновей, стоящие вдоль дорог, по которым идет военная техника. Я помню чеченских матерей, листавших фотоальбомы со снимками тел, найденных в развалинах Грозного, – эти документы можно было видеть в ГУОШе.

Общее количество пропавших без вести в Чечне военнослужащих российских силовых структур до сих пор неизвестно. Скорбный подсчет имен продолжается. До сих пор нет надежного, выверенного, «правдивого», как говорят в лаборатории, списка военнослужащих внутренних войск, пропавших без вести в Чеченской Республике. Список этот крайне необходим в продолжающейся работе по идентификации. Нужны в полном объеме сравнительные материалы. Предоставить их в 124-ю СМЛ – дело чести внутренних войск России.

На 26 сентября 1997 года в результате судебно-медицинских исследований в 124-й лаборатории было опознано 58 военнослужащих внутренних войск. Антон Теплов в этом списке под номером 43. Установление его личности было бы значительно ускорено, располагай лаборатория сравнительными материалами на него:

1. Амбулаторной картой из поликлиники по месту жительства.
2. Медицинской книжкой военнослужащего.
3. Полной выпиской из личного дела призывника о прохождении военно-врачебной комиссии при приписке и призыве.
4. Прижизненные флюорограммы грудной клетки, черепа, зубных рядов и все другие имеющиеся рентгенограммы.
5. Прижизненные фотографии (предпочтительно несколько штук, хорошего качества и без головных уборов, по срокам близкие к дате исчезновения, предпочтительно из документов).
6. Сведения о группе крови. И так далее.

Сбором сравнительных материалов больше заняты матери и отцы, дети которых бесследно исчезли в Чечне. Оперативно откликается на запросы

124-й лаборатории ГУУР МВД России. Когда в республиканские министерства внутренних дел и УВД из 124-й лаборатории поступает документ с просьбой о сборе и представлении в Ростов-на-Дону сравнительных материалов, кто-то из сыщиков должен нести за выполнение этой задачи личную ответственность. Когда такое по воле милицейского руководства происходит, сравнительный материал поступает в срок и в объеме, способствующем опознанию.

Чаще 124-я СМЛ СКВО сталкивается с ведомственной волокитой, в то время как именно в этой лаборатории действует наиболее результативная прикладная организационная модель решения идентификационных задач.

Обратимся к документу: «...Об устойчивости модели свидетельствует постоянно отслеживаемая положительная динамика установления личности.

На стадии идентификации по алгоритму, предложенному 124-й СМЛ СКВО, помимо традиционных, активно используются разработанные совместно с НИИ нейрокибернетики РГУ нетрадиционные методы установления личности:

1. Сравнительный анализ прижизненных и посмертных рентгеновских снимков грудной клетки.
2. Сравнительный анализ параметров, полученных по прижизненным портретам и посмертным рентгеновским снимкам головы.
3. Методы дерматоглифики, включая сравнительный анализ дактилоскопических формул кровных родственников.

По отзывам научных консультантов, эти методы допускают установление личности до 84 процентов из всего массива неопознанных тел, установление личности остающихся 16 процентов возможно только с применением молекулярно-генетических методов исследования».

Во имя матерей России

Сеть судебно-медицинских лабораторий, подобных 124-й, была создана в военных округах Советского Союза в 1943 году.

До боевых действий в Чечне 124-я выдавала экспертную продукцию по поручениям органов военной юстиции. С началом боев на ростовских экспертов обрушился вал трупов. Шло оперативное реагирование на их поступление, люди работали в изнурительном экстремальном режиме.

Тогда Главное медицинское управление Министерства обороны России применило вахтовый метод: в Ростов-на-Дону приехали специалисты из военных округов и с флотов России, чтобы обрабатывать «трупный массив», фиксировать все опознавательные-идентификационные критерии, заносить их в базу данных.

Полковник Владимир Щербаков принял 124-ю СМЛ в самые трагические дни чеченской кампании. С 1992 года он служил в 124-й старшим врачом-экспертом, вернувшись в Ростов-на-Дону по семейным обстоятельствам, с должности начальника 29-й лаборатории Тихоокеанского флота.

До этого, после окончания Военно-медицинской академии, Владимир Щербаков два года служил на кораблях, девять месяцев ходил в Индийском океане на эскадренном миноносце «Вдохновенный». Владимир Владимирович смел, решителен, инициативен, талантлив. Сегодня в России он один из самых известных специалистов по идентификации. В разговоре со мной он сказал много добрых слов о своих учителях, о тех, кто помогает 124-й судебно-медицинской лаборатории и словом и делом.

Экспертно-криминалистический центр МВД России под руководством генерал-лейтенанта милиции, доктора юридических наук Игоря Петровича Карлина оказывает методологическую, научно-консультативную помощь, активно обменивается информацией. В лаборатории генотипоскопии ЭКЦ стажировались сотрудники 124-й СМЛ.

Сегодня начальник 124-й СМЛ СКВО полковник В.Щербаков и его офицеры смотрят далеко вперед. Они справедливы в своих размышлениях о том, что миру никогда не нравилось понятие «неизвестный солдат».

Чтобы больше не скитались матери в поисках пропавших без вести сыновей, в России должен быть закон о медико-криминалистической иденти-

фикации личности человека, – такова точка зрения сражающихся со смертью офицеров 124-го СМЛ СКВО.

– Есть риск умозрительный, конкретно-чувственный, а есть predeterminedенный, – сказал мне Владимир Владимирович. Под «группами риска населения» он понимает контингент граждан, работа или условия проживания которых сопряжены с объективно существующим повышенным риском для жизни и здоровья.

– Наиболее уязвимой категорией населения в смысле predeterminedенности обезличивания является личный состав силовых структур России, – говорит Щербаков. – Данное обстоятельство при отработке нормативного блока должно быть положено в основу первоочередности формирования банка данных медико-криминалистического характера в отношении военнослужащих Вооруженных Сил России и других силовых ведомств.

О многом говорит факт, что из большого количества опознанных трупов, обезличенных в ходе боев в Чечне, считанное время ушло на идентификацию четверых граждан с криминальным прошлым, отпечатки пальцев которых оказались на дактилоскопическом учете в милиции.

Америка, Великобритания и другие страны, в отличие от России, в вопросах идентификации располагают соответствующим законом, банком данных. Более того, в США система идентификации находится в сфере управления Госдепартамента, в Англии – Парламента, в Швеции – Министерства обороны.

У 124-й лаборатории СКВО, головной организации этого направления, много хозяев. В СКВО это начальник штаба тыла, начальник тыла, начальник штаба СКВО.

Видимо, Россия пройдет несколько этапов осознания важности этой задачи. На первом необходимо решение о подчиненности 124-й СМЛ Главному медицинскому управлению Министерства обороны – таково мнение специалистов.

...В силовых структурах России устаревшая система маркировки форменной одежды, надо решать проблему личных жетонов. Личный номер военнослужащего, по сути, всего лишь один из ориентирующих признаков, не более того. Жетон могут не носить, потому что дурная примета. В Чечне в солдатской среде случалось такое: «Я дарю тебе счастливый жетон, братан», – могли сказать те, кто уходил на дембель, и опознавательный жетон, меняя хозяина, создавал впоследствии немислимые трудности для экспертов 124-й судебно-медицинской лаборатории.

Вместо послесловия

Свидетельство о смерти Антона Теплова, военнослужащего 101-й бригады внутренних войск, мама его, Татьяна Семеновна, получила 7 июля 1996 года. Более полугодом она, страдавшая, не знала о судьбе сына, затаивая перед телевизором: может, где в видеохронике мелькнет лицо Антоши – живого, здорового. Не случилось...

Государство обидело ее и тем, что, замученный боевиками, он так долго числился в списках самовольно оставивших часть – по сути, в дезертирах.

Пусть слабым, но утешением для матери было то, что златоустовские омовцы и эксперты 124-й СМЛ СКВО вернули ее мальчику доброе солдатское имя.

1998 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*«Я – мать несчастная, как долина,
у которой трава на корню сгорела»*

Из дагестанской народной песни

«ЛЮБИТЕ НАС, ПОКА МЫ ЖИВЫ»

За седьмым постом – промзона, кладбище с тополями, а потом до самых гор трава по пояс. С наступлением темноты со стороны промзоны видны явные признаки ночной разведки противника. С помощью «зеленых огней» боевики высматривают, нет ли каких изменений на российском режимном объекте.

Но сегодня только грозненская жаркая темнота лезет в глаза, да кажется, что на далеком, невидимом с седьмого поста кладбище начинают рокотать барабаны.

Седьмой пост – авангард охранной системы – это обложенный мешками с песком форпост уиновского спецназа. Его бойницы давно пристреляны боевиками. Но пока Бог миловал от ранений всех, кому выпадает дежурство в отрыве от своих. Отсюда хорошо виден бетонный забор, отделяющий охраняемый объект от промзоны. Задача наших бойцов – подорвать мины направленного действия, если боевики рискнут на атаку с этого направления. Автоматные перестрелки отсюда почти бессмысленны.

Самое опасное время – когда, нарастая в звучании, бьют барабаны.

– Слышишь, как рокочут? – нарочито спокойно спрашивает майор Александр С. у лейтенанта Михаила П.

– Нет, – отвечает тот, оглохший на одно ухо после недавней контузии, и смеется. – Ну и компания у нас. Я не слышу на левое ухо, ты – на правое. Давайте, что ли, вместе сядем, послушаем...

Гулкие вздохи чеченских «там-тамов», если они точно нарушили тишину, для спецназовцев значат только одно – через полтора часа будет сильнейший обстрел или атака втихую. Поэтому приход механика-водителя БТРа Бачи принимается с восторгом. И прошедший Афганистан, бывший пограничник Бача, не прислушиваясь, подтверждает, что барабаны режут слух уже больше десяти минут, и по этому поводу Сан Саныч, начальник режимного объекта, просит майора Александра С. к себе.

Бача же занимает его место возле бойницы.

Бача – признанный авторитет командированного в Грозный спецназовского отряда. Все умеет и очень надежен. Здесь, в Чечне, он часто грустит. Ему не нравятся плохое снабжение боеприпасами, нестыковка ведомств, подчеркнутое неуважение отдельных командиров к своим подчиненным, мелочность в отношениях, которая в Афганистане была выведена, как моль.

Тем временем грохот барабанов растет. Бача знает, что с гор спустились тридцать девять боевиков, их доукомплектовали грозненские ополченцы. И сейчас они настраивают себя на бой, бегая по кругу, потрясая оружием. Полтора часа такого движения под хлопки и молитвенные речевки, и боевики надолго забудут о сне и еде. Введенные в транс барабанами, они получают способность умереть не задумываясь. Однажды Бача видел одноногого борода-того, который танцевал «Зикр» больше пяти часов.

Разведка режимного объекта знала, что в настоящее время боевики скопились на старом заминированном кладбище. Но упредить их удар минометным обстрелом, неожиданным контрударом спецназовцы не имели права. Таков удел тех, кто участвует в необъявленном вооруженном конфликте. Открывать огонь можно только по явно атакующему тебя противнику. Поэтому за боевиками всегда право первого выстрела.

...Накачанный самой свежей информацией Александр С. выходит из здания и, не подозревая, что он в окуляре чеченского «ночника», не спеша идет на седьмой пост. Его путь возле ангара, где стоят БТРы, давно приведенные в боевую готовность.

Сначала майор услышал сухой щелчок, словно кто-то невидимый открыл рядом с ним импортную банку с пивом. Он, расторопный, успел нырнуть за бетонную стенку. Разрыв подствольной гранаты, не подсуетись Александр, снес бы ему полчерепа.

До седьмого поста теперь было не добежать. Боевики, большие мастера по стрельбе из подствольников, садили из них во всю ивановскую. Охрана объекта, пережидая мини-артналет, пока молчала.

Майор нащупал рацию и включился в радиообмен. От рвущихся в большом количестве гранат уже появились контуженные.

На седьмом посту пока все было в порядке. Потом Александр увидел, как в небо взметнулась осветительная ракета, и сразу раздался характерный разрыв заряда от РПГ. По рации было доложено, что спецназовец при свете ракеты обнаружил подкрадывающихся к восьмому посту четверых боевиков, один из которых был вооружен огнеметом «Шмель», и выстрелом из гранатомета уничтожил их.

После этого началась интенсивная огневая автоматнo-пулеметная перестрелка. Перебежками под непрекращающимся огнем майор вернулся на седьмой пост и включился в боевые действия, как полагается командиру.

К этому моменту Бача переместился на пятый пост, притащив с собой патроны. Там теперь воевали он, Дима и Лёха. В ходе боя по вспышкам была засечена двадцать одна огневая точка противника.

По рации пришла информация, что при переходе на третий пост, попав под взрыв чеченской подствольной гранаты, получили контузию Сан Саныч и охранявший его младший лейтенант Алексей Р.

Между тем ночной бой продолжается.

Но вот гаснут одна за другой огневые вспышки автоматов и пулеметов боевиков, потому что спецназ лучше воюет. Бой затихает, как догорает костер. И снова напряженная тишина, снова по фронту в поисках жертв рыскают «ночники», указательные пальцы по-прежнему на спусковых крючках.

Вдруг на чеченской стороне начинают тоненько помаргивать карманные фонари. И Сан Саныч дает команду:

– Не стрелять! Боевики ищут своих погибших. Пускай выносят...

На этот раз майор и лейтенант Михаил П. слышат погребальный бой бабабанов. Он не оставляет надежд тем, кто ждет в горах возвращения своих. (Через неделю разведке спецназа станет известно, что из 39 сепаратистов, приходивших в Грозный, в горы вернутся только девять).

На рассвете Бача, взяв желтую краску и кисточку, на броне своего БТРа прописью первоклашки изобразил: «Любите нас, пока мы живы».

Сентябрь 1995 г.

НЕ ПРЕДАЛИ ИМЯ СВОЁ

I.

В Кизляр бандформирование Радуева вошло беспрепятственно. В ночное время российские блокпосты охраняли только себя. Так было в Чечне, а под Кизляром – тыловым городом – и подавно.

Радуев имел позывной «Одинокий волк», но в город, хорошо известный его разведчикам, вошел с двумя сотнями боевиков, остальные примкнули позже. Агенты Радуева, не узнаваемые в масках, вывели чеченцев в назначенные для атаки квадраты.

Радуев знал, что в Кизляре известно о возможном вторжении. Он ждал, когда кизлярская милиция, усиленная командированными в Дагестан российскими милиционерами, устанет от ожидания. Расчет на это оправдал себя.

Большим преимуществом боевиков было то, что никто не верил в возможность нападения на дагестанский город, принявший сотни чеченских беженцев, пострадавших от войны.

Налета ждали под Новый год, на Рождество. В голове дагестанских милиционеров не укладывалось, чтобы соседи пошли против них. Мало чеченцам войны с русскими?

А вот у сержанта ППС Кизлярского ГОВД Павла Ромащенко душа томилась в недобром предчувствии. «Что это с ним?» – думала о нем мама. Всегда приветливый, ласковый, он в последние дни своей жизни просто лучился от доброты, заласкивал маленькую, похожую на него племянницу Анну – частенько подбрасывал ее, радостную, к потолку, обнимал мать. Как и все милиционеры Кизляра, он знал то, что не положено было знать другим. И внутренне готовился...

Павел Ромащенко был хорошим милиционером. Он гордился своей работой, возможностью защитить слабых. Смеясь, однажды сказал сестре, что хочет стать генералом. И стал бы, потому что был умен, сверхответственен, предан присяге.

Ранним утром 8 января 1996 года мать Анна Ивановна долго не решалась разбудить Павла. Тянула время, любуясь красотой сына. Потом поймала себя на мысли: «Что это я, словно вижу его последний раз?».

Он ушел на усиление в городской отдел, чтобы заступить на охрану центральной больницы. С ним вышли на дежурство рядовой Александр Дестистов и стажер Алексей Сикачев. На троих у них был один ПМ – с автоматами в горотделе была напряженка. Пулеметы у кизлярской милиции отсутствовали.

Современный мирный город – не средневековая крепость, окруженная рвом. Он открыт для неприятеля, а вот выйти из него – проблема для налетчиков.

Почему Кизляр не усилили введением дополнительных армейских подразделений – загадка. Среди военных он считался абсолютно спокойным городом. Только вертолетчики так не думали. Эти пахари войны знали цену себе и кизлярскому аэродрому – допотопному взлетному полю, куда они с радостью возвращались, отлетав над гребнями гор и равнинами.

В город чеченские боевики заходили пешим порядком. Когда они выдвигались к аэродрому, их заметили двое охотников, поднявшихся ни свет ни заря. Сократив путь только им известной тропой, они за несколько минут до нападения предупредили охрану.

Чеченских боевиков встретили огнем, и те завязли возле аэродрома.

Другая их команда имела задачу заблокировать часть внутренних войск, находящуюся недалеко от больницы.

Все началось в 5.15 утра. У каждой группы чеченцев была своя задача. Несколько легковых машин с ведущими огонь террористами носилось по городу, стараясь посеять хаос. Одна из машин с тремя боевиками была уничтожена офицером войсковой оперативной группы (ВОГ) – метким пулеметчиком.

На первом этапе боевых действий в Кизляре радуевцам удалось заблокировать ВОГ, размещенную на территории местной части внутренних

войск, уничтожить на аэродроме два вертолета. Чеченская разведка подвела Радуева. Он рассчитывал на поражение девяти вертолетов, но такого количества техники в Кизляре не оказалось.

В ночь с 8 на 9 января Анна Ивановна Ромащенко видела сон: к лежащему на кровати светловолосому красавцу сыну, чьей-то злой волей превращенному в скелет, подходит ее давно умершая мать...

– Что ты, мама? – в отчаянии прокричала ей Анна Ивановна. – Зачем забираешь Пашу? Не отдам!

Но мать оттолкнула ее и горестно склонилась над Павлом.

Проснувшись, Анна Ивановна услышала стрельбу и, цепенея, шагнула к ярко освещенному провалу окна. Разбрасывая мириады искр, на аэродроме горели военные вертолеты. В эту минуту она твердо осознала, что сына больше нет на земле.

Захват больницы террористы начали одновременно с атакой на аэродром и ВОГ.

Милиционеры Павел Ромащенко, Александр Детистов и стажер Алексей Сикачев были захвачены, когда выходили из лифта, закончив осмотр верхних этажей здания.

Срок стажерства Алексея Сикачева, одетого в штатское, заканчивался через полмесяца, и когда ребят обыскивали, Павел с Александром сказали про него, что этот парень с ними случайно, что у него в больнице лежит жена, и он просто покидает здание.

Но Алексей Сикачев, полный презрения к чеченцам, ворвавшимся в больницу для захвата рожениц и других немощных, сказал, что он российский милиционер. За что был нещадно избит. Потом сержант Павел Ромащенко, тоже зверски избитый, достал из потайного кармана табельный ПМ и выстрелил два раза, убив боевика и смертельно ранив полевого командира.

Кизлярских милиционеров искалечили, пообещав добить из отнятого пистолета, если полевой командир умрет.

Всего было взято в заложники 17 милиционеров. Они рассказывают, что у Алеши Сикачева были выбиты все зубы, но на вопрос: как он? – стажер нашел в себе силы ответить, что все нормально.

Когда полевой командир террористов скончался, Павла снова избили, потом облили спиртом, подожгли и вытолкнули из дверей главного входа в больницу. Пылая как факел, Павел долго бежал, а потом был добит чеченским снайпером.

Милиционеру Александру Детистову выстрелили в голову, оставив тело в больнице – для устрашения. Алексея Сикачева боевики выбросили с третьего этажа. В Кизляре потом начались разговоры: надо ли было Павлу Ромашенко применять оружие? Зачем Алексей Сикачев признался, что он работник милиции? Ведь для российского государства он так и остался стажером: его жена Ирина с маленьким сыном, родившимся после смерти Алексея, не получает милицейскую пенсию.

Каких-то полмесяца не хватило погибшему герою, чтобы стать обладателем милицейского удостоверения. Поражают черствость, недалекость руководства МВД Дагестана: неужели приказом министра нельзя Алексея Сикачева зачислить в милицейские списки навечно? Поставьте себя на место этого великого человека, только и требовалось сказать: «Я не с ними». И вот она – жизнь... Алексей сделал выбор. «Я – милиционер», – сказал он. Его, как Павла Ромашенко, Александра Детистова, посмертно наградили орденом Мужества, но в праве именоваться «милиционером» отказали.

Жена Сикачева с маленьким сынишкой Алешкой сегодня бедствуют.

Ирине не помогли с работой, сейчас она снова учится в медицинском училище на фельдшера. О ней заботится только рота ППС Кизлярского ГОВД, считая ребенка погибшего друга «ротным сыном». Неужели семья покойного Алексея Сикачева останется без милицейской пенсии?

Два года прошло, как не стало Павла, Александра, Алексея. Жена Павла, теперь бывшая, когда он погиб, сделала аборт. А Ирина Сикачева, хруп-

кая красавица, родила Алешеньку – не прервалась богатырская русская фамилия.

«Зачем Павел стрелял?» – и сегодня спрашивают. Дескать, надо было сдаться.

Среди цивилизованных людей терроризм – презираемое деяние. В Буденновске, где случился невиданный по жестокости захват заложников, чеченским убийцам дали уйти. Все, кто в России носил погоны, содрогнулись, понимая, что за этим последует. В сердцах российских защитников правопорядка по отношению к чеченским террористам, кроме ненависти, ничего не осталось.

Кто-то должен был остановить чеченский пир вседозволенности, покарать распоясавшихся бандитов. Это сделали три кизлярских милиционера. Для всех, кто продолжает борьбу с терроризмом, они – символ великого мужества.

Милиционеры Павел Ромащенко, Александр Детистов, Алексей Сикачев оказали сопротивление первыми, следом вступила в бой охрана аэродрома. Попали под перекрестный огонь чеченцев два экипажа ПМГ городского отдела внутренних дел.

Как это часто бывает, радуевцам удалось покуражиться в основном только над мирными жителями. Их, невооруженных, убивали, насиловали.

Отбитые везде, где охрана объектов обладала автоматическим оружием, боевики стали откатываться к больнице, чтобы спастись за спинами гражданских людей.

В первые часы боя террористам удалось захватить в заложники две тысячи сто шестьдесят одного человека.

А в городе уже работали милицейские группы подавления из числа командированных в Кизляр россиян, подтянулись сотрудники милиции из ближайших населенных пунктов, ногайских степей, вырвались из окружения бойцы внутренних войск, на двух БТРах вошел в город махачкалинский ОМОН, в воздухе появился вертолет из Ханкалы со спецназовцами 8-го от-

ряда внутренних войск. В Москве, Краснодаре поднимались в небо самолеты с антитеррористическими отрядами ФСБ и МВД.

В Кизляре боевая инициатива постепенно перешла к ГУОШу, райотделу и горотделу милиции.

II.

С первыми выстрелами стрелок кизлярского ВОХРа Владислав Кисилев быстро оделся и выбежал из дома, решив во что бы то ни стало пробиться к железнодорожному вокзалу. В ВОХРе можно было получить оружие. Возле вокзала у родственников ночевала жена Элла. Он собирался укрыть ее в здании ВОХРа и пойти в бой.

Перестрелка в городе нарастала, и Владислав бежал, почти не скрываясь. В вохровской форме он был хорошо виден на открытых, освещенных местах.

Он выскочил из-за бетонного забора и остановился, пораженный. Такое он видел только в фильмах про фашистские концентрационные лагеря. Бородатые, с оружием наперевес, чеченцы гнали полураздетых плачущих женщин, детей, стариков, угрожая им автоматами.

Один из них, увидев Влада и рассчитывая на безропотное подчинение, призывно качнул автоматным стволом.

Влад резко отпрянул. Пули не попали в него – забор защитил, только запорошило лицо и одежду бетонное крошево.

Вместе с другими кизлярцами Владислав Кисилев радостно встретил приход в город российских специальных подразделений. В скорбном молчании он провожал в последний путь погибших милиционеров, мирных жителей.

Он был один сын у родителей, работающий, все умеющий. Отвечающий согласием на любую добрую просьбу.

По образованию программист, он не нашел работу по специальности и стал вохровцем: сначала водителем, потом стрелком. Весь дом держался на нем: отец тяжело болел.

Поразительно трудолюбивый, Владислав каждое дело доводил до конца. Он нежно любил жену, сына Артурика, маму Нину Николаевну, самую прекрасную на свете, вечного труженика отца.

Все-то два года после трагических кизлярских событий выпало пожить Владиславу. 22 декабря 1997 года догнала его чеченская пуля.

На окраине Кизляра Владислав Кисилев охранял железнодорожный мост через Терек. Он только пришел на смену... По рельсам грохотал пассажирский поезд Махачкала–Москва. Старший наряда Петр, как положено, стоял на мосту. Когда последний вагон состава пролетел мимо, но еще не миновал мост, Петр увидел, как на том берегу Терека из-за заснеженного бугра встал вооруженный человек в камуфляже, черной шапочке-боевке. Старший наряда успел крикнуть: «Стой! Стрелять буду!». В ответ: «Сдавайтесь!». Между Петром и боевиком было не более ста пятидесяти метров.

Старший наряда упал на землю. По нему сразу открыл огонь тот, кто кричал «сдавайтесь».

Услышав стрельбу, не успевший получить оружие Владислав Кисилев схватил автомат товарища и, выскочив из вагончика, залег в находящемся рядом блиндаже, в сооружении из одинарных шпал, где можно было укрыться только от дождя и ветра.

Блиндаж с изготовившимся для ведения огня Владиславом был мгновенно обстрелян другим чеченским террористом из пулемета. Опытный огневик, диверсант стрелял кучно, пронзал шпалы навывлет. Одна из пуль попала Владу Кисилеву в голову...

Старший наряда, лежащий на насыпи, успел выстрелить семнадцать раз. Ведя огонь с двух точек, обстреляв вагончик, боевики скрылись. Медленно падал крупный снег.

Вохровцу, «державшему» мост на левом фланге, не дал вести огонь уходящий поезд. Пока стрелок подбирался к насыпи, чтобы ударить по боевикам, те ушли в лес в сторону двух частных домов. Вохровцы больше не открывали огня, боясь попадания в людей, живущих вблизи железной дороги.

Мама Влада Кисилева – Нина Николаевна – как-то сказала сыну:

– Если на вас нападут, лучше укройтесь в лесу...

– Что ты, мама! Как можно так говорить?! – вспылил Владислав.

– Теперь, как ты, больше никто не думает, – потерянно сказала она.

– Чтобы я бежал от чеченцев, а они стреляли мне в спину?! Такого не будет!

В ночь, как ему погибнуть, он почти не спал: у отца, онкологического больного, был тяжелый приступ.

Влад с Ниной Николаевной вернули отца к жизни.

– Лучше бы я умер, – говорил он мне при встрече. – Если бы я скончался, Влад бы не пошел на работу.

Чеченские террористы, столкнувшись с сопротивлением вохровцев, отошли, не выполнив задания: вторая группа боевиков, услышав перестрелку, бросила мешки с тремя снарядами калибра 152 миллиметра, предназначенными для подрыва моста.

Банды Радужева и Хаттаба нацелены на войну за вытеснение России с Кавказа. Они убивают наших лучших людей. Влад Кисилев умер как герой, с автоматом в руках, завещая нам бесстрашие в борьбе с чеченскими террористами. В этом смысле Кизляр в эпицентре войны – для многих пока незримой.

Влада хоронил весь город. Мне бросилось в глаза, что ворота из металла в его доме были выкрашены в черный цвет. Кем? Я не спросил. Может быть, самим Владом – он любил работать по дому. Черные ворота остались в памяти как знак вечного траура по молодой загубленной террористами жизни. На черных воротах светились белые цветы. Теперь они казались росписью смерти.

Гроб с телом Влада несли на руках пять часов. В его жилах текла и армянская дедовская кровь. Из армянских домов, по обычаю, выносили столы, чтобы гроб с телом покойного героя, постояв возле ворот, как бы освятил прощающихся с ним.

В городе стоял стон: Влад был пятьдесят вторым кизлярцем, убитым чеченскими моджахедами. Все знали, что семья Кисилевых потеряла единственную надежду, главную опору в жизни.

«За что Владислав отдал свою молодую жизнь?» – спросит кто-то из обывателей.

Выросший на Кавказе, он знал, что безнаказанность плодит все новые преступления. Чтобы они не множились, он, как Павел Ромащенко, Александр Детистов, Евгений Егоров, Алексей Сикачев, и отдал свою жизнь. Венец их смерти был святой, ранний и мученический, как пример незабвенного героизма, цену которому знают только матери, потерявшие сыновей, и те, кто никогда не сложит оружия в борьбе с терроризмом.

P.S. После публикации этого очерка в газете «Щит и меч» МВД РФ стажёр Алексей Сикачев приказом министра МВД России стал старшиной милиции. Время приказа – три дня до гибели. Сын Алексея – Алёшка получает милицейскую пенсию.

1998 г.

«ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ БЫЛО ЗАВТРА»

Каждое утро, когда БТР курганских собровцев выезжал из ворот грозненской четвертой комендатуры, на пути обязательно встречалась пожилая русская женщина. Бедно одетая, в линялом скорбном платке, она смотрела в лица сидящих на броне офицеров и крестила их украдкой, чтобы не увидели чеченцы. А вот 6 марта она на пути не встретилась. И БТР курганского СОБРа помчался по настороженным, притихшим улицам Грозного без материнского благословения – по городу, где каждое пустое окно через секунду могло превратиться в огневую точку, а любая группа вычурно-богато одетых молодых чеченцев ошестиниться гранатометами, автоматами.

Задом к нашему БТРу оправлялся упитанный, лениво-безразличный грозненский пес, из игрушечного оружия целились в нас пятилетние пацаны – жители недавно отремонтированного многоэтажного дома, где, по слухам, вперемежку жили семьи полевых дудаевских командиров и сотрудников МВД Чечни.

В этом городе, где кроваво столкнулись интересы мировой политики, закулисная возня Востока, Запада и России, человеку можно было легко потерять себя. В Чечне порядочному человеку, чтобы сохранить душу, не ожесточиться, оставалось одно: несмотря ни на что, любить этот город, любить чеченских детей, чаще других кричащих нам «Аллах Акбар», русских стариков и старух, приветствующих нас еле заметным кивком головы, любить горы, долины и холмы Чечни, осознавая при этом их опасность.

Так относился к Грозному командир курганского СОБРа подполковник милиции Евгений Родькин, ветеран Афганистана.

В то трагическое утро 6 марта 1996 года Родькин, как всегда, проснулся в половине шестого утра. Я видел, как он осторожно, чтобы не разбудить спящих рядом, встал, готовясь начать утро с зарядки. В прошлом подполковник Родькин был далеко не самым слабым легкоатлетом и боксером. Его рекорд по метанию диска в Курганской области держался десять лет. В каждом деле

Родькин был уверенным, продумывающим свои слова и поступки человеком, живущим по давно определенному военному ритму. Может быть, нажитому в Афганистане, в округе Хост, где он был советником в Царандое? Может быть, чистоплотность в поступках, привычка держать душу и тело в тренированной строгости пришли к нему с молоком матери, родившей четырех сыновей? Все они потом стали офицерами российской милиции.

В комендатуре № 4 курганский СОБР стоял в бывшем танцевальном классе Дома культуры. Отряд жил в ритме и по законам, установленным командиром, имеющим огромный опыт войны и мира. Но всю жизнь официально и очень несправедливо подполковник милиции Родькин считался просто одним из многих. На самом же деле – и это знали все – он был одним из первых в любом деле, за которое брался.

Из Афганистана вернулся кавалером ордена Красной Звезды и афганского ордена «За храбрость». В первый домашний вечер в Кургане, стоя на балконе, куря, он смотрел на идущих по мостовой людей и думал о превратностях судьбы: никому, кроме близких, не было дела до того, что он вернулся. В этих его мыслях была тоска о братстве людей. Он, очень добрый человек, ненавидел войну.

В апреле прошлого года под станицей Червленной, в военном лагере, возле палатки собровцев мы проговорили с ним до трех утра – в первую голову о вооруженном конфликте в Чечне. Он с мучительными раздумьями постигал его, оставаясь верным Присяге. Говорил, что не исполнить приказ для офицера – величайший позор. И еще о том, что хочет вернуть всех своих офицеров домой здоровыми и живыми. Он так заботился о своих курганцах, как, наверное, могли заботиться отцы-командиры 1812 года. 6 марта Родькин мчался на БТРе, сидя, как всегда, впереди над командирским люком.

На голове подшлемник, черная, вязанная в городе Шадринске шапочка, традиционно «пятнистый», без бреника, в разгрузке, начиненной боеприпасами.

Подполковник Родькин, отпустив бороду, густую, черную, был похож на чеченца, и это немного облегчало ему встречи с местными жителями. Мирным чеченцам он нравился достоинством, уважительной речью, знанием кавказских обычаев. В апреле на операциях по изъятию оружия именно ему доверялись переговоры со старейшинами чеченских сел, когда-то бывших казачьих станиц, от которых на Тереке остались только будоражащие историческую память названия.

Родькин обращался к чеченским старейшинам со словами: «Уважаемые отцы!», зная, что внуки и дети этих старцев годами грабили российские товарные и пассажирские поезда, разбойничали на дорогах, «снайперили» в отрядах Дудаева.

В апреле на милицейском «Уазике» мы вчетвером крутились по Старощедринской, сопровождаемые враждебным свистом чеченских пацанов, которые как бы вели нас от улицы к улице.

Мы знали, что в селе на отдыхе несколько десятков боевиков. Их глаза и уши – эти самые пацаны – бдительно следили за перемещениями нашей машины. Такие же десяти-двенадцатилетние ребята через год, 6 марта 1996 года, в Грозном «вынюхивали» за Сунжей раненых, не способных двигаться собровцев, сдавая их «серым волкам».

БТР в Чечне – не самая грозная техника российских войск.

Мартовская журналистская поездка в Грозный поразила меня отсутствием новой боевой техники, невыносимой изношенностью старой.

В начале марта по улицам столицы Чечни сновали никак не БМП-3 или БТРы свежей заводской покраски, а БРДМы выпуска 60-х годов, присланные на Северный Кавказ после консервации или капремонта. Сразу окрещенные в Грозном «мыльницами», они вызывали усмешки боевиков. Появление БРДМок на тесных улицах Грозного было не в зачет военной мощи России.

С утра 6 марта курганцы успели «слетать» в аэропорт «Северный»: отвезти туда дембеля-сапера из Вологды, тепло попрощаться с ним, шутливо окая. Еще они повстречались с уфимскими собровцами, которые вторые сутки не

могли улететь на родину. 4 марта в шесть тридцать утра их БТР подорвался на противотанковой mine в пятидесяти метрах от здания Временного управления МВД России. Уфимцы везли домой тело боевого друга лейтенанта милиции Андрея Симахина и попросили подполковника Родькина сообщить руководству сводного отряда собровцев, что они еще в «Северном».

На момент этой встречи, шел восьмой час утра, на южных окраинах Грозного уже шли бои, подвергались интенсивным обстрелам КПП-6, КПП-2, КПП-11, КПП-14, комендатура в Черноречье, был захвачен и горел РОВД Заводского района. Мы же мчались по Грозному, не ведая, что за Сунжей в неравных боях, прося помощи, умирают наши товарищи.

Город в тот день был снулый, словно вымерший. В Чечне взгляд военного человека, подчиняясь инстинкту самосохранения, бдительно следит за тем, сколько людей на улицах, много ли детей играют возле домов. 6 марта, торопясь во Временное управление МВД России, мы пронеслись по чеченским улицам, не вдаваясь в бытовые подробности. Просто каждый по привычке отсматривал свой сектор.

Потом было недолгое ожидание вместе с другими БТРами, собровцами на броне. Вот вышел командир сводного СОБРа подполковник В., обратился к Родькину:

– Евгений Викторович, вы дорогу на 6-й блокпост знаете? Надо поехать, забрать двух раненых. – Неужели вся вводная на задание?

Коротки команды в Чечне, как та кольчужка из фильма «Александр Невский».

Предыдущие две недели в Грозном отличались неким умиротворением, которое относили за счет успешной работы подразделений МВД России. Обстановка характеризовалась только ростом уголовных преступлений. Боевики напоминали о себе лишь спорадическими ночными обстрелами.

В городе много было провокационных разговоров о том, что российские войска сами стреляют друг в друга...

Впереди меня, закрывая от ветра, маячила широкая спина капитана Сергея М., в прошлом известного самбиста, чемпиона ВДВ и Советского Союза. Я знал его еще мальчишкой, не раз упоминал в своих статьях его имя.

Подполковник Родькин да командир отделения капитан Сергей М. – вот наши впередсмотрящие. За рулем БТРа в тот день сидел лейтенант Александр Е., наводчиком был лейтенант милиции Константин Максимов, с пулеметом на броне наши спины прикрывал майор Звонарев Владимир.

Мы мчались по Грозному, чтобы вывезти раненых с блокпоста № 6, в абсолютном неведении, что разведка криминальной милиции, другие спецслужбы еще задолго до этого дня предупреждали ответственных лиц о возможности чеченской боевой операции «Возмездие», что для ее выполнения боевики в большом количестве вошли в город, рассредоточились и с пяти двадцати утра приступили к плановым операциям по захвату блокпостов и комендатур. Их сверхзадачей было занять Грозный, чтобы навязать свою волю Президенту и Правительству России, которые на тот момент готовили основные документы по урегулированию вооруженного конфликта в Чечне.

Но, оказывается, надо обладать большим чувством ответственности, чтобы верить разведке... 6 марта 1996 года все сотрудники МВД России, солдаты и офицеры внутренних войск в Грозном оказались заложниками большой политики, нестыковок систем, ведомств, личных амбиций руководителей.

Еще в конце 1995 года в одном из официальных документов подчеркивалось: «...несмотря на разработанный и утвержденный всеми заинтересованными руководителями силовых структур комплексный план борьбы с преступностью и бандформированиями на территории Грозного и республики, в их деятельности отсутствует должное взаимодействие. Разрозненность в ведении статистического учета, неполноценность обмена информацией: оперативно-розыскной и криминалистической, отсутствие единого банка данных приводят к серьезным издержкам в организации управления силами правопорядка...». Эти слова, наполненные смыслом и правдой жизни, сегодня как

бы эпитафия для многих офицеров и солдат МВД России, сложивших свои головы в Грозном в начале марта.

Мы «подлетели» к блокпосту № 22, что за мостом через Сунжу, и встали как вкопанные. Вдоль бетонных блоков, почти прижимаясь к ним, бежал собровец с непокрытой головой, махая окровавленными руками, и кричал нам: «Стой! Стой!».

Потом я перевел взгляд на разрушенную войной многоэтажку, что мертвой громадой высилась впереди. На ее предпоследнем этаже с волчьим спокойствием блеснул прицел снайперской винтовки дудаевца.

И сразу – спасибо им! – в один голос команда подполковника Родькина и капитана Сергея М.:

– С брони!

Мы скатились с БТРа, как с ледяной горки, и сразу по броне замолотили дудаевские снайперские винтовки и автоматическое оружие.

Я укрылся за БТРом, кто-то у спасительного входа в блокпост. А подполковник Родькин занял свое командирское место в бронетранспортере. И через короткое время заработал КПВТ лейтенанта Константина Максимова, вступили в действие курганские собровцы, их поддержал огнем блокпост № 22 – солдаты внутренних войск и четыре омоновца из Перми.

Капитан Сергей М. хотел заскочить в открытый правый боковой люк БТРа, но тут же получил ранение в ногу.

С солдатом внутренних войск мы волоком затащили его в блокпост. Сергей, этот богатырь, еще и помогал нам, отталкиваясь от земли здоровой ногой.

В тесноватом пенале прохода ногами к входу лежал убитый собровец в закрывающем все лицо окровавленном подшлемнике.

Снова заработал КПВТ курганского БТРа, и где-то в глубине блокпоста упало и звонко разбилось стекло.

– На счастье! – крикнул один из солдат внутренних войск. Сергея перевязывал пермский омоновец Рудольф, которому помогал солдат. Моим ножом они распоролы Сергею штанину и «колдовали» над раной.

Неслышно, как тень, но как-то сразу все заполнив собой, хотя сам худощавый, жилистый, среднего роста, вошел в блокпост подполковник Родькин, спросил у Сергея, что у него с ногой. А узнав, что кость не задета, так же неслышно вышел...

Стрельба не прекращалась ни на минуту. В грохоте я не мог слышать, о чем говорил с подчиненными Родькин. Я только увидел через бойницу, как его БТР тронулся с места и, набирая скорость, помчался вдоль правого берега Сунжи выполнять задачу, поставленную командиром сводного отряда собровцев – вывезти с блокпоста № 6 раненых, а еще раненых и убитых пермского СОБРа, которые попали в засаду на проспекте Ленина, потеряв БРДМ и БТР.

Бронетранспортеры с собровцами, которые поодиночке вырывались на проспект Ленина со стороны 7-го российского блокпоста, что стоял в сорока метрах от разрушенного «дворца Дудаева» и от 22-го блокпоста, боевики подбивали из РПГ и одноразовых гранатометов «Муха». В тот день они вели из них огонь почти со скорострельностью автоматов, стреляя по тем, кто шел выручать раненых, кто рвался забрать из-под огня тела павших товарищей-собровцев.

На перетянутой жгутом ноге капитана Сергея М. пермский омоновец Рудольф закрепил записку «8.50 утра».

На проспект Ленина БТР курганских собровцев ушел десятью минутами раньше, почти сразу пропав в эфире.

Его дорога была среди многоэтажек, которые высились над Сунжей и над всем простреливаемым с них пространством, как желтые волчьи клыки.

Плотность и прицельность огня противника были высокими. Пули не раз залетали в наш блокпост, одна из них помяла заряд РПГ. Потом мы узнали, что на высотках вдоль Сунжи и до Минутки были сосредоточены боевики

Басаева и Закаева. БТР с четырьмя офицерами курганского СОБРа и пермяком-собровцем был подбит из гранатомета в 150–200 метрах за церковь Михаила Архангела. Бронетранспортер на скорости уткнулся в дерево недалеко от частного чеченского дома, в котором, помогая раненым подполковнику Родькину и майору Звонареву, были вынуждены укрыться собровцы.

Потом был бой. Российских офицеров закидывали ручными гранатами, били по ним из подствольников. Дом горел. Умирая, майор Звонарев отдал офицеру пермского СОБРа свой офицерский жетон. Пермяк спрятал тело боевого друга в подвале – под двумя матрацами и дверью, которые там валялись.

Родькин еще нашел в себе силы написать несколько предсмертных слов. Этот листок бумаги, личные документы подполковника Родькина и майора Звонарева спрятал у себя на груди лейтенант курганского СОБРа Константин Максимов. Вместе с водителем БТРа лейтенантом Александром Е. они ушли в одну сторону, а пермский собровец нашел своё спасение, зарывшись в кучу строительного мусора и обломков, и только потом судьба вывела его, израненного, к своим. Костю и Александра, уходивших в сторону 22-го блокпоста, заметили и выдали боевикам чеченские дети. Началось активное преследование.

Лейтенанта курганского СОБРа Константина Максимова застрелил дудаевский снайпер. По отработанной схеме – сначала поразил в левое бедро и только потом убил.

6 марта 1996 года я стал свидетелем массового героизма российских собровцев и омовцев. Этот день для них был очередным испытанием и очередным провалом грозненского военного руководства. Было ли хоть какое-нибудь управление в этот день, то реальное единоначалие, которого ждали, да так и не дождались в Чечне наши силы?

Я знаю одно, что 6 марта собровцы из Нижнего Новгорода, Перми, Липецка, Кургана под вражеским огнем врывались на проспект Ленина, окруженный оскаленными огнем высотками да пятиэтажками – без прикрытия

артиллерии, минометов, без дымов, в едином порыве не отдать на поругание дудаевцам раненых товарищей по оружию, мертвые тела тех, кто погиб в неравном бою.

Эфир был наполнен мольбами о помощи, которые неслись со многих блокпостов и комендатур, атакуемых боевиками.

Специальные подразделения МВД России и внутренние войска ждали поддержки от федеральных сил, думали, вот-вот по улицам Грозного загрохочут танки, САУ, жальщие огнем спасительницы «Шилки». И с их помощью можно будет преодолеть превосходство боевиков за Сунжей – где посреди подбитой собровской техники еще шевелились раненые офицеры: они поднимали головы, слабо взмахивали руками, зовя: «Придите за нами, братья». Среди них, мертвые, лежали те, кто спешил к ним, чтобы освободить от мук, вынести на блокпост № 7.

Весь день 6 марта возле блокпостов № 22 и № 7, по всему Грозному, в его окрестностях, в отдаленном Черноречье шли бои. В минуты затишья было слышно вечное, безразличное к нашим страданиям журчание Сунжи.

Я стоял возле бойницы, глядя в сторону проспекта Ленина. Приказом Временного управления МВД России с блокпоста № 22 были отведены собровцы Кургана – те, кого подполковник Родькин оставил на усиление, и пришедшие к нам днем на помощь челябинцы. Все мои мысли были о пропавших без вести четырех курганцах, обреченных на смерть и раненых собровцах, что ждали своего конца на проспекте.

Мы ждали армейских танков и вертолетов. Без них всех, кто пытался достать раненых собровцев, находила смерть.

На блокпосту к наступлению сумерек нас оставалось меньше двадцати человек.

Справа от бойницы, также напряженно вглядываясь в теснящие нас развалины, встал сержант пермского ОМОНа Андрей Т. Весь день он стрелял из КПВТ. БТР внутренних войск, без аккумулятора, со спущенными шинами

стоял «на приколе» возле блокпоста. Из него Андрей Т. простреливал улицу, выходящую прямо на нас.

Именно Андрей Т. с наступлением вечера взял командование блокпостом № 22 на себя: перераспределил по позициям людей, поставил растяжки, дал целеуказания...

Зная, как нам будет трудно, если дудаевцы предпримут ночные атаки, он сказал мне:

– Дай Бог, чтобы было завтра.

Этот сержант своим поведением, умной распорядительностью в который раз подтвердил истину: с началом боя командование часто переходит в руки тех, кому судьбой предназначено быть командиром.

Час назад мы с Андреем и Николаем У., тоже пермским омовцем, говорили с двумя чеченскими девушками, которые под обстрелом, невредимые, как святые, вышли к нашему блокпосту, чтобы сказать, что собровец из Кургана находится недалеко от блокпоста, в развалинах. Они боялись на глазах у сотен дудаевцев рукой показать направление, где находится мой земляк-офицер. Мы поодиночке впустили чеченок в блокпост, расспросили в подробностях. Оказалось, раненый окликнул их, когда они шли рядом с разрушенной одноэтажкой. Почему чеченские девушки согласились, рискуя жизнью, передать нам информацию от бойца СОБРа, мы не нашли ответа. Одна из девчонок просто тряслась от страха, и ей сказали, что я журналист из Москвы и с ними не случится ничего плохого.

Они ушли так же, как и пришли: словно растаяли. Когда большим черным облаком темнота опустилась над Сунжей, из нее, слева от блокпоста, откуда днем нам кричали «Аллах Акбар», вдруг донеслось:

– Эй, мужики!

– Ты кто? – прокричал кто-то из блокпоста.

– СОБР из Кургана.

– Давай сюда.

– Я не вижу, в какую сторону двигаться.

И тогда в крошечную тьму на голос бросился пермский омовец Николай У.

Потом был взрыв гранаты – это курганский собровец бросил ее в чеченцев, чтобы отвлечь от себя внимание. Автоматным и пулеметным огнем блокпост прикрывал бегущих в нашу сторону двух людей.

– Саня! Ты? – закричал я водителю курганского БТРа – лейтенанту милиции. Он единственный из ушедших от нас утром курганцев вернулся к нам ночью, посеченный осколками.

Первый вопрос по радиации, когда солдат внутренних войск доложил, что на блокпост № 22 вышел собровец из Кургана, был: «Опознан ли он?».

– Да, – доложил солдат, – журналист опознал.

Всю ночь мы с сержантом пермского ОМОНа Андреем Т. ходили по блокпосту, говоря друг с другом и с солдатами: Володей, Олегом, Андреем, Расимом, Рафаэлем и другими, призванными во внутренние войска в основном из Уфы. А потом стоило ненадолго закрыть глаза, как возник передо мной подполковник Родькин – такой, каким я видел его в последний раз: одетый, как принято говорить среди собровцев, «по-тяжелому» – в разгрузке, с автоматом, в белом подшлемнике, в черной вязаной шапочке – немыслимо спокойный в жизни и на пороге своей смерти.

Всю ночь мы ждали атаки дудаевцев. Но боевики не рискнули идти в центр через Сунжу, правильно посчитав, что возле блокпостов многие из них найдут смерть.

«Завтра» для блокпоста № 22 наступило в третьем часу ночи, когда на усиление к нам пришел БТР Зеленокумского полка внутренних войск с девятью бойцами под командованием майора Сергея Т. – грамотного, распорядительного командира, который доукрепил блокпост, перестроил его внутри.

Он говорил солдатам:

– В вашем героизме лично я не нуждаюсь. Ходить – только пригибаться, у амбразур без толку не маячить.

В шестом часу утра по слабенькому радиоприемничку, принесенному с собой вновь прибывшими, мы услышали успокаивающие Россию сообщения, что в Грозном в прошедшие день и ночь тяжелая артиллерия и техника не применялись.

Мы встретили это молчанием. Ни в Москве, ни в Ханкале, ни в аэропорту «Северный» никто не был способен услышать наши проклятья.

Кого, по указке сверху, пытался успокоить диктор Всероссийского радио? Жену погибшего подполковника Евгения Родькина, его восьмилетнего сына? Родителей, жен и детей майора Владимира Звонарева, лейтенанта Константина Максимова, матерей добитых ночью боевиками российских собровцев, которые так и не дождались помощи? Для всего контингента МВД России в Грозном «завтра» наступило только утром 8 марта с заходом в город армейских танков и другой боевой техники федеральных сил.

Март 1996 г.

«КТО ВЫЗЫВАЕТ «ЭПОХУ»?»

Над медленно просыпающимся Грозным еще висел полумесяц. Всю ночь, мертвенно блистая, он верно служил боевикам, освещая только им известные ходы и тропки. При случае чеченцы могли даже помолиться на него. Они поднимали головы в сторону сверкающего в черном небе клинка и шептали: «Аллах Акбар!». Только безумно храбрый, рискуя погибнуть под градом свинца, мог прокричать эти слова в сторону русских. Но в ночной тишине эхо гуляет по разрушенному городу, как по чеченскому лесу, и я, гражданский, не понял – откуда, перекрывая то всхлипывание, то мягкое воркование Сунжи, донеслось до нас это: «Аллах велик!». И сразу раздраженно заговорил, шуганув солдат на левом фланге, пермский омоновец Андрей Т.: «Вы что, не слышали? Не спать! Смотреть в оба! Почему я слышал чеченца, а вы нет? Стоит им подойти на бросок гранаты и...».

Этот чеченский крик напоминания, что боевики рядом, что сегодня, в ночь с 6 на 7 марта, за Сунжей вновь на время они хозяева, вернул нас, начинающих самообманываться тишиной, к реалиям вчерашнего дня.

Чуть больше десятка солдат внутренних войск, четыре пермских омононца да я, журналист, могли рассчитывать в эту ночь лишь на остроту своего зрения и слух, чтобы обнаружить боевиков, если бы они двинулись в нашу сторону.

Блокпост, который нам назначено защищать, за мостом через Сунжу – скромная, неказистая крепость и одновременно «жертва политических обстоятельств», во имя которых люди, блокпост населяющие, давным-давно здесь, в Грозном, рискуют жизнью.

Ветераны Афганистана, хорошо помнящие систему организации тамошних блокпостов, справедливо говорят, что в Грозном, в отличие от Кабула, с наступлением темноты российские блокпосты охраняют только сами себя.

А как бы нам ни замазывали глаза, как бы журналистам ни рекомендовали избегать слова «война», в воюющей Чечне политические реалии вынуж-

ждают российскую сторону гасить этот конфликт в статусе низкой боевой интенсивности. Поэтому что в военном смысле можно было в Афганистане, нельзя в Чечне.

Что бы ни говорили, ни писали политики о войне в Чечне, какие бы прогнозы ни доводились до людей, все они далеки от правды: рождаются-то они не на осажденных блокпостах или в горах...

В России многие хотят скорейшего вывода из Чечни федеральных войск, а думающие чеченцы знают, что с полным выходом войск начнется чеченское взаимоистребление, и никаким СОБРАм, ОМОНам России его не остановить.

Если у чеченцев в их борьбе развязаны руки, то российским военным политиками навязана ирреальная линия поведения, которую один из мудрецов-солдат сформулировал так: «В любой войне командир думает, как бы уничтожить противника, а здесь, в Чечне, большие начальники думают, как бы сохранить противнику жизнь».

Военнослужащие Минобороны, внутренних войск и спецподразделений МВД России до сих пор, мягко говоря, с неприязнью вспоминают мирные переговоры 1995 года с дудаевцами, относя участие в них чеченцев только на счет их военной хитрости, которую боевики, надо отдать им должное, результативно употребляют в своих целях.

Ни в одном пособии по контрпартизанской войне, хоть весь мир обойди, не прочтешь, что партизан можно разгромить равным по силе оружием.

Но кому интересно, о чем мы думали на блокпосту № 22 в ночь с 6 на 7 марта, стоя возле бойниц, в которые заглядывал полумесяц...

«Кто вызывает «Эпоху»?» – слышим мы в темноте. Это в наш разговор врывается включенная рация, углубляя тревожное напряжение ночи, прекращая немудреную нашу беседу. А жаль.

Среди солдат внутренних войск и омовцев редко услышишь рассуждения о том, нужна ли война в Чечне, зачем она? Да и чего переливать из пустого в порожнее. Вот она – война. Только выйди из блокпоста. Вчера на

входе в него долго не высыхала кровь убитого чеченским снайпером собровца. Были эвакуированы несколько раненых.

Всю ночь, когда бы солдат ни включил рацию, мы слышали в свой адрес угрозы боевиков: убить, отрезать нам головы, вспороть животы...

Зная о понесенных сотрудниками МВД России и Чечни потерях, о смертях и ранениях солдат и офицеров внутренних войск, все мы, окруженные чеченцами на блокпостах и в комендатурах, готовились дорого отдать свою жизнь.

На окраинах города продолжались кровопролитные бои. Наше же ночное спокойствие было куплено дорогой ценой – смертью трех десятков офицеров-собровцев, которые полегли на проспекте Ленина, выручая друг друга.

Теперь чеченские боевики не рисковали атаковать блокпосты № 7 и наш № 22, считая их собровской зоной ответственности.

Четырнадцать бойцов Специального отряда быстрого реагирования и четверо раненых были вчера эвакуированы из-под огня на трех БМП и двух БТРах офицерами-собровцами и солдатами полка внутренних войск. Их водили майор Александр Умрилов и капитан по имени Николай. Сначала на БМП-2 дошли до подбитой бээрдээмки – разведать, где живые и мертвые, при этом БМП получила повреждение. Плотность огня боевиков была очень высокой.

Потом пустили вперед две БМП, которые «работали» по верхним этажам зданий, следом шли два БТРа, забравшие с проспекта Ленина живых собровцев, кого смогли. Их прикрывала боевая машина пехоты, идущая в хвосте «елочки». За ней шли пермские омоновцы, но БМП двинулась вперед на скорости, и они, не успевая за техникой, оказались под пулеметным и автоматным огнем. Рассредоточившись, омоновцы были вынуждены залечь.

Мы, находясь в полутора километрах от происходящего, были бессильны помочь, не видя противника. Тот бил по нашим, защищенный квадратами и пенами домов, стреляя из окон, обращенных к тем, кого боевики стремились убить.

По нам в тот час тоже «работали» снайперы. «Кенвуд», единственный на блокпосту, давно молчал – батарейки сели быстро, а где подзарядиться? Рация же внутренних войск, бывшая в нашем распоряжении, работала только на ВВ: информация от нас до Временного управления МВД России в Чеченской Республике не доходила.

К вечеру 6 марта техника полка внутренних войск оставила блокпост № 7, уйдя на базу. Пермские омовцы хотели, чтобы она осталась. Им обещали. Пермяки просили, чтобы руководство продублировало свой приказ в эфире, но этого не случилось, и три БМП и два БТРа все же ушли, однако под утро «внутренники» вернулись на двух БТРах, усилив нас и блокпост № 7.

«Кто вызывает «Эпоху»?» – снова бубнит вэвэшная рация. И я впервые серьезно задумываюсь, что через четыре с небольшим года конец XX века. «Никогда столько не воевали, как в этом столетии», – думаю я, заходя в грузовой контейнер, превращенный в теплушку, и садясь возле горячей «буржуйки». На нарах, тесно прижавшись друг к другу, спят солдаты. Глядя на них, я понимаю, что выражение «спать мертвецким сном» родилось на войне. В неярком свете, отбрасываемом печуркой, солдаты в изломанных позах и далеко не парадной одежде лежат, словно трупы.

Рация последний раз выплескивает: «Кто вызывает «Эпоху»?» – и замолкает, сухо потрескивая.

«Через четыре года эпохе войн конец!» – с надеждой думаю я. Для меня эта эпоха начиналась с петроградских журналов, повествовавших о первой германской, с фотографий павших в боях. С детским состраданием и верой, что, может быть, эти великолепные прапорщики и офицеры остались живы, я вглядывался в их такие мирные, добрые, красивые лица, не зная, что через много-много лет мне самому придется терять близких людей на войне, которую никак не ждали, да она пришла – такая ожесточенная.

Глядя в огонь печурки, я вспоминал вчерашний бой: вот с проспекта Ленина мчится к блокпосту № 7 горящий БТР, вот, переходя от бойницы к бойнице, охотится за боевиками курганский собровец-снайпер, вот мы с че-

лябинским собровцем Александром Илаевым, мастерски стреляющим из подствольника, показываемся в бойнице, и чеченская пуля не попадает в нас, а майор хохочет, незлобиво обзывая боевиков горе-стрелками.

С Александром мы знаем друг друга год. Он, бывший офицер ВДВ, прошел Афган, Приднестровье... В апреле прошлого года, встретившись под Шелковской, я подарил ему необыкновенные часы. Таких немного в России. На часах короткая надпись «Витязь». От имени ассоциации «Витязь», занимающейся военно-патриотическим воспитанием молодежи, я подарил эти часы майору-собровцу Александру Илаеву в его фронтовой палатке.

Прошлым летом на море их у него пытался выкупить какой-то богач-коллекционер.

– Да ты знаешь, где мне их подарили?! – только и сказал Александр. Вчера, ближе к вечеру, собровцев отозвали во Временное управление МВД России. Врассыпную, змейками, они уходили через мост под обстрелом. Так осиротел блокпост № 22.

У меня нет больше сил смотреть на огонь...

Слишком много вчера было подбито БТРов, горевших на наших глазах, чтобы продолжать спокойно глядеть на пламя, и с полудетской наивной мыслью, чтобы в следующем столетии не было войн, я ухожу на холод.

Март 1996 г.

«ТОЛЬКО ГРОМЧЕ ЗОВИТЕ...»

Когда 7 марта с утра на 22-й блокпост пришел танк и на 7-й блокпост еще два, пермские омовцы подумали, а солдат внутренних войск сказал: «Вот, действительно, танки зауважаешь».

Так для тех, кто защищал эти блокпосты, закончилось трагическое одиночество, ожидание ночного прорыва боевиков в центр Грозного и самое тяжелое – осознание невозможности выйти из блокпоста, чтобы забрать убитых собровцев, сутки пролежавших на проспекте Ленина, где те приняли смерть, выручая друг друга из-под огня.

Все «высотки» за Сунжей в ночь с 5 на 6 марта были заняты скрытно проникшими в Грозный боевиками, и с пяти утра, а где с пяти тридцати по всему городу 6 марта загрохотали бои. Атаки дудаевцев были внезапны, боевики превосходили численно, и, несмотря на потери, лезли и лезли...

Шестого марта 1996 года в Грозном свой кровавый бал правил «чеченский атом» – гранатомет. На проспекте Ленина первыми попали под его удары пермские собровцы.

СОБР – это Специальный отряд быстрого реагирования по борьбе с организованной преступностью.

Такие отряды есть в каждом областном центре. Ведь бороться с современными бандитскими группировками, мобильными, хорошо вооруженными, могут только профессионалы.

В СОБРах России, верные Присяге, служат офицеры, которые с начала вооруженного конфликта в Чечне не выходят из боев.

С ними, офицерами-собровцами, любят взаимодействовать федеральные и внутренние войска. С собровцами надежнее! Они – отменные, дисциплинированные снайперы, гранатометчики, пулеметчики. Они хороши для специальных операций: освобождение небольшого числа заложников, захват отдельно стоящего здания, самолета, квартиры, задержание вооруженного преступника. Но ни их современная экипировка, ни легкое вооружение не

соответствуют тому, чем им приходится заниматься в Чечне. На Северном Кавказе им определили контрпартизанские функции. Собровцы с ними справляются, но неимоверно напрягая силы, страдая от отсутствия пригодных средств связи, тяжелого оружия и боевой техники.

Шестого марта собровцам Поволжья, Урала и Зауралья выпали на долю масштабные городские бои, где без поддержки танков, артиллерии контрпартизана быстро находит смерть.

Заняв господствующие «высотки» – полуразрушенные, зияющие тысячами окон, ведя огонь из глубины помещений, чтобы скрыть вспышки выстрелов, боевики кинжальным огнем встречали тех, кто выдвигался на проспект Ленина.

В городских условиях БТР для гранатометчика – желанная цель.

Пермские собровцы попали под огонь басаевцев, спеша в ГУОШ. Их БТР и бээрдээмка были подбиты. Такая же участь постигла собровцев Кургана и Липецка. Отходя и отстреливаясь, они несли потери.

Несколько пермских собровцев сумели укрыться в церкви Михаила Архангела, отвечая огнем на огонь.

Спецназовцы не оставляют врагу тела своих товарищей по оружию – то святой закон. Из Временного управления МВД России в Чеченской Республике на 7-й блокпост на трех БТРах и бээрдээмке для оказания помощи выехали тогда собровцы Нижнего Новгорода, Оренбурга... За мостом через Сунжу на проспекте Ленина шла интенсивная стрельба.

Первым туда пошел собровский, с десантом на броне, БТР, следом бээрдээмка, потом еще две машины. Вскоре в головной БТР попали из «Мухи».

Боевики обстреливали собровцев с трех сторон: с «кукурузы» – шестнадцатипятиэтажки метко били чеченские пулеметчики и снайперы. Собровцы отвечали стрелковым оружием, их поддерживали с БТРов и с блокпоста № 7.

Бээрдээмка, стреляя, прошла чуть вперед, стараясь прикрыть раненых и убитых офицеров.

Тактика чеченских снайперов была традиционна: сначала стреляли в ногу... Раненого, естественно, пытались вытащить и, когда рядышком с ним оказывалось еще несколько бойцов, их убивали в голову.

В городском бою для эвакуации раненых нужна поддержка танков, способных выстрелом обвалить пол-этажа вместе со снайпером и его прикрытием, состоящим из гранатометчика и двух автоматчиков.

Шестого марта федеральные силы в районе 7-го и 22-го блокпостов танками, «зэсэушками» собровцев не поддержали.

«Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля...» Кого смогли, собровцы подобрали, несколько бойцов были убиты боевиками при подборе раненых в спасительную броню.

Оренбургский БТР «Хохол» в одиночку рванул за ранеными и, мгновенно обстрелянный, все равно успел забрать нескольких живых собровцев и вернулся на 7-й блокпост горящим. Занялись огнем выстрелы от РПГ, что лежали за башней. Бойцы внутренних войск Леонид Трухин, Алексей Жихарев и пермский омоновец (позывной «Нафаня») бросились тушить... Машина была спасена.

Шестого марта, теряя людей убитыми, ранеными, вынести из-под огня своих товарищей по оружию стремились собровцы Нижнего Новгорода, Перми, Липецка, Оренбурга, Мордовии, Удмуртии. Им помогали офицеры и солдаты Зеленокумского полка внутренних войск, пермские омоновцы.

Сутки Грозный держался благодаря мужеству сотрудников МВД России, военнослужащих внутренних войск, тех сотрудников МВД Чечни, кто остался верен Присяге.

Ночь с 6 на 7 марта для собровцев, знающих, что часть их офицеров осталась не эвакуированной на проспекте Ленина, была ужасной. Они шептались, говорили, кричали: «Если бы у нас были танки! Где этот... вертолет «Черная акула»?! Что происходит?!».

Ждали следующего дня. Наутро во Временное управление МВД России в Чеченской Республике пришли три танка из 205-й бригады федеральных

сил. Привел их командир взвода, старший лейтенант Евгений, выпускник Харьковского танкового училища – скромный, интеллигентный и, как оказалось, очень лихой офицер.

Седьмого марта в семь тридцать утра из здания на Ладожской, 14, на четырех БТРах, двух БРДМ и двух БМП внутренних войск под прикрытием трех танков на проспект Ленина ушли собровцы сводного отряда: челябинцы, кировчане, ижевцы, чебоксарцы и другие. Ушли на проспект за своими.

Сначала был проверен мост через Сунжу на предмет закладки фугаса. Обошлось... Потом два танка (третий был придан 22-му блокпосту) открыли огонь по огневым точкам противника, чтобы обеспечить проход к телам павших собровцев. Надежды, что кто-то из них остался в живых, практически не было. И – о, чудо! – вышли на связь пермские собровцы, заблокированные боевиками в православной церкви. Они сообщили, что напротив в домах засели боевики. У собровцев четверо раненых...

Только колонна собровцев, ведя огонь, начала движение, как с правого фланга по ним открыли стрельбу из одноэтажных построек на правом берегу Сунжи. В бой, поддерживая «ленточку» спецподразделений МВД России, вступили пермские омовцы-старожилы 7-го блокпоста, стреляя из АГС, подствольных гранатометов, пулеметов и автоматов.

В «ленточке» собровцев были и сотрудники криминальной милиции Временного управления МВД России, кинологи с собаками для поиска мин и мертвых в развалинах.

Дойдя до церкви Михаила Архангела, «ленточка» из восьми «коробочек», остановленная противником, оказалась в наитруднейшем положении. Плотность огня басаевцев возрастала. Но подбор на броню павших 6 марта продолжался. Собровцы, идя за броней, укрываясь за ней, рисковали своими жизнями ради уже неживых.

Эвакуировать пермяков из церкви можно было, только если бы появилась возможность обработать близстоящие, занятые боевиками здания из тяжелых орудий.

Именно в этот момент на блокпосту № 7 офицер СОБРа Александр И. узнал о том, что 6 марта в боях с «серыми волками» Басаева смертью храбрых погиб командир курганского СОБРа Родькин Евгений Викторович – давний боевой друг.

Танки, приданные собровцам, еще работали, поддерживая их огнем, но мост через Сунжу, рискуя быть сожженными, не переходили.

Узнав о гибели друга-земляка из соседней области, с криком: «Такого человека убили!» – Александр залез в танк к старшему лейтенанту Евгению из «мотострелецкой» бригады и повел две «брони» «справлять поминки» по подполковнику.

Танки отстрелялись по боевикам как полагается. Пермяки были «выхвачены» из церкви, все погибшие собровцы, кого обнаружили, подняты на «броню» и вывезены в расположение 7-го блокпоста.

«Кулаки», «летающие тарелки» – так с уважением называют в Чечне наши российские танки. За время войны их научились беречь.

Танки встречают радостно, когда они приходят на усиление в спецподразделения МВД России и в подразделения внутренних войск.

Двенадцать убитых собровцев и еще трое сожженных были вынесены 7 марта под огнем противника благодаря взаимодействию танкистов федеральных войск, собровцев и военнослужащих внутренних войск.

Я видел, как майор милиции Александр И. крепче крепкого жал руку старшему лейтенанту-танкисту, говоря: «Всегда бы так! А? Ну что нам мешает?».

Лейтенант отвечал: «Да мы всегда поможем. Только громче зовите...».

Март 1996 г.

УТРО ПСОВОГО ЛАЯ

Доска от патронного ящика, брошенная в предутренний костер, разгораясь, приняла форму усыхающей в огне когтистой медвежьей лапы, и я вспомнил задержанного нашими бойцами пожилого боевика. Скованный наручниками, сидя у огня, чуть раскачиваясь, он почти беззвучно шептал: «Говорил я им – не будите русского медведя. Пусть себе спит. Так нет – выгнали его из берлоги». Чеченец с тоской смотрел на трупы своих. Вся его разведгруппа была уничтожена, попав в засаду, которую им грамотно приготовил спецназ внутренних войск.

То же самое, только другими словами, говорил объявившему газават Дудаеву профессор Абдурахман Авторханов. «Берегите Чечено-Ингушетию от новой трагедии. Решайте вопросы кризиса власти в рамках Конституции», – сказал он в 1991 году. Но Джохар все равно призвал под ружье десятки тысяч людей. Многих из этих чеченских «волков» и «волчат» порвали «медвежьи лапы».

Авторханов, настрадавшийся историк, знающий Россию и свой народ, предлагал взять на вооружение восточную мудрость и дипломатию. Но руководство боевиков переоценило себя.

Именем Авторханова они назвали проспект Ленина. Тогда еще Грозный не был разрушен. Сейчас, в отступающей тьме и тумане, прячущем от наших глаз Сунжу и развалины домов по её берегам, город потрясал неприкаянностью, беззащитностью перед силой двух сторон.

Уже пятые сутки я встречал рассвет на блокпосту возле Сунжи, грозненским Гамлетом бродя среди омоновцев, бойцов внутренних войск и разведчиков 205-й мотострелковой бригады. Они знали, что я, человек невоенный, не уйду с блокпоста потому, что за церковью, в развалинах одноэтажного дома и на перекрестье улиц, лежат тела трех моих земляков – офицеров СОБРа, убитых шестого марта, и я ждал часа, когда командование примет решение о войсковой операции, чтобы достать их из занятого боевиками района.

Курганские собровцы на БТРе, уйдя за ранеными по проспекту Ленина (Авторханова) дальше других, были подбиты из гранатомета и, отстреливаясь, погибли. А собровцы сводного отряда вытащили всех, кто принял смерть на проспекте, кроме трех зауральцев. Моей задачей, которую я, журналист, сам себе поставил, было ждать, когда пойдут за погибшими, чтобы принять участие в операции.

Я до сих пор не мог поверить, что моих друзей больше нет на земле. Из курганского экипажа на 22-й блокпост ночью вернулся только механик-водитель, и я прикрывал его выход, стреляя из автомата раненого бойца внутренних войск.

Утром седьмого марта я перебрался на блокпост возле разрушенного дворца Дудаева, оставив выделенное мне на ночь оружие на 22-м посту. Снова при мне были только диктофон и... граната.

Всю неделю мое убежище от дождя и для сна – закуток из бетонных глыб, поставленных друг на друга, прикрытый сверху досками и ржавыми листами жести.

Два топчана, стоящие рядышком, и несколько одеял – вот и всё, чем располагают для отдыха бойцы из полка ВВ да старший лейтенант Евгений С., прибывший под утро седьмого марта. С ними один БТР.

Именно старший лейтенант, посочувствовав, выделил мне постоянное местечко для недолгого отдыха возле стены, брызжущей холодом, где я мог забыться коротким сном, даже если недалеко от меня вела огонь БМП.

На блокпосту № 7 две бээмпэшки. Их привели с собой разведчики 205-й бригады, которыми нас усилили восьмого марта. С их приходом стало окончательно ясно, что возможный прорыв чеченцев на нашем участке обойдется им в море крови.

Я помню, как разведчики скорым, уверенным шагом (известно, разведчики везде как дома) заходили на наш блокпост, а прапорщик Сергей Ш. – командант нашего не то городка, не то воюющей планеты встречал их сигаретами. Тогда они еще были.

Армейским разведчикам досталась под контроль «крепостная» стена с бойницами, выходящими на мост через Сунжу и на проспект Ленина – Авторханова. Бойцы внутренних войск «держали» левый фланг со зданием бывшего Совмина Чечено-Ингушской Республики. На правом фланге и на «кукушке» хозяйевали омовцы и огнеметчики.

Омовцы были и оставались на блокпосту центровыми, готовые в любую минуту поддержать направление, подвергшееся атаке.

Шестого марта этого года, когда боеприпасов оставалось всего ничего, а в Грозном действовал приказ – не покидать основных мест дислокации, из 4-й комендатуры, где стояли пермяки-омовцы, на свой страх и риск на бээрдээмке, загруженной «семечками» для блокпоста, вырвались те, кому воинская совесть не позволила оставить родных людей без поддержки.

Восьмого марта омовцы, выстоявшие под огнем на блокпосту больше трех суток, были заменены. По дороге на блокпост был ранен омовец и потеряна бээрдээмка. Прежде чем она, подбитая, запылала, с нее сняли вооружение. Приказа на замену пермским омовцам сверху никто не давал – сами решили. Попробуй высидеть взаперти, когда твои боевые товарищи под огнем.

Место, где мы находимся, обильно полито кровью в январе-феврале 1995 года. Напряжение, ужасы и подвиги того времени вернулись сюда, в центр города, на этих днях – трагических для всех нас, стоящих на Сунже. Но если это утро для нашего блокпоста было спокойным, то мы знали, что на кровавых окраинах Грозного, особенно в Черноречье, бои продолжаются.

...Ночью я, замерев, скрывшись за маскировочной сетью, смотрю на близкие и далекие пожары – вестники людских страданий. Мои страшные давние ожидания оправдались, обернувшись потерей близких.

В течение года я беспрепятственно бывал в церкви Михаила Архангела, стоял с измученными войной прихожанами на службах, говорил со страдальцем отцом Анатолием, всегда помня великую и святую Пасху 1995 года. Ночью 22 апреля под прикрытием двух БТРов, солдат первого полка ОДОНа,

бывшей дивизии Дзержинского, и чеченских милиционеров мы шли крестным ходом вокруг сожженного в январе храма. Церковные песнопения светлым эхом бились о стены разбитых домов. Я верил, что боевики не расстреляют нас, молящих о мире и спасении всех. Но бойцы внутренних войск и спецназовцы, закрывая нас спинами, смело выцеливали пустые глазницы домов, веря в эти минуты только в оружие, в свое умение поразить противника. Они-то знали, а я еще нет, что в одиннадцатом часу вечера на «Минутке», на входе в тоннель была расстреляна машина дальневосточных собровцев.

...«Минутка»... Для меня это черная, все убивающая космическая дыра. Не только генерал-миротворец Романов заглянул здесь в глаза смерти. На проспекте, берущем начало от Сунжи и кончающемся на «Минутке», несколько дней назад ушли из жизни больше двух десятков собровцев. В районе «Минутки», истекая кровью, героически дрался блокпост № 6, погибали мирные люди.

В апреле 1995 года возле «Минутки» я бродил среди возвращающихся к жизни пятиэтажек, и одна из русских женщин, заведя меня в свою абсолютно сгоревшую квартиру, показывая голые, испепеленные стены, рыдала: «Как жить дальше? Где эти средства, которые нам якобы выделили на новое обустройство?».

Нет ответа. Есть только арест Гантемирова, других подозреваемых. Еще остался в памяти апрельский рассказ полковника – «крапового беретца» – из 4-й комендатуры о задержании брата высокопоставленного чиновника из аппарата Хаджиева, силой оружия экспроприировавшего добротную квартиру русского жителя Грозного.

После прихода к власти Дудаева русскому в Чечне некому было пожаловаться. Разве только Господу Богу. Храм Михаила Архангела был единственным местом, где русский человек мог получить утешение.

Восьмого марта 1996 года с утра через наш блокпост пыталась выйти к церкви русская грозненка. Её за сто метров от блокпоста окриком остановил часовой. Я подбежал к ней:

– Вы в церковь?

– Да.

Я вытащил из нагрудного кармана камуфляжной куртки записку, приготовленную для храма.

Застегивая карман, я хлопнул металлической кнопкой, и женщина испуганно отшатнулась, даже присела, приняв этот звук за отдаленный снайперский выстрел.

Когда начинала отступать темнота, я сразу спешил к бойницам: стоит ли церковь Михаила Архангела? Не подожжена ли чужой рукой? Не перекинулось ли на нее пожар с соседнего здания?

Этой ночью на проспект Ленина вышел поработать спецназ внутренних войск, но был обстрелян с пятого этажа, что сразу за церковным двором... Работали три огневые точки чеченских боевиков. Тогда командир роты разведки из 205-й бригады Владимир Г. занял место оператора-наводчика в БМП и выстрелил два раза.

Старший лейтенант Владимир Г. – сибиряк: он жестковат, умеет держать дистанцию, опытен. Его юность прошла в стенах кремлевского военного училища – одного из лучших по подготовке и перспективам карьеры. Сам Володя – сын заведующего кафедрой точных наук. От отца у него «компьютерное» мышление, четкость формулировок. Как ротный, он ясен и понятен для подчиненных. Его речь перед строем всегда приперчена холодным юмором и коротка, как выстрел. На моих глазах солдату, которого можно было крепко распечь за неосторожность, он сказал лишь такое: «Я не хочу твоей матери в глаза смотреть, если тебя привезут «200-м»».

Старший лейтенант Владимир Г. уже больше года в Чечне – ненагражденный участник многих боев. В боевых порядках вообще мало награжденных людей.

Поздней весной 1995 года, когда боевиков добивали, чаще всего солдаты спрашивали у журналистов: «Как нас встретят в России?». Теперь, через год, таких вопросов ни одного. Воюющим в Чечне россиянам, прошедшим здесь

огонь и воду, на первый взгляд пока безразлично, что о них думают в обществе, находящемся далеко от войны. Самое главное для тех, кто выполняет свой долг, что о них скажут товарищи по боевым операциям. Это российскому обществу должно быть важно – каким оно видится из Чечни. У бойцов, выполняющих там правительственное задание, до сих пор нет в этом смысле крепкого тыла. Их тыл – Присяга! Отец – прямой командир, мать – сырая чеченская земля.

В нее старший лейтенант Владимир Г., окруженный под Малыми Варандами, зарывался, окапываясь пластиной от бронежилета. С ним было тридцать восемь разведчиков. Двенадцать часов они продержались на высоте. Боевики, обращаясь к Владимиру, смеялись в эфир: «Командир, нервничаешь, что ли? Не надо. Не только тебе головуотрежем. Все вам отрежем. Не сомневайтесь!».

Перед атаками боевики обязательно танцевали «Зикр» – свой мистический, настраивающий на бой танец. Потом, продолжая ритмично бить в ладони, быстрой, извивающейся змеей они выдвигались к высоте, а атаковали ее уже бешено воюющими волками.

Старший лейтенант знал, что при таком натиске самое главное – выстоять первые пять минут...

Откормленные свежей бараниной, выросшие в горах, натренированные моджахеды атаковали девятнадцатилетних разведчиков из 205-й мотострелковой бригады федеральных сил, подражая волкам, натурально воя, чтобы уstrasшить, сломать психику российских юношей, не зная истории или забывая, чьи внуки, правнуки и праправнуки ждут их на высоте...

Пять минут крошечного ада: разрывы гранат, настильный пулеметный огонь, крики раненых, запредельная жесточенность кровавого столкновения... Преодолен первый натиск, миновала реальная опасность чеченского прорыва в наши порядки – выстояли разведчики! Боевики залегли, припав к пулеметам, автоматам, снайперским винтовкам. Теперь – чей глаз острее. Кто лучше обучен...

«Все пулеметчики – смертники, – рассказывал мне на седьмом блокпосту Владимир Г. – Первая задача любой из сторон – снять пулеметчиков, сосредоточив на них большинство огневых средств».

Никак не смирится Владимир Г. со смертью петербуржца Славы Лысковца – отважного пулеметчика, пришедшего в его роту по контракту. «Он был образцом солдата, – с болью вспоминал старший лейтенант. – Мы только на зарядку выходим, а он уже бегаёт. Оружие в блеске держал. Очень ответственный человек. Всегда тщательно готовился к бою. Под Малыми Варандами чеченская пуля пробила голову Славы навывлет. А он, можно сказать, убитый, успел еще раз поменять позицию и завалить двух боевиков.

Доктор наш по основной специальности гражданский медик, но большого героизма офицер. Был момент – я боялся голову поднять, такой плотности был огонь, а он ползал, таскал на себе раненых».

Отбитые огнем, чеченцы уходили.

Разведчики все знали о них. Им приходилось видеть «русские самовары», которые боевики выставляли перед своими окопами. Чтобы самим не стать «самоварами», каждый из разведчиков носил при себе гранату. «Лучше самоликвидироваться, чем адские муки в плену», – другого мнения среди разведчиков не было.

«Русский самовар» – чьё это запатентованное у дьявола изобретение? Афганских моджахедов? Боснийских мусульман? Чеченских фанатиков? Пока неизвестно. Но в сатанинской боевой реальности – это когда захваченному российскому военнослужащему, предварительно накачав болеутоляющими, перетягивают жгутами руки и ноги, а затем отрубают их, выставляя «русский самовар» перед своими позициями, как прокламацию.

«Лично я с жизнью тогда попрощался, – рассказывал мне у костра ротный Владимир Г. – Нас обстреливали из подствольных гранатометов, атаковали волнами, забрасывали в темноте ручными гранатами, но мы раз за разом отражали атаки. К нам на выручку торопилась пехота, разбирая на дорогах завалы в два человеческих роста, устроенные боевиками. Утром, когда в лесу

раздался рев идущей к нам на помощь «брони», чеченцы ушли. Из тридцати девяти разведчиков у нас было семь убитых, двадцать четыре раненых».

«Наш ротный весь посечен осколками», – сказал мне на блокпосту один из его людей.

Когда в свободный час у костра или печки-буржуйки я начинал неторопливые расспросы ротного о войне в горах, все, кого тянуло к огню, уважительно по отношению к офицеру затихали, набираясь военной мудрости, то ужасаясь кошмарам войны, то восхищаясь стойкостью разведчиков 205-й мотострелковой бригады.

Иногда из темноты выходил к огню стройный, высокий, с внешностью и манерами дипломата радист разведчиков. Его имя с казахского переводилось как «Душа пилы». Он тоже дрался под Малыми Варандами. Владелец мягкой голливудской улыбки, редкой внешности, он родился, чтобы сниматься в кино или быть послан, но судьба решила, чтобы он воевал в горах и стоял на Сунже, защищая Грозный. Его имя работника войны отвечало на вопрос – почему он с равным успехом мыслитель и рядовой фронта.

С первым рассветным проблеском за мостом через Сунжу начинают мелькать, то припадая к земле, то исчезая, белые, вкрадчивые, длиннохвостые тени – это давно одичавшие грозненские псы подбираются к трупам боевиков.

За то, чтобы вытащить из-под огня своих погибших, собровцы отдавали жизни. За павшими на «Минутке» россиянами ходили и десантники, и разведчики, вэвэшники, неся потери. Поэтому чеченские трупы, лежащие в зоне видимости блокпоста № 7, недоступны боевикам. Смерть за смерть – вечный закон войны. Поэтому были убиты те, кто внаглую среди бела дня пытался снять вооружение с подбитых шестого марта БТРа и бээрдээмки собровцев. Потом были сражены те, кто, ведя огонь по нашему блокпосту, пытался вывезти эти трупы на легковых машинах. Надо было быть безумным, чтобы на глазах тех, кто потерял своих однополчан, днем залезть на подбитую русскую технику, дабы разжиться пулеметом КПВТ.

Кто тот полевой командир, что послал своих людей на смерть? Во имя чего он заставил их продемонстрировать безрассудство? Чем он руководствовался? Слепой верой в Аллаха? Мыслью, что русские не помнят зла?

А теперь бездомные грозненские собаки, не довольствуясь тем, что ночью тела поверженных чеченцев были в их власти, с рассветом снова торопились на трапезу, визжа, перелаиваясь.

Утренний лай псов-людоедов тих и коварен. Он похож на шепот преступников, сговаривающихся об убийстве.

И Тимофей, пермский омовец, чтобы прекратить это мерзкое зрелище, берет в руки снайперскую винтовку. Несколько выстрелов, и псов-людоедов больше нет. Другие скрываются в развалинах, чтобы отсидеться до ночи.

На войне человек таков, каков он в мирной жизни. Старательный на домашнем садовом участке, таковым же покажет себя при рытье окопов. Резкий, молниеносный в ударе на боксерском ринге – точно так же проявит себя в чеченской «зеленке».

Со старшим лейтенантом Евгением С. – офицером внутренних войск мы сидим в закутке, пережидая дождь. У Жени, лежащего на топчане и закутанного в синее солдатское одеяло, в руках книга Плутарха. Иногда мы перебрасываемся словами. Мы отдыхаем. На это немного времени.

Этой ночью Евгений С., охраняя левый фланг блокпоста, успешно отбил попытку чеченского проникновения, вовремя применив гранаты. Женя кидал их обыденно спокойно, без крика. Он храбр, как герой лермонтовского рассказа «Фаталист». И еще... Он обладает довольно редкой на войне способностью не употреблять нецензурных слов. Когда старший лейтенант откладывает Плутарха и с пониманием ждет моего очередного вопроса, я его спрашиваю об этом. А он, по-печорински улыбаясь, негромко зовет:

– Муха! – в нашем закутке появляется огромного роста и добрейшего выражения лица боец.

– Муха, – говорит старший лейтенант, – у нас в роте ругаются матом?

– Никак нет, – звучит негромкий ответ на выдохе. – Запрещено.

– А что будет с тем, кто попробует?

– Так это... – долгое вежливое молчание.

– Ну что?

– Несдобровать.

У каждого из подчиненных Евгения С. своя «погремуха». Агээсник, таскающий АГС без труда, Муха – уроженец Башкирии. Он добр и величествен, как Пьер Безухов. А стрелок Максим, оказывается, читал мои статьи о Чечне. И мы с ним говорим об Антоне Павловиче Чехове, ведь Максим родом из Таганрога.

Особенно старший лейтенант Евгений С. был доволен Бандитом – наводчиком БТРа.

На блокпосту, к своей радости, я познакомился со всеми бойцами Евгения: механиком-водителем Фатимой, Чарли, Ким Ир Сенем – тэйквандистом, стрелком Лещадью и другими.

Определенные приказом в Чечню, подвластные долгу, эти скромные, беззаветные в своем повседневном героизме парни надежно «держали» левую сторону нашего блокпоста, отличаясь бдительностью, дисциплиной.

В Чечне идет война людей. Ожесточенные столкновения идей – нечто далекое. Здесь, в боевых порядках, не они определяют – жить тебе или нет.

Наш блокпост возле моста через Сунжу – большая семья, от которой зависит и мое долголетие. А прапорщик ОМОНа Сергей Ш. – наш хранитель.

Здесь, на блокпосту № 7, нет разницы, кто ты: федерал, вэвэшник, журналист или омоновец. Все мы кормимся из одного котла, который организовал остроумный, надежный, смелый пермяк Ш. Ему никто не перечит, потому что он хозяйственный, убедительный в каждом жесте мужик. Здесь много таких. Тут никто не подставляет друг друга. А распределение нагрузок – в зависимости от остроты ситуации.

В критические минуты с правого фланга, который охраняют «шмелисты» 205-й бригады, появляется человек-гора, командир химиков. На его пле-

че «Шмель» – что тросточка для прогулок или удочка, а не все сжигающий огнемет. Однажды я чуть было не попал под его струю, но вовремя сориентировался, укрывшись за бетонными блоками. Часто именно командир «шмелистов» да командир разведчиков, отлично стреляющий из орудия БМП, ставят последнюю точку в разговорах с чеченскими снайперами.

С наступлением утра в нашем убежище воцаряется мертвая тишина, потому что волк – ночное животное.

В Швейцарии-то, кстати, тоже гористой, последнего волка истребили еще в начале двадцатого века, а в Чечне волк продолжает оставаться мастером наскоков, засад, похищений.

Волк – национальный знак? Кому в мире это понравится? Все знают, что у волка не бывает друзей другого рода и племени. Он потаен, скрытен, предательски коварен. Волк – древнеязыческий тотем. Несчастливые люди те, кто живет под таким символом. Решиться на такой государственный флаг означало избрать для своей страны одиночество. Вот что значит не думать о своих соседях. Волки отбирают то, что им не принадлежит.

Небывалое горе, когда на знамени народа – волк, проклятый в детских сказках и снах. Избрать его своим символом могли только ослепленные люди.

Чечне, кинутой на костер войны своими дудаевыми, теперь предстоит долгий путь выздоровления.

А пока огромные деньги брошены там на возбуждение ненависти, а не на поиски истины о себе. Ведь при Дудаеве чеченский народ воспитывался в абсолютном самолюбовании и на чувстве личной безгрешности. Его вели волчьей тропой в поисках легкой добычи. И война обрушилась на народ как наказание – в первую очередь вожакам стаи.

В Чечне быстро усваиваешь, что она разделена на два стана: тех, кто за дудаевщину, и тех, кто против нее. Скрестить оружие в смертельном бою, другими словами, самоуничтожиться им не дают российские военнослужащие.

На войне твои размышления о мирной жизни, воспоминания вслух – небрежность по отношению к себе и окружающим. Миротлюбивые мысли расслабляют, выводят из равновесия.

Поэтому в целях самосохранения на войне люди чаще всего говорят о близком, находящемся рядом. А еще они любят поддержать себя шуткой. Даже вши, терзающие тело, здесь незлобиво названы «БТРами».

Меньше всего солдаты, разведчики, омовцы, населяющие блокпост, рассуждают о боевиках. О них молчат, их не обсуждают, как температуру утреннего воздуха, глубину Сунжи, протекающей под мостом, калейдоскоп обличных изменений. Боевики – зло, ходящее, ползущее, перебегающее среди развалин, которое может выстрелить в тебя в любую минуту. О зле лучше не рассуждать. На войне подумать о враге – все равно что яркой звездочкой на погонах привлечь к себе внимание снайпера.

Равнодушное ко всему происходящему на земле, к моему личному горю и плачу о погибших друзьях солнце устремляется в самую гущу несущихся к нам черных дождевых облаков, и как только солнышко прячется, нас начинает обстреливать чеченский смертник. Его автомат бьет по нашему укреплению из-под реставрационной сетки, наброшенной на четырехэтажный дом, стоящий в тылу.

Этого снайпера вычисляют довольно быстро... На этот раз из «Шмеля» по нему стреляет командир взвода разведки – всеобщий любимец, выпускник Казанского танкового училища Михаил З. Этот сын старшего офицера ВДВ стреляет всего один раз.

А потом по знаку прапорщика Сергея Ш. разведчики, омовцы и солдаты внутренних войск беспрепятственно идут в развалины бывшего здания Совмина за дровами, стараясь не думать о сгоревшем в муках чеченском боевике – этом волке или волчонке.

Идут, чтобы не затухал наш костер, обогревающий, сверкающий живым пламенем, возле которого не поют, потому что знают цену войне и политикам.

Март 1996 г.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

I.

Сводному отряду собровцев Центрального региона предстояло, миновав Сунжу, войти в контролируемый чеченскими боевиками район, чтобы отыскать тела погибших смертью храбрых трех офицеров Курганского СОБРа, которым выпали на долю мартовские бои 1996 года в Грозном.

Уже были преданы земле тела их боевых товарищей из Перми, Нижнего Новгорода, Липецка, Оренбурга, Чебоксар, которые, попав в засаду, в попытках спасти друг друга, полегли на проспекте Ленина возле своих бэтэ-эров. А убитых курганцев разыскать никак не удавалось. Наконец, стало известно: двое лежат в частном одноэтажном саманном доме, третий — где-то на перекрестке простреливаемых ичкерийскими снайперами улиц.

Долг требовал от командира сводного СОБРа вызволить тела офицеров с территории, занятой противником, но так, чтобы «не положить» при этом подчиненных, с которыми он прибыл в Грозный на внеплановую замену. Его сила была в том, что в прошлом он был армейским, окончившим военную академию офицером, что в Грозный с ним прилетели свежие люди, среди которых было немало бывших армейских спецназовцев.

С началом войны в Чечне, побывав на ней, самые мудрые командиры Специальных отрядов быстрого реагирования Управлений по борьбе с организованной преступностью поменяли кадровую политику, став охотно принимать к себе офицеров-армейцев. В борьбе с террористическими, хорошо вооруженными чеченскими подразделениями, победа — давно стаю ясно — могла прийти только к тем СОБРАМ, где был достаточен процент спецназовцев Вооруженных Сил и внутренних войск.

Приехав в Грозный, сводный СОБР разместился в здании Главного Управления Объединенного штаба МВД России в Чечне — в привычных спартанских условиях.

- С чего начнете поиск пропавших без вести офицеров Курганского СОБРа? - спросил командира сводного отряда начальник ГУОШ.

- С разведки, — последовал короткий ответ. Ему, майору милиции Сергею Д., можно было во всем положиться на начальника своей разведки, прошедшего Грозный января 1995 года, Бамут и Самашки — опытного тактика. Командиры СОБРов из других городов Центрального региона могли мастерски провести разведку, но командир сводного поехал на Сунжу сам.

В бронезилете и «сфере» вместе с начальником разведки, начальником штаба сводного отряда и еще двумя офицерами, они долго маячили возле бойниц 7-го блокпоста, всматриваясь в заречные безжизненные развалины. Те, храня молчание, казались абсолютно покинутыми. Потом было принято решение миновать мост, действуя дальше по обстановке. За спиной метрах ста сорока был разрушенный «дворец Дудаева» и чуть ближе коробка затянутого оборванной реставрационной сеткой бывшего Совмина, где командир сводного СОБРа, поразмыслив, разместил своих снайперов.

Впереди за мостом, уставленным бетонными блоками, собровцев ждала мрачная неизвестность. Зачем они собирались за мост? Еще четыре дня назад на проспекте Ленина была обстреляна колонна бронетехники десантников и армейской разведки: были убиты трое российских военнослужащих, подожжена «коробочка», лишился глаза командир батальона разведки и еще пять человек получили ранения. Потом все дни наблюдалось подозрительное радиомолчание боевиков.

Следовало разрядить обстановку активной разведкой: установить наличие боевиков, их численность, вооружение, степень готовности к открытию огня, самые опасные в боевом смысле здания...

За мостом слева подпирала небо высотка, с которой раньше особенно активно стреляли боевики. В Грозном местные жители дали ей название «куруза».

Странные дела происходили на высотках возле блокпоста № 7 в конце февраля и начале марта 1996 года.

На блокпосту командиру сводного СОБРа предложили ознакомиться с документами:

«Справка. Дана для предъявления на блокпосту. Доводим до вашего сведения, что на объектах: гостиница «Кавказ», Совмин с 1 февраля с 8.00 до 17.00 будут вестись работы по разборке зданий и сооружений силами организации МЧС ЧР. На вышеуказанных объектах в указанное время будут находиться рабочие и механизмы»... А потом на этих зданиях пермскими омоновцами уже в ходе боевых действий были обнаружены бойницы, которые боевики использовали в нужных целях.

Выдвижение собровцев на мост проходило под прикрытием блокпоста: в БМП место возле орудия занял опытный огневик, командир роты разведки 205-й бригады старший лейтенант Г., словно приросли к пулеметам и автоматам его разведчики, солдаты внутренних войск и пермские омоновцы — хозяева блокпоста.

Мост собровцы Центрального региона миновали благополучно, стали осматриваться, прячась за бетонными блоками, которые прикрывали их от самой близкой девятиэтажки. К этому дню для мирного населения Грозного было открыто движение, но через блокпост ниже по течению Сунжи.

Беспрепятственно, видно, все документы оказались в порядке, миновала блокпост № 22 белая «Нива», помчалась вдоль Сунжи: из машины чеченцам были хорошо видны четверо собровцев, что таились за блоками.

Машина, от нее до офицеров было не больше шестидесяти метров, снизила скорость, потом внезапно дала задний ход, и из нее по собровцам ударили автоматы.

Боевики рассчитывали на внезапность? Или посчитали, что от блокпоста № 7 их прикрывают бетонные блоки?

Боевики были мгновенно уничтожены огнем снайперов, которых командир сводного СОБРа разместил на здании Совмина.

Еще через секунду белая «Нива» вспыхнула. Пламя жадно пожирало трупы четырех, уверовавших в свою безнаказанность, боевиков. И сразу

молчавшие до этой минуты развалины за Сунжей окрысились автоматнo-пулеметной стрельбой.

Стремясь поймать в прицелы тех, кто так искусно «положил» их, потерявших осторожность, собратьев, боевики получили в ответ шквал огня. Стреляли разведчики, бойцы внутренних войск, омовцы. Вела огонь БМП командира роты разведки старшего лейтенанта Г., гася огневые точки дудаевцев.

Командир сводного СОБРа майор милиции Д. был доволен. Он разобрался с обстановкой на своем правом фланге. Его разведку выцеливало не меньше двадцати пяти боевиков, но он, благодаря своим снайперам и поддержке блокпоста № 7, вывел людей из-под огня. Надо было торопиться к карте, чтобы вместе с заместителем командира полка внутренних войск хорошо обдумать, как поступить дальше.

II.

Раннее мартовское утро в Грозном. На улице Ладожской, 14 -во дворе ГУОШа скопление вооруженных людей и приданной техники. Два танка 205-й армейской бригады, боевые машины пехоты и бэтээры Зеленокумского полка внутренних войск ждут седоков. Десантом на броне пойдут офицеры Специальных отрядов быстрого реагирования Московской области, Твери, Владимира, Рязани, Ярославля, с ними двое курганцев: офицер СОБРа и журналист милицейской газеты - проводники и участники боя, из которого 6-го марта не вернулись двадцать пять офицеров-собровцев. В тот день в Грозном на проспекте Ленина, попав в засаду, в тяжелейшем бою погибали собровцы Перми, Нижнего Новгорода, Кургана, Липецка, Оренбурга, Чебоксар. Их тела были отбиты боевыми товарищами, эвакуированы на родину. И только трое погибших курганцев оставались лежать за Сунжей.

Сводный СОБР Центрального региона, пришедший в Грозный на замену понесшим потери собровцам Поволжья, Урала, Зауралья и Сибири, гото-

вился при поддержке зеленокумцев ворваться на территорию, контролируемую боевиками, чтобы вынести с поля боя собровцев Кургана. Суровый закон спецназовской этики гласил: «Не оставлять на поругание врагу погибших боевых друзей».

На подходе к реке Сунжа, в районе блокпостов № 7 и 22 бронеленточка, оседланная собровцами и солдатами Зеленокумского полка ВВ, разделилась. Как и ожидалось, разведгруппа тверских и ярославских собровцев, выйдя из-за блоков 7-го поста и вступив на мост через Сунжу, сразу напоролась на активное сопротивление дудаевцев. Не осталось сомнений, что именно здесь у боевиков сосредоточены главные силы. Собровцев поддержали ЗУшка и несколько минометов.

Ожесточение боестолкновения нарастало и тогда командир сводного СОБРа майор милиции Д. дал команду на выдвижение. Сначала на мост возле блокпоста № 22 вошел танк. За его броней россыпью собровцы... Только бегом и за спасительной бронетехникой можно было преодолеть простреливаемое боевиками пространство.

Чеченцы, находящиеся в эйфории от своих победных засад и вылазок 6-го марта, ожидая привычного прорыва на проспекте Ленина, жестоко прощитались.

Четырнадцатого марта на девятый со дня гибели двадцати пяти собровцев поминальный четверг заслон боевиков, прикрывающий улицу Асланбека Шерипова, был сметен спецназовцами Центрального региона, солдатами внутренних войск и огнем приданной техники.

Под ногами бегущих спецназовцев трамвайные пути... На головной броне, свесив ноги в командирский люк, собровец Александр С. Этот смелый офицер, отлично видя поле боя, засекал огневые точки боевиков и корректировал стрельбу танкового орудия.

Собровцы на бегу вели прицельный и упреждающий огонь по местам скопления дудаевцев, по одиноким целям, заставляя их умолкнуть навечно.

Задача, поставленная собровцам, была известна каждому: найти и вернуть на родину тела убитых в бою командира Курганского СОБРа подполковника Е. Родькина, майора В. Звонарева, лейтенанта К. Максимова. Большинство из тех, кто шел на поиск, не знали их по жизни и службе. Но светел и суров закон спецназовского братства: каждый из собровцев России, убывая в Чечню, верил, что при трагическом исходе боя его не бросят и вернут на родную землю. Быть собровцем означало быть только на передовой в борьбе с криминальным, террористическим злом. Эта служба требовала особой выучки, высокой психической, физической выносливости. Кандидат в СОБР проходил через сложнейшие испытания. На последнем этапе, когда «обкатывали» в рукопашке, главным было: способен ли ты, сбитый с ног, снова подняться, преодолеть боль, не сдаться под градом ударов. На службу в СОБР шли лучшие, преданные Отечеству, российские парни.

О доме, который искали и где предполагалось «поднять» курганцев, информации было мало. Основные свидетели случившегося, хозяйка строения - чеченка и ее сын-подросток, прятавшие раненых собровцев, находились неизвестно где. Может, тоже погибли... Вышедшие к своим после боя двое израненных собровцев - пермяк и курганец - уже лежали в госпиталях. Руководство операции располагало сообщением, что под развалинами дома следовало искать подполковника Евгения Родькина и майора Владимира Звонарева, лейтенант Константин Максимов был убит дудаевским снайпером где-то на пересечении улиц.

Район, где разворачивались события, представлял из себя разбитые войной малонаселенные пятиэтажки, сгоревшие остовы частных домов, груды искореженного, обгорелого металла, иссеченный под корень осколками мин и снарядов еще год назад бурно идущий в рост парк.

Выдвигаясь параллельно проспекту Ленина, воюющая спецназовская ленточка держала в поле зрения все пространство вокруг себя. Вот в просвете между домами стала видна «хрущевка» на проспекте Ленина, на верхнем этаже которой кем-то из наступающих собровцев была определена актив-

ность боевиков. Развернув башню вправо, выстрелил танк. Гигантская вспышка пламени. Адский грохот раздался после попадания танкового снаряда в окно пятого этажа. То полыхнул, на мгновение уняв пулеметно-автоматную стрекотню, взорвавшийся склад боеприпасов дудаевцев.

Определившись с помощью проводника с поворотом в нужный квадрат, сводный СОБР и солдаты Зеленокумского полка начали лихорадочные поиски дома.

К этому времени ичкерийцы поняли замысел противодействующих сил и, ослабив натиск в районе 7-го блокпоста, начали подвод резервов с площади «Минутка». Задышали их законсервированные снайперские точки. Одна, самая активная, стала отрабатывать по командиру отряда и начальнику штаба. В первые мгновения их спасло то, что ни на секунду не останавливаясь, они постоянно двигались. Возле их голов еще раз свистнули пули и тут на счастье расчет СПГ-9, нащупав снайпера, уничтожил его.

На первом этаже дома, что за православной церковью, был обнаружен труп уже переодетого в гражданское моджахеда-афганца. Брюки, которые убитому успели надеть боевики, были ему до колен. Высокий афганец, сухой телом, костистый, немало повоевал на своем веку. Торопились дудаевцы выполнить отданный сверху приказ - не оставлять на своих убитых никаких следов принадлежности к вооруженным формированиям. Использовать каждую смерть в идеологических целях обучали полевых командиров в зарубежных спеццентрах. Дескать, из русского оружия снова убит мирный житель. А у этого «мирного» на правом плече привычный синяк, на коленях, локтях и указательном «курковом» пальце мозоли. И молитва на арабском, да еще какой-то текст на пушту в левом кармане брюк.

Офицеры подмосковного СОБРа сдернули «кошкой» моджахеда с места. Кинули его на солдатское синее одеяло. И услышали крик командира сводного СОБРа: «Духи обходят нас с трех сторон!»

Не хватило времени для полной зачистки. Дудаевцы на КАМАЗах пытались прорваться в квадрат, где работали собровцы, но были отбиты огнем

двух танков 205-й армейской бригады, двух БМП и трех бэтээров Зеленокумского полка, которые простреливали улицы Асланбека Шерипова, Интернациональную, Сафонова, переулки Ивановский и Интернациональный.

Располагая значительной живой силой, боевики стремились к охвату всего района боевых действий и, огрызаясь огнем, собровская ленточка начала планомерный отход. Не потеряв ни одного человека, собровцы в этот день, по данным радиоперехвата, уничтожили двадцать четыре боевика, взорвали вражеский склад боеприпасов, а тот снайпер, которого вместе с его охраной уничтожил расчет СПГ-9, оказался турком-инструктором, любимцем Джохара Дудаева.

Но главная задача оказалась невыполненной. Погибшие офицеры Курганского СОБРа не были найдены.

III.

Тяжелы раздумия собровцев: все мысли о товарищах по оружию, что остались лежать на территории, подвластной дудаевцам. Пятнадцатого марта 1996 года, когда собровцы были готовы для нового удара по ичкерийцам, боевой выход был отменен руководством группировки. Разведка сообщила, что за Сунжей ждут, готовые к встрече, еще более крупные силы боевиков. И надо теперь поразмыслить, как провести операцию и не увеличить количество милицейских вдов.

- Командир, - обратился к майору милиции Д. один из его подчиненных, - в 19 веке, когда воевали с Шамилем, в трагических случаях обе стороны шли на переговоры и производили обмен. К памяти павших, какая бы не была жесточенность, надо относиться достойно. Разве не повод для переговоров?

К выполнению собровской задачи с максимальной активностью подключились хорошо знающие Грозный оперативники: двое смолян из ОБНО-На, москвич из ГУУРа, двое курганцев: эксперт-криминалист и журналист. И много других людей в Кургане, Москве. В Грозном, измученном городскими

боями, тонущем в крови, результат дала народная дипломатия. Чеченские боевики, подобно российскому спецназу, тоже делали все возможное и невозможное, чтобы не оставлять на поле брани своих погибших.

Двадцать четвертого марта 1996 года в аэропорту «Северный» поднялся в воздух российский «Черный тюльпан». Его путь лежал в Ростовский Центр погибших, а потом в Курган. Это зауральские собровцы, убитые в Грозном, возвращались на родину.

ВЗРЫВ У ЧЕРНЫХ БУГРОВ

Потомственный терский казак Денис Н. сидит рядом со мной на заднем сиденье старенькой «Нивы» и, чтобы хоть немного отвлечься от горестных разговоров, с улыбкой вспоминает, что на одном из участков его разоренной, приграничной с Чечней земли он видел, как заяц задорно гонял журавлей...

До войны в Чечне земля этого, похожего на Тараса Бульбу, казака давала по сорок центнеров отборной пшеницы с гектара. Потом федеральные войска оставили чеченскую территорию, и чеченцы Шелковского района перекрыли поступление воды из Терека, что в былые времена питал земли, тогда еще не разделенные ненавистью и границей.

Границы как таковой между Шелковским районом Чечни и Кизлярским районом Дагестана вроде бы нет: вооруженные чеченцы, беспрепятственно проезжая через дагестанские блокпосты и предусмотрительно объезжая КМП российских милиционеров, разживаются в приграничных селениях мясом, хлебом, молоком, всем своим видом демонстрируя силу, напористость, вездесущность. А к ним на территорию не заедешь. Только попробуй – прощайте свобода и белый свет! В мыслях и сердцах людей приграничная Чечня – бандитская, беспредельная территория, где властвует тот, кто лучше вооружен. Сидя в Грозном (теперь город носит имя Джохара Дудаева), президент Масхадов не контролирует десятки банд, пиратствующих на границе. Натиск этих незаконных вооруженных формирований на территории Дагестана сдерживают милиционеры и военнослужащие внутренних войск. Наша дорога лежит в одно из милицейских подразделений, стоящих на границе.

Не раз пострадавший от рук чеченских бандитов казак Денис Н. говорит: – Если милицию с Черных бугров уберут, тогда чеченцы самозахватят тысячу гектаров дагестанской земли.

Где бы я ни был на границе, разговоры одного порядка: чеченские бандформирования считаются только с силой. Оборонительная позиция России ни к чему хорошему не приводит. Если Чечня – часть России и руководство

Ичкерии требует на свои нужды российские деньги, почему мы так нетребовательны к ним, почему продолжается противозаконная деятельность диверсионных центров Хаттаба? Обстановка на административной границе с Чечней – калейдоскоп трагических событий и политической недосказанности. На крыльях своей свободы Чечня стремительно опускается в средневековье. Те бандиты, которые, никому не подчиняясь, сделали жизнь на границах просто невыносимой, должны преследоваться как правительственными силами Масхадова, так и российскими органами внутренних дел. Надо, чтобы под ногами бандитов горела земля. Иначе процесс криминального поглощения Северного Кавказа не остановить.

Наша «Нива», в которой три казака и я, от холма к холму едет по земле, находящейся в фермерском подчинении Дениса. Но ее хозяин он только по документам. Обработка угодий сверхопасна. Уже не одна машина на этом пути была безнаказанно отобрана чеченцами. За каждым бугром подстерегает опасность. Когда Денис говорит, что за тем арыком чеченская территория, казак Юрий К. произносит:

– Всем известно, что Наурский и Шелковской районы – исконные земли терского казачьего войска, не по воле народа в 1957 году переданные Чечено-Ингушетии. Кто исправит политическую ошибку? За эту землю надо бороться. Там, в казачьих станицах, терроризируют русских. И ни одна международная правозащитная организация этим не интересуется.

– Мои фермерские земли, – говорит Денис, – в зоне чрезвычайной опасности. Не по моей вине я в убытке, а кизлярская налоговая инспекция требует с меня невыносимую сумму. Хоть бы кто из них сюда, как вы, приехал убедить, какой я теперь «фермер».

Жизнь тех, кто в машине, сегодня только в руках судьбы. Если нас, невооруженных, обстреляют или захватят чеченские экстремисты, нашу пропажу обнаружат только к вечеру.

Все ближе мы к тому печальному месту, где 22 июня этого года подорвался «Урал» с сотрудниками липецкого ОМОНа. За рулем тогда был стар-

ший сержант милиции Михаил Богословский – в пятую свою командировку на Северный Кавказ. Каким должен быть водитель экстра-класса в горячих точках? Исполнительным, надежным, смелым. Таким качествам Михаил соответствовал сверх меры.

Возле Черных бугров, как бы вы ни кружили на технике, все дороги, дорожки, тропинки сходятся в одном роковом пересечении – на полевой развилке, которую террористы выбрали тогда для закладки смертоносного фугаса. На разминировании подобного, вблизи Кизляра, мне, спецкору «Щита и меча», довелось быть в конце декабря 1997 года. С того времени фугасы из 152-миллиметровых снарядов унесли не одну жизнь командированных на север Дагестана российских милиционеров и военнослужащих внутренних войск. Подрывы нашей военной техники, как правило, совпадали с выпускными экзаменами в террористических школах Хаттаба, ведущего активную диверсионную деятельность в приграничье. Когда Басаев был премьер-министром Чечни, Хаттаб ходил в его ближайших советниках. Иначе как политической шизофренией это не назовешь.

...Исковерканные взрывом куски милицейского «Урала» калятся на солнце. Обступающие нас холмы. Настороженная тишина. Воронка от взорванного фугаса – словно след неизвестного науке чудовища. Здесь сложил голову омоновец Михаил Богословский. Вдохнул теплый, горьковато-травяной июньский воздух, переключил скорость тяжелой машины и...

Через пятнадцать минут на базе № 36«Д» его боевые друзья показывали мне фотоснимки, на которых Миша выделялся светлой, грустной улыбкой. Есть какая-то тайна в фотографиях, где среди живых тот, кто погиб в бою. Словно Михаил что-то предчувствует и поэтому на лице особая печаль – как бы прощание со всеми нами.

Липецкие омовцы, тщательно проверив документы, записав меня в гостевую тетрабочку, постепенно разговариваются. Предмет нашей встречи – 22 июня 1998 года.

Духи не случайно подорвали липецкий «Урал» именно в этот святопамятный для России день. Ночью, как фашисты в 1941 году, они зарыли в землю 152-миллиметровый снаряд, укрыли резиной, присыпали песком, замаскировали коричнево-зеленый провод и заняли позицию на холме – спиной к Чечне. Ночной ветер, обыкновенный здесь, скрыл последние следы того, что могло демаскировать диверсантов.

«Урал», за рулем которого был Михаил Богословский, вез с КМП «Хутор» на базу № 36«Д» сменившихся омовцев. В кабине еще были лейтенант милиции В. и сидевший на коробке передач старший прапорщик милиции С.

Михаил был классным водителем легковых машин, виртуозом милицкого «Уазика», а вот к грузовику только начинал привыкать. В то утро, когда «Урал» медленно спускался с бугра, Михаил притормозил, чтобы переключить скорость, а диверсант, рассчитывая, что фугас уничтожит всю живую силу, уже запустил «адскую машинку». Водитель затормозил... Грохот разрыва... Фугасный осколок, пройдя через радиатор, мимо коробки передач, поразил Михаила в голову. Вся мощь взрыва пришлась на двигатель и на него, но не на людей в кузове. Как щитом, закрыл их старший сержант милиции Михаил Богословский. Он переиграл диверсантов и судьбу в пользу своих боевых друзей.

Сидящие с ним рядом в кабине были ранены, те, кто находился в кузове, ранены и контужены. Машина сразу была обстреляна – очередь по верху с правого борта, другая по колесам. Вывалившись из кузова, омовцы открыли ответный огонь.

Взрыв, раздавшийся в 8.30 утра, поднял людей на базе 36 «Д» по тревоге. Через несколько минут суматоху сборов на мгновение остановило появление Джека – собачонки, прикормленной бойцами, тоже уезжавшей в «Урале» на КМП. Он примчался на базу с окровавленными лапами и, дрожа, сразу лег, словно уснул: оказалось, не раненый, а вымазанный людской кровью.

К месту подрыва липецкие омовцы выдвигались двумя группами.

...Возле уничтоженного «Урала» лежало бездыханное тело Миши. Первой мыслью было, что все остальные взяты в заложники. Когда близлежащие бугры были оседланы омовцами, возле грузовика была найдена записка лейтенанта милиции В., приткнутая к земле гильзами: «Машина взорвана и обстреляна. Имеются раненые и контуженные. Отошли к дагестанскому посту...».

При зачистке Черных бугров в 200 метрах от подорванного «Урала» были обнаружены автоматные гильзы, два «Сникерса», мешок, мини-радиостанция, катушка проводов на палке – стандартный набор террористов, действующих в Дагестане. Только вот зачем оставляют рации? Или под ответным огнем, все бросая, быстро уносят ноги, или даже в таких случаях занимаются пропагандой – дескать, какие мы богатые...

Рассказывая о гибели Миши, омовцы не раз говорили, что он спас им жизнь. В Липецке в общежитии Михаила не дождалась жена и сынишка. Только теперь им дали однокомнатную квартиру, хотя могли выделить двухкомнатную.

Еще бойцы посетовали, что сейчас в отъезде их любимый командир: подполковник милиции Матросов Геннадий Николаевич. Там, в Липецке, в ОМОНе он заместитель по тылу, а здесь, в командировке, не только их непосредственный начальник, а просто-напросто «батя», за которым они как за каменной стеной.

Из трудностей назвали нехватку осветительных ракет, колючей проволоки, отсутствие БТРа. То же самое я слышал полгода назад, бывая на других блокпостах в Дагестане.

Омовцы Липецка – тренированные, немногословные, уравновешенные воины с боевым опытом. В их дружной среде нет отказчиков: они не первый раз на Северном Кавказе и терпеливо выносят пограничную, политическую неразбериху. То омовцам говорят, что их база на дагестанской земле, то после подрыва сообщают, что они стоят на чеченской территории. А

вот старый казак Денис, привезший меня сюда, убедительно доказал нам, что 36«Д» – на дагестанской земле.

Потом я забираюсь на вышку, построенную омовцами, и здороваюсь с Андреем: он ехал в том «Урале» и, получив контузию, эвакуироваться домой не стал.

– За озером, на чеченской территории, видите одинокое дерево? – говорит он. – Там круглосуточно сидит наблюдатель.

Я достаю фотоаппарат и снимаю старинную казачью землю Шелковского района, числящуюся российской, но фактически отторгнутую. Сегодня плодородная, но запущенная, не обрабатываемая чеченцами, она для всех нас непредсказуемо опасна.

Прощаясь с омовцами, я спрашиваю:

– Какова гарантия, что мы вернемся домой без проблем?

– Нет никакой гарантии.

Мы не просим у омовцев провожатых, понимая, что им не на чем будет вернуться обратно.

Снова за окном старенькой «Нивы» прокаленная солнцем земля. В память о Михаиле все, кто в машине, молчат.

Потом Юрий сказал:

– Когда ты стал фотографировать с вышки, я подумал, что «чехи» могут устроить нам перехват.

На обратном пути я снимаю дымящиеся головешки кошары: ее хозяйна, аварца, вытеснили чеченцы. И вот только останки строения, еще недавно служившего мирной семье.

Вблизи Кизляра мы встречаем «Урал» с возвращающимися на базу липецкими омовцами и их командиром подполковником Матросовым.

Геннадий Николаевич с грустью рассказывает о старшем сержанте Богословском как о человеке очень трудолюбивом и добром.

– Получив «Урал», Миша поменял колеса, сделал над кузовом тент из дерева, обил его железом. Первые дни командировки он возил людей и занимался ремонтом техники, а на девятый день погиб.

– На границе по-прежнему беспокойно, – говорит подполковник Матросов. – Сегодня в три десять ночи был обстрелян тамбовский ОМОН.

Прощаясь, от имени Объединенной редакции МВД России я выражаю липецким омовцам соболезнование. Потеря их боевого товарища – это и наше большое горе.

Ребята машут нам на прощание. «Урал», борта которого защищены стальными трубами – чего только не придумаешь во спасение! – уносит их туда, где по ночам кусается ветер, рвут небо чеченские трассеры и где, стиснув зубы, без права первого удара эти парни держат границу.

1999 г.

«Я НЕ БУДУ С ТОБОЙ ПРОЩАТЬСЯ...»

Улетая на операцию по освобождению заложников в Кизляр, командир Специального отдела быстрого реагирования ГУОП МВД России подполковник милиции Андрей Крестьянинов оставил в своем кабинете кейс, а в нем конверт с короткой, но страшной надписью «на похороны». По отношению к своей смерти он поступил, как было в обычае у древних маститых старцев: готовить себе «домовину» заранее. И зачем в России привилось это грубое безнадежное слово «гроб»? «Домовина» – вот последнее прибежище человека с такой весомой, заслуженной его работающими предками фамилией – Крестьянинов.

Он лежал в своей «домовине» в новеньком камуфляже, с краповым беретом на груди, а в ногах стоял спецназовский сапожок с нестертыми следами дагестанской земли, которую он месил возле села Первомайского и на его улицах, внутри дворов и возле домов, где Андрея Владимировича сразила пуля дудаевца-снайпера.

Крестьянинов готовился к выстрелу из огнемета «Шмель». Сначала он приказал сделать это своему подчиненному, а потом, следуя боевой привычке «не подставлять молодых», сам взял оружие. Только выглянул из-за угла дома, как снайпер поразил его в шею. До такой степени все было пристреляно в селе, чье название теперь известно всему миру. Ведь там в смертельной схватке сошлись дудаевские профессиональные убийцы-наемники и российские специалисты по борьбе с терроризмом.

СОБР – это силовая структура МВД, предназначенная для захвата вооруженных бандитов, освобождения заложников. По своим задачам он сродни войсковой разведке, специализирующейся на пленении...

Бросок – и обезоруженный, связанный противник лежит носом в землю. Под селом же Первомайским собровцы России шли в бой, как пехота.

Но сначала был путь на Кизляр. Поднятые по тревоге собровцы ГУОП улетали на боевое задание в количестве 36 человек. Не у всех сотрудников

дома есть телефоны, поэтому в путь отправились далеко не в полном составе, а двух потом пришлось из Моздока вернуть в Москву. Один скрыл травму, желая не отстать от товарищей по оружию, другой, совершив тренировочную пробежку в полном, внушительного веса, боевом снаряжении, повредил позвоночник.

«Чудо-богатыри», – говорил о своих солдатах Суворов. То же можно смело сказать о ребятах из этого отряда. 14 января, когда им, готовым к атаке на Первомайское, дали «отбой», я спросил подполковника Крестьянинова: «Какого веса на них снаряжение?». Андрей Владимирович, улыбаясь, предложил мне почувствовать боевой вес на собственной шкуре. Шлем «Маска-1» весил четыре килограмма, бронежилет «Зубр» – десять, разгрузочный жилет с автоматными рожками и гранатами – пятнадцать, автомат – 3,8 кг, потом еще мешок с патронной россыпью – восемь и за спиной огнемёт «Шмель» – двенадцать килограммов.

В этой амуниции я смог простоять на месте не больше пяти минут, казалось, у меня вот-вот сломается позвоночник. Это какую надо подготовку иметь, чтобы с таким чудовищным весом на плечах бегать, прыгать, стрелять, выносить с поля боя раненых.

Вот почему в СОБРе сдавать спортивные нормативы – строго обязательное дело. А при приеме на службу полагается выстоять четыре рукопашных боя по три минуты с меняющимися партнерами.

Командир наверняка заметил, с какой поспешностью я тогда снимал с себя доспехи, но даже не улыбнулся по этому поводу. Под Первомайским я запомнил его сосредоточенным, немногословным, ушедшим в себя и очень обеспокоенным. Ведь к началу боевых действий по взятию укрепленного дудаевцами села его подчиненные были сильно утомлены. Отряд вылетал в Кизляр, на операцию в городе, где предполагалось более или менее сносное жильё с возможностью обязательного при таких действиях отдыха. Но офицеров вывезли из Кизляра под Первомайское в открытое поле, где единственным средством обогрева стали костер да работающий двигатель «Кавзи-

ка». В автобусе они спали сидя, по очереди, сменяясь через час, в лучшем случае – через два.

Скоро стало ясно, что переговоры с бандитами заходят в тупик. Подполковник знал, что земляные работы по укреплению села Первомайское противник не прекращал ни на минуту. Работали захваченные на блокпосту сотрудники милиции Новосибирска, не разгибали спины «рабы» – заложники.

Но если боевики Радужева отсыпались в теплых домах, ели шашлыки из баранины, то подчиненные Крестьянинова делили один сухпак на двоих.

Горячую пищу им, как и бойцам других спецотрядов, перенацеленным из Кизляра под Первомайское, не поставляли вообще. Почему? На это должно ответить специальное расследование!

Сутки сменяли друг друга. Напряжение нарастало. Вечером тринадцатого января Крестьянинов и его заместители впервые увидели карту села, которое, как к этому времени стало окончательно ясно, предстояло брать штурмом. Карта разочаровала: это был всего лишь «Перспективный план развития села Первомайское» с отображенными на нем не в полном объеме данными об огневых узлах обороны дудаевцев.

Выпускник 1982 года Орджоникидзовского высшего военного командного училища МВД, десять лет отдавший дивизии Дзержинского, пришедший в ГУОП в 1992 году, подполковник Крестьянинов и его заместители – окончивший Академию имени Фрунзе полковник П., опытный специалист подполковник милиции М., понимали: предстоит операция в крайней степени опасная, выполнение которой может повлечь за собой немалые жертвы.

СОБРовцам из Москвы и Московской области, из Краснодара, Ставрополя, Волгограда, Дагестана, отряду спецназа «Витязь», группе бойцов 8-го отряда и спецгруппе «Ягуар», которым предстояло первыми идти на штурм, конечно же, были необходимы самые точные данные аэрофотосъемки, скрупулезные отчеты разведки – таковых в наличии было немного.

Очередная полугодовалая при дефиците питьевой воды ночь, тяжелые раздумья о будущем людей, имеющих армейский опыт войны... Пройдя все «го-

рячие точки», выйдя из них невредимым, Андрей Владимирович, теперь можно со всей определенностью сказать, чувствовал, что рискует не вернуться домой. И говорил близкому другу Михаилу: «Не может быть, чтобы все у меня продолжалось так же гладко, как раньше...». В Грозном, в бою, он сменил место, откуда вел огонь, и занявший его боевую позицию человек был сразу убит. Потом еще раз ушел от смерти, снова удачно переместившись, и туда, где он только что находился, ударила автоматная очередь. Только в прошлом, 1995 году у него было четыре командировки в Чечню, пятая – в Буденновск.

А до этого довелось побывать в Осетии, где «ходил» по горам за бандами, всюду будучи первым. «Стой! Я сам!» – чаще всего слышали от него подчиненные. Ведь Крестьянинов был очень подготовленным офицером-спецназовцем, «краповым беретом», знал и умел то, что не могли другие. Перед тем как в 1992 году перейти в Главное управление по организованной преступности, занимал должность командира учебного батальона дивизии Дзержинского. Специалист, отличник и в ГУОПе стал наставником. На первых трехмесячных курсах подготовки СОБРов России именно он преподавал специальные дисциплины: освобождение заложников, высотную подготовку.

Подполковник был научен беречь людей. Это высший закон для спецназовца. И еще одно непреложное правило: не оставлять тела погибших врагам. Когда в Грозном возле нефтяного института полегли ярославцы-собровцы, именно Андрей Владимирович под ураганным огнем, словно заговоренный от смерти, вытащил тела убитых к своим, не отдал на поругание. Потом на его руках умирал проводник, родом из Грозного, Сашка, которому многие бойцы были обязаны жизнью. Он просил об одном: вывезти из Грозного его родителей. И Андрей выполнил последнюю волю боевого товарища.

Утром 14 января 1996 года колонна автобусов еще затемно двинулась к месту, назначенному для атаки. Ехали сосредоточенно, молча. Осталось позади чеченское село, настороженно молчавшее. Вот колонна заходит в село

Советское, и в памяти остается смятенно держащая руки у лица пожилая аварка.

Быстро светает. В этой выдвигающейся на штурм колонне и я, обозреватель «Щита и меча», волонтер СОБРа, потому что замкомандира отряда знает меня еще по апрельской командировке в Чечню. Разрешил быть с бойцами генерал-майор А. Карташов, командир сводного формирования СОБРа России, но в резервной группе, в обязанностях которой подвоз боеприпасов, эвакуация раненых с «передовой». И мне до сих пор не верится, что элитным силам по борьбе с организованной преступностью предстоит атаковать укрепленный населенный пункт в пехотном строю.

Четким, пружинистым шагом, отлично экипированные, мимо нас проходят специалисты из московской и краснодарской «Альфы», из «Веги». Впереди всех на нескольких БТРах на исходный рубеж выдвигается «Витязь».

Потом мы, резерв из бойцов 4-го отделения, пешим порядком тащим боеприпасы, немного продовольствия и ящик с медикаментами. Скоро нас берет к себе на броню БМП-2. Все готовы к атаке: по широкому вспаханному полю – это на левом фланге, по редкому камышу – на правом. Берем с собой легкие пожарные лестницы: по ним предстоит пройти два арыка (на самом деле их будет четыре) опасной ширины, глубины.

С брони хорошо видны зарывающиеся в землю немногочисленные мотострелки. Торчат стволы противотанковых пушек, которых тоже немного. На левом фланге всего две БМП-2. Еще две потом передадут резерву для эвакуации раненых из передовых порядков. В небе барражирует пара вертолетов. Я вижу, как боец ловит разбуженную топотом ног полевую мышь и под общий смех отпускает её. И она как-то вяло скрывается среди влажных комков земли.

Когда напряжение достигает высшей точки, поступает сообщение, что дудаевцы выставили вокруг села милиционеров-заложников. Поэтому дан «отбой». И все возвращаются в свои автобусы.

С наступлением темноты становится просто нестерпимо холодно. Костры развести практически нечем. Потом в дело идут патронные ящики и камыш. В эту ночь с 14 на 15 января Крестьянинова мучили боли в желудке. Никаких других таблеток, кроме угольных, у него под рукой не было. Деликатный человек, никого не беспокоя, он молча переносил боль. Об этом знал только самый близкий друг Михаил, офицер родного 4-го отделения, в котором начиналась в СОБРе служба самого Андрея Владимировича. Именно это отделение он оставил в резерве, сказав: «Если с нами что-то случится, то я, ребята, верю: именно вы поможете нашим семьям. Ведь сколько пройдено вместе!».

Но вот новый приказ о выдвижении на исходную. Ранним утром 15 января...

Глядя на тех, кто «упаковывался» перед штурмом, я запомнил легкую стремительность Крестьянинова, вопреки, как потом узнал, его усталости и болезни... Михаил рассказывал мне: «Я ему говорю: Андрюха, что-то мне не по себе... Ты меня оставил в резерве, а можно мне пойти с вами?». – «Нет, – ответил командир, – без «броника» я тебя с собой не возьму». (После недавно перенесенной травмы Михаил не мог работать в тяжелом бронежилете). «Я, – рассказывал он, – поднял «разгрузку» Андрея и чуть не упал. Вот сколько боеприпасов он нес на себе. Я ему говорю: вынь хотя бы нижние пластины, тебя патроны хорошо защитят. Пуля их не пробьет». Он задумался и говорит: «Нет... А если что, ты моей семье помогай». Потом, уже взяв автомат, добавил: «Ну, ладно, я не буду с тобой прощаться». И с этими словами ушел».

Артподготовка и огневой удар вертолетов начались ровно в 9 утра. Выведенные на исходную бойцы ожидали, что поддержка такими огневыми средствами даст хороший результат. Но огонь противотанковых пушек 85-го калибра и четырех вертолетов, бивших по квадратам (их авианаводчик, к сожалению, был не впереди готовых к атаке людей, а на передовом КП), не принес ожидаемого...

И когда в эфире прозвучала кодовая фраза «Пурга-555», означающая начало штурма, наступавших встретил просто шквал огня из ДШК, ПК, гранатометов. По всей линии дудаевской обороны интенсивно заработали снайперы. За те дополнительные сутки с 14 на 15 января, когда был отменен намеченный штурм, боевики сумели отрыть окопы и ходы сообщения. И когда на левом фланге стали рваться снаряды, ушли от удара, переместившись в чистое поле. А потом вернулись на свои боевые места и встретили атакующих кинжальным огнем.

На правом же фланге наступали бойцы «Витязя», по левую руку от них шел Крестьянинов со своим отрядом, еще левее – областной СОБР, вот и весь правый фланг. Подполковник вышел на свой рубеж, когда в боевых порядках чеченцев еще рвались снаряды мотопехотной армейской бригады. Удар «Витязя» и офицеров-собровцев Крестьянинова был стремительным и эффективным, несмотря на умело организованную чеченцами систему огня. «Витязь» на правом фланге продвинулся первым. Развивая этот успех, собровцы рванулись вперед, нанеся вместе с «Витязем» удар с фланга. Как говорят в боксе, «боковым справа», вынуждая противника отступить, чтобы не попасть в окружение. Дальше собровцы шли уступом, «челноком» – короткими перебежками, страхуя друг друга. Самый тяжелый, наполненный водой ров преодолели с помощью пожарных лестниц. Узкие, они гнулись под тяжестью одетых в «броники» и «разгрузки» бойцов, но не ломались.

Воюя профессионально, без истерики, разумно расходуя боезапас, именно отряд Крестьянинова, выбив дудаевцев с их передовой линии обороны, первым из собровцев ворвался в село.

Окопы боевиков, основные и запасные, были вырыты в полный профиль, соединены ходами сообщений. Линия обороны предусматривала защиту от артогня, авиации. В окопах – идеально сухих имелись одеяла, подушки, ковры, чтобы не стыть на январской земле. Войдя в село, начиненное дудаевцами, бойцы атаковали вторую линию их обороны, для которой было характерно наличие узлов сопротивления и огонь со скрытых позиций. Разбитые

на четверки боевики – снайпер, гранатометчик и два автоматчика – использовали знакомую по Грозному и Гудермесу тактику. Автоматчики завязывали огневые дуэли, а снайпер из глубины здания бил на поражение, не боясь обнаружить себя вспышками выстрелов. Специально выделенные группы носились по селу на грузовичках с укрепленными на них тяжелыми пулеметами ДШК, вели огонь из минометов.

И все-таки в этих крайне сложных, смертельно опасных для жизни людей условиях соборцы действовали умело, продвигаясь на своем направлении без потерь.

Только с наступлением темноты бой стал стихать. Ночь с 15 на 16 января российские бойцы провели на земле, выйдя из первых домов, чтобы не попасть в окружение. Старик-дагестанец, житель Первомайского, принес им одеяла. Но люди все равно мерзли, спасались возле костра, зажженного в арыке – в специально вырытом для поддержания огня капонирчике.

Группа резерва, как могла, обеспечивала воюющих боеприпасами, выпрашивая их в основном в Буйнакской армейской бригаде. Привезла бойцам немного водки, купленной на свои деньги в магазинчике села Советское.

Наутро бой разгорелся с еще большим ожесточением. Я видел Крестьянинова незадолго до его гибели. Вместе с командиром «Витязя» полковником А. Никишиным на БТРе, загрузив его боеприпасами, они на несколько минут заехали на передовой КП, откуда до села было меньше километра. Пули частенько достигали этот КП, где располагалась резервная группа с доктором Олегом и где находился генерал-майор А.К. Карташов.

Когда немного погодя генерал-майор стал выдвигаться ближе к селу, его и группу сопровождения сильно обстреляли снайперы. Я тоже находился в этой группе. Огонь был таким прицельно плотным, что людям короткими перебежками пришлось перемещаться в арык с подмерзшей водой. Именно в эти мгновения по радиации пришло сообщение, что в селе Первомайском ранен в шею командир СОБРа ГУОП, продвинувшегося в глубину на восемь домов.

За ним, чтобы вывезти как можно скорее, послали БМП-2 с бойцами из резерва.

Генерал-майор приказал мне возвратиться в резервную группу. И когда я перебежками, сопровождаемый солдатом из саперного батальона вернулся на старое место, там уже стоял стон.

Доктор Олег, показывая свои, обогранные кровью Крестьянинова руки, не то прокричал, не то прорыдал, что командир погиб. Снайперская пуля, войдя сверху, нанесла рану, не совместимую с жизнью. Войдя в шею с левой стороны, она ушла в легкое, кромсая его. Доктор кричал мне, что он ничего не мог сделать. Ничего! Ничего!

Сердце боевого командира остановилось 16 января 1996 года. Я видел его личное оружие: испачканный дагестанской землей пистолет Стечкина под номером В.Н.1483К.

Тело Андрея Владимировича сопровождал домой, где ждали его возвращения живым жена Любаня, дочери Лена и Оля да трехлетний сын Пашка, боевой друг Михаил. Это ему, уходя в бой, подполковник сказал: «Я не буду с тобой прощаться». А вот его бойцам, оставшимся жить, выпала такая горькая участь: прощаться со своим командиром.

На момент его гибели отряд еще не имел потерь. Андрей Владимирович, не в ущерб выполнению боевой задачи, не уставал повторять: «Осторожнее! Вас что, дома никто не ждет?».

Последняя его дорога в «домовине» к месту своего успокоения была печально торжественной. Сначала последнее «прости» ему сказали в родном СОБРе, потом в бывшей дивизии Дзержинского (теперь ОДОНе).

Когда тело предавали земле, крупными хлопьями стал таинственно тихо падать снег. Потом был троекратный салют почетного караула. И я снова подумал о фамилии подполковника.

Это сколько же пришлось поработать на земле далеким предкам Андрея Владимировича, чтобы получить в награду ее, такую трудовую, велико символическую.

Сколько надо было вспахать земли, собрать урожаев, чтобы навсегда стать Крестьяниновыми. Раньше пахарей называли оратаями. Потом появилось сродное понятие: ратный труд. 16 января 1996 года в борьбе с бандитами смертью храбрых пал человек высокого ратного труда.

В его могилу вместе с горстью земли я бросил и маленький камешек, который, узнав о гибели командира, подобрал возле освобожденного от дудаевцев села Первомайского, в месте, где стоял БТР, увезший подполковника милиции Крестьянинова Андрея Владимировича в бессмертие.

Январь 1996 г.

СМОГ – ХОРОШЕЕ СЛОВО

Когда радио сообщило, что в Ханкале упал санитарный вертолет, первые мои мысли были о Тане Костровой и Елене Морозовой, медсестрах СМОГа – Сводного медицинского отряда группировки внутренних войск МВД России. Эти девятнадцатилетние девушки, особенно Таня, анестезиолог, часто вылетали на боевые позиции.

Вернувшись из Чечни, я только-только позвонил в Сибирь Таниной маме, рассказал, что её дочь в Ханкале, что не надо беспокоиться – она в относительно безопасном месте. И вот авария санитарного вертолета...

Сразу вспомнилась рабочая пятиминутка в СМОГе, и женщина-хирург обращается к начальнику отряда, что не надо бы девочкам мед. службы часто летать. На что полковник В. Эдельштейн, называющий своих молоденьких медсестер дочками, только развел руками: дескать, без таких спецов на выездах не обойтись.

– Особенно отметьте в газете младшего сержанта Кострову, – первое, что он сказал, когда мы разговорились после окончания пятиминутки. – Больших знаний и ответственности человек.

«Откуда в ней такая редкая теперь мягкость, чистота голоса, просветленный взгляд?» – думал я тогда об этой девушке, служащей у себя на родине в военном госпитале.

– До службы я работала в родильном доме, в реанимации, – как только Таня сказала об этом, многие вопросы отпали сразу.

Я видел, как она работает с ранеными, словно все кругом себя оживляющая сказочная принцесса.

Оказалось, таким место не только на работе в роддоме. А и на войне в Чечне, где в страшных муках никак не народится мир.

Те солдаты, кто с августа по начало октября 1995 года лечились в СМОГе у младшего сержанта Костровой и рядовой Морозовой, думаю, выздоравли-

вали с рекордной скоростью, потому что красота, как известно, не только спасает мир, а и заживляет раны.

Сводный медицинский отряд в Ханкале оказывает помощь раненым и больным военнослужащим, сортирует их, эвакуирует, лечит. В отряде только классные специалисты: хирурги, терапевты, инфекционисты...

– Недавно, отработав сорок пять дней, уехал на родину подполковник Александр Виткалов, хирург высочайшей квалификации, – с огромным уважением рассказывал о своих подчиненных начальник СМОГа полковник медицинской службы В. Эдэльштейн. – Люди у нас хорошие, добрые, веселые. Умеют многое. Вот Татьяна Буянова. Она и старшая медсестра, и начальник аптеки, и сестра-хозяйка.

Уезжая из Ханкалы, последнее, что я видел, это как Татьяна Буянова, медицинская судьба которой началась в 1974 году, с санитарной сумкой спешит к вертолету, улетающему в район боевых действий.

Потом я узнал, что девушки, за которых я так переживал, не были в том трагическом рейсе, о котором много говорили по радио и телевидению. В том санитарном вертолете тогда, к несчастью, сильно пострадали военные и журналисты, а помощь им оказали именно в Сводном медицинском отряде. СМОГ – иногда хорошее, полезное слово.

Сентябрь 1995 г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

«Если ты вернулся в дом, где тебя никто не ждал, значит, ты не из него уезжал»

Из разговора на передовой

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Денег дембельских хватило только на билет до дома да на подарки родным. Время в поезде Андрей, сержант спецназа внутренних войск, провел, в общем, молчаливо, даже напряженно, ожидая встречи с родным городом, как с любимой девушкой. Все было в прошлом: девушка, юность... Мотаясь на БМП и БТРах среди развалин целых полтора года, Андрей дошел в Чечне до того, что стал находить красивое в опустошенных глазницах домов, ночных всполохах пожарищ, разорванных, опрокинутых взрывами машинах. Природная юношеская тоска по прекрасному искала выхода, которого не было. Жизнь в Чечне могла прекратить свой ход в любую секунду. Поэтому родной город, которому Андрей на гражданке знал цену, после возвращения с войны показался как сногшибательно уютным, так и совершенно отстраненным от жизни. Не вернулось самое главное: ощущение, что лично ты в безопасности.

Еще с вокзала, когда позади остался плацкартный, густо населенный вагон, его глаза в поисках снайперов стали беспокойно рыскать по верхним этажам теснящих привокзальную площадь домов. Он все время думал, что за спиной у него никого из своих нет.

Он шел по знакомым улицам в новеньком камуфляже, пятнистый и пружинистый, как барс, и не мог избавиться от мысли, что находится во враждебном окружении. Люди смотрели на краповый берет Андрея с потаенно-сибирским любопытством, не зная, что это символ крови, пролитой его товарищами.

Он шел по родному городу один, а так хотелось, чтобы рядом были друзья. Герой России Олежка Долгов. Но тот погиб смертью храбрых в Дагестане, в селе Первомайском, сражаясь с чеченскими бандитами. Люди, что после работы торопились домой, ничего не знали об этом, и Андрея – он хорошо это запомнил – вдруг охватило чувство обиды и раздражения, и прежде всего на отсутствие вопросов: кто такой Олежка Долгов, где он был, что видел, че-

му удивлялся? Горожане казались несправедливо задумчивыми, своей угрюмостью убивая праздник в душе.

Андрей, сержант 8-го отряда ВВ, уходил в армию из одного города, а вернулся в другой – пусть целехонький, без трупов на улицах, такой родной, но и неприступно чужой. В истосковавшемся по дому сержанте не было места для мысли, что это он сам стал другим.

Когда Андрей закурил у подъезда, какой-то пацан в соседнем дворе взорвал петарду, и в наступившей темноте Андрей вздрогнул. Первая мысль, как укус змеи, была: «Работает снайпер». «Но я же дома!» – все восстало в душе.

Болезненно-сухой, тресковатый звук постоял в ушах и пропал. Андрей поежился, горестно ухмыльнулся, снял с плеча вещевой мешок и, не чувствуя в руке тяжести, пошел, а потом побежал вверх по лестнице.

Первые ночи дома были ужасны. Андрей не знал: спал ли он вообще... То по нему молотили чеченские снайперы, и в ночных кошмарах он искал спасения под ресторанным столом. Иногда, просыпаясь, он не узнавал своей комнаты. Казалось, он в чужом блиндаже и, поражаясь уюту, даже немного завидуя, думал: «Неплохо ребята устроились». В три часа двадцать минут ночи Андрей обязательно просыпался и лежал неподвижный, словно перевязанный бинтами.

Инстинкт спецназовца подсказал... Вырванный демобилизацией из привычной среды, оказавшийся среди своих чужим, неспособный рассказать в подробностях, как все в Чечне на самом деле было – он сильно жалел мать и отца, Андрей понял: надо идти к тем, кому не надо ничего дополнительно объяснять.

В холле здания Управления по борьбе с организованной преступностью он увидел черную, скорбную стелу с тремя фамилиями. «Погибших надо помнить всегда», – прочитал, сняв краповый берет, Андрей.

– Мы потеряли в Чечне трех офицеров, – сказал ему командир СОБРа. – Погиб мой предшественник... Я смотрел твои документы. Ты награжден. Нам

подходишь, хотя есть одно «но». Мы берем на службу людей только с высшим образованием.

– Я пойду учиться. Возьмите меня в отряд, – сказал Андрей.

– В отдел, – поправил командир. – Мы Специальный отдел быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью.

– Возьмите меня на службу, – еле слышно повторил просьбу Андрей. – Хочу давить «духов».

– Наше главное дело – защита людей.

Потом был разговор по существу. Как участник боевых действий в Чечне Указом Президента Андрей З. имел право поступления в высшее училище МВД без экзаменов – по собеседованию. Но, прежде чем стать бойцом СОБРа, ему предстояло испытание. За физподготовку: кросс, подтягивание на перекладине, отжимания – он не боялся, а вот четыре рукопашных боя по три минуты – это было не каждому по здоровью.

Бывший боксер, кандидат в мастера спорта – поэтому он стал спецназовцем, Андрей понимал, что четыре боя против профессионалов-собровцев не выиграть никому. «Главное, – ему сказали, – проявить характер. Выстоять».

В ночь перед тестированием он впервые выспался. Долгий разговор с командиром СОБРа успокоил. Не надо было таиться, что-то умалчивать. Это был разговор людей, бывших Там. Засада под Джалкой, Первомайское, Грозный, зачистки горных селений, августовские бои 1996 года – всего пережитого Андреем хватило бы на десяток людей.

Командиру СОБРа понравилось, что Андрей З., сержант ОСНа «Русь», не тянул волынку с работой, не куражился, не блестел наградами на дискотеках. Парень рвался в дело. Такие были нужны МВД.

Андрей подтянулся на турнике шестнадцать раз, отжался от пола – шестьдесят. Справился с кроссом. Вот и короткий отдых перед рукопашкой.

Торс оголен, боксерские перчатки на руки. Только что офицеры-собровцы улыбались Андрею. Теперь четверо из них противники. Кто? Вот этот

крепыш ниже среднего роста в мартовских боях в Грозном расстрелял из гранатомета боезапас и горько плакал, что по этой причине командир не взял его с собой в БТР, когда уходил в пекло за ранеными. Гранатометчик Олег тогда оглох, но сумел восстановить слух. Не верится, что, такой невысокий, он опытный рукопашник.

Андрей З. почувствовал силу его ударов с первых минут: пугающий, обманный выпад левой ногой и тут же правой рукой – в голову, словно молоток прилетел. Но Андрей ответил, хотя на него обрушился град ударов. «Как я ослаб», – только подумал и попался на прием. А бойцы СОБРа кричат: «Вставай, нечего лежать!».

Добро бы был боксерский ринг или самбистский ковер. Так нет, экзамен идет в зале заседаний на довольно большом пяточке между трибуной и креслами. Мало ли где потом выпадет биться?

Жестко бьют собровцы, пытаюсь понять, какой человек пришел: можно ли ему доверять спину, способен ли выдержать боль, не предать под пытками?

В милицейском деле старые награды не в счет. Каждый день собровской боевой работы – как бы жизнь заново.

Тяжело Андрею с бойцами высокого роста: ногами машут, словно косой. Помнятся ему слова офицера из отряда «Русь»: «Я буду плохой командир, если доведу дело до рукопашной схватки». Это шла речь о войне. В городах собровцы – специалисты по мгновенному задержанию опасных преступников и освобождению заложников. На этих задачах вероятность рукопашного боя абсолютная.

«Андрей – боец! – решают про себя собровцы. – Держит удар, иногда опережает, а вот с защитой проблемы. Разучился защищаться. Принцип войскового спецназа – нападение».

От ударов в голову Андрея начинает подташнивать.

– Закройся перчатками! – кричат ему. – Почему не защищаешься?

Бой остановлен – смена партнера. Андрея пошатывает.

– Тяжеловато после казенных харчей? – шутят над ним.

– Ты будешь драться? – спрашивает командир.

– Да, – уверенно кивает Андрей. Его левый глаз, он чувствует, заплывает. Еще один бой. Сегодня последний.

– Начали! – оглушительно раздается. Против Андрея теперь дерется молодой, недавно принятый в отряд собровец. И только сейчас сержант спецназа внутренних войск начинает понимать, как по-доброму отнеслись к нему те собровцы, кто воевал в Чечне. Этот же специалист по карате, показывая характер, лупит в полную силу, чтобы подтвердить, что он необходим в отделе, что он яростен и любит побеждать.

Снова ошеломляющий удар. Ноги у Андрея подкашиваются, воздуха нет, словно его пожрал дракон. «Все, – с ужасом подумал Андрей. – Неужели не встану?» И тут услышал:

– Вперед, 8-й отряд! Вперед, «Русь»! – кто-то кричал ему. Может, Олежка Долгов, а может, командир СОБРа, где тут понять, когда это четвертый бой с теми, кто знает цену смерти и жизни.

Вот Андрей встает на колено, опирается рукой, глубоко вздохнул, открыл глаза: до боя они были небесно-голубые, а теперь от пережитой боли синие. Встает в стойку. Парировал удар, ответил короткими в корпус, в голову, теснить начинает, вспомнив, что у него тоже есть ноги – один удар, другой!

Гонга он не услышал. Рефери крепко-накрепко обхватил его, словно связал, и радостно засмеялся.

Андрей не торопился домой. После боя ему показали кубрик собровцев. За длинным обеденным столом он пил вместе с ними чай, смотрел видеозаписи боевых действий. Разговаривал. Он был среди своих. Понятый. Такой, как они.

«ЧТОБЫ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВОЙНЫ...»

I.

Три дня назад по прохладному застекленному переходу Центрального госпиталя МВД меня везли на колясочке, а теперь я сам иду за спиной хирурга подполковника внутренней службы Козловского, пусть пошатываясь, желто-зеленый, изможденный болезнью, но – сам! Я даже люблюсь на утренний, еще не растаявший снег, а потом спохватываюсь и стараюсь не отстать от своего спасителя.

Он ведет меня на томограф, чтобы разобраться: почему я, удачно им прооперированный, с залеченной правосторонней пневмонией, никак не поправляюсь. Температура аж под 39 градусов. У меня плохи дела с кровью, с иммунной системой.

Мой доктор, Козловский Юрий Тимофеевич, умен и высокопрофессионален. Я ему доверяю. Он сказал: «Ты должен мне помочь. Наблюдай за собой»... И вот, ведомый моим лечащим врачом – подполковником, я иду, чтобы найти подтверждение выводу, который я сделал сам: «Я болен войной. Она в каждой клеточке моего тела. Я отравлен ею. Я тяжело ранен августовской сдачей Грозного. Каждую ночь, когда в Центральном госпитале МВД затихает жизнь, я думаю о своих погибших товарищах. У меня нет слез. Есть только вулканирующая температура тела – это в моем организме бушует неизжитая боль».

Еще до операции я пытался поговорить с Юрием Тимофеевичем Козловским о его медицинской работе в Чечне. Он отмалчивался, даже недоумевал – зачем мне это? Но дело в том, что пишущий человек всегда на работе. Наверное, я был легок в вопросах, а может, хирурги на первом этапе специально не знакомятся с пациентами поближе. Чтобы спокойнее работать скальпелем.

Я догадываюсь, каких хлопот стоил боевому хирургу. Ведь я «упал» на ровном месте. Упал под грузом пережитого.

После в ординаторской очень милая женщина-врач говорила мне, что все это время доктора не узнавали своего фронтового коллегу Козловского – так он волновался обо мне. А я о нем.

В Чечне нам не довелось встретиться, а во 2-й хирургии пришлось. Мало-помалу, ища пути к моему выздоровлению, мы разговорились.

Подполковник Юрий Тимофеевич Козловский сто сорок суток отработал во Владикавказе, более ста суток в Чечне, где он вел дневник, фиксируя там информацию о характере ранений, травм, болезней.

Сама его дорога по жизни: Краснодарский медицинский институт, Новгородская область, Ленинград, Москва, далее – «горячие точки».

Хирург экстра-класса, он спаситель многих. Я был просто одним из тысяч его пациентов, кому повезло встретить его на пути.

Когда он был командирован в Грозный, в Главное управление объединённого штаба МВД России (ГУОШ), к нему, хирургу, шли и шли грозненцы: чеченки и русские – лечить детей, спасать стариков.

После исследования на томографе мы с подполковником Козловским возвращаемся во 2-ю хирургию повеселевшими. По дороге он сообщает, что назначает мне очистку крови. И через час с небольшим, после подключения к специальному аппарату, у меня начинают быстро прибывать силы. Оказывается, хранильница памяти не только душа, но и кровь. Как только она обновилась, со мной произошло что-то очень хорошее, доброе. Ощущение было, словно ночные шторы раздвинулись, и я увидел солнце нового дня – дня моего выздоровления и надежд.

II.

Майор милиции Борис Андреев – врач и одновременно боец СОБРа Главного управления по борьбе с организованной преступностью. По сигналу тревоги он хватает сконструированный им из камуфлированной ткани «гренадерский», напоминающий войну 1812 года ранец с медицинскими принадлежностями и занимает свое место в машине или БТРе.

Борис Владимирович Андреев как врач может многое. Он военный хирург, заслуженно ставший спецназовцем.

В январе 1995 года, когда он был командирован на войну как работник Главного медицинского управления МВД России, вместе с коллегой из Центрального госпиталя МВД Сергеем Сугробовым они организовали в Грозном, на молочном заводе первую в группировке операционно-перевязочную.

Из горящего города с фотокорреспондентом московской газеты Борис Андреев сумел передать жене записку: «Устроились мы хорошо. Помещение теплое. Работа нормальная».

В кровавом январском аду под обстрелами боевиков Борис отработал 22 суток, пока сам не был ранен в левое плечо осколком чеченской мины. Сбылся сон, который он видел перед отправкой в Чечню, столь яркий, что, проснувшись, он тогда ощупал свою руку и сказал себе, как ясновидящий, что если ранит, то только в мягкие ткани. Так и получилось. Еще один осколок пробил два стальных листа сферы, благополучно застряв в третьем. Сейчас он хранится дома в пластмассовой бутылочке из-под лекарства.

А было так. На блокпосту показалось, что сработала растяжка. Несколько бойцов выскочили убедиться. Но это начал работу чеченский миномет, закрепленный в «КамАЗе». Майор Борис Андреев, отдав команду срочно вернуться, стал пропускать бойцов в помещение и закрыл собой вход в него, когда прозвучал новый взрыв. Бориса спасли бронежилет и сфера.

Когда мы год назад встретились, слушая его рассказ о работе в Грозном, мне почти сразу подумалось, что мы давно знакомы. Я долго рылся в памяти: откуда я знаю Бориса? Потом осенило.

– Твоего товарища по операционной в Грозном зовут Сергеем? – спросил я.

– Да, – ответил майор Андреев.

– А вы знаете, что ростовский собровец Петр Доценко написал о вас песню?

– Нет.

– Есть такая... Очень известная среди тех, кто воевал в Чечне. Начинается она так: «Маленькая комнатка. Стол покрыт фольгой. На столе опять кого-то режут. Это ведь меня. Но я же не больной. Просто это я от боли брежу. Два хирурга. Парни возрастом, как я, деловито моют инструменты. Два укола мне. И скальпелем в меня. Ох, и неприятные моменты. Взрыв раздался рядышком. Снова свет погас: «Дай фонарь», – сказал Сергей Борису. Эти операции для них не в первый раз. Видела б меня жена Лариса. Маленькая комнатка. Условий никаких...»

– Да, это о нас, – подумав и наверняка внутренне разволновавшись, сказал майор Борис Андреев и продолжил. – Мы лечили одного офицера СОБРа. Назначили его на эвакуацию, он отказался. Остался в отряде и приезжал к нам на перевязки. Говорил, что напишет о нас песню. А мы пошутили, что, мол, подлечишься и забудешь про врачей, как повсеместно бывает.

– Петр Доценко не только талантливый бард, – сказал я. – Он еще офицер СОБРа, а значит, человек слова.

Эту песню я впервые услышал на собровской кассете в Сибири. Потом познакомился с ее автором в Ростове. Запомнил обстоятельства написания песни. Вслух, говоря с Петей Доценко, помечтал: «Хорошо бы встретиться с твоими героями-хирургами, узнать их фамилии».

Вот такая история о фронтовых хирургах и песне про них, где есть такие замечательные слова: «Чтобы больше не было никакой войны...».

1996 г.

«СОБАР» – ПО-ЧЕЧЕНСКИ ТЕРПЕНИЕ

Свето-шумовую гранату Николай Суханов, офицер челябинского СОБРа, бросил в одиннадцать сорок дня.

Молодой собровец попросил его, ветерана, показать, как обращаться с хитрой, нелюбимой всеми пластиковой «Зарей-1». И случилось то, чему Николай, прошедший Афганистан и Чечню, удивился. Он вдруг понял, что боится этой гранаты.

Когда уезжали на Коштатское стрельбище, из ящика их, «зорок», было взято четыре. Сам Николай захватил любимый ПК, с которым отбегал в Чечне. Уезжали на стрельбище в приподнятом настроении, собираясь в два часа дня встречать на аэродроме майора Александра И. – командира своего отделения, возвращающегося из второй командировки в Чечню.

– Колек, так как эту гранату бросать? – спросил молодой собровец.

Про нее, свето-шумовую, ходили темные слухи, что не один боец на ней покалечился. Николай Суханов, гвардейского роста и красоты лейтенант челябинского СОБРа, взял «зарю» в правую руку и задержался с броском. Мы не верим в мистику, а ведь в сухановской душе все против этого броска бунтовало. Справа и позади Николая в отдалении и ожидании стояли собровцы, смотрели на него, зная, как он квалифицированно отработал в Чечне. Им, молодым, со временем тоже предстояла командировка туда. Сейчас Николаю кажется, что, задерживая бросок злополучной «зорьки», он как бы прощался со своей правой рукой. Если и была заминка перед броском, то не больше секунды. А потом он взял на себя взрыв, который бы обязательно состоялся: сегодня ли, завтра. Кто бы подорвался? Майор Александр И., молодой собровец по прозвищу Клоун или друг Женька? Никто не скажет, потому что на бракованной гранате подорвался он, Коля Суханов, отец четырехлетней Анастасии.

Его подняло в воздух, словно соломенного. «Все произошло, как по графику, – говорит Николай. – Сначала предчувствие беды, потом страх поте-

рять руку». Последнее, что он помнил, – тот поганый, острый, как бритва, звук «Б-у-м!».

– Вы были одеты по технике безопасности? – спросят Николая Суханова, когда смертельная опасность отступит, имея в виду – был ли он в бронежилете или в спецкостюме минера? За лейтенанта ответили медики:

– Если бы Николай Суханов был в «бронике», его бы давно оплакали. А так взрывная волна прошла через его тело, как через сито. Будь на пути взрывной волны бронежилет, тело Суханова раздавило бы, словно под тяжестью пресса.

– Я услышал оглушительный взрыв, посмотрел налево, а ты летишь, – сказал Николаю его друг лейтенант Евгений, когда Суханов в машине ненадолго пришел в себя.

– Я правую руку поднять не могу.

И на этот не то вопрос, не то стон Евгений честно ответил:

– Нет у тебя руки, Коля.

СОБР – это Специальный отдел быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью, куда очень строгий отбор. Быстрота реакции, умение работать в экстремальных ситуациях, боевые, медицинские навыки стали первоосновой спасения жизни товарища по оружию. Первое – жгут на пораженную руку. Отрядовская «девятка», как по воздуху, донесла Николая до ближайшей больницы Челябинского механического комбината.

При взрыве СШГ «Заря-1» объект, находящийся ближе двух метров от эпицентра, обречен на смертельные поражения. Коле Суханову оторвало правую кисть и фалангу указательного пальца левой руки, осколки пронзили тело, был обожжен живот, ударной волной отбито легкое. Разлет осколков гранаты и косточек правой руки был на пятьдесят метров.

Потом кровотечение в желудке, остановка сердца, и все это случилось не в далекой Чечне, а дома, в родном Челябинске, когда командировка на Терек благополучно закончилась.

Полтора самых трудных месяца лейтенант Николай Суханов боролся за жизнь в реанимации больницы № 6 Челябинского механического комбината, где командирами его судьбы были хирург Александр Гербертович и заведующая отделением реанимации Голикова Светлана Семеновна.

Собровцы много раз давали Коле свою кровь, УВД заботилось о лекарствах.

– Помню, – рассказывает лейтенант Суханов, – открываю глаза и первое, что вижу, – медицинскую тумбочку, заставленную скляночками, баночками, десятками каких-то средств для уколов.

И снова пепельное забытье. Вырванный из сознания, страдающий от ран, ушибов, ожогов, Николай мучился воспаленными снами и мыслями о Чечне. Челябинскую экспедиционную группу – боевую, сработанную, в Чечне почему-то разделили на два отряда. Отделение «великанов», где несколько офицеров были почти двухметрового роста, откомандировали в Аргун, отделению майора Александра И., где Суханову, пулеметчику, за его статью и тренированность дали прозвище Рэмбо, назначили работу на Тереке, – в старинных, казачьих местах, униженных, ограбленных мафиозным режимом Дудаева. Тогда в апреле-мае 1995 года дудаевцев добивали в горах, а на бывших казачьих землях шло выявление бандитских элементов, проводились захваты преступников, операции по изъятию оружия.

Достаточно было проехать на собровском «Уазике», защищенном бронжилетами, по станицам, воспетым Лермонтовым, Толстым, чтобы убедиться: от красоты, богатства, духовной мощи старозаветных казачьих мест одни только названия станиц и остались. Казаки с семьями изгонялись дудаевцами.

Остановить уголовный произвол, навести конституционный порядок – в этом было назначение челябинских собровцев в Аргуне и на Тереке. Множество таких отрядов трудилось в Чеченской Республике, каждый со своим милицейским почерком. Что город, то нор – справедливая поговорка. Каков командир, таков и отряд – тоже правда. А командир сухановского отде-

ления майор Александр И. приехал в Чечню на четвертую свою войну. И отличался таким остроумием, что с ним не отказались бы подружиться Михаил Лермонтов и Лев Толстой.

Когда надо было менять секреты на Тереке, челябинцам придавали БМП-2, и тогда всей командой – обычно на обратной дороге – они заезжали на хутор Парабоч, где до сих пор стоит дом родственника Лермонтова – Хастатова. Михаил Юрьевич Лермонтов гостил в этом доме в 1818-м, 1837-м и 1840 годах.

Обыкновенно впереди мчалась бээмпэшка, оцетинившаяся стволами собровского десанта, с Сухановым, пулеметчиком, на носу. Следом катили две или три машины с бойцами внутренних войск, отстоявшими свое в секретах и засадах на Тереке.

Собровцы знали, что через Парабоч, знаменитое среди лермонтоведов место, проложена душманская тропка, что духи регулярно проходят здесь на отдых или лечение, поэтому к дому Хастатовых, на котором сохранилась посвященная поэту мемориальная доска, собровцы подходили по всем правилам. Сначала Коля Суханов, два Евгения и Андрей осматривали дом, не пропуская ни одного окна, потом подходили остальные, кому хотелось постоять в исторической тишине. И снова вооруженное движение на базу. Когда взлетало черное воронье, поднятое грохотом БМП, командир отделения майор И. мог пошутить, что ворон – это чеченский голубь мира в танковой робе.

Лермонтовский Парабоч челябинским собровцам остался памятен еще и потому, что в трех домах от знаменитого места они обнаружили не до конца собранную боевиками чеченскую установку «Град».

Челябинцы думали – им все знакомо в районе, в котором работали. А вот трехсотлетний дуб высотой двадцать шесть метров, ставосьмидесятисантиметровый в обхвате – живой пример дремучих дубрав, что в лермонтовские времена занимали огромные площади в пойме реки Терек, они так и не повидали. На время войны он, старец, словно куда-то спрятался от людей. И о стапятидесятилетнем белом тополе высотой двадцать четыре метра тогда в

апреле и мае все как бы забыли. Так всегда происходит в истребительные военные времена.

Может, о нем, ветхозаветном дубе, много знающем о старых кавказских войнах, к стволу которого прикасались руки Лермонтова, был один из многих, теперь забытый сон тяжело раненного лейтенанта Николая Суханова. Может, именно возле этого сказочного дуба, казачьего великана, чтобы выздороветь, и надо теперь пожить Николаю, чтобы насытиться мощью древнего дерева, которое, по легендам, поддерживало казачье здоровье, способствуя заживлению ран. Да, повыбиты в тех местах казаки, выведены дудаевцами как класс, поэтому затянулись дикими кущами, затерялись дорожки к сказочным казачьим святыням.

Бегает по маленькой челябинской квартире маленький тополёк – нежная Анастасия, радуется тяжело раненного отца вопросами:

– Правда, папенька, я нарядная в этом платьице?

– Правда.

Тяжело челябинскому Илье Муромцу – Коле Суханову без руки. Хмурыми лермонтовскими тучами роятся мысли: «Как теперь будет? Неужто, как в песне, где со всей прямоотой сказано, что «эскадрон не заметил потери бойца?»».

– Суханов Николай – самый надежный офицер моего отделения, – сказал о нем майор Александр И. – На всех задержаниях вместе... В Чечне он со своим ПК был всегда впереди. Коля нам брат. Кто нас разлучит?

После полутора месяцев 6-й больницы и четырех операций были еще полтора месяца больницы Управления внутренних дел.

Судьбу лейтенанта милиции Суханова Н.Ю. взял на контроль челябинский филиал знаменитой Всероссийской ассоциации ветеранов спецназа «Витязь». Коле нужен хороший протез. Нужна физическая, духовная реабилитация.

Держится он героически. Почему не падает духом? Он сын мастера спорта по боксу. И сам боксер, отдавший предпочтение айкидо. Много лет

Николай классно играл на трубе. Он обладатель дипломов, за сольный номер из оперы «Аида», уже студентом музыкального училища, Суханов был отмечен великолепной позолоченной чехословацкой трубой, на которой он снова собирается играть, если случится чудо и у него будет удачный протез.

Кто поможет? Любимая жена Марина, ассоциация «Витязь», родной УОП, УВД, миллионер-доброжелатель?

В Афганистане Николай, по счастью, захватил только конец войны, три месяца десантных, спецназовских операций в двадцати километрах от Кабула. В Чечне он отстоял на «смертельной вахте» сорок пять дней и ночей, оставаясь активно действующим бойцом и тонко чувствующим человеком, как назначено природой музыканта-художника. Тем мучительнее были ночные размышления о горе, случившемся на Коштатском стрельбище.

У лейтенанта СОБРа Николая Суханова теперь одна дорога – к победе над своим несчастьем. Ведь он из поколения, моралью которого было, что не служить в армии – позор. Поэтому Николай все время стремился стать защитником жизни. Таково было знамение времени – стреляющего, любящего героев, одновременно жестокого, способного забывать. Оптимистический героизм вообще дело редких талантов, и только единицы не остаются наедине со своей бедой, на распутье, дороги которого обыкновенно ведут в никуда.

Но Николай, собровец по таланту души, как любимые герои Льва Толстого, был везде хорош, чем бы ни занимался, но только на работу в СОБР он спешил с радостью, зная, что победить в борьбе с преступностью могут только лучшие, и гордился, что воевал среди лучших.

Собровцы Челябинска не привезли из Чечни ни наград, ни денег, ни званий, только свое воинское братство, которое взрывчаткой не подорвешь. И если Коля Суханов снова в начале пути, то они, собры, с ним рядом. Только ему в тысячу раз труднее. Но он из спецназа. «Мы, собровцы, сильны сплоченностью», – говорит с гордостью Николай. «Самое святое в спецназе – это не бросать своих», – сказали его друзья.

А от самого Николая Суханова и его семьи на этом этапе схватки с несчастьем требуется то, что по-чеченски называют «Собар». В переводе на русский – значит, терпение.

1995 г.

ОН НЕ ИЩЕТ НАГРАД, ОНИ САМИ ЕГО НАХОДЯТ

БТР Леонида Константиновича Петрова, заместителя командира сводного отряда собровцев, миновал блокпост и резко набрал скорость. В Грозном в январе 1995 года выживал тот, чья техника не ездил по улицам, а летала, чтобы не попасть в прицел чеченских гранатометчиков.

Боевиков давно оттеснили за Сунжу, но городские развалины таили в себе опасность. В ста метрах от блокпоста взорам сидящих на БТРе открылась подбитая российская БМП.

Полковник Петров успел разглядеть на поверженной броне двух убитых солдат: они лежали, словно комки серой промерзшей земли.

Когда задание было выполнено, БТР Петрова на обратной дороге остановился возле блокпоста.

– Кто старший? – спрыгнув с бронетранспортера, спросил Леонид Константинович. Подошел прапорщик...

– Сто метров отсюда – на БМП двое неподобранных. Пошлите людей, пусть заберут.

– Это не мои, – с вызывающим безразличием ответил прапорщик.

И тут все, кто был в команде Петрова, за время службы в СОБРе ГУОП впервые услышали, как кричит Константиныч – всегда ровный, доброжелательный – в эту командировку смертельно усталый, такой же, как они, простуженный, бородатый, черный от пороховой гари и пережитого:

– Как это не твои? – хрипел Петров, обращаясь к прапорщику и его людям. – Здесь все наши! И я – твой, а ты – мой!

В Грозном можно было легко потерять душу. Возле таких, как Петров, отогревали сердце: своим поведением, личным участием в боевых действиях он опровергал, что большим командирам, разочарованным творившейся в Грозном неразберихой, не до отдельного человека.

В конце концов он слег. Душила боль в горле, ломала кости температура, но на базе молзавода он разрешил себе отдохнуть только ночью. Собровцы, переживая за него, принесли шапку мандарин...

В ту ночь полковнику Леониду Константиновичу Петрову хотелось многое обдумать. А у подчиненных офицеров была возможность поговорить о нем.

В Грозный Петров летел заместителем командира СОБРа ГУОП подполковника милиции Андрея Владимировича Крестьянинова, потом Леонид Константинович был назначен на должность заместителя командира сводного отряда собровцев полковника Героя России С.И. Лысюка.

Накал боев был велик. В столице Чечни пришлось сражаться с боевиками, готовившимися к войне не один год, одурманенными дудаевской пропагандой, основной лозунг которой был месть за, якобы, столетние унижения. В спецназах Дудаева был большой процент уголовников, террористов, с которыми Петрову и его подчиненным пришлось иметь дело задолго до начала боевых действий.

Фанатическая иступленность, немотивированная жестокость – вот отличие чеченских террористов.

Петров старался понять этих людей, найти корни их ненависти к России.

Интеллектуал, окончивший с отличием Орджоникидзовское училище внутренних войск и командный факультет Академии Фрунзе с красным дипломом, Петров оценивал случившееся в Чечне как общероссийскую трагедию.

В Грозном армию и МВД встретили огнем. Таким, как подполковник А.В. Крестьянинов и полковник Л.К.Петров, пришлось исправлять ошибки политиков.

Андрей Владимирович Крестьянинов был убит чеченским снайпером в селе Первомайском. Леонид Константинович был в трех шагах от Андрея. Собровцы рвались к центру села. Шла операция, не имеющая аналогов. Плотность и прицельность чеченского огня были так велики, что, когда на

месте гибели Крестьянинова боец его отряда Сергей, выставив чучело, стал считать, он не успел сказать «два», как пуля чеченского террориста вошла под каску.

В селе боевиками Радуева руководил полковник дудаевской армии Хункар-Паша Исрапилов, когда-то выпускник Орджоникидзовского пехотного училища.

Захватив в Кизляре заложников, чеченцы хотели беспрепятственно скрыться, но были заблокированы в дагестанском селе Первомайское. За несколько суток переговоров они зарылись в землю по всем правилам военной науки. А собровцы и спецназовцы внутренних войск пошли, как пехота, выбивать их из укреплений.

Помню, так как оказался очевидцем событий, переживания Леонида Константиновича Петрова за жизнь заложников. Операция по их освобождению должна была быть косметической, но как без помощи вертолетов и артиллерии уничтожить чеченские узлы сопротивления? На вооружении боевиков были АГЭэсы, гранатометы, пулеметы, снайперские винтовки, автоматы с подствольниками.

На первом этапе операции вертолеты и пушки слабой мощности огневые точки противника не подавили. Вертолетчики блеснули только на последнем этапе операции – при переправе боевиков через Терек.

Двое с половиной суток шла ожесточенная «рубка» в селе. Командование применило спецназовцев ВВ и собровцев, рассчитывая на их предыдущий, индивидуальный опыт по освобождению заложников.

В самом селе погибло восемнадцать заложников: дагестанец Аюб Аюбов был застрелен боевиками, другие кизлярцы получили смертельные раны от осколков вертолетных «нурсов».

В Первомайском Леонид Константинович Петров был тяжело контужен – не убит. Видно, на его доброй родине – под Ленинградом мама крепко за него молилась...

После гибели Андрея Владимировича Крестьянинова он принял командование собровцами ГУОП, установил связь с отрядом «Витязь» на правом фланге, с СОБРом Московской области – на левом. Чеченские узлы сопротивления приходилось подавлять «карманной артиллерией» – «Шмелями», РПГ и «Мухами». Противника определяли только по звукам выстрелов, он был искусно замаскирован, залпами обваливая его укрытия.

В первые минуты после контузии Леонид Константинович ослеп. Он лихорадочно проверил – на месте ли оружие. Яркой молнией сверкнула мысль: «А вдруг захватят в плен? Нет, ребята не бросят!». Беспомощность потрясла сознание! Возмущение своим положением: «Ведь я – командир!» – дало толчок к восстановлению сил.

Мать, поднимавшая его на политой кровью ленинградской земле, хотела видеть сына только защитником Отечества – офицером.

Он рос среди фронтовиков, зачитывался книгами про Великую Отечественную войну, в соседях у него была женщина-партизанка. И он не подвел ни мать, ни учителей, никого из тех, кто сделал из него офицера. Да какого – специалиста по борьбе с организованной преступностью, по освобождению заложников, по захвату террористов!

В Первомайском он проявил лучшие качества командира-войскового. В СОБР он пришел с должности заместителя командира полка бывшей дивизии Дзержинского.

Семнадцатого января после выхода из села Первомайское он давал вводную ОМОНам, которым предстояла его зачистка, передавая опыт, наработанный в ходе боя. Восемнадцатого января 1996 года он шел впереди ОМОНов как проводник.

В ночь с семнадцатого на восемнадцатое января в селе Советском именно Л.К. Петров поднял по тревоге собровцев ГУОП, когда село атаковали боевики, выполнявшие задачу по деблокированию Первомайского. Только он укрыл своих людей в арыке, как место их прежней дислокации было обстреляно из РПГ и ПК.

Потом был нелегкий путь домой – в Москву. Немногословный, стойкий Л.К. Петров был хладнокровен до того мгновения, как в ИЛ-76, когда приземлились в Чкаловском, вошел собровец, что двумя сутками раньше привез на родину тело подполковника А.В. Крестьянинова.

Полковник Л.К. Петров молча принял объятия и беззвучно заплакал. Потом он смахнул слезы и продолжил жизнь...

Его решение уйти на пенсию было неожиданным для многих. Ему предлагали должность командира СОБРа ГУОП МВД РФ. Но Леонид Константинович Петров стал руководителем Межрегиональной ассоциации социальной защиты ветеранов спецподразделений правоохранительных органов и спецслужб «Русь». Он выбрал еще более нелегкое направление – помощь тем, кто вышел из многочисленных вооруженных конфликтов и войн – искалеченным, раненым, с разбитой душой, истерзанными нервами.

Российскому государству, в силу экономических причин, социальных нестроений, пока не до тех, кому выпала на долю защита правопорядка в «горячих точках». Без ветеранских объединений, подобных «Руси», воевавшим бойцам и офицерам неуютно в тревожном гражданском мире. Им нужны в первую очередь понимание, на первом этапе материальная поддержка, обязательное трудоустройство. Самое главное – они не должны потерять веру в Родину.

Ассоциация ветеранов «Русь», возглавляемая полковником Л.К. Петровым, оказывает материальную помощь действующим спецподразделениям МВД и МО России. Семь семей погибших в Чечне спецназовцев из средств ассоциации получают каждый месяц по две тысячи рублей. Большие деньги, заработанные ассоциацией «Русь», пошли на сооружение памятника погибшим в Чечне бойцам и командирам 8-го отряда «Русь» внутренних войск МВД России. Сейчас ассоциация участвует в работе над созданием монумента военнослужащих внутренних войск, отдавших жизнь при выполнении боевых задач.

Сам отличный спортсмен, полковник Леонид Константинович Петров поддерживает многочисленные спортивные мероприятия, экспедиции и международные соревнования. Когда в Болгарии проходил чемпионат по воздушно-десантному многоборью, ассоциация «Русь» финансировала команду российских десантников, успешно выступивших.

Полковник Петров вкладывает деньги в обороноспособность страны. Теперь он свободен в своих решениях. Таким, как он, место в Государственной Думе России. В нем, помимо других достоинств, есть редкое сегодня качество – бескорыстная любовь к людям. Петров держит их страдания в памяти. Он требователен к ошибающимся. А еще он не ждет наград – они сами его находят.

За бои в Первомайском Л.К.Петров был представлен к ордену и именованному оружию. Для боевого офицера нет награды дороже, чем именной пистолет.

Два года его наградные листы блуждали по высокопоставленным кабинетам.

Недавно справедливость восторжествовала. На юбилейном чествовании легендарного отряда «Витязь» полковнику-спецназовцу Л.К. Петрову от Министра внутренних дел Российской Федерации генерала армии Анатолия Сергеевича Куликова был вручен именной ПМ.

Пистолет с наградной гравировкой натруженная петровская ладонь приняла, как давнего боевого друга.

1998 г.

В СПЕЦНАЗЕ НЕ ПРОЩАЮТСЯ

Вокруг Ачхой-Мартана мин, что звезд на небе. Но когда боевой выход, не до красот космоса, все внимание противнику, и гляди под ноги, чтобы не подорваться. Если не повезет, у солдата никаких шансов, что его именем по-смертно назовут звезду.

Евгению, спецназовцу 7-го отряда «Росич» внутренних войск, оторвало ноги на последнем этапе операции. После подрыва к нему, по закону войны, продвинулись только те, кто находился рядом. Два офицера, перетянув страшные раны жгутами, остановили кровотечение.

Девятнадцатилетний боец, придя в себя, спросил: «Что с ногами?». Потом еще не раз ему внушали, что с ногами порядок. Но когда он все осознал, заместитель командира «Росича», его тезка, сказал, как огнем в памяти выжег, что те парни, кто погиб в Чечне, сейчас бы согласились и калеками пожить.

Из петербургского госпиталя Жеку сначала привезли в Ростовскую область – в отряд, где он погостил два дня. Евгений был на протезах, с медалью на груди, и молодым солдатам не верилось, что перед ними безногий спецназовец.

На родину, в казачий край, Жеку сопровождали те же два офицера, что увозили из Петербурга: командир его группы специального назначения и заместитель командира отряда по боевой подготовке, тот самый, что вывел для Евгения суровую формулу послевоенного смысла жизни.

Удивительно, все они, кто ехал в машине, были Евгении. Так уж во благо распорядилась судьба.

Им было просто общаться. На войне в Чечне они все про себя узнали. Любовь к 7-му отряду, к погибшим товарищам сделала их родными.

Через полчаса после приезда в дом к Евгению, когда подзатих горький плач матери, пришли десятки односельчан. Майор, заместитель командира, рассказал о службе Евгения в Чечне, особо выделив то, что медаль «За отвагу» ему вручили еще до подрыва – за боевую работу, не за ранение.

Утром они, все трое, поехали к военкому края. Генерал оперативно связался с представителем Президента. Ветераны в краповых беретах были приняты без проволочек. Офицеры-богатыри с орденами, медалями на груди поставили солдата перед представителем Президента и по-суворовски кратко сказали: «Парень без ног, пусть теперь страна сделает для него, что обязана по закону и совести».

Это был спецназовский натиск. Известно, в разговорах с властью один в поле не воин. За Евгения сказали слово его командиры. Любому стало бы ясно, что «краповые береты» не отступятся.

«Спецназ без движения ржавеет» – есть войсковая поговорка. После встречи с представителем Президента, оказавшего поддержку, три Евгения поехали в юридический институт. Несколько часов переговоров, встреч – и боец 7-го отряда «Росич» стал студентом 1-го курса заочного отделения.

В краевом инвалидном фонде Евгению была обещана бесплатная легковая машина, через месяц.

– Хорошо, мы приедем убедиться.

В районном центре глава администрации дал добро на постройку дома из трех комнат, установку телефона и персональную пенсию.

Прощаясь с главой самым сердечным образом, офицеры пообещали захватить через месяц. А люди, от кого в районе зависела судьба Евгения, решили, что офицеры шутят.

Военному человеку собраться в дорогу – что «ать-два» выговорить. Через месяц офицеры спецназа снова вошли в знакомый, просторный кабинет. Женщина, глава районной администрации, побледнела:

– Мы стараемся. Мы для Евгения...

– Стоп, – сказали ей вежливо. – Давайте, уважаемая, по порядку. Телефон нашему бойцу поставили?

– Нет.

– Почему? Обещали. В краевом центре для него все сделали, а на малой родине?

Да, дом Евгению строили, но прораб почему-то решил: «Зачем безногую на полу теплый линолеум». На что офицерами спецназа ему было жестко указано. Линолеум быстренько заменили.

– А что? Асфальт во дворе нашему пацану не предусмотрен? – строго спросили «краповые береты». – Он что, тут на протезах будет по грязи ходить? Сколько вам времени надо? Мы уезжаем через два дня. К нашему отъезду чтобы асфальт был.

– Почему вы так себя ведете? – всплакнули строители.

– Потому, что у нас разрешение вашего краевого представителя Президента: любым способом добиться, чтобы у нашего боевого друга было всё. Запомните, в спецназе не прощаются...

Только сейчас мне стал до конца ясен смысл этой кодовой фразы, которую я уже слышал в Грозном от офицера СОБРа, в прошлом спецназовца внутренних войск. «В спецназе не прощаются». Это как клятва на все времена: не бросать своих, все время в делах и мыслях возвращаться к боевому другу, пока не отступят беды.

1998 г.

НЕВОЛЬНИК

В январе 1995 года, попав в центре Грозного под минометный или артиллерийский огонь, чеченские боевики стремительно откатывались к храму Михаила Архангела, чтобы возле него переждать удар. Обозначенный на всех картах единственный православный храм города берегся войсками, впрочем, как и мусульманские мечети.

Так было в начале боевых действий. С нарастанием обоюдного ожесточения православные священники храма Михаила Архангела в полной мере испытали на себе все ужасы чеченской войны. Но всё время противостояния, храм в городе Грозном оставался мирным, добрым, участливым местом, где каждый мог найти утешение, насытиться духовной пищей, водой и хлебом.

В самые страшные обстрелы и перестрелки храм оставался невредимым. Его не покинул настоятель отец Анатолий (Чистоусов), переживший вместе со своей паствой немало невзгод.

Когда чеченцы пытались сломить героическое сопротивление наших солдат на железнодорожном вокзале, отца Анатолия пригнали туда под автоматами, требуя, чтобы он вместе с депутатом Госдумы Сергеем Ковалевым уговаривал верных присяге бойцов сдаться.

В Грозном Ковалев исполнял такую постыдную миссию. Отец же Анатолий, в прошлом армейский майор, только и сделал, что перекрестил несдающихся. Через год боевики отомстили этому православному священнику, захватив его в плен и затеяв расследование, что он якобы водил на штурм чеченских позиций российских военнослужащих. Только в головах преступников могло родиться такое коварное измышление.

В Чечне отец Анатолий был известен как светлый, чистый помощник страждущих мирных жителей – русских, чеченцев. У многих простых, безденежных тружеников была одна отрада – молитва. Люди часами пробирались через развалины, чтобы обрести в церкви покой и защиту.

Отец Анатолий и отец Александр, эти два пастыря, не оставившие храм Михаила Архангела, служили своим прихожанам верой и правдой.

Отец Александр (Смывин), потомственный священник, мог быть убит боевиками еще задолго до январского штурма 1995 года. Ранним утром двое нетрезвых, обвешанных оружием чеченца остановили его возле церкви и самый агрессивный направил ему в лицо пистолет. «Отстань!» – по-чеченски крикнул священник бандиту. Тот засмеялся и спрятал оружие.

Весь январь 1995 года, спасаясь от пуль и осколков, прихожане молились в церковном подвале. Вместе с отцом Анатолием и отцом Александром находились верные люди, в основном, старушки да семидесятилетний пономарь Николай Денисович Жученко.

Уходя из Грозного, боевики расстреляли церковные купола зажигательными пулями, бросили в храм гранату.

Храм Михаила Архангела горел сорок минут. Но церковные люди и отец Анатолий спасли Антиминс, часть старинных икон.

Пришедшие в город федеральные и милицейские силы оказали храму помощь продуктами. Российское МЧС выделило походную баню, электродвижок, вагончик, бак для питьевой воды. Многие солдаты и офицеры Объединенной группировки приняли в храме крещение, поставили поминальные свечи.

Охранялся храм Михаила Архангела только по большим праздникам. На Пасху 1995 года вокруг церкви несли службу бойцы первого полка ОДОНа.

Каждодневно с наступлением темноты в разных частях Грозного вспыхивали перестрелки, рвались гранаты, ухали танковые пушки. Чеченцы вели против «федералов» партизанскую войну. С увеличением среди них числа наемников из Афганистана, других мусульманских стран война стала наполняться религиозным смыслом. Дудаевские пропагандисты более активно говорили о джихаде – священной войне против неверных.

Первой жертвой боевиков в ноябре 1995 года стал отец Александр. Он проживал в однокомнатной квартире на втором этаже. Ворвавшись к нему посреди ночи, бандиты несколько часов избивали священника. Потом облили его бензином, собираясь сжечь заживо.

Отец Александр нашел в себе силы выброситься с балкона. По счастью, он упал на кучу опавшей листвы и скрылся от преследователей.

Поправив здоровье, отец Александр продолжает свое дело священнослужителя, но только в другом российском городе.

На отца Анатолия, который приложил немало сил, чтобы летом и осенью 1995 года подправить архитектурный облик храма, отремонтировать часть церковных строений, боевики напали в январе 1996 года. Тогда он с отцом Сергием, командированным в Чечню московским священником, возвращался из поездки в Урус-Мартан. Побывав у полевого командира Закаева, где православные иереи пытались отыскать следы пропавшего без вести солдата, судьбой которого был озабочен Патриарх Алексей II. И вот сами были захвачены боевиками. Всего три дня их продержали вместе. Потом отца Сергия перевезли в концентрационный лагерь департамента государственной безопасности Ичкерии, где он провел пять месяцев. Его избивали, морили голодом.

Со слов отца Сергия, иерея Анатолия подвергали особым издевательствам, пытаясь выбить признание, будто бы он сотрудничал с ФСБ.

«Расследование» по отцу Анатолию контролировал сам Дудаев. Захват русских священников, издевательства над ними для афганских моджахедов – коллег Дудаева, других исламских фундаменталистов служили доказательством того, что чеченский лидер точно развернул джихад, газават...

Больного, изможденного, с неправильно сросшейся переломанной рукой отца Сергия сумели вернуть из плена с помощью международных организаций, иностранных послов, поисковой работы Русской Православной Церкви.

Отец Анатолий был расстрелян сотрудниками Департамента государственной безопасности Ичкерии в феврале 1996 года. Даже под самыми мучительными пытками он не оговорил себя, не отказался от Православной веры.

Уже к весне 1996 года в Чечне возобладал уголовный беспредел. Тысячи вооруженных молодчиков, скрываясь под демагогическим лозунгом борьбы «за свободу Ичкерии», занялись самым откровенным грабежом, насилием над людьми, не имеющими средств защиты. Присутствие федеральных сил, пусть и скованных переговорным процессом, худо-бедно, но сдерживало варварский натиск бандитов. К лету 1996 года, с началом ликвидации в Грозном блокпостов, разнузданные уголовники могли позволить себе ворваться в церковь Михаила Архангела в любое время дня и ночи, схватить за горло продающую иконки пожилую женщину, угнать машину.

С выходом российских вооруженных сил из Чечни храм вообще остался без всякой защиты...

Недавно из Грозного пришло сообщение, что из плена возвращен похищенный и вывезенный в неизвестном направлении новый настоятель церкви отец Евфимий...

Известно, что в российских властных структурах готовится амнистия для чеченских боевиков. Неужели под нее подпадут истязатели русских православных священников?

Российская общественность, знаю, ждет, что уголовные дела по фактам похищения, мучительных издевательств над православными священниками в Чечне будут доведены до логического конца. Будут ли?..

1998 г.

ЧЬИ ЭТО ВОЛКИ ВОЮТ?

На границе Дагестана и Чечни – все нарастающее напряжение. В ночном радиоэфире – сдержанный мат и дискуссии от религиозных вопросов до воспоминаний о недавних боях в Чечне.

В узловых пунктах прозрачной административной границы – блокпосты российской и дагестанской милиции, усиленные войсковыми заставами, находящимися на дипломатическом отдалении.

Войны на границе хотят только отмороженные чеченские полевые командиры. Диверсионные центры Хаттаба и Радуева готовят людей для всекавказского газавата. Реальные боевые выходы – таковы выпускные экзамены в этих престижных среди боевиков учебных заведениях.

На границе голова командированного туда российского милиционера крутится на все 360 градусов. Ночью один глаз спит, другой бодрствует. Люди в милицейских погонах раздражены, что их вооружение по мощности неадекватно силам, стоящим по ту сторону границы. У чеченцев предостаточно «Шмелей», «Мух», РПГ, крупнокалиберных пулеметов, ПЗРК. Их таможенно-пограничные посты прикрыты минометными батареями, установками «Град», в резервных группах – сорокалетние бородачи, имеющие опыт боевых действий. В наших тактических группировках ребята нового призыва – героические, славные, но мало стрелявшие из боевого оружия. Они стоят на рубеже, где бить на поражение можно только в случае явного нападения. Российские же блокпосты и КП обстреливаются чеченцами постоянно – чаще поверх голов, трассерами над блокпостами. Так называемые чеченские таможенники, вооруженные по-тяжелому, могут позволить себе окружать российские КП, как было возле Кизляра. КП российской милиции «Краснооктябрьский» не только трижды окружали, но и состоялась попытка прорыва в блокпост. Только ответный огонь поверх голов остудил вооруженных гранатометами чеченцев, и с угрозами «убить», «зарезать» они ушли.

На карте административная граница Дагестана и Чечни – как электрокардиограмма тяжелобольного. То острым, как волчий клык, углом чеченская часть территории врезается в дагестанскую землю, то дагестанская территория острием кинжала пронзает чеченскую землю. И, как результат, огневыми всполохами на погранично-таможенных постах чеченские выкрики: «Ты на моей земле! Убирайся, Иван!». В ответ спокойное: «Есть ли на этой земле, которую мы охраняем, дедовские чеченские могилы?». Молчание...

Наступает время крупномасштабных переговоров Дагестана и Чечни по пограничным вопросам, иначе напряжение на границе не спадет никогда.

А пока на границе, как было в XIX веке, воруют дагестанский скот. Недавно милиционерами батальона ППС Кизлярского РОВД отбито у чеченцев 700 голов краденого скота. Применялось оружие. Чеченские бандиты похищают людей.

Оставаясь де-юре в составе России, находясь на ее денежном содержании, де-факто Чечня держит свою границу на прочном замке.

Застрелив 22 декабря 1997 года на железнодорожном мосту через Терек работника кизлярского ВОХРа Владислава Кисилёва, преступники скрылись на чеченской территории. После боя возле села Алмак террористы Хаттаба ушли в Чечню. Все действия российских групп преследования на этом были прекращены.

На границе особенно заметно, что Чеченская Республика по отношению к России настроена агрессивно, средства ее пропаганды заняты не мирным строительством, а военной подготовкой, воспитанием мятежного духа.

Чеченские газеты активно печатают Радуева, зовущего своих «шахидов» к войне за свободу Кавказа. Ему принадлежит кабельный телеканал «Маршо». Он создал общество ветеранов Первомайского сражения.

Всей России известна фраза Масхадова, характеризующая Радуева как психически больного человека. Оскорбленный террорист обратился в шариатский суд. В результате Масхадов, по решению суда, был вынужден изви-

ниться перед Радуевым. Внутренняя жизнь Чечни неподвластна светскому европейскому осмыслению.

Масхадов со своими подразделениями по борьбе с терроризмом не в силах совладать с группировками, которые продолжают так называемый газават. Он не может применить к ним силу в полной мере, потому что опасается кровной мести.

Руководству Чечни, которое желало бы выглядеть перед мировым обществом добропорядочным, не позавидуешь. Для того чтобы правда о жизни Ичкерии, об обстановке на ее границах не просочилась в печать, похищаются журналисты.

Сегодня ничего не производящая Чечня кормится в Дагестане. Потоки чеченских машин из Дагестана в Ичкерию впечатляющи. Ещё больше впечатляет, что их досмотр поверхностен, так как полный досмотр застопорил бы движение не на один день.

На чеченских высотах возле Герзельского моста окопы в полный профиль, другие инженерные сооружения. В случае конфликта – допустим, по объективным причинам на мосту задержана чеченская автомашина – высоты тут же ощетиняются стволами...

Страшная «война нервов» – вот что такое граница Дагестана и Чечни.

На границе нужны срочные мероприятия по укреплению доверия между российскими подразделениями, командированными в Дагестан, и дагестанской милицией. Необходим комплекс мер, способствующий сплочению, – это и совместные учения, и боевые стрельбы: у дагестанской милиции слабые возможности в этом смысле. Только махачкалинские СОБР и ОМОН по настоящему боевые подразделения.

Дагестанская милиция работает на износ: бесконечные командировки, служба по усиленному варианту – милиционеры месяцами оторваны от дома. К сожалению, они редко поощряются своим руководством, начальственным составом МВД России, командированным в Дагестан.

Главное, руководству России надо принимать самые решительные меры против чеченских террористических групп, дислоцированных на границе. Полагаться в их умиротворении только на нынешнее руководство Чечни бессмысленно, чревато многочисленными жертвами. В Чечне, ставшей исламской республикой, где народ связан кровными узами родства, тейповыми обязательствами, никогда не будет действенной, неподкупной борьбы с терроризмом.

Только совместными усилиями Россия и Республика Дагестан могут противостоять нарастанию агрессивности террористических банд Хаттаба и Радиева, ставящих перед собой задачу вытеснить Россию с Кавказа. В противостоянии террористам руководящая роль должна, несомненно, принадлежать России. В недавнем бою под Алмаком именно резервная группа 5-й оперативной зоны из числа сотрудников российских СОМ и ОМОН, имеющих боевой опыт, нанесла сокрушительный удар по диверсантам Хаттаба. Российские милиционеры были поддержаны решительными действиями дагестанского СОБРа.

Ситуация на границе Дагестана и Чечни не столь безмятежна, как видится из Москвы ряду российских политиков.

Для успешной работы по ликвидации бандформирований, рвущихся в Дагестан, российским объединенным силам необходимы новая техника, современные средства связи, вооружение, превосходящее оснащение чеченских террористов. На границе остро ощущается нехватка горюче-смазочных материалов, в малом количестве осветительные ракеты, другие средства защиты от нападения в ночное время.

В ночь с 29 на 30 декабря 1997 года на границе Чечни и Дагестана возле печально знаменитого села Первомайское, подражая волкам, истошно выли боевики. Блуждала возле чеченского таможенного поста их БМП-2.

К вечеру 30 декабря между российскими блокпостами возле того же села раздался взрыв – в целях корректировки отработал чеченский миномет.

Российская, дагестанская милиция, бойцы и офицеры тактических группировок, прикрывающие границу, выполняют свой долг в невыносимо трудных условиях.

Их жизнь там со времени оставления Грозного российскими Вооруженными Силами и МВД, как в лакской народной песне, где говорится:

«За ночью день, и ночь за днем...

День – ночь, день – ночь, пока живем»...

1998 г.

КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ В МВД

Формирование полка внутренних войск из коренных жителей Курского района – адекватный ответ МВД России чеченским преступным бандам, терзающим Ставропольский край. Кому, как не казакам, знающим местность, охранять административную границу с Чеченской Республикой, откуда приходят похитители людей, матерые убийцы, грабители.

Когда армянское население села Эдисии, возмущенное похищением ребенка, перекрыло автотрассу на Грозный, то потребовало от чеченской стороны возвращения не только мальчика, а всех заложников и российских военнопленных, незаконно удерживаемых в Чечне. В новом боевом формировании, созданном МВД, служат и армяне.

В Кизлярском районе на севере Дагестана армяне вступают в казачество, веря в силу и единство казаков.

– Мы готовы сформировать еще три полка, – заявил на недавнем митинге в станице Курской атаман Терского казачьего войска генерал Владимир Шевцов.

Казачи охотнее идут на службу в МВД, чем в армию, потому что велика их тревога за жизнь, здоровье семей. Милиция и внутренние войска сегодня на передовых рубежах по охране страны. У этой силовой структуры больше прав, вот и стремятся казаки в МВД.

К осени полк из числа местных жителей-ставропольцев, проживающих на административной границе с Чеченской Республикой, будет доукомплектован, пополнен техникой и, укрепив боевое слаживание, станет грозной силой на пути бандитов, налетающих из бурунных степей, переходящих Терек.

Во время парада полка низко над марширующими с тяжелым гулом пронеслась четверка вертолетов МИ-8 и МИ-24 – боевых «крокодилов». Без поддержки с воздуха трудно было бы пришлось полку на административной границе. Но, продолжая снабжать Ичкерия электричеством, газом, деньгами, мы до сих пор не смеем переступить её. Останавливается техника, уходят с

боевого курса вертолеты со спецназом. Бандиты скрываются на неподконтрольной России территории, откуда выдачи преступников нет.

Так сказывается неотработанность российской политической позиции. Находились советники, уверявшие, что в Чечне и на границе с ней все само собой образуется, что время лечит. Дескать, каждая вооруженная стычка на административной границе – это наш удар по престижу Масхадова. Возможно, из находящихся у власти в Чечне – это единственный здравомыслящий человек. Но укротить своих кровопийц ему не удастся. Такие, как Хаттаб, Радуев и Басаев, ведут независимую от него политическую и военную жизнь: копят силы, закрепляют отношения с исламскими фундаменталистами Афганистана, Саудовской Аравии, Турции и других стран, делятся с ними боевым опытом. И всю занимают работоторговлей.

Когда такое было, чтобы на территории, финансируемой Россией, всю действовали разведывательно-диверсионные школы, против нее направленные?! Где теперь генерал Лебедь, в 1996 году по поводу своих деяний в Чечне заявивший: «Не вижу причин для каких-нибудь беспокойств»! Далеко от границы с Ичкерией – в Красноярске. Почему бы ему снова не вернуться в войска, не послужить в Северо-Кавказском военном округе, не послушать ночами, как гремит за Терекком чеченская военная техника, не посмотреть фотоснимки новых укрепрайонов, на строительстве которых умирали российские военнопленные, которых он, Лебедь, бросил в Чечне – по-прежнему мятежной, идеология которой построена на ненависти к России и русским.

В 19 веке на Северном Кавказе воинственная, направленная против России идеология – мюридизм вызревал семь лет. Главным в его учении было: «Убей гяура. Если не воюешь с неверными, ты не мусульманин». Ваххабизм, философия которого сродни мюридизму, на Северном Кавказе в зачаточном состоянии. Но перспективы его на Кавказе уже понятны. На денежной поддержке зарубежных стран, чеченских полевых командиров, занимающихся работоторговлей, при безработице, бушующей на примыкающих к Чечне тер-

риториях, ваххабизм очень скоро охватит мусульманскую часть Кавказа стальным, удушающим ошейником.

17 апреля этого года в Грозном под председательством Басаева прошел очередной конгресс реакционно настроенных экстремистов, кто на первом этапе своего завоевания Кавказа, отделения его от России ставит перед собой задачу объединения Дагестана и Чечни. В конгрессе на этот раз приняли участие и калмыки. У таких преступников, как Хаттаб и Басаев, на Калмыкию большие виды.

На встрече в Грозном Хаттаб заявил, что будет отстреливать тех дагестанцев, кто продолжит ориентацию на Россию. Сколько еще этому иностранному гражданину и террористу безнаказанно топтать российскую землю? А пока майки с его изображением и угрюмой физиономией Басаева беспрепятственно продаются на базаре в дагестанском Хасавюрте.

Каждые два месяца диверсионные школы Хаттаба на границе Чечни и Дагестана выпускают террористов, которые оседают в ожидании своего часа. В листовках, распространяемых на Северном Кавказе от имени Центрального фронта освобождения Кавказа и Дагестана, говорится: «Вооружайтесь и обучайтесь, чтобы прогнать русских кафиров».

До организации мощного идеологического противодействия исламскому экстремизму еще далеко. Сказывается нехватка денежных средств и сил. Да и без участия в этом процессе всех российских средств массовой информации не обойтись. Но горе, страдания тех, кто живет на административной границе с Чечней, в самой Ичкерии большей части массмедиа пока непонятны. Только Министерством внутренних дел России и другими силовыми структурами все осознано.

Привлечение на контрактной основе казачества в подразделения МВД – серьезный шаг по борьбе с преступностью в регионах, примыкающих к административной границе с Чечней. Такому решению предшествовал эксперимент, осуществленный в станице Галюгаевской Ставропольского края и на севере Дагестана в Кизляре.

В Галюгаевской на базе поселкового отделения милиции из местных казаков была сформирована казачья рота, хорошо себя проявившая. В январе этого года газета «Щит и меч» рассказала о ней, обратив особое внимание на отсутствие в роте автотехники, столь необходимой в бурунной зоне, и современных средств связи. В феврале галюгаевские казаки-милиционеры получили в пользование три «Уазика», «Ниву», «Урал». Вопрос по рациям вот-вот решится. Всем этим улучшениям способствовал положительный взгляд на казачество руководства УВД края и губернатора.

Но, если в Ставропольском крае казачество почувствовало внимание к своим проблемам со стороны правительства, руководства МВД России, о казаках, компактно проживающих на севере Дагестана, такого сказать нельзя. В Кизлярском округе Терского казачьего войска были сформированы две первые во внутренних войсках казачьи роты. В октябре прошлого года первая из них органично вошла в состав батальона ВВ, расквартированного в Кизляре. Восемьдесят пять процентов ее личного состава отслужили срочную в тех же внутренних войсках России. С появлением на улицах Кизляра казачьей патрульно-постовой роты в городе стало спокойнее. Вскоре набрали вторую роту, но проблемы, появившиеся у контрактников с первых недель службы, как были, так и остались. Первая из них – отсутствие документов, удостоверяющих их личность. Что казаки, находясь в патруле, могут предъявить задерживаемым хулиганам, кроме автомата и дубинки? Запись в военном билете? Несolidно! Кизляр – пограничный с Чечней город. Всякое случается на улицах, вымирающих с наступлением темноты. Патрульным казакам может срочно понадобится помощь. А связи никакой – рации в дефиците.

Несвоевременные выплаты денежного довольствия стали нормой боевой службы кизлярских контрактников-казаков, семьи которых бедствуют. Постоянная сверхзанятость на службе финансистами не учитывается.

Когда кизлярцы приступили к службе, в батальоне им дали понять: «Нам нужны не казаки, а военнослужащие». Во второй роте, набранной из

казаков, замом по воспитательной работе поставили дагестанца, который как умный человек, понимающий, что важно считаться с исторической памятью, обычаями этих людей, себя неуютно чувствует.

Во всем этом сказывается традиционно-настороженное отношение дагестанского руководства к казачеству. Оно было против отдельных казачьих формирований со своей символикой, знаками различий. Казаки, пойдя на встречу, с охотой надели погоны внутренних войск МВД России.

Упущением командования внутренних войск является то, что первые в их системе две экспериментальные казачьи роты остались без внимания. Пусть примером для командования станет то, что шефом отдельного полка внутренних войск, сформированного из числа местных жителей Курского района Ставропольского края, стал первый вице-премьер России – министр внутренних дел Сергей Степашин. В том, что решение по формированию полка утвердили, – доля успеха результативной военной службы двух кизлярских казачьих рот.

Противники России стремятся к тому, чтобы русское и другое немусульманское население регионов, граничащих с Чечней, эти территории покинуло. Экстремисты мечтают видеть в пределах своего Имамата Астрахань, Ставрополь и Ростов-на-Дону.

В нашей воспаленной памяти не стерты Буденновск и Кизляр.

Противостоя экстремизму и терроризму, МВД России все больше и больше опирается на народ, желающий защитить Отечество от уголовного беспредела. Это правильно. Своевременно. Только на этом пути успех.

1999 г.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*«Кто не успокоится победителем,
тот успокоится побежденным»*

Дагестанская поговорка

«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ТАМ НИКТО НЕ УБИЛ»

Контуженый чеченский пёс Косячок давно приболел к нам и не пускает на освоенную территорию блокпоста других собак. Сверхбдительный, он и сейчас зорко смотрит в сторону позиций полевого командира Ширхана, где днем, видимо, пробуя двигатель, рыкала БМП.

Черные барханы – гиблое место. В этих простирающихся неизвестно на сколько песках можно укрыть не одну танковую бригаду. И мы принимаем решение отправить в тыл противника разведгруппу из трех человек. Танковой бригады у боевиков, конечно, нет. Но появление чеченской БМП в зоне нашей ответственности – не лучший подарок к Новому году.

– Надо бы, – шутит командир, – заслать к Ширхану его земляка Косячка...

– Лучше мы сами. Разведка в Новый год – память на всю жизнь, – отвечает, улыбаясь, старший группы лейтенант Порубаев.

В вагончике, где разведчики третьей роты собираются в путь, вместе с ними еще двое: похожий на французского певца Джо Дассена старший блокпоста капитан Ранов и я – его зам. по «борьбе с личным составом».

За стенами теплого вагончика заснеженная черная степь, ветер, мороз, чеченские боевики, да наш, готовый ко всему, взвод российской милиции – вот такой пейзаж на подступах к новому 1996 году.

У себя на родине в батальоне патрульно-постовой службы третья рота – это спецназ, нигде не числящийся. Просто капитан Ранов, в прошлом спецназовец ВДВ, достойно подготовил своих людей. В активе роты самое большое количество задержаний, изъятого оружия, наркотиков. Теперь командированная на Северный Кавказ рота разбросана по блокпостам.

Нас постоянно обстреливают, мы отвечаем из АГЭЭСа, пулеметов. Вести огонь можно только по видимым целям – таков приказ. Знает ли тот, кто готовил его в Москве, что в дневном бою видимые цели – редкость такая же, как белые медведи в Сахаре.

Что касается стрельбы, она бывает беспорядочная, параллельная, провокационная. Хотя мы и находимся на возвышенности, блокпост как бы на острие. Надеяться можно только на самих себя. Резерв, пока доберется до нас, сам может несколько раз умереть.

В вагончик командира, постучавшись, входит радист, докладывает:

– На связи Ширхан...

Мы выходим на холод. Поговорить с полевым командиром боевиков сейчас, перед разведвыходом наших людей, самое время. «Ширхан» – позывной чеченца, о котором мы пока мало что знаем.

– Аллаху Акбар, командир! – голос боевика слышен отчетливо, точно он в пяти метрах от нас.

– Воистину спецназ, – с улыбкой отвечает Ранов.

– Сегодня Новый год. Стрелять не будем? – смеется Ширхан.

– Мы не намерены.

– У нас тоже охоты нет.

– Я слышал... У вас Новый год отменен? Нет больше такого праздника? – спрашивает Ранов.

– Отменили, отменили. Мы теперь по Шариату живем. Пить нельзя.

– Вот это правильно. Что еще имеешь сказать?

– Поздравить тебя хочу! С Новым годом!

– И тебя с новым счастьем.

– Конец связи! – неожиданно резко, словно мы оторвали его от важного дела, произносит Ширхан.

– До связи, – спокойно прощается командир.

– Не надолго его хватило, – говорю я.

– Может, особист помешал, – задумчиво отвечает Ранов.

Нам известно, как строги в чеченских боевых порядках представители Департамента государственной безопасности Ичкерии.

Ветер яростно гонит нас в тепло, но мы с капитаном Рановым идем проверять посты. Темнота душит нас в своих объятиях. Все наши мысли о бой-

цах, которым сегодня встречать Новый год в окопах, пулеметных гнездах, в секретах, на снайперских лежках. В тепле только смена, резервная группа да три разведчика, которым скоро в дорогу.

– Не идет у меня из головы эта проклятая БМП, – говорит командир. – Нехорошая вокруг тишина. Ширхан ведет себя, как лондонский дэнди. Раньше матом ругался, теперь с праздником поздравляет.

Возле вагончика командира, нетерпеливо виляя хвостом, нас ждет Косячок, просясь в тепло, к разведчикам. Мы не пускаем, чтобы не отвлекал. И Косячок, обиженно повизгивая, остается возле дверей.

– Пуля прозвенит пронзительно, АКМ затрещит презрительно. Домой. Домой. Пора домой, – напевает себе под нос занятый сборами старшина Стародубов. Он из бывших морских диверсантов, ветеран Халулая, и у него все просто «горит» в руках. Дня два назад с ним произошло то, о чем в «Дневнике боевых действий» записано: «В 9.20 утра со стороны Чечни был произведен выстрел из СВД. Пуля пролетела в нескольких сантиметрах от головы старшины В. Стародубова». Этот рядовой случай давно забыт, и Валера с удовольствием маракует над сигнальными минами. Он поставит их на обратном пути.

Сергей, светловолосый, высокий, жилистый, наоборот, молчалив. Как и командир, бывший спецназовец ВДВ, он внешне далеко не богатырь, но на боевых операциях вынослив, стремителен, находчив. Его любимая поговорка: «Большие шкафы громко падают». Да, война не любит грузных людей. Таких быстро находит пуля.

Косячок, устав биться в дверь, начинает в тоске подвывать, и суеверный Валера просит командира впустить собаку.

Косматый, непонятного цвета, верткий пес бросается облизывать всех подряд. И я ловлю его за ошейник, чтобы он не опрокинул на пол сигнальные мины.

– Почему ему дали непутевую кличку? – интересуется командир.

– Глаза у него наркоманистые, – говорит Сергей.

– Это от контузии, – уточняет Валера.

– Не называть же его Насвай, – шутит лейтенант Порубаев. «Насвай» – чеченский легкий наркотик, в основе которого куриный помет с известкой. Дурмнящий насвай кладут под язык. Какой он на вкус, мы, конечно, не знаем. Наркотики для милиции – первый враг. Мы воюем с поставщиками наркотиков не на жизнь, а на смерть. Порубаев рассказывал, что в Афганистане многие полевые командиры стали крупнейшими наркодельцами. То же и в Чечне, которая стала отстойником для преступников всех мастей.

– Я когда уезжал в командировку, – неожиданно вспомнил командир, – мне сынишка сказал: «Я тебе желаю, чтобы ты всех бандитов переловил».

Стародубов, наголо стриженный, с добрейшим выражением скуластого лица, здоровяк, отец четверых детей, тоже вспомнил, как самая младшая девочка, крепко обняв его на прощание, шепнула на ухо: «Я хочу, чтобы тебя там никто не убил».

У нас служебный Новый год. Это праздник наших матерей, отцов, жен и детей, любимых. Мы торопим его приход. Пусть скорее ударят часы на Спасской башне. «Лично для нас все будет потом, когда вернемся, – сказал командир. – Вот тогда и отпразднуем Новый год. Тогда и почувствуем, что он наступил».

Луна – казачье солнце плотно закрыта тучами. Не всем на блокпосту известно, что наша разведка через несколько минут растворится в предновогодней тьме.

Обутые и одетые по погоде, в белых маскхалатах, вооруженные автоматами, пулеметом и РПГ-7, разведчики бесшумно выходят, скрываются за барханом, а Косячок остается в теплом вагончике. Не то бы он увязался следом.

Мы с командиром остаемся на блокпосту среди своих, тянущих предновогоднюю службу. У каждого милиционера свой сектор ведения огня. Во врытых бетонных плитах, спасающих от ветра, пуль и осколков, пробиты бойницы. Через одну из них я гляжу в сторону чеченских позиций: ветер по-

лосует мне лицо, словно ножом. Потом в изнеможении закрываю глаза, слезы, выбитые ветром, катятся по щекам. До меня доносятся негромкие обрывки предновогодних бесед:

- Я гранату взял и два магазина...
- Затишка нехорошая...
- Помнишь, как в горах Осетии?
- Русских в Чечне сгноили.
- Кто-то женщин гладит, а мы автоматы.
- Чечены по радио кричат: день ваш, а ночь наша...
- Что-то и день наш, и ночь наша.
- Не такие уж они крутые волки...

Я знаю, что, перед тем как миновать чеченские порядки и поработать в укрепрайоне, разведчики будут долго лежать в снегу, отсматривая, выслушивая путь выдвижения.

На блокпосту доведено до всех: в двенадцать ночи никаких ракет и автоматных салютов. «Почему?» – люди не интересуются. В эти последние минуты перед Новым годом никто не говорит о личном, не вспоминает дом – размышления об этом на дне души.

Мы с командиром смотрим в ту сторону, где начинают работу разведчики. Мне кажется, что тем самым мы демаскируем ребят, и я отворачиваюсь.

Небо за нашими спинами слегка подсвечено трассерами. Стрельбы за дальностью расстояния не слышно. В Кизляре и на его окраинах уже встречают Новый год. Красные трассера – это молотят с пулеметов Калашникова, а зеленые строчки – стрельба с автоматов. Мы, охваченные тьмой, словно в колодце. Тусклый свет в поднебесье манит, даже радует. До Нового года ровно минута. А все наши мысли только о разведчиках. Каково им, превратившимся в тень, в зловещем окружении?

Вдруг между стоящих по местам напряженных бойцов начинает мелькать отоспавшийся за день, находящийся в резерве самый молодой из мили-

ционеров Сурин Геннадий, весельчак и поэт. Вот, поздравив ребят, он останавливается у колючей проволоки и, манипулируя руками, как фокусник, запускает в небо осветительную ракету.

Первая мысль, охватывающая голову стальным обручем, это: «Только бы они вернулись!».

Когда ракета неожиданно взорвала пространство слева, разведчики, крадучись, утопая в снегу по колена, сделали всего несколько шагов.

Попав под ослепляющий предательский свет, они рухнули, не имея времени перевести свои чувства в мысли.

Сорок минут, проведенные в абсолютной тишине на земле, – все было зря... Теперь, если не расстреляют чеченские пулеметчики или, того хуже, обнаружив, не устроят засаду на пути движения, надо снова долгий срок выжидать, околевая в снегу, готовясь к худшему. Задачу надо выполнять, а Новый год для этого самый подходящий волшебный, таинственный, неласковый праздник...

1997 – 1998 г.

ОКОЛЬЦОВАННАЯ ЗАСТАВА

Наш разговор с начальником заставы № 2 «Копайский гидроузел», что под Кизляром, лейтенантом Виталием П. состоялся через три дня после отражения заставой нападения чеченских и дагестанских экстремистов.

Лейтенант – участник боевых действий в Чечне, был строг и спокоен. К его немалому опыту после той ночи, когда басаевцы и хаттабовцы, безуспешно атакуя заставы возле сел Первомайское, Аксай и под Кизляром, обломали «волчьи клыки», прибавилась абсолютная уверенность в молодых сержантах и солдатах, для которых бой с 17 на 18 июня этого года был первым в жизни.

– В двадцать один тридцать, – рассказывает лейтенант, – мы получили информацию от командира ТГ-5, что ожидается нападение. Было известно, что на кизлярском направлении действуют ваххабиты, цель которых – нанесение удара, захват, по возможности, части техники и уничтожение личного состава заставы.

В тот вечер две трети моих людей уже находились на позициях, плюс усиленный караул, все на постах дополучили боеприпасы.

Я собрал офицеров. После получения инструкций они стали расходиться по позициям. У нас на усилении был майор С. – начальник инженерной службы. Мы вместе вышли из палатки. Постояли. Только я направился к караульному помещению – это было в двадцать два ноль семь, – как раздались первые гранатометные разрывы. Били с юго-западной стороны, от пограничного моста через реку, один берег которой наш, другой – чеченский. Я дал команду: «Всем залечь». До этого не раз говорил солдатам: «При обстреле из минометов, гранатометов никто никуда не бежит. Все залегают, пережидая».

Все так и сделали. За счет этого у нас небольшие потери.

После первых гранатометных разрывов я бросился на наблюдательный пункт, и тут начали рваться мины. Противник немного не рассчитал. Экстремисты хотели отработать из гранатометов и минометов одновременно, но

время подлета мины чуть дольше. Она летит по другой траектории. За счет этой разницы во времени одновременного удара у боевиков не вышло. Личный состав заставы сумел рассредоточиться, занять позиции и ответить шквальным огнем.

Легкие осколочные ранения получили капитан А., заместитель командира заставы по работе с личным составом и заместитель командира заставы лейтенант Е. Но они продолжали действовать. Лейтенант Виктор Е., несмотря на ранение левой руки, убыл на позицию, на которой бойцы отражали автоматный и пулеметный огонь боевиков. Майор С., получив ранение в ногу и спину, продолжал командовать, поддерживая личным примером солдат под плотным минометным огнем.

На наблюдательном пункте я связался с БМП, дал команду открыть огонь, указал направление, доложил командиру ТГ и на минометные расчеты, определив им координаты целей. Через минут пять-семь открыли огонь минометы с ТГ и кизлярского райотдела. На НП у меня находилось отделение взвода минометного управления. Они начали корректировать огонь. Застава действовала согласно боевому расчету.

«Снайпер у меня молодец! – рассказывал лейтенант Виталий П. – Я подал рапорт на представление его к медали «За отвагу». Солдатик с виду неприметный. Служит недавно. Не ожидал, что он будет действовать так уверенно. Согласно боевому расчету у меня на КП должны находиться снайпер, санинструктор, наблюдатель, связист, корректировщик. Все они прибыли вовремя. Снайпер под огнем минометов, скрытно передвигаясь, появился на КП первым. И, увидев гранатометчика на той стороне рукава Терека, сразу открыл огонь. Боевик, видно, думал, что на заставе все залегли. Дескать, паника... Смело высунулся – по заставе с гранатомета. Просчитался. Никакой паники не было. Снайпер наш сделал несколько выстрелов по нему. Боевик упал. Больше с той стороны гранатомет не работал.

Санинструктор мой Салават – тоже герой! Осколками тяжело ранило прапорщика П. Еще рвались мины, а санинструктор без посторонней помощи

вытащил его из-под обстрела, тяжеленного, перенес на медицинский пункт, уложил на кровать, перевязал, сделал обезболивающий укол. Потом второго раненого вытащил из-под огня, перевязал. Всем раненым оказал всю возможную в наших условиях помощь. И все это в кромешной темноте, поскольку свет к тому времени отключился.

С тыла по нам вели огонь дагестанские ваххабиты. Они думали, под огнем минометов личный состав заставы станет метаться, подставляя себя под пули снайперов. Не дождалось. У нас пулевых ранений нет.

Командование ДКП (дублирующего командного пункта) и ТГ-5 было уверено, что атаки чеченских и дагестанских экстремистов будут отражены. Боевикам досталось крепко, и они ушли, унося убитых и раненых. Успешно отработали, уничтожив зенитную установку противника, вертолетчики. Не удался боевикам прорыв через мост. Их атаку отразили разведчики. Офицеры, сержанты, бойцы заставы не клюнули на хитрость боевиков, знакомую по конфликту в Чечне: столкнуть в огневом противостоянии заставу и охрану расположенного недалеко железнодорожного моста. Не подверглись обстрелу стоящие рядом с Копайским гидроузлом два дома, в которых проживают семьи аварца и русского, хотя боевики спорадически вели из-за этих строевой огонь. Провокация с целью обвинить военнослужащих в расстреле дагестанских домов не удалась.

1999 г.

НОЧНЫЕ ГРОМЫ НАД ТЕРЕКОМ

Когда вертолетчиков к орденам и медалям представляет пехота, можно быть уверенным, что награды не затеряются. В ночь с 17-го на 18 июня, когда чеченские и дагестанские боевики атаковали заставы внутренних войск у села Первомайское, населенного пункта Аксай и под Кизляром, солдаты, наблюдая работу «вертушек», кричали в окопах: «Молодцы!». Выполняя просьбу командиров, насколько позволял эфир, восхищенно благодарили радисты. Для тех, кто был в воздухе и обеспечивал на земле согласованность действий вертолетчиков внутренних войск и защитников застав, не было дороже награды. Значит, из своих никого не задели!

Для многих из тех, кто в тот вечер скрытно выдвигался к российским заставам, готовил к стрельбе минометы, гранатометы, последним в их жизни зрелищем была вздыбленная к небу земля. Боевиками руководили пакистанские, афганские инструкторы. В диверсионных центрах Хаттаба, Басаева, гордясь безнаказанностью, они захлеб рассказывали ученикам о коварных афганских делах. Удары с воздуха по ним, атакующим заставы на дагестанской земле, нанесли российские ветераны Афганистана, которые повоевали и в Чечне.

Страшным воспоминанием для иностранных инструкторов и северокавказских экстремистов был и останется все нарастающий, раздавливающий психику поднебесный карающий гул. Вертолетные нурсы смели этих бандитов, сравнивали с землей укрытия, разметали оружие и боеприпасы противника.

Россия наконец-то покарала тех, кто привык к безнаказанности. Вертолетчики и минометчики, которые в ту ночь так же эффективно стреляли, выполнили приказ командования и волю народа, уставшего от уголовного беспредела.

Вертолетные и минометные удары по чеченским и дагестанским экстремистам продемонстрировали политическую волю России не допустить на Северном Кавказе эскалации бандитизма.

Очередной выпуск диверсионных, разведывательных школ Хаттаба, Басаева, мечтающих об отторжении Северного Кавказа от России и создании Исламского Халифата, был сорван. Выпускного бала не получилось. О значительном успехе внутренних войск на севере Дагестана или отмолчались, или нервно похихикали центральные российские газеты. Зато куда свободнее в Дагестане вздохнули те, кто так остро переживал бездеятельность военных на административной границе с Чечней. Теперь можно быть уверенным, что отток русского населения, раньше безостановочно покидающего Дагестан, приостановится.

Целью экстремистов Чечни и Дагестана являются плодородные земли юга России. В своих листовках, книгах, брошюрах исламские террористы заявляют, что Ростов-на-Дону, Ставрополь и Астрахань в перспективе их города, русское население которых будет уничтожено или изгнано.

Так что ночные боевые вылеты вертолетчиков внутренних войск были своевременным противодействием тем, кто мечтает о новой войне. На втором Конгрессе народов Чечни и Дагестана, состоявшемся 17 апреля 1999 года, Мовлади Удугов говорил о некой возрождающейся исламской силе, «которой придется повиноваться каждому кафиру, который должен быть унижен, а мусульманин должен быть возвышен». Удугов вещал Конгрессу, что возглавил движение по объединению народов Ичкерии и Дагестана, что основная цель Конгресса (КНИД) – «это Джихад... В мире, – рассуждал М. Удугов, – существует только две нации – исламская и неисламская. Мы принадлежим к исламской нации, которую избрал Аллах, и наша задача – в установлении законов Аллаха на земле... Победа или рай – говорим мы сегодня кафирам, всем нашим врагам, мы не оставляем для них никакого выбора», – внушал он своим слушателям. Вот кто, наряду с Басаевым и Хаттабом, несет ответственность за прерванную жизнь обманутых экстремистов.

Поздний вечер 17 июня 1999 года... Остывает прокаленная дагестанским солнцем вертолетная техника. Непроглядная темень, время, когда всякая нечисть вылезает из нор. А пилоты и инженерный состав вертолетного подраз-

деления, живя на лезвии ножа, не страдая афганским и чеченским синдромом, перешучиваются. Мысли о домашних настроениях, о том, как жены и дети, не обнародываются. У вертолетчиков всегда найдется о чем поговорить. Но о том, что в Дагестане, рискуя быть сбитыми, они как бы в рядовой командировке, где оплата суточных 22 рубля, зачем рассуждать? Есть способ прекратить внутреннее раздражение, вспомнив, что твой друг, подполковник, командир МИ-8, живет с семьей из четырех человек на двенадцати метрах. Да разве он один? Не держит слова руководство МВД России и авиации внутренних войск. При формировании части обещали пятнадцать квартир сразу, а потом по пять квартир ежегодно. Какие теперь перспективы? Да никаких! Только летать. Приходить после полета в столовую, где кудесницы-поварихи Надежда Алексеевна да Любочка скажут: «С возвращением! Как отлетали?». «Да нормально», – будет ответ. Так они приветствовали друг друга и в Чечне. 6 августа 1996 года перед вылетом пришел в столовую штурман Сергей Забоев, сказал: «Покормите, девчонки». А уходя, проговорил: «Так мне неохота лететь». Сбили вертолет Сережи в Грозном, в Заводском районе. А потом еще два вертолета, пытавшихся эвакуировать летные экипажи. Пробился к ним только 4-й БОН 101-й бригады на броне, с заданием отбить у боевиков трупы летчиков. В том страшном бою погиб только Сережа. Командир его экипажа, обладая высоким летным мастерством, сумел посадить машину, падающую с трехсот метров. Летчики и на земле сумели за себя постоять.

Два ордена Мужества Сергея вручили его жене. Первая награда где-то подзадержалась, ко второй штурман был представлен посмертно. А недавно еще одна трагедия обрушилась на вертолетчиков: умерла жена Сергея Забоева – незабвенного друга. Война добила семью, оставив в живых только ребеночка. Не хотят вертолетчики новой войны. А исламские экстремисты в ней уже участвуют.

Вертолетчиков поднял по тревоге звонок с ТГ-6. В готовности номер один – возле бортов – сосредоточились экипажи и технический состав. Вскоре уш-

ла в воздух разведка. Раскалились докрасна телефоны командира авиагруппы, начальника КП на площадке, других ответственных. Надо было определиться с линией фронта, обеспечить состыковку с заставами. Вовремя дать команду: «Артиллерии замок!», чтобы минометчики во время взлета и посадки вертолетов прекратили огонь. Ночные боевые действия – серьезнейшие испытания для летунов. Что в годы чеченской кампании, что в эти дни в Дагестане ахиллесовой пятой в войсках остается связь. А на заставах нужны квалифицированные авианаводчики. Для начала поставленным на эту работу надо хотя бы знать рацию и ориентироваться по сторонам света.

Разлетелись на задания «винтокрылые бочки с керосином» – поддержать огнем ведущих бой заставы внутренних войск. В очередной раз не подвела российских солдат старая летная техника, ведомая экипажами экстра-класса. Все, что происходило в воздухе с 17-го на 18 июня этого года, именовалось: «Выход из-под удара и бой по всему фронту».

Колонну из десяти машин, идущих со стороны Чечни к заставе под населенным пунктом Аксай, обнаружил пилот МИ-8, ветеран Афганистана, где он поразил огнем не один караван моджахедов.

«Работу разрешаю», – получил он добро с земли. «Включить оружие», – дал команду командир экипажа, светловолосый, голубоглазый, интеллигентный человек. Штурман определился с точкой прицеливания. Вот она, «боевая кнопка» – на открытие огня из всех видов оружия вертолета. Красная кнопка под предохранительным колпачком. Снят предохранительный колпачок. Не подвел прицел 43-го года – старый, надежный товарищ. Нуры, как карающие, небесные стрелы Зевса, поразили цели. С воздуха были зафиксированы разрывы и возгорания.

Так был сорван подход резерва боевиков. Утром, выдвинувшись, разведчикам только осталось собрать в кучу окровавленные новенькие турецкие разгрузки и фонарики, куртки, книжечки – учебные пособия по закладке фугасов и другим диверсиям, зеленые налобные повязки. То, что раньше назы-

валось машинами, теперь было смято, словно по ним прошелся разгневанный великан.

С такой же хирургической точностью отработали «борты» внутренних войск возле села Первомайское и «Копайского гидроузла», что под Кизляром, где по российскому вертолету осмелилась вести огонь чеченская зенитная установка, мгновенно подавленная.

У российских вертолетчиков есть еще порох в пороховницах, не ослабла ратная сила. Все летные, технические службы, благодаря которым вертолеты летают и поражают противника в ту ночь, которая стала точкой отсчета нового периода в умиротворении чеченских и дагестанских бандформирований, показали свою высокую работоспособность и преданность делу.

Любят в войсках «вертушки». Особенно транспортно-боевые МИ-8. Если наши асы так успешно летают на старых машинах, как же не поздоровится экстремистам, когда пилоты станут подниматься в воздух на новых! Их с нетерпением ждут геройские вертолетные экипажи внутренних войск России.

1999 г.

ГЛЯДЯЩИЕ С НЕБЕС

I.

Хусейн – воин. Поэтому не заплакал. Ему было тяжело смотреть, как рыдает мать, приехавшая на заставу рассказать о новых потерях: в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июня в Дагестане возле села Первомайское в бою погибли еще двое: двоюродный брат и лучший друг Хусейна.

А слез и не могло быть. Он их выплакал еще подростком, когда в том же Первомайском – только в январе 1996 года – чеченцами был убит первый из его двоюродных братьев – солдат внутренних войск.

Хусейн – потомок древнего туркменского рода. Русь приняла его предков, когда те нуждались в защите, и не отняла веру.

Прирожденные воины, поклонники горячих коней-ахалтекинцев и кривых сабель – это туркмены. Теперь Хусейн, в память о брате став солдатом внутренних войск, защищает Россию на заставе в Ставропольском крае, воюя против боевиков-чеченцев – рабов греха.

Выплакав все слезы на груди сына, мать вернулась домой к свежим могилам, а Хусейн остался служить, еще крепче ценя свое оружие: БМП-2 и автомат 5,45 мм.

С известием о смерти тех, кто делил с ним детство, закончилась юность Хусейна, и он расстался с ней, тоскуя о загубленной молодости своих близких. Вместе с юностью истончился и его сон. Не было теперь на заставе более надежного часового. Луна ли на небе или солнце, ястребиной зоркости глаза Хусейна неустанно искали врагов: крадущихся, залегших в «зеленке», переправляющихся через Терек.

Вся нерастраченная любовь к погибшим братьям и другу теперь была обращена на защиту одетых в камуфляж товарищей, на общий воинский успех.

Вот что происходило на Тереке: на правом его берегу боевики-чеченцы молились о гибели русских воинов, на левом же берегу казачьей реки Ху-

сейн молил Аллаха, чтобы чеченцы, осознав свои грехи, прекратили кровопролитие и вернулись к мирным заботам.

Хусейн знал: не все чеченцы враги России и жалел тех, кто взял в руки оружие, потому что в огне войны погибли родственники. Правовой мусульманин Хусейн обязан был их простить. Он простил, но не Радуева, Басаева и Хаттаба. Эти не успокоились, готовя в учебных центрах все новых убийц. «Нет им прощения», – все больше ожесточался Хусейн и всем сердцем тянулся к командиру заставы Бахтияру, тезке недавно погибшего брата.

II.

...Правая рука Хусейна на автоматном затворе. Не слышен в чащобе капитан Бахтияр Юсубахметов. В маскхалате разведчика, облегающем мускулистое тело, он гибок и осторожен, как рысь. Его спину «держит» Хусейн. Хоть и свой берег Терека, но в «зеленке» в любую минуту можно столкнуться с боевиками-чеченцами. Напротив заставы по ту сторону Терека их учебный центр. Только проходимый на бродах Терек разделяет два мира: тех, кто ведет войну и кто ей препятствует.

Далеко позади осталось станичное кладбище. Прибавилось могил в Ставрополье. Погибли, попав в чеченскую засаду, четыре казака-милиционера, один из которых успел выстрелить, убив диверсанта-налетчика. «Умер, как герой», – подумал о милиционере Хусейн и упрекнул себя, что надолго отвлекся в мыслях. В «зеленке» на Тереке победа за тем, кто первым заметил врага.

Поэтому все внимание лесу. Вокруг сладостный парад тутовника, диких яблонь и груш. Но рука юноши на затворе... Ствол автомата то вправо, то влево: где гуще заросли, там и опасность.

Слух напряжен, как у первобытного человека, ловящего каждый шорох. Капитан Бахтияр Юсубахметов на своей земле и не защищается, а сам ищет противника.

Хусейну нравится командирская выучка. Сокол Таджикистана, Бахтияр получил её в Санкт-Петербургском училище внутренних войск, а боевой опыт приобрел, воюя в Чечне, где терял товарищей, побеждал врагов, матеря в нелегких знаниях о войне и жизни.

Тишина в «зеленке». Воздух упруг. Вот из-за Терека, к которому вышли Бахтияр и Хусейн, слышен один выстрел, другой. «Ветер в нашу сторону», – удовлетворенно подумал Хусейн. А капитан тем временем изучал в бинокль чеченский берег. Хусейн оглянулся, довольно прищурился. «Зеленка» скрывала еще троих бойцов, но он твердо знал, что они не выпускают командира из поля зрения. «Хорошо замаскировались», – размышлял Хусейн.

Движение вдоль Терека проходило без происшествий. Но в день похорон казаков-милиционеров десять чеченцев перешли Терек и, встретив старика-рыболова, сказали: «Старый ишак, ты нам не нужен. Был бы моложе, уволокли бы с собой!».

«Зачем было отнимать у старика хлеб?», – думал Хусейн, удивляясь мелочности боевиков, а потом догадался, что унижение человека – тоже война.

Потом все его мысли были об этих людях. Хусейн считал боевиков самыми несчастными. «Все против них, – думал он. – Газеты кричали об их безгрешности, о том, какие они лихие волки, тем самым расставляя капканы, укрепляя боевиков в грехе самолюбования и нераскаянности».

«Засады на дорогах – это страшный грех тела», – вспомнил Хусейн древние мусульманские заповеди. – А вот питаться за деньги, полученные в результате разбоя, грабежа, воровства, – это грехи живота».

III.

Из разведки группа Бахтияра возвращалась другой дорогой – таков непреклонный закон боевых выходов. Где гарантия, что противник не заметил твое движение и не поджидает в засаде?

Только на выходе из «зеленки» капитан сорвал дикое яблоко, попробовал и улыбнулся. Румяный летний аромат плода напомнил далекий Таджикистан. Бахтияр защищал его путь к истине здесь, на границе с Чечней, в борьбе с теми, кто преступал тысячелетние законы добра.

Капитан смотрел на Хусейна, который теперь шел впереди, и сочувствовал его духовным терзаниям: желанию солдата во что бы то ни стало найти Радуева, чтобы отомстить за смерть брата, погибшего при освобождении заложников в дагестанском селе Первомайское в январе 1996 года, мечтам разгромить лагеря Хаттаба, а его самого судить международным судом, где бы ли бы названы и доказаны все грехи этого человека, повинного в смерти родных Хусейну людей.

На заставу они вернулись, когда в небе добрым, согревающим душу светом зажглись первые звезды. «То глаза моих братьев, что погибли, смотрят на меня с небес», – думал Хусейн, обещая себе не складывать оружия, пока на Тереке не восстановятся справедливость и мир.

1999 г.

ЗАСТАВЫ ПРОСЯТ ПОДДЕРЖКИ

Подразделения внутренних войск, дислоцированные в Дагестане, – в постоянном боевом напряжении. Ожидание нападения чеченских и дагестанских боевиков – привычное их состояние. Многократно битые внутренними войсками экстремисты считают, что ночными налетами они измотают российских военных и те уйдут. Как бы не так! Кончились те времена, когда ночные атаки боевиков отражались только стрелковым оружием. Теперь по экстремистам ведут огонь тяжелые минометы, а имеющие опыт боевых действий российские солдаты воюют дерзко, с инициативой. У них одно желание: работать на опережение, а не ждать, когда на тебя нападут. Стоящим на заставах хочется, чтобы на административной границе с Чечней вступили в действие контрпартизанские группы Отрядов специального назначения внутренних войск, армии и ФСБ России. Чтобы экстремистов-боевиков, выходящих на черное дело, от мысли, что можно попасть в засаду спецназовцев, кидало в пот.

В Дагестане солдатские засады и секреты, как правило, эффективны. Еще результативнее будут активные операции отрядов особого назначения, количество которых в России надо увеличивать. Опыт последних лет показывает, что сокращение российских сил специального назначения было стратегической ошибкой.

Пакистанские, афганские, иорданские, турецкие инструктора в школах Хаттаба готовят экстремистов как спецназовцев, противостоять которым должны российские специалисты по контрпартизанской войне.

У противников России на Северном Кавказе самые серьезные намерения. После ухода наших войск из Чечни мусульманские экстремисты особенно активизировались.

В ходе недавних ночных боев на севере Дагестана им нанесен урон. Результативность противодействия станет куда значительнее, если в Ставропо-

лье и Дагестане на административной границе с Чечней займут позиции лучшие спецназы России.

А пока «волки», переходя Терек или бурунные степи, убивают наших милиционеров и военнослужащих внутренних войск, чему способствует сложный, удобный для засад рельеф местности. Затаившись в «зеленке», проще простого полоснуть очередью по людям и исчезнуть в Чечне. Такого рода нападения возведены чеченскими экстремистами в культ. Потом, празднуя эти убийства, они танцуют под барабанный грохот.

Снова трагическая новость из станицы Галюгаевской: от рук чеченских убийц погибли еще двое молодых милиционеров и четыре женщины.

Наши потери будут расти, если мы не начнем работать на опережение, не активизируем разведку. Надо наладить связь, особенно ее закрытые каналы. Представить в штабы и подразделения новые карты местности. Помню недавние сетования офицера-артиллериста, что у карты, с которой он работает, «даже цвета не подняты».

С бедностью в вопросах оснащённости подразделений, несущих службу на административной границе с Чечней, пора разобраться на государственном уровне. Надо поднимать общественность, разного рода фонды на то, чтобы забота о бойцах на боевых рубежах стала делом чести всей России.

Минометные и вертолетные удары по атакующим заставам боевикам подняли престиж внутренних войск у жителей Северного Кавказа, уставших от экстремистов. Люди поняли, что российское руководство намерено их защищать.

Мягко говоря, недоумение вызывает двуличная позиция руководства Чечни. С одной стороны, оно не устает повторять, что ведет борьбу с уголовной преступностью, с другой – как только российские подразделения нанесли удар по чеченским экстремистам, официальные лица из аппарата поспешили заявить, что Чечня ответит на эти действия десятками террористических актов в глубине России...

Так есть ли у России в Чечне союзники по борьбе с терроризмом, уголовной преступностью и экстремизмом? Сдается, круг этих людей ничтожен.

Чечня все больше опускается в трясины уголовного беспредела. И дело не только в разрушенной экономике, безработице. Чечня рекрутирована зарубежными спецслужбами на активные экстремистские действия против России.

И если боевым нападениям мы противостоим, то кто в России способен организовать на Северном Кавказе идеологическое противодействие росту экстремизма, тем пропагандистским диверсиям, которые одну за другой проводят в Дагестане специалисты «Давгат-лагеря» Хаттаба, где готовят профессионалов психологической, идеологической войны?

Специалисты по Северному Кавказу считают, что в этом регионе России грядет революционная ситуация. И если не восстанавливать разрушенное экономическими экспериментами производство, не наносить регулярные удары по процветающей коррупции и казнокрадству, не оздоравливать обстановку в спецслужбах, то обострения обстановки, дальнейшего роста экстремизма не миновать.

Безнаказанными остались издания националистических книг Магомеда Тагаева, призывающего к войне с Россией. Побывав в Грозном на недавнем конгрессе народов Чечни и Дагестана, он прошел военно-полевые сборы в одной из школ Хаттаба, где даже пострелял из миномета.

Надир Хачилаев издал брошюру «Руководство к программе всемирного восстания мусульман», в которой подвергает сомнению благородный призыв Шамиля к миру с Россией. Дескать, не было таких слов Шамиля, как: «Никогда не воюйте больше с Россией, ее надо любить и с нею надо дружить».

Прекрасна в своей красоте и плодородии земля Дагестана. Умны и сдержанны в словах его люди. За их сердца и души в Дагестане идет борьба, в которой у добрых граждан, любящих Россию, так мало поддержки.

Дагестан напрочь забыт инженерами человеческих душ – писателями, которые наезжали раньше целыми десантами. Забыли дорогу в Дагестан, за-

щищающий свои рубежи, господа депутаты. Это для них, как сигнал SOS, – дагестанские поговорки: «Хорошее слово и кинжал ответит», «Общий котел и на льду закипит».

1999 г.

ЗАЩИЩАЯ ТУХЧАР...

*«Если даже бой далек,
Плачут жены храбрецов,
Ибо знают: их мужья
Первыми идут в огонь...»*

(Из дагестанской народной песни)

I.

С лейтенантом милиции Олегом Курбановым и командиром отделения ополченцев села Тухчар Шамилем Алхулаевым мы поднимаемся на высоту, где 5 сентября этого года приняли бой тринадцать военнослужащих Калачевской бригады внутренних войск. Шестеро из них погибли. Остальных спасли местные жители. Шамилю, который с карабином СКС идет впереди, обязаны жизнью восемь милиционеров и солдат-калачевец. Отец Шамиля – Абдул спас еще троих солдат. Ему же выпала горькая доля: погрузив с односельчанами на машину казненных российских военнослужащих, вывезти их, окровавленных, пролежавших на окраине Тухчара сутки, к Герзельскому мосту, чтобы передать тела федералам.

Мы на высоте – посреди красоты. Горе, ради которого мы поднялись сюда, не позволяет в нее, красоту предгорий, взглядеться. Прежде всего мы смотрим туда, откуда пришли враги – чеченские бандиты, что перерезали горло шестерым взятым в плен военнослужащим: сначала солдату-мусульманину, потом старшему лейтенанту Василию Ташкину и остальным, кто больше трех часов, окруженные, дрались на высоте.

Вот их метко разившая бандитов боевая машина пехоты, в конце боя подбитая чеченским гранатометчиком и сгоревшая – одинокий памятник мужеству офицера и бойцов внутренних войск. Всего-то пять суток простояли в Новолакском районе – на южной окраине Тухчара командированные сюда калачевцы. Нетрудно догадаться, о чем, охраняя село, они думали по ночам.

От ближайшего чеченского села Ишхойюрт до Тухчара два километра. Пограничная река Аксай для боевиков не преграда: на «Жигулях» переедешь. За ближайшей горкой другое чеченское село Галайты, где полно вооруженных до зубов боевиков.

Наблюдая за селом Ишхойюрт в бинокль, старший лейтенант Василий Ташкин, выпускник Новосибирского училища внутренних войск, фиксировал передвижения боевиков на технике, наличие зенитных средств, слежку за своим постом. Сердце этого командира было не на покое. Его задачей было огневое прикрытие двух милицейских контрольно-пропускных пунктов: на въезде в Тухчар и на выезде из него в сторону Галайты.

Дагестанские милиционеры нравились ему улыбочивостью, доброжелательностью. Старший лейтенант В.В. Ташкин знал, что вооруженные только стрелковым оружием милиционеры с радостью восприняли появление его БМП-2 с солдатами на броне. Высота, которую он занял, господствовала над селом. Но сам-то старший лейтенант понимал, в какой они, военнослужащие и милиционеры, опасности. Новолакский район Дагестана почему-то был слабо прикрыт войсками. Рассчитывать можно было лишь на самих себя, на боевое содружество застав внутренних войск и дагестанской милиции. Но тринадцать военнослужащих на БМП – разве это застава?

Ребята вырыли капонир для боевой машины пехоты, зарылись в землю с целью круговой обороны. За пять с небольшим суток своего присутствия они не успели крепко-накрепко подружиться с тухчарцами, но искренне посочувствовали ополченцам-селянам, когда власти выдали на 378 лакских, 267 аварских и 140 чеченских дворов всего-навсего пять карабинов.

Карабин Шамиля Алхулаева без наплечного ремня. Чтобы носить его за спиной, он привязал к нему бельевую веревку. Наш разговор на высоте только о погибших ребятах.

– Защищая нас, мусульман, они сражались, как герои, – говорит с болью Шамиль. – Силы были неравны. У боевиков на каждом трех-четырех ра-

ция, много гранатометов. Они заняли позиции. И ударили не там, где их ожидали.

Орудие БМП было направлено на высоту, за которой чеченское село Галайты, а боевики открыли огонь с тыла – со стороны дагестанского села Гамиях.

Чечено-дагестанская граница в ночное время была и остается прозрачной. Если только построить подобную Великой Китайской стене оборонительную систему, можно будет вздохнуть спокойно. Вот такое кровавое бандитство подросло и укрепилось в Чечне, пока политикам в Москве думалось, что там все само собой разрешится и успокоится.

С первыми выстрелами БМП вышла из капонира и, находясь в движении, эффективно поражала боевиков, стремившихся сбить бойцов внутренних войск с высоты. Радиочастоты оказались забиты чеченцами, поэтому связаться с кем-либо не представлялось возможным. Милицейские КПП так же дрались в кольце.

Чеченские боевики – по морали бандиты, в военном смысле подготовленные, как диверсанты-террористы, могли быть отражены только массированным огнем артиллерийских и минометных батарей, вертолетными ударами, умелыми контрпартизанскими действиями спецназов. Слабые по огневым средствам милицейские КПП, усиленные одной БМП и тринадцатью военнослужащими внутренних войск, были обречены. Оставалось одно: выполнить Присягу, оказаться достойными памяти боевых товарищей, отдавших жизнь в борьбе с чеченскими экстремистами в 1995–1996 годах.

У Калачевской бригады внутренних войск – славная боевая биография. Не раз ее бойцы, как это было 22 апреля 1995 года под Аллероем, воевали и погибали бок о бок с милиционерами, выручая друг друга.

Трагическая гибель шестерых калачевцев прихлалась на завершение не оправдавшей себя российской, призванной защищать Северный Кавказ военной стратегии. Армия и внутренние войска, милицейские подразделения России были заложниками политического решения о классификации боевых

действий в Чечне как конфликта низкой интенсивности, за чем последовало противодействие противнику ограниченными боевыми средствами. Дескать, воюем-то со своим народом. Но и в 1995 году мы воевали с террористическим преступным интернационалом, к 1999 году набравшим в Чечне страшную силу, идеологией которого была дикая ненависть к России, ее правоохранительным органам, русским людям.

II.

Штаб боевиков, напавших на Тухчар, был в чеченском селе Ишхойюрт. Атакуя пост внутренних войск и КПП милиции, на каждое свое действие чеченцы, обвешанные оружием, испрашивали разрешения полевого командира. Наблюдая из-за речки, как его люди несут потери, тот был раздражен. Быстрой победной атаки не получилось. Его силы, разделенные на случай подхода русских резервов, не укладывались вовремя. Гранатометчики, которые должны были жечь бронетехнику, что по расчетам полевого командира могла выдвинуться помочь осажденным, бездействовали.

– Амир, Амир! – все чаще обращались к нему в эфире. – У нас убитые. Русские и даги не хотят сдаваться!

Полевой командир мрачнел. Но боялся снять гранатометчиков и снайперов из засад. Битый в июне, июле и августе в ночных боях у русских застав, он до сих пор прихрамывал. И ждал подвоха, опасаясь грохота российских танков, вминающего в землю низкого вертолетного гула, прицельного огня минометов.

– Справляйтесь сами, – огрызался он, иногда срываясь на крик, недовольный наемниками.

В этой операции их было не так уж и много. А вот по деньгам наемники дорого стоили. «Если бы чеченцам так много платили, – думал Амир, – толку было бы больше».

Старший лейтенант В.В.Ташкин, воюя на высоте, не ждал помощи. Такой изощренности была война, что выручить его людей и дагестанских ми-

лиционеров, могла только бронегруппа из десятков машин. Все остальное стало бы легкой добычей хорошо замаскированных боевиков. А вот его солдаты верили, что скоро в синем дагестанском небе появятся вертолеты и понесутся к земле спасительные нуры, перемалывая боевиков, отбрасывая их за речку, которую те горделивым маршем перешли ночью.

У дагестанских милиционеров кончались боеприпасы. Вот уже захвачены КПП на въезде в Тухчар и поселковый отдел милиции. Все яростнее натиск боевиков на окруженную высоту. Чеченцы носились по селу, врываясь в опустевшие дома милиционеров, ища ценности, расстреливая из автоматов и пулеметов мебель, посуду.

Ворота домов поселковых милиционеров были помечены буквой «м». Кто-то из пособников сделал это, взяв в руки камень и дорисовав страшный своей непохожестью череп с костями. В школе даже ученические парты были расстреляны.

На третьем часу боя БМП калачевцев была подбита. Загорелась, но братской могилой пехоты не стала. То, как она, ненавистная боевикам, пылала и взрывалась, вызвало их ликование. И отвлекло внимание. Прикрытые огнем милицейского КПП, старший лейтенант Ташкин и его ребята, таща обожженных и раненых на себе, сумели вырваться с высоты. На КПП, державшем дорогу к чеченскому селу Галайты, защитников стало на тринадцать человек больше.

Увлеченные грабежом села, боевики ослабили огневой натиск на КПП, и старший контрольно-пропускного пункта лейтенант милиции Ахмед Давдиев решил пойти на разведку. В аварской части Тухчара в стычке, открыв огонь, он уничтожил двух боевиков-чеченцев и погиб, сраженный пулеметной очередью.

С высоты, вынужденно оставленной старшим лейтенантом В.В.Ташкиным, КПП у ее подножья выглядит печальным кострищем.

Первыми в ходе боя, конечно, запылали жилые вагончики. Дым душил и слепил глаза.

Потом защитники КПП, перевязав раненых солдат, увидели идущих к ним старейшин Тухчара, которым пришлось стать парламентарями:

– Боевики велели сказать, чтобы без оружия выходили. – Так на КПП узнали, что чеченцы угнали за речку пленных милиционеров, что геройски погиб Ахмед.

– Боевикам передайте: сдаваться не будем, – таков был ответ.

От старейшин защитникам КПП стало известно, что боевиков в селе больше двухсот, что они укрепляются, забирают машины и трактора, вывозят семенную пшеницу, муку.

Зная, что жители Тухчара не вооружены, что их беззащитные дома терзают боевики, защитники КПП, понимая, что контрольно-пропускной пункт вот-вот расстреляют из «шмелей», решили подороже отдать жизнь и с оружием в руках попытались принять бой в селе.

Их, вошедших в Тухчар, встретил плотный пулеметный огонь. Восемнадцать милиционеров и тринадцать военнослужащих внутренних войск рассеялись по селу.

Лакец Шамиль Алхулаев вывел из-под огня солдата, который назвался Федором, и нескольких милиционеров. Самым страшным моментом было, когда ваххабиты входят к нему во двор, а он в десятке метров от рыскающих глазами чеченцев, через окно пристроя вынимает трех уже переодетых в его одежду милиционеров и, миновав огород, те прячутся в кукурузе. А вот солдат-фельдшер подразделения не сумел надежно укрыться, и, чтобы спасти его, один из милиционеров, переодетый, но раненый, вышел вместе с Шамилем к чеченским боевикам.

– Вы что тут делаете? – обрушился на ваххабитов с вопросами Шамиль Алхулаев, а сам весь в поту. – Что в моем доме надо?

– Кто это? – спросили его о раненом.

– Местный.

– Почему ранен?

– Так стреляли.

Боевики забрали раненого и ушли. Шамиль укрыл солдата в подвале. Выйдя на улицу, крикнул отца, что неподалеку жил. В ответ чеченская автоматная очередь, крики:

– Иди сюда и те, кто с тобой!

– Со мной никого нет!

Всю мужскую одежду, какая была в доме, Шамиль отдал милиционерам. Восемь человек переодел в гражданку. Трое вернулись в его дом ночью. Он их тоже спрятал в подвале, дал еду. Потом милиционеры ушли, а солдата через неделю под видом пастуха, погоняющего барашков, он вывел к Герзельскому мосту.

– Мой, – говорит Шамиль о военном служащем фельдшере, уроженце Воронежской области. – Но зовут его не Федором, а Володей. Из предосторожности он сначала назвался именем своего отца.

III.

Попав под кинжальный огонь боевиков, старший лейтенант В. Ташкин, отсеченный чеченскими пулеметами, укрылся с четырьмя солдатами во времянке лакца Челави Гамзатова. Выстрелом из гранатомета боевики разворотили крышу времянки, которая обрушилась, завалив двух контуженных взрывом милиционеров.

За несколько секунд до этого во дворе Челави, отстреливаясь, погиб, уничтожив боевика, сержант милиции Абдулкасим Магомедов. На предложение сдаться Ташкин, не расстающийся с автоматом, отвечал отказом. Он видел наведенные на времянку гранатометы. Ему и солдатам кричали: «Мы вас поджарим. Мы, дескать, гарантируем жизнь. Впереди у вас только плен. Мы, боевики, уважаем храбрых».

Старший лейтенант не верил ни одному их слову. Он смотрел на исхудалые молодые лица своих бойцов и ловил себя на мысли, что, если хотя бы один из них останется жив, это будет результат. Это будет работа на буду-

щую победу. Ведь солдат расскажет, как все происходило. Ошибки боя будут проанализированы, чтобы больше не повториться.

Когда во времянку вошел хозяин дома, сорокатрехлетний, сидящий на глазах Челави Гамзатов, и сказал, что послан парламентаром, старший лейтенант вынул из кармана камуфляжа конверт с дорогими сердцу фотографиями маленькой дочки, жены и отдал Челави.

Потом с автоматами в руках офицер и четверо солдат вышли к боевикам. Их окружили и, разоружив, повели в сторону КПП.

С Челави Гамзатовым, Шамилем Алхулаевым, лейтенантом милиции Олегом Курбановым мы стоим возле бетонной сваи, бывшей лобным местом. Челави рассказывает:

– Старшего лейтенанта и солдат (пятого захватили в одном из дворов) выводили на казнь поодиночке. Какое-то время их продержали в разрушенном КПП, еще недавно прикрывавшем дорогу на Галайты. Приказ на казнь отдал полевой командир. С ним был разговор по рации. Он начался еще во дворе Гамзатова, и Челави прокричал:

– Как же так? Вы обещали им жизнь!

– Некогда с ними возиться. Их БМП убила немало наших людей!

Первым вывели на казнь солдата-мусульманина. Опрокинули его, сопротивляющегося, на бетонную сваю и перерезали горло. Старший лейтенант В. Ташкин вел себя дерзко, говорил что-то, тоже сопротивлялся.

Под ножом палача никто из военнослужащих не дрогнул, не просил о пощаде. Жители Тухчара, замерев от ужаса, находясь в шестидесяти метрах от места казни, не могли слышать предсмертных слов убиваемых. Они видели, как шестой из солдат вырвался, пытался уйти от погони, но был ранен и дорезан боевиками все на той же бетонной свае.

Кровь измученных воинов ваххабиты зачем-то собирали в трехлитровую стеклянную банку. Ради магических целей или чтобы утратить тухчарцев – парализовать их волю к сопротивлению? Вот такие борцы за чистый Ислам ворвались в дагестанское село Тухчар пятого сентября 1999 года.

Челави Гамзатов, наклонившись, пытается найти на месте казни хотя бы пятнышко крови героев и не находит. Шамиль Алхулаев произносит, что после свершившейся казни трое суток шел дождь.

Пятого сентября, вернувшись домой, Челави достал из-под обломков рухнувшей крыши времянки двух контуженных милиционеров и, приведя их в чувство, укрыл от чеченских бандитов.

Почти неделю боевики господствовали в селе: окапывались, меняя дислокацию своих подразделений. Их полевой командир только раз появился в Тухчаре, приехав из Ишхойюрта на черном «Ниссане», – посмотреть на трупы казненных. Прихрамывая, походил вокруг мертвых и, одобрив содеянное, с традиционным «Аллах Акбар» вернулся в свое логово.

Сгоревший КПП, дорога на Галайты, бетонная свая возле нее. Я прошу Шамиля снять с плеча карабин и положить на то место, где убивали наших товарищей по оружию. Это самый скорбный снимок моей биографии. Напоминание всем, кто наш противник. По каким правилам живет, в чем черпает силы.

В Тухчаре, как и во всем Новолакском районе, боевики беспредельничали так, что даже дворовые собаки забились в дома, ища спасения возле ног униженных, оскорбленных хозяев.

Когда пришли арестовывать отца одного из милиционеров и прикладами автоматов стали сбивать замок, тот спокойно сказал:

– Зачем ломаете? У меня ключ есть.

Его привезли в штаб, бросили на пол, стали допрашивать:

– Где твой сын? Где его оружие?

– У него в руках, – последовал гордый ответ.

Тогда по старому человеку открыли огонь холостыми патронами, стреляли в грудь, грозились отправить в Урус-Мартан.

Отца Шамиля – Абдула Алхулаева приехали забирать, когда стемнело. При нем была записка от военфельдшера Володи, который прятался в подва-

ле сына. Абдул попросил боевиков об одном одолжении: закончить по хозяйству какую-то мелочь, и ушел через огороды.

Когда я приехал в Тухчар, в селе, пережившем трагедию двадцать дней назад, не побывал еще ни один из следователей военной прокуратуры. Как ни в чем не бывало ходили по селу пособники чеченских боевиков, претендовали на гуманитарную помощь. Плакали люди, дома которых были разрушены в ходе боев: те люди, кто спас от расправы семерых российских солдат и немало милиционеров, семнадцать из которых до сих пор в плену, четырнадцать из них – уроженцы Тухчара.

Я сфотографировал Челави в его дворе со снимком в руках, на котором старший лейтенант Ташкин еще живой, рядом жена-красавица, между ними доченька. Высокий, худощавый, спортивный старший лейтенант, семья которого в Анжеро-Сунженске, смотрит в объектив, а в глазах нерастраченное счастье и желание жить. «Милые мои, девушки. Я вас очень люблю», – прочитал я на обороте фотографии.

Его офицерская победа над врагом, победа мучеников-солдат, дагестанских героев-милиционеров – в новой, завоеванной кровью стратегии российского воинства в Чечне, в мощных ударах нашей авиации и артиллерийских батарей, в желании личного состава громить бандформирования террористов, где бы ни встретились, в крепких руках тех, кто замкнет наручники на запястьях Хаттаба, Басаева и того полевого командира, кто зря лелеял надежды ужаснуть российское воинство казнью в Тухчаре.

1999 г.

ОСВОБОДИТЕЛИ

Шумиловская отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск МВД России осенью 1999 года вошла в Чечню на два дня раньше других соединений. Того требовала обстановка. Был в этом и зов судьбы. Ведь бригаде 21 января 1997 года выпало страшное испытание: оставить чеченскую землю, политую кровью однополчан, последней. Стиснув зубы от горечи, проклиная предателей, офицеры и бойцы – шумиловцы уходили из Чечни, клянясь вернуться. И они вернулись как освободители, разметав преступные бандформирования, которые огрызнулись только два раза: в восьми километрах западнее Каргалинской и под Коби. После массированного применения всех видов российского оружия боевики откатились с позором. Натиск Шумиловской бригады, идущей вперед вместе с воздушно-десантными войсками, был организован по всем правилам военной науки. Ведь командир бригады полковник Юрий Г. и его офицеры систематизировали боевой опыт чеченской кампании, успешно применяя его в боевой учебе.

Настрой в бригаде: «Только вперед!». Главное опасение: как бы политики снова не помешали войскам добить бандитов. В подразделениях МВД России хорошо известно, как чеченские уголовники-террористы терзали людей в станицах левобережья Терека: убивали, насиловали, отбирали дома. Настало время, когда чеченские преступники ответят перед законом.

В тот день, когда журналистская дорога привела меня в Шумиловскую бригаду, ее первый батальон стоял в Чечне под Новыми Щедринами, а 2-й батальон прикрывал Кизляр – богатый, казачий город на севере Дагестана, пограничный с Чечней.

Командир Шумиловской бригады полковник Юрий Г., под командованием которого теперь 5-я тактическая группировка, взял меня с собой в батальонный район обороны, в центре которого КПП № 32«Д». Еще в июле этого года этот КПП, граничащий с чеченским таможенным постом, был местом постоянных недоразумений и стычек. Была еще одна трагическая нелепица:

КПП № 32«Д» осуществлял не только пропускной режим на чеченскую территорию, но и контролировал автотрассу на Махачкалу, восемьсот метров которой, начинающихся сразу за КПП, принадлежали Чечне. На этих восьмистах злополучных метрах от рук преступников погибали люди, исчезали машины. Все это теперь было в прошлом. Политическую шизофрению излечили боевыми средствами. На всем протяжении района обороны 2-го батальона Шумиловской бригады теперь инженерные сооружения, вкопанная в землю боевая техника. Нет и чеченского таможенного поста – лежбища хатабовцев и басаевцев. Новый 1998 год вместе с волгоградскими милиционерами я встречал именно на КПП № 32 «Д» и хорошо помню черный джихадский флаг над чеченской таможней, их поздравления с Новым годом и обещания не стрелять, и немного погодя чеченские очереди из ПК поверх наших жилых вагончиков. Помню четырнадцатилетнего убийцу в натовском камуфляже, любимца Басаева, который расстреливал мирных людей в Буденновске. Он то и дело мотался по Кизляру на «Жигулях», подаренных ему одной из чеченских диаспор России.

Теперь Кизляр был свободен от подобных головорезов. Срочно побрились все ваххабиты, его населяющие. Но напряженность прифронтового города никуда не исчезла.

Полковник Юрий Г. строго проверил район обороны. Удовлетворенно отметил, что все здания подготовлены к отражению неприятеля, и на БТРе с группой трехминутной готовности мы, миновав КПП № 32«Д», въехали в Бороздиновский лес.

С 1996 года эти джунгли я рассматривал только в бинокль. От жителей Шелковского района мне было известно, что в глубине чащи лежат тела пятидесяти пяти ограбленных и убитых бандитами русских и чеченцев, которые, к несчастью, показались чеченским таможенникам состоятельными. Таможенники по радиации связывались с засевшими в лесу преступниками, сообщая о выехавших в их сторону жертвах, которые потом исчезали бесследно. Нет ничего тайного, что бы не стало явным.

Бороздиновский лес был местом дислокации отрядов боевиков. По ним этим летом не раз наносили удары российские вертолеты и минометные батареи. Теперь с наступлением темноты по лесу скрытно передвигаются снайперские группы боевиков из двух, трех человек.

Впереди на броне БТРа с автоматами в руках полковник Юрий Г. и командир 2-го батальона подполковник Алексей К. Четыре дня назад, получив задание взять под охрану мост в Бороздиновском лесу и выдвигаясь с экипажами на двух БТРах, он принял бой. БТРы шли в сумерках на скорости семьдесят километров в час. Подполковник Алексей К. на головной машине выскочил за мост и попал под шквал огня. Он скатился с брони, десантировал людей, стали отстреливаться. БТР встал поперек моста, начал сдавать. Подполковник опасался, что машина завалится. Но боец не подвел. Верность командирских решений спасла экипажи. Слаженность действий офицеров и бойцов 2-го батальона была высокой. Боевики вели автоматный, пулеметный, гранатометный огонь с флангов, снайперили с верхушек могучих тополей. На броне БТРов словно сварка искрилась...

Выйдя на связь с командиром бригады полковником Юрием Г., подполковник Алексей К. получил приказ на отход. На помощь попавшим под плотный огонь боевиков военнослужащим внутренних войск уже были посланы танки.

На отходе наших бойцов обстреливали из подствольных гранатометов. Потом по противнику работали российские танки и артиллерия. Утром по боевикам решением полковника Юрия Г. было нанесено еще одно огневое поражение. Применялся подвижный заградительный огонь в двух направлениях. Были отсечены и обработаны дорога, пути выхода к ней боевиков. В завершение операции было нанесено еще несколько сосредоточенных ударов.

Всю работу закончила рота мотопехоты, которая зачистила территорию. «Теперь в районе моста стало куда спокойнее», – рассказали мне бойцы, его охраняющие. Четыре снайперские пары из бойцов Шумиловской бригады и

прикомандированных снайперов Тольяттинского учебного полка держат боевиков в напряжении. «Стреляем по видимым целям», – сказал мне снайпер, уроженец Саратовской области.

Пользуясь приборами ночного видения, на КПП смотрят в оба. «Ночью здесь, как в тоннеле. Одна чернота кругом», – рассказывал молодой лейтенант. А в дневное время, осматривая лес, за полтора часа он смог продвигнуться только на 800 метров – такой густоты лес.

Осмотрев КПП, командир бригады полковник Юрий Г. отдал несколько приказов по улучшению обороны и предупреждению нападений боевиков. Командуя 5-й тактической группировкой, он всё равно находит время побеспокоиться о родных шумиловцах, к которым строг, но которых любит, как сыновей. В разговоре со мной полковник Г. подчеркнул, что ему трудно выделить, какой из его батальонов боеспособнее. Мне же было известно, что заместитель командующего воздушно-десантными войсками выделил его бригаду как самую боевую в сравнении с 33-й и 21-й бригадами внутренних войск МВД России.

У батальонов, взламывающих оборону чеченских боевиков, сложные, ответственные задачи, не менее трудные: борьба с диверсионными группами, отражение их вылазок на коммуникациях, пресечение террористических действий в зонах ответственности батальонов в обороне.

Говоря о солдатской стойкости, мастеровитости, командир минометной батареи капитан Алексей О., ветеран боевых действий в Чечне, сказал мне, что «на наших солдат, освобождающих чеченскую территорию от бандитов, молиться надо».

Вот такое суворовское отношение командиров к бойцам в Шумиловской бригаде внутренних войск России.

В Бороздиновском лесу нашли свою смерть десятки боевиков, сраженных артиллерией, минометами, огнем российской мотопехоты.

По левую руку от нас, идущих с командиром бригады в окрестностях Кизляра по закрытой теперь автотрассе, – заросшее камышом болото, где

много неподобранных убитых боевиков. За этими жертвами ваххабистской идеологии, прокливаемой в Дагестане и Чечне, никто не приходит...

1999 г.

«ЖИВИ ДОЛГО, СОЛДАТ!»

I.

Белая «Нива», популярная в чеченской среде, всегда вызывающая одобрительные, завистливые улыбки, снижает на повороте скорость, но группа молодых, гладко выбритых чеченцев, разглядев, кто за рулем, провожает нас троих, одетых в камуфляж, угрюмыми взглядами. А один в роскошной белой рубашке и хорошо отглаженных черных брюках даже успевает показать нам два, сложенных крестом, указательных пальца. Ведущий машину Георгий, подполковник милиции, спрашивает меня:

– Что он хотел этим сказать?

– Нам пожелали смерти на одной из дорог, – говорю я.

Умирать нам никак нельзя. В самом разгаре подготовка к освобождению солдата-армейца из Буйнакской бригады, год как плененного боевиками.

Это моя тринадцатая командировка в Чеченскую Республику. Я провожу ее в спецгруппе МВД по розыску сотрудников УВД, военнослужащих и пропавших без вести, незаконно удерживаемых бандформированиями на территории Чеченской Республики. Меняя машины, мы носимся по Чечне на предельной скорости, отгоняя мысли о возможности подрыва на чеченском фугасе, о вероятностях обстрела. Сегодня мы работаем на равнине, а завтра уже в горах. Мы неуловимы. Дерзость – половина успеха. Мы никогда не ходим в колоннах, которые особенно подстерегает смерть.

Вчера, когда на скорости сто десять километров в час, мы мчались через джалкинский лес, впереди нас, двумя минутами раньше, было обстрелено спецподразделение МВД, и, обходя колонну, мы видели, как, сыпанув с БМП, развернутой цепью бойцы врываются в «зеленку», стреляя в ее глубину из автоматов и пулеметов.

У каждого сотрудника милиции, командированного в Чечню, своя задача. Те, с кем мне повезло находиться рядом, на этом этапе личной жизни

воюют словом. В скрытом для посторонних глаз процессе контактов с полевыми чеченскими командирами, когда речь идет о возвращении из плена российских солдат и офицеров, главное – это умение общаться. Чем результативнее боевая деятельность нашей армии и подразделений МВД, тем легче идет работа. Чеченцы – наблюдательный, думающий, строгий в анализе народ. Появление на дорогах Чеченской Республики новой, только с заводов, российской военной техники: танков, БМП-3, САУ – послужило бы дополнительным толчком к мягкости чеченцев на «дипломатических» встречах. Общеизвестна способность боевиков перебегать от одного из враждующих полевых командиров к другому – только потому, что в его отряде появился новехонький БТР.

Сегодня за рулем машины Георгий П. – старший офицер ГУУРа МВД России, профессиональный розыскник. Он прошел Афганистан, где, служа в разведке, навоевался вволю. Потом была Чечня, которую он любит всем сердцем. За пять прошедших лет, хорошо изучив чеченский народ, он проникся к нему уважением. Постоянная веселость Георгия не маска или игра, а подготовленность к разного рода ситуациям, что могут возникнуть. Военная и политическая обстановка в Чечне переменчива, как ветер. Здесь актуальна древнерусская поговорка: «Ведь не море губит корабли, а ветры». Подполковник Георгий П. ведет наш «корабль» уверенно, пошучивает за рулем. Но мы никогда не расслабляемся. По дороге на Ножай-Юрт моя рука ни на секунду не отпускала затвор автомата... Боковые окна, несмотря на жуткий сквозняк, открыты. Все внимание – коварной чеченской «зеленке», развалинам зданий.

«Мы ничем серьезным не заняты, – смеется Георгий. – Так, по дорогам ходим».

На самом деле он и сидящий справа от него подполковник внутренних войск Виктор Ш. – координаторы глобального поиска пленных и пропавших без вести в Чеченской Республике российских военнослужащих. Сотни их были освобождены. Четыреста человек по-прежнему в розыске. Чтобы их

обнаружить, спасти из плена, розыскникам надо сочетать в себе качества дипломата, этнографа, следопыта-охотника, просто достойного офицера. Над теми, в чью команду я ненадолго вошел, звезды сошлись так удачно, что они, Георгий и Виктор, заняты именно своим делом...

Каждый день за окном то «Нивы», то «Жигулей» или УАЗика – вычурно богатые дома Урус-Мартана, настороженные, полупустые улицы других городов и поселков. Как священные индийские животные, величественны хозяйки чеченских дорог – коровы. Кормилицы эти ходят, где хотят, пугают шоферов рогами. В одном из селений они облюбовали полуразрушенный, с целой крышей магазин, в холодке которого прячутся от солнца в самую отчаянную жару.

Всегда прекрасны, как груди кавказских девственниц, горы. Их красота мешает мне следить за дорогой. Ведь горы редко открываются взору. Чаще всего перед глазами джунгли предгорий, а серебро скал, что над ними, постоянно в дымке. Нервная изломанность лесных чеченских вершин напоминает мне электрокардиограмму тяжело больного человека. Чечня больна. Здесь в течение долгого времени в первых лицах были те, кто остановил развитие своего народа, нанес ощутимый вред его нравственности. В Чечне процветало рабовладение. Что может быть позорнее для народа, чьи лидеры объявляли главной целью своей жизни – борьбу за свободу, но нет свободы за счет несвободы других. Авраам Линкольн говорил: «Если рабство не зло, тогда вообще нет зла».

С приходом к власти Дудаева, когда на территории Чечни утратилось влияние российских правоохранительных органов, рабовладение здесь стало прибыльным бизнесом. Чеченцы и их подручные из числа ингушей, дагестанцев похищали людей на территории своих республик, даже в глубине России, заставляя на себя трудиться или держа их, как живой товар, в земляных ямах, подвалах домов или бетонных пеналах. Плененных в ходе боевых действий российских военнослужащих, мучая, убивали, использовали на ремонтных, строительных работах, вымогали за них огромные деньги.

В борьбе с позорным чеченским рабовладением победить могут только те, кто способен постоянно «помнить о тех, кто в оковах, как будто бы и ты с ними закован». Эту фразу американца Джона Брауна, отдавшего жизнь за освобождение рабов, ставшего совестью Америки, я не раз вспоминал в Чечне, удивляясь тому, что в начале двадцать первого века руководителей США, других стран Запада заботит больше не трагическая судьба тех, кто стал рабами чеченских бандитов, а самих преступников. Зарубежные правительственные гуманитарные делегации, отслеживающие соблюдение прав человека в Чечне, первым делом устремляются в Чернокозово, где в изоляторе временного содержания пребывают арестованные рабовладельцы-боевики, а не в госпиталя, где возвращаются к жизни освобожденные из рабства русские, чеченцы, дагестанцы.

Чтобы вернуть им свободу, многим приходится рисковать жизнью. На недавней рекогносцировке местности выстрелом из снайперской винтовки был убит солдат 205-й мотострелковой бригады. Он, как и его однополчане, прикрывал спецгруппу МВД, которая осуществляла поиск замаскированного боевиками «зиндана». В душе подполковника милиции Георгия П. тогда словно все выгорело. Стремительно перемещаясь, применив свои знания, он нашел в «зеленке» лежку чеченского снайпера, но пустую. Убийца сумел уйти.

Накануне вызволения из плена рядового российской армии Вячеслава Василевского все мысли тех, с кем я мчался в машине по стреляющей чеченской земле, были о нем – девятнадцатилетнем парне из Оренбургской области. Когда от пули снайпера-боевика, участвуя в поиске российских пленных, пал солдат 205-й бригады, в голове подполковника Георгия П. со страшной болью пульсировала мысль: «Убит, а мать ничего не знает!». Сегодня у спецгруппы МВД был шанс вернуть другой матери сына живым.

Когда-нибудь на российской земле, где – не знаю, появится памятник матерям, искавшим в Чечне пропавших без вести сыновей. И сегодня их, рискующих жизнью, можно встретить на чеченских дорогах – истомившихся

от тоски, во всех подробностях знающих ужасы ичкерийского плена. Ведь российские матери в поисках своих детей приходили к полевым командирам, и находились отморозки, вроде Руслана Хархароева, которые с садистским бахвальством рассказывали им, как они убивали их сыновей.

II.

В своей поисковой работе спецгруппа МВД по поиску и освобождению российских военнопленных опирается на временные отделы внутренних дел, сформированные из сотрудников милиции, командированных в Чечню. Наш путь сегодня в станицу Наурскую, где несут службу милиционеры Ростовского УВД. Правильным решением МВД было, что в ряде районных центров Чеченской Республики служат, меняя друг друга, земляки. Высока степень их ответственности друг перед другом.

С ноября 1999 года ростовская милиция следит за порядком в Наурском районе, помогает формированию чеченских органов внутренних дел.

Служба криминальной милиции из командированных ростовчан совместно с Наурской прокуратурой провели всю предварительную работу по вариантам освобождения рядового Вячеслава Василевского. Осталось сделать решительный шаг. Для ростовских милиционеров дело такого рода – первое в их практике. Для подполковника Георгия П. – не счесть какое, поэтому именно он контролировал весь процесс, участвовал в ряде встреч с полевым командиром, который, оставаясь на свободе, решился на выдачу пленного, рассчитывая на смягчение своей участи.

В Наурском временном отделе милиции нас с нетерпением ждали, но документы на входе в здание проверили с особой тщательностью, что понравилось.

Понятно было и волнение начальника временного райотдела подполковника милиции Сергея Дробяско. Его людям вместе с нами предстояло проехать половину Чечни. Обстановка на трассах была хорошо известна, поэтому в медицинскую «таблетку» («УАЗ») мы сели с группой огневой под-

держки. На заднем сидении с пулеметом ПК в руках устроился сержант милиции из Волгодонска Хаджи-Мурад Мусавузов. На переднем, рядом с водителем, старшим сержантом Эдуардом Кнышевым, – майор милиции Владимир Кузменко из г. Большая Мартыновка Ростовской области. В машине также следователь Наурской прокуратуры Олег Жимаев. Это умница и богатырь из Новочеркасса, в прошлом десантник, воевал в Афганистане.

Во вместительной «таблетке» ветеранов Афганистана трое: рядом с подполковником Георгием П. капитан из ростовского уголовного розыска Андрей Липин, в ту пору офицер-десантник. Так что мы – серьезная сила. С нами еще мастер рукопашного боя старший сержант милиции Андрей Жолнерович и начальник службы криминальной милиции Наурского временного отдела подполковник Валерий Боженко. Он из г. Миллерово Ростовской области. Вооруженный автоматом Валерий Сергеевич сидит у двери, контролируя свой сектор движения.

Снова за окнами «электрокардиограмма» далекого Терского хребта. На шоссе, не обращая внимания на проносившийся рядом транспорт, терзает гадюку ворона. Наше продвижение к цели сдерживают часто расставленные блок-посты. Но это стратегическая необходимость. Вот в воздухе появляются две ходящие по кругу вертушки. И подполковник Георгий П., обращаясь к водителю, предупреждает, чтобы тот был осторожен: «Впереди колонна».

И точно... Из пыльной мглы появляется, растет в глазах, нависает над нами боевая техника: бэтээры, «Уралы» с живой силой.

Чеченские дети больше не вскидывают, как в ту войну, кулачки и не кричат российским солдатам «Аллах Акбар». В их красивых, больших глазенках нет детства усталость. Я не видел в их руках игрушек. Разве что катит пацан колесико на проволоке и рад. Или возят друг друга в тележке... Тот, что тянет, бибикает, как легковушка, а кого катают, просто нем от восторга.

Вокруг Грозного фонтанируют черные клубы дыма. Некоторые из нефтяных скважин горят еще с той войны, на которой мы с подполковником Георгием П. потеряли много друзей. В августе 1996 года он несколько суток

дрался в окружении в районе «Минутки». И вывел своих людей с минимальными потерями. Его тоска по погибшим неизбывна. Поэтому он до сих пор на войне, чтобы возвращать солдатским матерям сыновей.

Две недели назад, когда с Виктором Ш. он прочесывал Чеченскую Республику с востока на запад в районе Ханкалы, белая молния, выпущенная из РПГ-7 граната, пролетела за их машиной. Спасла скорость передвижения. В прошлом мастер спорта международного класса по велоспорту Георгий П. так же лихо водит свою спасительницу «Ниву». Конечно, приходится пользоваться и вертолетом. Но такие полеты Георгию не по душе. Куда привычнее самому отвечать за себя и нести ответственность за других. Сейчас наша белая «Нива» припаркована в Наурской, а у Георгия П. есть время чуть-чуть отдохнуть. Я заметил: в полусне он находился не больше десяти минут. Потом взгляд его карих глаз снова стал тверд, язык остер.

III.

Вот мы и встретились. Чеченские белые «Жигули», где два боевика, за рулем полевой командир, и наша медицинская «таблетка». Мокди был точен и как всегда угрюмовато вежлив. В каждом своем жесте повелитель, этот с хитрыми, как бы живущими отдельно глазами полевой командир оказался скуп на слова, но то, что обещал, выполнил: приехал на встречу. Славы Василевского в его машине не оказалось. К Мокди, налитому силой шестидесятилетнему чеченцу, первым подошел Георгий П. Их разговор в сторонке был величественно спокоен.

– Едем. Недалеко здесь, – сказал Мокди и широким жестом пригласил любого из нас в «Жигули». Боевик, бывший с ним, сел в нашу «таблетку». С Мокди поехали ростовчане майор Владимир Кузменко и капитан Андрей Липин.

Напряжение нарастало. Боевик, что остался с нами, сидел спокойно, разглядывая носки своих запыленных туфель. Вокруг нас, оцепеневших в ожидании, кипела внешне мирная жизнь находящегося под контролем рос-

сийских войск населенного пункта. Бойко протекали торговые операции на базарчике. Мимо нас промчалась запыленная боевая разведывательная машина пехоты.

«Жигуль» чеченского полевого командира вылетел из-за ближних домов, как камень, выпущенный из пращи. Лихо, чтобы было понятно, что за рулем джигит, развернулся. На этот раз Мокди улыбался. Рядом с ним, словно окаменелый, сидел нелепо подстриженный паренек. Все уже вышли из машины, а он все сидел, явно не понимая, что происходит. Потом Мокди как бы лениво, призывно махнул рукой, и до сих пор не осознавший, что он уже не в его власти, Василевский Славик, 19 лет, уроженец села Озерки Оренбургской области, рядовой Буйнакской мотострелковой бригады, вышел из чеченской машины на волю.

Подполковник милиции, ответственный сотрудник группы розыска МВД России Георгий П. задал ему несколько необходимых в таких случаях вопросов: точно ли он Василевский Вячеслав Александрович, откуда он и кто его родители, номер воинской части?..

Юноша, одиннадцать месяцев просидевший в земляной яме, где он не мог встать в полный рост, был радостно принят своими освободителями. Подполковник Георгий П. и следователь Наурской прокуратуры Олег Жимаилов еще долго беседовали с Мокди. Потом тот с привычной невозмутимостью на лице уехал.

Бледный, будто высеченный из мрамора, освобожденный из плена солдат привычно – с руками за спиной, как арестованный с большим стажем, обреченно, не зная, что с ним произойдет через минуту, стоял возле нашей машины.

– Поздравляю тебя с освобождением, – сказал я и пожал руку Славе. Он был безучастен, как заколдованный.

– Седлаем, – сказал Георгий П. Мы двинулись в обратный путь.

Парню дали попить воды, предложили поесть. Он отказался, но не от сигареты.

IV.

Глаза всех, кто участвовал в спасении Вячеслава, светились радостью. Теперь рядом с водителем с автоматом в руках ехал бывший офицер-десантник, капитан милиции Андрей Липин. А майор Владимир Кузменко рассказывал мне, что когда на «Жигулях» Мокди они въехали во двор огромного дома и ворота за ними почему-то закрылись, надежда осталась только на гранаты. Минуту, другую за машиной наблюдали десятки глаз. Потом к ней вышел человек без оружия, предложил отобедать. Офицеры вежливо отказались. Вывели Василевского. И вот он с нами.

Из рассказа Вячеслава Василевского:

«Я родился 22 января 1981 года. Мой отец Василевский Александр Алексеевич – сторож на ферме в совхозе. Мать Надежда Федоровна – свиноводка на той же ферме в селе Озерки. После окончания девяти классов я тоже работал на свиноферме разнорабочим. Перед призывом в армию я окончил школу ДОСААФ и получил водительские права. 14 июня 1999 года был призван на службу в армию. Зачислен в роту инженерных заграждений в/ч № 82259. Наша часть располагалась на окраине населенного пункта Тералакх, метрах в 500 от последних домов. Рота занималась строительством скрытого, на случай нападения на часть, перехода от казарм к танковым боксам. Зона строительства тоннеля не была ограждена. Как-то я захотел в туалет и, предупредив сержанта, отошел в кусты. Кто-то ударил меня по голове. Я потерял сознание. Очнулся в какой-то землянке, окон не было. Сверху был люк-решетка с замком, накрытый куском резины.

Источником света были только щели в люке. Помещение размером 2х2 было небольшой высоты: при росте 180 см я мог стоять, только пригнув голову. Имелся топчан из досок, на нем матрац и одеяло черного цвета.

Когда я очнулся, то лежал на полу совершенно голый. Был сорван даже нательный крестик. Сильно болела голова, но крови не было. Я не кричал. Сидел молча. В подвале стояло ведро, чтобы в него опрavlяться. Часа через

полтора открылся люк, и я увидел двух бородатых мужчин кавказской национальности. Эти двое дали мне синее трико, футболку зеленого цвета, поношенные туфли, спросили меня, кто я, какой части, где работают мои родители. Записали все это на бумаге. Кормили чаще всего один раз в день. Давали куски обыкновенного хлеба или лепешки. Воду давали в бутылке. Со мной не общались, несколько раз говорили, что скоро возьмут Москву.

Сколько сидел в подвале, сказать не могу, так как я потерял счет времени. Ведро, в которое я оправлялся, забирали раз в два-три дня. Кормил меня один и тот же мужчина, кого я видел в первый день заточения. Иногда в подвал заглядывали боевики в камуфляжной форме, в разгрузках, с автоматами и ножами, чтобы посмотреть на меня. Какое-то время спустя я стал слышать звуки разрывов. Пол подвала при взрывах дрожал. Звуки эти стали нарастать, приближаться, и, видимо, поэтому меня в одну из ночей за руки вытащили из подвала двое мужчин. Вывезли из села, глаза завязывали.

Село было не очень большое. Минут через пять мы выехали из него. Свет в домах не горел. В дороге со мной не разговаривали.

Возле водителя пятиместного «УАЗа» была закреплена рация. Пассажир на переднем сидении один раз с кем-то связывался. Говорил почеченски.

Так я оказался в горах. К нам подошли несколько бородатых вооруженных людей. Меня отвели в блиндаж с люком на крыше, заставили туда залезть. Я был совершенно один. Люк в виде металлической решетки приваливали чем-то тяжелым. Стоять в блиндаже я мог только согнувшись. На полу лежала охапка сухой травы. В туалет я там же ходил в ведро, которое руками поднимал вверх. Около 20 раз меня выводили наружу, приказывали мыть посуду. Это было в ущелье. Выше были только скалистые горы. Вокруг моего подвала я видел много землянок, куда заходили и выходили вооруженные автоматами, одетые в камуфляж боевики. У некоторых были маленькие радиостанции. Я мыл в ведре с горячей водой котелки и ложки. Вымывал до 60 котелков за раз. Ничего другого меня не заставляли делать. Не-

сколько раз я видел сидящих в кругу вооруженных мужчин общей численностью до 100 человек. Мне снова несколько раз говорили, что они, боевики, скоро возьмут Москву. Новую одежду мне не давали. Я продолжал ходить в трико, футболке и ботинках – и это в нестерпимый холод. Я многократно простывал, покрывался фурункулами. Никто меня не лечил. До сих пор болит настывшая спина. Изредка я слышал звуки далеких разрывов, одиноких выстрелов. Почти каждый день я слышал пролетающий в небе самолет-разведчик. Я определял его по протяжному гулу моторов. За два дня до освобождения ночью меня вытащили из подвала и под охраной нескольких человек отвели вниз. Спустившись с гор, мы вышли к грунтовой дороге, где меня посадили на заднее сиденье машины. Мне сказали, что я еду домой. Больше никто ничего не говорил. Мы подъехали к какому-то дому. Там мне дали возможность помыться в душе. Я сбрил длинную бороду, меня как могли подстригли.

Сегодня я освобожден. Я не знаю, какой сегодня год, месяц, число...»

Рядовой российской армии Слава Василевский не ведал, что штурмом взят Грозный, что в России другой Президент.

Вячеслав не рассчитывал, что когда-нибудь освободится из плена.

Через три недели, день в день, с подполковником Георгием П., следователем Наурской прокуратуры Олегом Жимайловым мы ехали по тому же маршруту, минуя разрушенный Грозный. За рулем медицинской «таблетки» и в салоне снова были ростовские милиционеры, сменившие тех, кто участвовал в спасении Славика Василевского. Теперь с «того света» нам предстояло вернуть военнослужащего в/ч № 32258 Дмитрия Ширяева. Переговоры с полевым командиром Мокди, начатые завершившими командировку сотрудниками УВД Ростовской области, довели до конечного результата их коллеги и бессменные на своем посту прокурор Наурского района Руслан Саламов, следователь Олег Жимайлов и подполковник милиции Георгий П.

Рядовой Дмитрий Ширяев, как и Слава Василевский, был похищен в Дагестане. В Кунгур Пармской области к его родителям из Чечни пошли письма, написанные женской рукой, что если за Дмитрия не выложат сто тысяч долларов, то ему отрежут голову.

Прошел год, прежде чем отыскался след Дмитрия. Все это время подполковник Георгий П. разыскивал этого несчастного.

Дмитрия содержали в бетонном пенале двухметровой высоты, ширина которого была меньше метра. Кормили баландой из растительных пшеничных отходов. С ним никто не разговаривал. Выводили в туалет с завязанными глазами, когда солнце еще не взошло. Он забыл лицо матери, отца, братьев. Но сны, которые видел в темнице, были разные по сюжету, и об одном и том же: об его освобождении, о том, как мать, рыдая, встречает его на пороге родного дома.

Когда мы вернулись в Наурское и в здании временного отдела милиции Дмитрия посадили к столу, я достал из нагрудного кармана иконку Божией Матери, которую мне подарил подполковник Валерий Боженко. Мы возвращались, вывозя Славика Василевского, и Боженко, добрый, внимательный к людям, на память об этом счастливом для всех нас дне – ведь матери сына вернули – вручил мне и другим сотрудникам иконки. Мне повезло получить две. Одну оставил себе, а другую, с благословением Святейшего Патриарха Алексия II, я отдал освобожденному из плена Дмитрию:

– Помни о ростовской милиции, которая тебя спасла.

В начале этой командировки на прокаленной солнцем чеченской земле я подобрал пулю. Ее я тоже отдал Дмитрию со словами:

– Вот пуля, которая нас всех миновала. Теперь живи долго, солдат.

2000 г.

ДАЖЕ ВОЗДУХ ЗДЕСЬ ПАХНЕТ БЕДОЙ

I.

В моздокском военном госпитале реанимация – это святая святых. Здесь днем и ночью помогают Богу врачи и медсестры. Только для людей без сердца этот госпиталь глубокий тыл. Нет, здесь – передовая. И в Чечне для раненого шаг навстречу смерти еще не последний. Через кровь и мучения из реанимации дорога или обратно в жизнь, или в «Черном тюльпане». Собровцу капитану милиции Олегу Уфимцеву повезло, что срок его пребывания в Чечне совпал с командировкой в Моздок офицеров кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга.

Когда тяжело раненого капитана первый раз оперировали в Грозном, его душа, не вынеся мук, покинула тело, воспарила над операционным столом и стала искать выхода из пропахшей кровью палатки. Олег тогда увидел вблизи себя мать, сына и жену красавицу. Всегда ласковая, на этот раз она была строга, требовательна. «Ты же обещал!», – говорила. Капитан и правда обещал ей вернуться из Чечни живым и, мучающийся от боли, снова ощутил себя под руками хирургов.

В меру возможностей они сделали свою работу: поколдовали над раненым желудком, кишечником, печенью. Рентгена в их распоряжении не оказалось. Ранение поджелудочной железы замечено не было, и в Моздок собровец Олег Уфимцев прибыл уже умирающим.

Реанимация в моздокском госпитале – это несколько крохотных палат с устаревшим оборудованием, отсталость которого компенсируется мастерством командированных на Северный Кавказ военных хирургов.

Когда на вертолетную площадку возле госпиталя садится МИ-26, хирургов Санкт-Петербурга всегда охватывала тревога. Прилет белой эмчээсовской «Касатки» с ранеными из Чечни означал, что снова поступят люди, неадекватно прооперированные гражданскими хирургами полевого госпиталя

«Защита». Им, мало знакомым с боевыми травмами, нелегко приходилось в Чечне.

И офицеры Санкт-Петербургской военной академии в основном исправляли их ошибки, т.е. занимались самым тяжелым в медицине делом – переоперировали.

Рентген в моздокском госпитале Министерства обороны открыл все тайны ранения Олега Уфимцева. Повторная операция длилась много часов. В критический момент оператор – подполковник медицинской службы Александр Найденов, ассистенты: полковник Анас Фахрутдинов, майор Эдуард Синявский, капитан Геннадий Ивановский – посоветовавшись, решили применить приточно-отливное дренирование сальниковой сумки – «ноу-хау» своей кафедры.

Эту операцию капитан СОБРа перенес безболезненно – в забытьи, которое умело организовал анестезиолог Ивановский. Армия на этот раз крепко поддержала милицию.

II.

...Из пунктов «А» и «Б» навстречу друг другу вышли два поезда, чтобы встретиться в одной точке, – решали мы в детстве математические задачи, не зная, что так и с людскими судьбами. До того спасительного для Олега дня, когда его исковерканное пулями тело попало в починку петербургским хирургам, была другая, решенная им задача, где также, но из пунктов «К» и «Г» навстречу друг другу выдвинулись боевики и собровцы Мобильного отряда МВД РФ.

Милицейскому спецназу предстояла рекогносцировка одного из близких к Грозному поселков. Бронетехники на поддержку не было. Разведгруппа из трех офицеров (в том числе Уфимцев) воспользовалась машиной прикрытия «Волгой». Огневые группы сели на «Уралы».

Поселок характеризовался, как подконтрольный матерому бандиту Арби Бараеву. Надлежало зачистить этот населенный пункт, провести поиск

боевиков и оружия. Но сначала собровцам: майору Петру Кузьмину, капитану Олегу Уфимцеву и лейтенанту Юрию Анциферову пришлось изрядно в открытую поколесить по поселку. Это у боевиков в машинах маскирующие лица и оружие тонированные стекла. Приказ о запрете их использования на территории Чечни до сих пор не отдан.

Предложение О.Уфимцева о немедленном закрытии выносными, по боевому расчету, постами дорог, ведущих в поселок, – не нашло поддержки у руководителя операции. Дескать, у вас своя задача, ее бы выполнили.

Отработав поселок, на выходе из него собровцы заметили белые «Жигули» седьмой модели, за которыми пылил «КамАЗ». Олег предложил задержать и досмотреть подозрительные машины. Но у руководства был свой, строго выверенный план операции. В результате «КамАЗ» благополучно скрылся в поселке, а «ноль седьмая» остановилась возле другого, тоже белого, но с тонированными стеклами «Жигуленка» девяносто девятой модели. Из «ноль седьмой» выскочил чеченец и рукой показал в сторону милицейской «Волги»... Олег снял автомат с предохранителя, передернул затвор. Засуетившись, чеченцы попытались скрыться. Но «Волга», прибавив скорость, перегородила им дорогу, открывшись левым боком. Капитан Уфимцев, сидевший за водителем, выскочил из салона первым. Между чеченским «Жигуленком» и милицейской «Волгой» было не больше трех метров. Сначала Олег увидел, как на лобовом тонированном стекле «девяносто девятой» «Жигулей» появились два растрескивающиеся на глазах отверстия, потом нижнюю, безобразно вывороченную, заячью губу сидящего на заднем сидении боевика, и только потом ощутил два удара в живот.

Осталась в памяти мысль, что стреляет профессионал: «кучно и двойками» (очередями по два патрона). Сидящий на заднем сидении боевик стрелял через переднее стекло своей машины.

«Попадание», – осознал Олег, крикнул Анциферову: «Гони», – и резко упал. Не потому, что две пули изранили и горлом хлынула кровь. Отлично

тренированный по системе русского рукопашного стиля А. Кадочникова, он, используя спецприем, умел за доли секунды уйти с линии огня противника. Еще падая, Олег открыл огонь одиночными, а коснувшись земли-спасительницы, он продолжил стрельбу, высоко подняв руку с автоматом над головой, расстреливая вражескую машину веером.

Боевики, стреляя по соборовской «Волге» из трех стволов: с заднего и переднего сидений через стекла и двери, – ранили Юрия Анциферова, но он, получив приказ Уфимцева, вырвался на «Волге» из-под обстрела. Майор Петр Кузьмин, получив несколько ранений (одно из них в голову), сумел покинуть машину, огрызнулся огнем, и не потерял жизнь потому, что капитан Уфимцев отвлек все внимание на себя.

Ичкерийцы были ошеломлены его меткими ответными попаданиями. Все перераненные, они прекратили стрельбу. Притворившись убитым, затих и Олег. Он понимал, что, возможно, смертельно ранен. Но держался, не терял сознания. Тренированное подсознание воина было нацелено только на победу в этой смертельной схватке.

Боевики Арби Бараева, не раз безнаказанно расстреливавшие милицейские машины, были абсолютно уверены в результате огневого нападения. Но в этот раз они столкнулись с особо подготовленным спецназовцем.

Сначала Олег увидел, как открылась правая пассажирская дверца машины, потом медленно, нащупывая землю, появились приклад автомата и крупные, обутое в берцы ступни ног. Опираясь на автомат, из «Жигулей» расслабленно вяло, как тяжело раненный, вылез, поднялся во весь высокий рост упакованный в набитую боеприпасами разгрузку ичкериец и удивленно, просто впиваясь глазами, словно желая запомнить, посмотрел на лежащего ничком Олега. Медлить было нельзя, и капитан Уфимцев снова открыл огонь, целясь в ноги боевика, а когда тот упал головой к багажнику, Олег добил его. И, отползая от машины, попал под автоматные очереди с двух отдаленных точек. Он не видел противника, уходя от пуль «нижней акробатикой». Пули, разбиваясь о каменистую почву где-то рядом, мелкими

осколками резали руки, лицо. А тридцативосьмилетний ученик великого наставника армейских спецназовцев Алексея Кадочникова, ведя ответный огонь, уходил от огневого поражения.

Стихла стрельба. В наступившей тишине Олег у левого плеча нащупал рацию, попытался доложить о случившемся. Но кровь сгустками снова хлынула изо рта. Переждав, он снова вышел на связь. Его услышали. Все мысли Олега теперь были об Юре Анциферове и Петре Кузьмине.

Капитан Уфимцев, высокий, светлоглазый, поднялся, увидел далеко за спиной «Урал» и идущих от него собровцев. «Ко мне! – кричал он. – Бегом!» Но из уст рвался только шепот с пульсирующей на каждом слове кровью.

Вот собровцы уже рядом. Олег отдал команду по дальнейшим действиям, и только потом ощутил огненные накаты боли... Одна из бандитских пуль разлетелась при ударе о пистолет и ее осколки, как и другая пуля калибра 7,62, вошли в живот. Крови почти не было.

Олег видел, как перевязывали ранненого в голову, сильно окровавленного Петра Кузьмина.

Не увидев «Волгу» с Ю.Анциферовым за рулем, Олег с огромным облегчением осознал, что тот вырвался из-под огня. Решение по таким действиям было давним, с начала командировки: «Задача твоя – вывести машину из зоны обстрела», – внушал подчиненному, в прошлом сотруднику ГАИ, Олег. И лейтенант Анциферов с задачей не только справился, но, отогнав машину в безопасное место, раненный в легкое, вернулся и вступил в бой.

Олег сам ввел себе промедол. С пулями в животе залез в кузов «Урала» и стал ждать эвакуацию. Понимая, что умирает, потребовал начать движение. Уже в дороге, осознав, что до Ханкалы не доедет, приказал ехать в госпиталь МЧС, что размещался в Старопромысловском районе Грозного.

III.

Помощникам Бога – военным хирургам в Моздоке почти никогда не известно, при каких обстоятельствах ранен поступивший к ним человек. Свидетели страшной изнанки войны, они получают под свою ответственность просто чьих-то сыновей, мужей, отцов. И начинают бой за продление их жизни, возвращение в строй.

Немые свидетели людских страданий – белые стены реанимации моздокского госпиталя уже третьи сутки давили на глаза капитана Уфимцева, не хватало воздуха, словно он болен кессонной болезнью, а не ранен. Стены то кружились в хороводе, то замирали, и в эти минуты особенно был слышен раздражающий, не дающий покоя гул приборов, поддерживающих жизнь в неподвижно лежащих рядом с капитаном бойцов и офицеров – участников антитеррористической операции в Чечне.

Олег смотрел на бойко снующих по реанимационным палатам врачей, медсестер и удивлялся их стойкости, выдержке. За этот срок, по извечному любопытству разведчика-спецназовца, он уже многое узнал об этих высококвалифицированных «работягах» войны. И если элитарность хирургов бедновато, но подчеркивалась наличием отдельной для их проживания комнатки с четырьмя кроватями, то элитность медицинских сестер Санкт-Петербургской военной академии не обозначалась никак: в безумную моздокскую жару северяночки жили в палатках. Их повседневностью были пытки чужой болью, которую они считали своей и с которой боролись.

«Ранен?» – вспоминал Олег известный каждому риторический вопрос из фильма «Чапаев». «Ну и дурак!» – сказал тогда Василий Иванович, ругая командира с перевязанной рукой. И сегодня боевые ранения, Олег хорошо знал, – это нередко чья-то недоработка, недогляд, верхоглядство. Не было в боевых порядках собровцев в эту кампанию своей бронетехники, столь необходимых спецназовцам пулеметов «Утес», сигнальных ракет, достойных средств связи, удобных бронежилетов – всего того, что делает СОБР автономным, результативным в борьбе с террористами.

А боевые раны – не только шрамы на теле. Олегу была известна горькая правда ученых, что ранение остается в генопамяти последующих поколений, в нарушениях иммунной системы детей, правнуков.

Говорят, войсковым нехваткам виной экономика, недостатки которой на войне компенсируются героизмом её участников. Еще до ранения Олег много думал об этом.

Когда он горел в послеоперационном жару, на заседании Совета Безопасности в Москве в этот час Президент России Владимир Путин жестко решал вопрос, что сверхэксплуатация личного мужества военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел не может быть нескончаемой. Героизм защитников России, по его мнению, обязан подкрепляться самыми современными достижениями военной техники, наличием того, что обеспечит их личную безопасность. «Бесконечно эксплуатировать человеческий фактор невозможно», – говорил Президент, попадая в точку, как офицер, зная, из чего складываются тень и свет на войне.

Раненому капитану не давали покоя мысли о чеченцах, которым хотелось убить его, Юру Анциферова, Петра Кузьмина. Он много знал о банде Арби Бараева, о подземных тюрьмах, в которых боевики держали взятых в плен офицеров, похищенных крестьян-дагестанцев, чеченцев, за освобождение которых, попирая законы Ислама, требовали огромные деньги. Олег видел в Урус-Мартане клетку, в которой была найдена записка неизвестного узника: «Это последнее воспоминание обо мне в этой жизни». Когда капитан Уфимцев думал об этом замученном человеке, боль, что ответным автоматным огнем он погубил три озлобленные, преступные, но... души, отпускала.

Он знал, чеченцы, кто стоял за Россию, воевал за нее, не раз обращались к российской общественности: «Уголовники, захватившие оружие, обратившие его против российских солдат и милиционеров, кто стал ваххабитами, проданся за доллары международным террористическим центрам – это не чеченцы, а ичкерийцы. Так и называйте их в своих статьях, радио и телепередачах», – просили журналистов израненные в боях за Россию

природные чеченские интеллигенты – ненавистники Дудаева, Басаева, Удугова, «перегревших» Чечню ложными перспективами, преступными обещаниями.

Именно против ичкерийцев России пришлось применять силу: ведь нет ужаснее зла, чем взявшие автоматы уголовники-беспредельщики, которые стали первоосновой ичкерийских вооруженных сил. С преступниками всех мастей, обученными, как спецназ, пришлось воевать российским собровцам.

Для капитана милиции Олега Уфимцева летняя двухтысячного года командировка в Чечню была четвертой. Первая из них, весной 1995 года, была особенно памятной: именно тогда он разобрался в хитросплетениях ичкерийской политики, корыстных интересах мировой закулисы в Чечне, в полной мере оценил уровень подготовки ичкерийского спецназа. После огневых столкновений с ним Олег к каждой боевой операции относился с максимальной серьезностью. В ту первую командировку еще лейтенант, бывший сержант армейского спецназа, он стал правой рукой командира СОБРа подполковника Евгения Родькина, который через год, 6 марта 1996-го, погиб в Грозном, посмертно став Героем России.

Олег был счастлив служить и воевать под его началом. Он любил Родькина, всем сердцем принимая его науку приказа, бережно храня в памяти командирскую выдержку, вдумчивую строгость, ответственность в словах и поступках.

Во второй командировке Олег был ранен в плечо. Снайпер, используя ночную оптику, целился в сердце, но Олег, как почувствовал, сменил положение. Раненый, он из пулемета Калашникова открыл ответный огонь, чем сорвал ночное нападение боевиков на блок-пост.

Именно армейский спецназ, где культивировался русский рукопашный стиль Алексея Кадочникова, который систематизировал достижения воинов древней Руси, казачества, разведчиков России всех времен, подготовил Олега

к войне, определил смысл дальнейшей жизни, настроенность только на победу.

Многочисленные победы Олега Уфимцева: над собой, в спорте, потом над врагами Отечества – складывались из его умения, взвесив свои возможности, реально оценить противника и, обладая твердыми знаниями спецназовца, поступить нестандартно, с фантазией, без авантюризма. Он постоянно работал над собой, не расставался со специальной литературой, вел дневники, подвергая себя безжалостному анализу.

В четвертую свою командировку он убыл исполняющим обязанности заместителя командира СОБРа, под его началом было двадцать три земляка-офицера, которых, как когда-то Герой России подполковник милиции Евгений Родькин, он мечтал вернуть домой живыми, здоровыми и, конечно, не в ущерб боевым задачам.

Из наградного листа капитана милиции, и.о. заместителя командира СОБР Олега Уфимцева:

«...За время нахождения в Грозном под его непосредственным руководством подразделением было проведено более 30 специальных операций, которые проходили без потерь среди личного состава, с большой результативностью. Осуществляя руководство, капитан О.В.Уфимцев всегда находился в боевых порядках подразделения. При проведении «зачистки» в Старопромысловском районе Грозного им лично была обнаружена профессионально оборудованная радиостанция, с помощью которой участники бандформирований передавали разведывательную информацию. Также во время проведения одного из обысков им была обнаружена секретная карта, захваченная боевиками у убитого офицера Российской армии.

Руководимое им подразделение участвовало в проведении спецмероприятий в Заводском, Ленинском и Старопромысловском районах Грозного, в населенных пунктах Алды, Алхан-Кала, Ермоловское, Черноречье, Старая Сунжа...

Во время нападения боевиков на расположение Мобильного отряда МВД РФ 20.06.2000 г. Уфимцев О.В. руководил обороной здания и лично метким выстрелом из гранатомета уничтожил огневую точку противника.

В результате проведения спецмероприятий им были установлены лица, которые в 1995–1996 гг. принимали активное участие в боевых действиях против Российской армии. Кроме того, были установлены лица, принимавшие непосредственное участие в проведении терактов против российских военных в городе Грозный, а также участвовавших в расстреле машины с врачами из МЧС.

...В ходе оперативных мероприятий было определено, что три уничтоженных О.Уфимцевым 27.06.2000 г. боевика принадлежали ближайшему окружению полевого командира, похитителя людей Арби Бараева, один из которых считался лучшим инструктором-взрывником, участником проведения многочисленных террористических актов...»

IV.

Первого июля в Моздоке я стоял перед подполковником медицинской службы Александром Найденовым... Именно он вместе с коллегами, совершив чудо, вернул к жизни моего боевого друга. Я с восхищением и надеждой смотрел на этого наследника Пирогова, не зная, как выразить ему свою благодарность.

...Военный хирург-петербуржец Найденов с тревогой, которую я вдруг отчетливо увидел в его синих глазах, сказал, что капитан Уфимцев стабилен, но нужны лекарства мирового уровня, очень дорогие.

– Наш запас исчерпан, – трагически просто закончил он фразу.

Деньги лихорадочно искать не пришлось. Перед моим отъездом в Моздок необходимую сумму в помощь Олегу выделила Межрегиональная ассоциация социальной защиты ветеранов и сотрудников спецподразделений правоохранительных органов и спецслужб «Русь», возглавляемая полковником Л.К. Петровым и Героем России А.Н. Никишиным. Телеграфом вы-

слал деньги друг Олега Вячеслав Истомина. Провожая меня на Казанском вокзале, эксперт-криминалист подполковник милиции Юрий Масленников достал из кошелька тысячу рублей.

В Москве шли проливные дожди, «борты» не летали, и я выехал в сторону Моздока поездом.

Подполковник Александр Найденов и полковник Анас Фахрутдинов – руководитель группы офицеров кафедры военно-полевой хирургии Военно-медицинской академии, командированных в Моздок, продиктовали мне, что на этот день из лекарств необходимо для выздоровления капитана-собровца.

И подполковник милиции Юрий Плотников, задержав свой отъезд в Грозный на три часа, крутанул меня на служебной машине по городку, давно ставшему главной базой группировки войск, проводящей антитеррористическую операцию в Чечне.

Моздокские аптеки нам показал чеченец Алхазур. Без проводника бы тяжело пришлось.

– Вот они, парадоксы этой войны: один чеченец офицера ранил, другой участвует в его спасении, – с болью сказал подполковник Плотников.

– Ранил ичкериец, – сказал я. – Чеченец спасает.

Из четырех командировок Олега Уфимцева на войну мы встречались в Чечне три раза. Не просто за столом сидели. Я видел его, как и Героя России подполковника милиции Евгения Родькина, в деле.

Строгие к врагу, добрые к его детям, они поражали меня душевным сходством.

Разыскивая снайпершу, на совести которой десятки загубленных солдатских жизней, Олег мог отдать «сухпай» голодной, брошенной дочке этой женщины.

Из пяти лекарств выкупив три, мы с Юрием попрощались. Ему надо было спешить в Чечню.

Лекарство «Контрикал», а чтобы быть точным, его последнюю в Моздоке упаковку, для Олега отдал начальник медицинского отряда специального назначения полковник Евгений Алексеевич Сорокин.

А вот «Тиенама», сильнейшего антибиотика, в Моздоке не оказалось. В удушливую жару я шел от госпиталя один-одинешенек. И мучительно искал выхода из положения, ругая себя, что, потеряв голову от горя, не пошел разумным путем: не прозвонил в госпиталь из Москвы, не узнал, какие везти лекарства. И спорил с собой, что не было на это времени. Много сил ушло на быстрый отъезд. И кто бы в военном госпитале стал звать хирургов, бесконечно занятых в реанимации, к телефону с верхнего этажа на первый!.. Просто была уверенность, что с лекарствами в госпитале, пять лет воюющем, все нормально. Только здесь я понял: можно прооперировать военнослужащего на «отлично», но дальнейшее медикаментозное лечение могло быть на три балла, на четыре и опять же на пять. Были в медотряде лекарства, но не такие по качеству, столь необходимому капитану СОБРа, чтобы выжить.

Тяжело одному на безлюдной дороге. В тот момент я особенно понял, почему для Православной Церкви уныние – тяжкий смертный грех... Да потому, что уныние может обречь человека на бездействие, на сдачу... Труд военных хирургов мизерно, как и в советской России, оплачивается. Есть повод для уныния? Еще какой! Экономистам до сих пор нет дела до моральных затрат тех, кто отдает все силы ума, нервную энергию у операционных столов, ведя войну, за которые «боевые» деньги – и это государственная ошибка – не предусмотрены. Но никто из питерских врачей и медсестер – я это видел – не впадал в отчаяние, сражаясь за жизнь российских солдат и офицеров, не снижая мастерства. А наоборот, выкладываясь так, что сил хватало лишь дойти до кровати, чтобы провалиться в спасительный, отметающий все настроения сон.

Высоко в небе прошла «вертушка» – спасительница многих. И тут оседало. К кому за помощью в первую очередь имеет право обратиться обозреватель журнала «Милиция»? Конечно, к милиции!

Из-за поворота, как на диво, выскользнул милицейский «Уазик». Через пятнадцать минут я уже представлялся заместителю начальника Моздокского райотдела полковнику Петру Ильичу Царакову. Он, доброжелательно выслушав, снял телефонную трубку. Скоро нам стало известно, что «Тиенам» есть только в Нальчике, и для меня в аптеке на улице Коммунаров, 15, оставлены три флакона.

– Машина есть? – спросил полковник Цараков.

– Нет, – горько выдохнул я.

И в этом случае Петр Ильич оказался милиционером высокой пробы. С его водителем, сержантом Тамиком Бураевым, мы обернулись в Нальчик и обратно за 2 часа 25 минут. И, пылая от счастья, я вручил лекарство ведущему хирургу Анасу Фахрутдинову.

У капитана СОБРа Олега Уфимцева в реанимации в это время был заместитель начальника ГУБОП МВД РФ генерал-майор Михаил Гречишкин. Он наказал мне держать контакт с начальником штаба сводного отряда СОБР полковником Ю.В.Самодуровым – все вопросы по спасению капитана через него. На следующий день собровцы Кабардино-Балкарии привезли еще пять флаконов «Тиенама».

Вопрос с эвакуацией помогли решить руководитель полетов, ветеран Афганистана, подполковник Купавцев Юрий Николаевич, полковник медицинской службы Черкашин Сергей Витальевич, майор медицинской службы Владимир Сергеев.

Когда мы взлетели и санитарный «борт» внутренних войск МВД РФ взял курс на Москву, я беззвучно заплакал. Но слезы моей благодарности тем, кто спасал боевого друга, не видел никто. Самолет был забит ранеными, и каждый был наедине со своей болью.

Капитан милиции Олег Уфимцев лежал в проходе на стареньких, видавших виды носилках. Мой друг летел в Москву, в Главный клинический госпиталь МВД России, где предстояла еще долгая, завершившаяся победой борьба за его жизнь...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

*«Я хочу, чтобы Родина меня любила так,
как я ее люблю»*

*Ст. лейтенант Алексей Крылов
15 января 1996 года,
Ночь перед боем с бандой Радуева*

ИСПОВЕДЬ ОФИЦЕРА

В рассказе моего друга, офицера-десантника, прошедшего через ад новогоднего, с 1994 на 1995 год, штурма Грозного, нет воспоминаний о падающем снеге, декабрьском и январском холоде. «Почему?» – думал я. Зима в Чечне – испытание снегом, дождем, каленым ветром. И понял, что для офицера-разведчика, интеллектуала, самым мучительным истязанием в те дни была не зима, а то, о чем он поведаст сам...

I.

«Мы служили. Служили как могли: честно, с десантным фанатизмом, преданностью голубому берету и Родине. С начала девяностых годов участвовали практически во всех разгоревшихся в России международных конфликтах (Приднестровье, Северная и Южная Осетия, Ингушетия). Получали ордена и медали, внеочередные звания, росли по служебной лестнице. Костями ложились, если кого-то не брали на очередное боевое задание. Потерь практически не было.

Мы не знали, что нас ждет Чечня. Хотя в душе у меня росло беспокойство... В конце 1992 года, участвуя в Осетино-Ингушском конфликте, после «триумфального» наступления на территорию Чечено-Ингушетии, я стоял на аэродроме: то ли в Моздоке, то ли в Беслане – и рассматривал подбитую БМД-2 десантного батальона (наших соседей), точнее, что от нее осталось: груды железа, пропитанную кровью и раздробленными костями двух членов экипажа. Я начинал понимать, что все еще впереди...

В 1993 году один из офицеров спросил меня: «Почему у тебя личный состав на занятиях выполняет упражнения по перебежкам, переползанию и изготовке к бою на асфальте? Это же ужасно больно! Солдаты тебя возненавидят». Я ничего не ответил. Я предчувствовал Чечню...

О штурме Грозного в новогоднюю ночь с 1994 на 1995 год написано много. Но недавно в одной книге о той бойне я прочитал: «Восточная груп-

пировка, не выполнившая поставленную задачу, была выведена из Грозного». Стало обидно и горько за погибших в те дни.

«Как поступить?» – размышлял я. Да, правда часто испепеляет, может унижить, лишить иллюзий. Но она, правда, единственное, что осталось в моей памяти о днях и ночах Восточной войсковой группировки, оболганной в книге, название которой – и это справедливо – не сохранилось в сознании.

Наше десантное подразделение прилетело в Моздок в начале декабря 1994 года. Расквартировались на аэродроме – в отдаленной его части и, обеспечив охрану территории, стали готовиться к выполнению специальных задач. Проводились плановые занятия, шла подготовка к ведению боевых действий.

Первую свою задачу мы получили в 20-х числах декабря. Нас разбили на так называемые сводные группы, вошедшие в состав войсковых группировок, идущих на Грозный. В нашей сводной группе, нацеленной на восточное направление, было 25 разведчиков: офицеров и солдат. Я командовал группой солдат.

У групп, подобной нашей, задачи на бумаге были разведывательные, диверсионные. На самом деле нам «нарезали» прикрытие особых участков, обеспечение безопасности командования и выполнение специальных задач.

25 декабря 1994 года мы в составе колонны начали выдвижение по маршруту Моздок – Толстой Юрт – Аргун. Заночевали в Толстом Юрте. Здесь стояло порядка 20 «Градов» и «Ураганов». Я до сих пор помню глаза одного из моих солдат, который радовался залпу мощных реактивных установок: «Командир! Вот это салют!» – «Это не салют, Андрей, – сказал я. – А первая в твоей жизни война. Настоящая». Я тогда не знал, что для Андрея эта война будет и последней в его жизни, которая оборвалась через несколько дней на мятежной чеченско-российской земле.

Получив задачу, мы 26 декабря вышли в район сосредоточения Восточной группировки под Аргун. Эта огромная машина из людей и техники

представляла из себя неорганизованную, голодную массу. Новые бэтээры, артиллерийские орудия соседствовали с покореженной и разорванной техникой. Солдаты, замученные, изможденные, хаотично передвигались по «чистому» полю среди сорища ратной техники, ошестинившейся стволами в разные стороны. Это был рой людей, измазанных в грязи. Они давно здесь стояли: немывтые и не евшие помногу суток. Периодически сюда прилетали вертолеты: забирали убитых и раненых. И улетали. Самое страшное наступало ночью. Ни у одного из подразделений не было места, где бы личный состав отдыхал: никаких укреплений, блиндажей и землянок. Только окопы, свежерырытые ямы и воронки от разорвавшихся чеченских мин и снарядов. Солдат не был защищен и прятался либо в боевой машине, либо сидел в окопе, а война – не только стрельба из автоматического оружия. Поэтому я заставил свою группу зарыться в землю. Весь день и вечер мои солдаты сооружали блиндаж на случай минометных обстрелов. Люди устали, чертыхались, плевались, проклинали меня, но истово копали землю. Сделали перекрытие, достали печку-буржуйку... К ночи блиндаж и окопы были готовы.

За весь день – редкие выстрелы. Да рев техники. Ночью все преобразилось. От начавшейся канонады и автоматно-пулеметных очередей стало светло, как днем. Вся группировка стреляла... Куда? Неизвестно.

Моя группа, заняв позиции, включилась в общий механизм «пальбы». К полуночи, израсходовав немало боеприпасов, стало ясно, что огонь по нашей группировке чеченцы ведут со всех сторон, и не только из стрелкового оружия. По нам работала чеченская артиллерия, а с востока от Аргуна – сначала было удивительно, странно – даже «Град».

Про взаимодействие, какое-либо руководство нашей Восточной группировкой лучше не вспоминать... Его не было вообще.

Я дал команду своей группе из двенадцати солдат прекратить беспорядочный огонь и работать по обнаружению огневых точек противника – благо приборы ночного видения у нас имелись.

К утру все стихло. Прилетели вертолеты. Группировка снова грузила

раненых и убитых. Артиллеристы за ночь расходовали немислимое количество боеприпасов. Стреляли и стреляли в места вероятного нахождения противника, а снарядные ящики у них забирала пехота, потом и мы, чтобы согреться у замаскированных костерков.

Вечером 27 декабря моей группе была поставлена задача выдвинуться на окраины Аргуна, чтобы выявить огневые точки и реальные силы противника. Уяснив задачу, боевые порядки подразделений нашей группировки, которые стояли напротив Аргуна, я, разделив группу на две части, начал движение. При звуках канонады, медленно и осторожно передвигаясь, мы вышли, словно из огненного мешка, и сразу попали в окопы парашютно-десантной роты, которая прикрывала группировку со стороны Аргуна. Иду по окопу, иду и упираюсь в труп десантника, лежащего на бруствере, рядом валяется автомат. Стягиваю тело вниз – зашевелился «труп». Хотя на живого человека солдат не был похож. Из его несвязного бормотания стало ясно, что в этой траншее он находится около четырех суток и ни разу не ел, где командир – не знает, какая у них задача – не помнит. Иду по окопам. Под обстрелом. Где-то лежит труп. Только что погиб. Снова идешь – спит человек. Начинаешь тормозить – он не в состоянии ничего сообразить. В вырытой землянке мы нашли командира – молодого, заросшего щетиной лейтенанта. «Как дела?» – спросил я у него. «Никак, стреляем», – отвечает. Я прошу: «Дальше как пройти? Как мне выйти к Аргуну?» – «Никак, – говорит. – Мы мины вокруг себя разбросали». Спрашиваю: «А схемы минных полей есть?» – и понял, что спросил зря. Не было их. Из рассказа лейтенанта следовало, что в первый же день они расставили все мины и растяжки, какие имелись, между своими позициями и Аргуном. «А у духов есть мины?» – «Есть. Они тоже набросали».

Территория между нашей Восточной группировкой и занятым боевиками Аргуном была непроходима ни в коем случае. В ее пределах невозможно было вести разведку, делать засады. Люди просто отвечали на огонь, сами наносили огневое поражение.

Возвратиться моей группе назад – означало невыполнение задачи. И я отдал приказ на обстрел указанных лейтенантом вероятных позиций чеченцев. Через пару минут Аргун, как дракон, выдохнул в нас залпами из чеченских артиллерийских орудий, танков и стрелкового оружия. Сидя в окопе, нам было жутковато от количества разрывов, фонтанчиков от пуль противника.

Три моих наблюдателя, заранее заняв позиции левее от нас, вычислили несколько огневых точек боевиков...

Мы вернулись утром, оставив в окопах парашютно-десантной роты все, что было с собой из еды. Солдат с солдатом всегда поделится, а на войне и подавно. Группировка снова собирала убитых, раненых, разбитые машины. Прилетели тяжелые вертолеты, нанесли огневое поражение. Непонятно куда.

Днем группировка начала выдвигаться в район Ханкалы. Предстояла битва за этот важный для штурма Грозного плацдарм. А в тылу оставался Аргун с вооруженной, около 600 боевиков, бандой с танками и артиллерией. Аргун брать почему-то не стали. Наверху было виднее. А именно аргунские боевики потом, первого января 1995 года, расстреляют первую колонну раненых нашей группировки, выходящей из Грозного. Вся колонна погибнет. Но это будет потом.

А тогда, 28 декабря 1994 года, «марш» на Грозный продолжался, ведомый «великими» военачальниками конца 20 века. Военачальниками когда-то могучей страны, победившей во многих войнах с внешними врагами, но почему-то напрочь забывших командный опыт последнего столетия, напитанный кровью наших отцов и дедов. Все, в чем мы на рубеже 1994–1995 годов участвовали, было похоже на плановый, учебный марш с боевой стрельбой. История должна была наказать нас, и она это сделала.

Оставив Аргун в тылу, мы ушли к Ханкале. Подтянулась оставшая часть группировки. Заняли позиции. Была организована круговая оборона. Все шло к постепенному овладению Грозным.

Двадцать девятого декабря 1994 года Восточная группировка представ-

ляла из себя два кольца обороны и в центре штаб. Подошли танки, другая тяжелая техника, артиллерия. И тут моей группе ставится несвойственная нашему подразделению задача – обозначить ложный, якобы основной удар Восточной группировки на населенный пункт в километрах пятнадцати от Ханкалы – к югу. Приказали получить на группу имеющееся носимое тяжелое вооружение: гранатометы, огнеметы, крупнокалиберные пулеметы, гранаты. Данной группой нанести удар по населенному пункту и держаться сколько сможем. Никаких разведсведений, что там находится, не было. Ставилась одна задача: наносим удар, а когда поймем, что держаться больше возможности нет, израсходовав боезапас, мы должны были уйти на два километра к юго-востоку, где в определенной точке нас должна была забрать разведрота десантников.

Мы прекрасно понимали, что нас ждет. Мне все-таки удалось получить кое-какие данные по этому чеченскому населенному пункту. Там находилось до восьми единиц артиллерии, около четырех танков, неплохая группировка, и я представлял, что бы было. По каким-то чрезвычайным обстоятельствам разведроту десантников перекинули на другое направление. Поэтому приказ отменили. Нас спасло чудо.

В ночь на 30 декабря нам снова поставили несвойственную задачу – на удержание правого фланга. Моей группе на одном бэтээре придали самоходную зенитную установку и БМД-2 из десантного батальона. Когда руководство ставит задачу, не принято переспрашивать. Получи задачу, а как решить – проблемы твои. Перед штурмом Ханкалы с тремя единицами техники и личным составом я выдвинулся на правый фланг и, как картежник, рокируя зенитную установку, БМД-2 и мой бэтээр, все-таки кое-как выставил их. Еще на ходу я уяснил, что из себя представляет зенитная установка: как она стреляет, каков ее радиус. Выбрал ей место. Закопали БМД-2, поставили бэтээр. Правый фланг, как нам с моим заместителем думалось, мы закрыли, обеспечив охраной возможные опасные направления.

Когда мы выставлялись, мимо нас постоянно, как муравьи, ходили сол-

даты, нося на себе ящики с патронами 5,45 мм. Это было, как потом выяснилось, отделение пехотных связистов. Они заняли позицию в ложбинке где-то в 30 метрах северо-восточнее от нас. Их позиция представляла из себя глубокую яму, куда они натащили ящики с патронами.

Окопаться мы, разведчики-десантники, не успели, а лишь перекрыли вероятные подходы противника. Вся местность в этом районе была изрыта арыками, по которым духи подходили к нашим позициям, обстреливали их и беспрепятственно уходили. Достать их было невозможно: у нас ни минометов, ничего в таких случаях результативного... Практически нельзя было сделать засады: ходить по арыкам мы считали смертоубийством. Мы не спали третьи сутки. Употребляли таблетки от сна: такие скорее всего были только у нас.

Ближе к полуночи произошло то, о чем мы даже не смели подумать. Те солдаты-связисты, которые на наших глазах перебрались в ложбину, устроили там круговую оборону, позаряжали все боеприпасы и стали вести беспорядочную стрельбу по кругу – во всех направлениях, в том числе и по нам. Велся плотный огонь. Пришлось около часа лежать лицом в грязи, есть ее, нюхать всякое дерьмо. Автоматный огонь с 30 метров в упор... Над тобой все сверкает, летит... Бэтээр где в пробоинах, где в осколках... Стрельба чуть стихла. Я, наконец, разобрался, откуда она ведется. Поставил задачу своему заместителю выдвинуться к связистам и уяснить, в чем там проблема. Он продвинулся только метров на двадцать. Опять стрельба. Снова все залегли. Наш правый фланг был полностью деморализован. Свою задачу мы выполнять не могли. Встать во весь рост и идти к связистам было безумием. Связаться с ними тоже невозможно. Они не работали ни на одной вызываемой частоте.

Ползком с половиной группы мы выдвинулись к ложбине на расстояние броска гранаты. Стали кричать. Никакие окрики, что мы свои, связистов не останавливали. Казалось, у них никогда не кончатся патроны. И только после угрозы забросания гранатами стрельба стихла. Было не до маскировки.

Зрелище, при подсветке фонариками, было сюрреалистическим. Люди представляли из себя реальное воплощение ужаса. Перекошенные рты. Раскалившиеся стволы автоматов, из которых связисты-мотострелки за это время выпустили не один ящик боеприпасов. Ими командовал сержант. На вопрос: «В чем дело?!» – он отвечал только одно: «Мы боимся! Мы просто боимся! У нас погиб командир, еще один офицер ранен. Я остался один на восемь человек. Мы боимся». – «А вы знали, что мы, десантники, там?» – «Знали. Но мы боимся. Откуда нам знать: вы это или не вы? Ночь!» Хотелось их бить прикладами до утра, но в это время из арыков по нам стали работать духи, и нам, десанникам, пришлось занять позиции связистов. Воевали до утра. Без потерь. На этой войне молодыми, необученными мальчишками правили ужас и страх.

Этой ночью шел штурм Ханкалы. Он был успешным. Ханкалу брали навалом, массой. Поэтому потеряли немало людей. Стали проводить зачистки. Опыта в таких мероприятиях оказалось мало. Оставляли в тылу мирных, невинных жителей с лопатами, узлами в руках, которые ночью превращались в автоматы, гранатометы.

Штурм закончился днем. Тридцатого декабря наше подразделение обошло взятую часть Ханкалы, аэродром и уже в составе группировки остановилось перед военным городком, который вплотную примыкал к мосту, соединяющему с окраиной Грозного.

Переночевали. Ночью с 30-го на 31 декабря ставилась задача на штурм Грозного. Нашему подразделению было приказано: выдвигаться в составе колонны, прикрывая ее командование двумя бэтээрами – спереди и сзади. Что конкретно: как будем штурмовать, с каких рубежей, кто нам противостоит в Грозном – мы не знали. Когда я подошел к одному из старших офицеров группировки и спросил: «Какая у нас задача?» – то он, полковник в летах, отвел глаза и сказал: «Умереть». – «А можете разъяснить, в чем суть этой проблемы – умереть?» – «Понимаешь, старлей, я тебе действительно говорю, что у нас задача – умереть. Потому что мы изображаем основной удар всей груп-

пировки российских войск. Мы должны показать противнику, что именно с востока федеральные войска будут брать Грозный».

Я знал: есть еще два направления для ударов – с севера, северо-запада. Восточная колонна, по замыслу командования, должна была войти в Грозный, изобразить удар, охватить максимум территории имеющимися силами и средствами, продвигаться внутри Грозного, а потом выйти из города.

...Прошли мы военный городок, и начались потери. Потому что колонна представляла из себя длинную змею. Никакого боевого прикрытия – обеспечения справа и слева. Изредка над нами проходили вертолеты. Колонна представляла из себя: впереди около пяти, шести танков, бронетранспортеры, командно-штабные машины, остальная техника. Колонна состояла только из подразделений Министерства обороны – ни внутренних войск, ни МВД. В основном пехота, артиллеристы, танкисты. Мы, десантники-разведчики, в середине колонны. Замыкая ее, шла рота десантников на БМД-2.

При подходе к мосту нас начали расстреливать из крупнокалиберных пулеметов, четко работали боевики-снайперы. Нашему взору предстало: первый танк идет по мосту, а его обстреливают где-то с семи, восьми направлений. В перекрест. Повезло первому танку. Прошел. Так через мост проходила каждая единица: будь то танк или боевая машина пехоты. Живая сила всегда на броне, никто внутри не сидел. Колонна шла через мост, неся потери. Ведь десять – двенадцать человек на каждой броне, не обойтись без потерь. Колонна потеряла два бэтэра, были взорваны танк и кошеэмка. Мы, разведчики, прошли более-менее успешно: только двоих ранило. Не прошла мост только отдельная рота десантников, что мы узнали только потом. Связь практически не работала. У меня слышимость была только между моими двумя бэтэрами и «Уралом», да слабый, постоянно прерывающийся контакт с колонной. В связи был сплошной бардак. Никто большей частью не представлял: кто с кем говорит. Одни позывные в эфире, доклады лишь о «двухсотых» и «трехсотых» – сколько убитых и раненых. Десантная рота, замыкаю-

шая колонну, не прошла. Ее отсекали и расстреляли – всех. Как потом рассказывали, чеченцы и наемники добивали раненых десантников выстрелами в голову, а наша колонна об этом даже не знала. Выжили только прапорщик и солдат, которые с невероятным трудом, с перебитыми ногами выползли за военный городок, откуда колонна начинала движение. Ползли, тяжело раненные. Доползли. Один потом вроде умер.

Зашли мы в Грозный и сразу попали под сильный огонь – практически со всех мест, со всех высотных зданий, со всех укреплений. Только зашли в город, колонна затормозилась. Где-то мы стояли, спешившись, не продвигались. За этот час у нас подбили пять танков, шесть бэтээров. У чеченцев был закопанный – видна одна башня – танк Т-72, который уничтожил весь авангард колонны. Пошли дальше. Колонна, постоянно обстреливаемая, оцетившаяся, как еж, тоже отстреливалась. Солдаты спешивались, бежали – занимали позиции. Опять садились на броню, спешивались, снова бежали. Вести какие-то действия по занятым противником зданиям, как это положено, как мы учились в военных училищах, как это делали наши деды в 1941–1945 годах, не получалось. Колонна змеей шла по городу, оставляя в своем тылу боевиков, уничтожая только то, что уничтожалось. Спешиваться и вести разведывательные действия было невозможно ввиду беспредельного поведения мотострелков. Практически в каждом подразделении у них где-то отсутствовал командир, был убит или ранен. Подразделениями в основном командовали сержанты, прапорщики, кто остался жив. Солдат-пехотинец, не хочу мотострелков унижать, спрыгивал с бэтээра, нажимал на спусковой крючок и вел автомат до тех пор, пока не кончался рожок, – стреляя вокруг себя. Потом опять вставлял рожок и... Ужас перед происходящим у мотострелков был настолько силен, что, спешиваясь, наша группа десантников, вместо того чтобы вести разведку, была вынуждена залегать. Мы поднимали головы и опять опускали, потому что соседние, приданные пехотинцы снова и снова молотили по нам. В таком хаосе было просто невозможно идти. Но все же мною ставилась задача выявлять цели и уничтожать их. Конечно, все было

через мат, вопли, через биение прикладами по головам некоторых пехотинцев. Для меня это были не первые боевые действия. А для основной части солдат и некоторых офицеров – первые. Мы, десантники, искали противника, уничтожали цели, но еще должны были успеть спрятаться от своих.

Мне один из наблюдателей докладывает, что в доме напротив две огневые точки. Ставлю задачу на выдвижение. Спешиваемся, выдвигаемся к этому дому грамотно, как учили. Не хочу хвалиться – подготовка у моих людей была очень сильной. Зримо было видно, что мои десантники действительно на голову выше всех остальных. Они перебежками подошли к стене дома. Метров десять оставалось, как послышалось урчание... Я обернулся. Сзади подошел наш танк, направил ствол прямо на стену, вблизи которой мы находились, и выстрелил. Стена стала падать на нас. Дом был пятиэтажный. Максимально, сколько смогли, мы ушли, но получили ушибы, переломы. У одного из солдат каска расплющилась, как у волка из фильма «Ну, погоди». Еще двое получили сотрясения, контузии. Мы отошли. Танк повернул и поехал дальше. Согласованности никакой. Опять все сели на броню, продолжили движение. Выявили еще огневые точки чеченцев, остановились, стали вести огонь. Я был на втором бэтээре с группой солдат. Вглубь города мы углубились на три километра.

Мы знали, что наступает новый 1995 год. В сознании это фиксировалось как дата, и только. Есть такой праздник – Новый год, и все...

II.

Офицер-десантник разведподразделений, состоящих только из офицеров и прапорщиков, офицер-спецназовец отряда «Витязь» внутренних войск МВД РФ, спецназовец офицерской группы «грушной» бригады – это офицеры-бойцы. Это люди, которым поставлена задача, и они ее в составе групп выполняют. У них одна философия...

У меня, командира группы солдат, была другая философия. Мне думать о Новом годе, о чем-то постороннем – нет никакой возможности. В бое-

вой обстановке думаешь только о подчиненных тебе солдатах. Вспоминаешь, как полгода назад ты стоял на их присяге. Перед тобой ряд родителей. Тебе дарят цветы, шепчут на ухо: «Берегите сына». «Сохранить солдат» – вот моя философия. Нет такого, что ты как командир находишься в эпицентре действия и сам ведешь огонь, ни о чем больше не думая. Стреляешь, когда надо помогать, давать целеуказания тем, кто не может попасть. Ну, руки у солдат трясутся. Кто должен постоянно находиться в поле твоего зрения? Все двенадцать человек группы. Если кто-то пропал, нужно все прекращать и искать его. А взять пехотное подразделение – там был хаос.

...У меня уже было трое раненых. Убитых нет. Вышли на какую-то площадь. Кинотеатр. Открытое поле между домами. И на этом пространстве стоят врытые в землю бетонные плиты. Именно сюда, начав нести существенные потери, под плотным огнем боевиков устремилась Восточная группировка. В нашем эфире звучало только одно: «Двухсотый, двухсотый, двухсотый»... Проезжаешь возле бэтээров мотострелков, а на них и внутри одни трупы. Все убиты.

Мы стали заходить в пространство между врытыми в землю плитами. При отсутствии общего руководства все это напоминало игру ребенка с машинками, когда у несмышлениша все в хаосе... Танк мог врезаться в наш бэтээр, повести стволом и придавить моего связиста. Припечатать солдата, вдавить в броню. У бойца брызнула кровь из ушей. Он весь побелел. Мне пришлось прыгать на танк. Под огнем противника стучать в люк, который не открывался, а когда приподнялся, я сунул в люк автомат. Было желание выстрелить. Определенный барьер уже был перейден. Из танка вылез измученный боем солдат. Развел руками, дрожащими губами сказал: «Что я сделал... Я все сжег. Связи нет!» В колонне шли напичканные электроникой танки Т-80. И эта электроника была пожжена неумелыми действиями экипажей. Ни связи, ничего. Работать можно было только на поворот башни и на стрельбу. Танкист убрал башню. Мой солдат еще дышал. Сняли его с брони бэтээра.

Кое-как все распихались. Заняли круговую оборону. Моя группа пере-

крыла одну треть квадрата, который опоясывался бетонными плитами. Мы использовали ложбины. Заняв оборону, снова стали выявлять цели, уничтожать их. Собирали своих раненых, убитых. Занимались обустройством. И все под огнем чеченцев. Желание было не просто выжить, как скоту, забившись куда-то. Главным было выполнить задачу и выжить. Личный состав был рассредоточен, всем поставлена задача. Связист, придавленный стволом танка, был положен на доски. Он не мог двигаться. Еле дышал. Кроме уколов промедола, мы больше ничем не могли облегчить его страдания. Наши санитарные машины с экипажами были уничтожены боевиками еще при входе в Грозный. Медицинской помощи никакой. Только в боковом кармане камуфлированной куртки был пакет с промедолом, бинт в прикладе автомата, перемотанный кровоостанавливающим жгутом, – стандартный набор. И кроме как всадить промедол раненому человеку в ляжку или в руку, мы ничего не могли. Мой связист выжил. Всю ночь от него, утянутого бронежилетом, не отходил кто-то из солдат. Дежурили, ни на секунду не бросая, чтобы он не то что не умер, а чтобы не упустить этот момент. В любую минуту хоть чем-то помочь. Чем? Совершенно не понимали. Но десантник-разведчик четко выполнял задачу. Меняясь, лежали рядом с ним и «держали» его, слушая пульс на шее и на руке.

Вдруг перед нами вышло чье-то подразделение мотострелков на восьми бэтэрах и БМП-2. Остановились по фронту метрах в ста пятидесяти от нас. Под плотным огнем чеченских боевиков из техники выскочили солдаты, побежали в нашу сторону. Весь личный состав. И, как горох, посыпались к нам в окопы. Это был молчаливый навал деморализованных людей. ...Подбегает солдат, бросает автомат и ныряет к тебе в окоп, как в воду. Разобрать, кто у этих ошалелых от страха мотострелков командир, было практически невозможно. Поймав первого попавшегося бойца, я с трудом добился, кто старший. Он указал на человека, который, упав к бетонной плите, бросил автомат, закрыл голову в каске руками и сидел, не шелохнувшись. Я подполз, спросил его звание. Он оказался майором. Он повернулся ко мне. Я весь ка-

муфлированный, уже с бородой. Похож на духа. И он не понял, кто перед ним. Но моя тельняшка, хоть и грязная, вернула его в сознание. На вопрос: «Какого х... вы бросили технику и прибежали сюда?» – он сказал: «Мы ехали. Мы потерялись. Издалека видим, десантники... Мы бросили технику, побежали к вам, потому что ни к кому, кроме десантников, бежать нельзя. Все другие перестреляют!» Я кричу: «А техника? Техника! Пожгут ее! Прямо сейчас». Человек был совершенно неадекватный. Не мог командовать. Просто забился в угол и трясся. Уговорить его подчиненных вернуться к технике было немыслимо. Я дал команду своим – выбрасывать мотострелков из окопов! Может, это было неправильно. Может, этих людей надо было спасать. Но техника закрыла мне весь обзор. Уже в следующую минуту она могла быть сожжена противником. И тогда под прикрытием горящих БМП и бэтээров духи пошли бы со мной на сближение – атаковали бы. Пока передо мной было чистое поле, чеченцы не могли подойти. А теперь такая возможность у них появлялась. Насколько хватало сил, мы выбрасывали мотострелков из окопов. Можно сказать, отбивались от них прикладами, кулаками, перебрасывали их через себя. Они цеплялись в нас мертвой хваткой. Хватались за оружие. Могло начаться противостояние... Так мотострелки остались лежать в наших окопах. Заняли некие позиции. Я собрал их всех на левом фланге. В течение получаса все восемь единиц бронетехники мотострелков были сожжены чеченцами. Естественно, они подошли из соседних домов, укрепились за этой подбитой техникой. Практически передо мной.

По фронту, правее сто метров, был чеченский дот – что-то типа кирпичного домика, откуда велся непрерывный огонь из крупнокалиберного пулемета. Невозможно было поднять голову. Колонна наша входила хаотично. Поэтому даже у себя в хозяйстве сразу найти неиспользованный гранатомет или огнемет было крайне трудно. Такую задачу я поставил. Нашли. И периодически вели огонь из гранатометов по этому чеченскому доту. Встать на колени либо прицелиться лежа было очень опасно. Ведь огонь по нам велся не только из дота, но и из тех сторевших бэтээров и БМП. Мы же были лишены

возможности вести прицельный огонь. Пришлось вылезти из укрытий, подползти к маленьким холмикам, чтобы, спасаясь за ними, хоть как-то, лежали сбоку, выстрелив, уничтожить чеченского пулеметчика, засевшего в доте, а точнее в блиндаже – очень, очень маленьком, попасть в который было сверхзатруднительно. Справа от меня лежал мой заместитель, как и я, старший лейтенант. Помню... Послышался голос сзади: «Командир, я приполз!» Оборачиваюсь. Лежит боец-пехотинец из тех, которые к нам в окопы, как лягушки, попрыгали. Кричит: «Я готов уничтожить его!» – «Чем?» – говорю. У него был огнемет «Шмель». Лежит и трясущимися губами сообщает: «Только целиться я не могу». Кричу: «Как не можешь?!» В ответ: «Сорвано все. Есть только труба». Прицельные приспособления были сбиты. По внешнему виду огнемет находился в рабочем состоянии. Я отдал команду: «Ползи к моему заместителю. – Тот был в более выгодном положении. – Стреляй лежа!» К моему удивлению, он пополз. Я находился в метрах пяти – семи. Мотострелок, несмотря на огонь противника, дополз. Я ему достаточно четко все объяснил: «...Стреляешь либо лежа, либо чуть привстав на колено». Он привстал на колено. Я лежал и видел, что он наводит на цель по трубе огнемета, как было оговорено. Но я-то смотрю сбоку и вижу, как он, прицеливаясь, вдруг опускает «Шмель» вниз, прямо перед собой. Я еще успел крикнуть своему заместителю: «Уши закрывай! Откатывайся!» Шел бой. Он не услышал. Помню, меня первый раз в жизни подняло над землей. Я полетел вправо. Врезался головой в каске в бетонную стену и упал в чье-то дерьмо. В глазах звездочки, красная пелена. Потом окружающий мир принял какие-то очертания. На том месте была воронка. Солдат лежал с окровавленной рукой – безумный, раненый. У моего заместителя из ушей текла кровь. Он был напроць контужен. До сих пор переживает контузионные боли, воюет во сне. Этим выстрелом офицер был выведен из строя. Теперь он на штабной деятельности.

Подполз мой сержант-разведчик. Спросил у меня разрешения выстрелить из гранатомета, встал на колено, под огнем чеченцев навел гранатомет

на цель и, красавчик, попал точно в амбразуру дота. Разнес его, как карточный домик. В это время с чеченских позиций, от сгоревших бэтээров и БМП, на нас шло порядка двадцати, двадцати пяти боевиков в маскировочных белых халатах. Шли, как немцы, в психическую атаку. До нас им оставалось метров пятьдесят. Шли перебежками. Когда был уничтожен дот, они оказались в чистом поле без прикрытия. Огонь мы сосредоточили только на них. Восемьдесят процентов наступающих чеченцев были уничтожены. Ушли, кто успел. ...Яркие, красные вспышки, разорванные халаты, крики, вопли...

Опустилась темнота. На Новый год, когда о нем вспомнили, к нам приползли танкисты, принесли спирт. Разлили. Рассказывают. ...По связи на них вышли чеченцы. На их, танкистской, волне сказали: «Ну что, Иван, отметь Новый год десять минут. А потом по новой...» Без десяти минут двенадцать 31 декабря 1994 года до пяти минут первого января 1995 года была передышка. Опрокинули чуть-чуть спирта. После этого начался массированный минометный обстрел. От другого вида оружия можно укрыться. От падающих мин – нет. Оставалось уповать на судьбу.

Обстрел длился часа два. Полностью деморализованные, мы все же удержали свои позиции. Чеченцы не смогли пробиться к нам, даже осыпая минами. Мы вывели всю технику на прямую наводку. И она стреляла в направлениях, без целей. Два часа такого противостояния! Минометы прекратили огонь. Пошли перестрелки. Видимо, произошла перегруппировка чеченских сил и средств. Стали работать наши и чеченские снайперы. Так до утра.

III.

Из Грозного мы снова уходили колонной. Шли змейкой. Я не знаю, где, какое было командование. Никто не ставил задачи. Мы просто кружили по Грозному. Наносили удары – там, там. А нас обстреливали. Колонна действовала как бы отдельными вспышками. Колонна могла стрелять по какой-то легкой машине, едущей в трехстах метрах от нас. Никто, кстати, не мог

попасть в эту машину – люди были настолько переутомлены.

И вот колонна начала сворачиваться, уходить. Пехота выходила комом, хаотично. В этот день мы, десантники, не получили никакой задачи. Но я понимал, что мотострелков никто, кроме нас, не прикроет. Все остальные были просто не в состоянии. Часть моих людей грузилась, другая вела стрельбу в направлениях – прикрывали отход. Мы выходили последние.

Когда покидали город и снова прошли этот проклятый мост, колонна встала. У меня автомат от грязи, набившейся в магазины с патронами, заклинило. И тут голос: «Возьми мой». Я опустил глаза в раскрытый люк бэтэера – там лежал тяжело раненный прапорщик, мой друг. Он, насколько мог, протянул мне автомат. Я взял, а свой опустил внутрь люка. Начался очередной обстрел наших подразделений с нескольких направлений. Мы сидели, прижавшись к броне, отстреливались как могли... Истекающий кровью прапорщик снаряжал пустые магазины патронами и подавал их мне. Я отдавал приказы, стрелял. Прапорщик оставался в строю. Он белел от большой потери крови, но все равно снаряжал магазины и все время шептал: «Мы выйдем, все равно выйдем»...

В этот момент так не хотелось умирать. Казалось, еще несколько сот метров, и мы вырвемся из этого огненного котла, но колонна стояла, как длинная, большая мишень, которую на куски кромсали пули и снаряды чеченских орудий.

Мы вышли 1-го января. Был какой-то хаотический сбор отчаявшихся людей. Чтобы всем собраться на месте сбора, такого не было. Ходили, бродили. Потом все же поставили задачу. Стали собирать раненых. Быстро развернули полевой госпиталь.

На моих глазах из окружения вырвался какой-то бэтээр. Просто вырвался и мчался в сторону нашей колонны. Без опознавательных знаков. Без ничего. Он был расстрелян нашими танкистами в упор. Где-то метров со ста, ста пятидесяти. Наши наших же расстреляли. В ключья. Три танка разнесли бэтээр.

Трупов и раненых было столько, что у врачей развернутого полевого госпиталя на органосохраняющие действия не было ни сил, ни времени!

Мои солдаты – десантники, у кого осколок был в бедре, у кого в заднице, у кого в руке, не хотели в госпиталь. Приводишь их, оставляешь. Через пять минут они снова в подразделении, снова в строю. «Я, – говорит, – не пойду назад. Там режут только так! Вырывают все! Кровь, гной везде. Где без обезболивания, где как...»

Пошли подсчеты. Очень много людей осталось там, в Грозном, многих бросили на поле боя. Своих я всех вывез, еще и часть пехотинцев, которых успел. Остальные? Было брошено немало людей. Восточная колонна выстрадала и это...

Своих раненых я не отдал. Выбор был: либо ждать до вечера вертушку – должна была прийти. Либо колонна уходила с убитыми и частью раненых в грузовых машинах. Прекрасно осознавая, что в тылах у нас остались боевики, я раненых не отдал, а стал ждать вертолет. Хотя тяжелые были...

Так и получилось. Первая колонна с ранеными под Аргуном была полностью уничтожена. Расстреляна боевиками. Под вечер прилетели вертушки, погрузили раненых, убитых, сопровождающих. И ушли... Мои легко раненные отказались от эвакуации, остались в подразделении. Наша сводная группа из офицеров и солдат была практически небоеспособна: двое убитых, трое тяжело раненных, остальные контуженные, легко раненные.

Группировка, как могла, окопалась, представляя из себя небольшое соединение людей. Как потом говорили, в Грозном Восточная колонна потеряла около шестидесяти процентов личного состава только убитыми.

Обстреливали уже не сильно, но продолжительно. Мы отошли еще на несколько километров. Третьего января 1995 года по специальной связи мне был отдан приказ о возвращении группы в Толстой Юрт на замену. Там нас ждали другие подразделения нашей части.

IV.

Когда мы вышли в Моздок, нераненные офицеры были назначены сопровождающими к десяти недавно погибшим офицерам и солдатам одной из рот нашей части. Мы полетели в Ростов-на-Дону. Там, в будущем Центре погибших, как раз первую палатку поставили.

Летим. Трупы в фольгу завернуты, на носилках лежат. Потом надо было найти своих. Оpoznать. Некоторые из убитых уже несколько дней лежали в палатках. Солдаты, назначенные на обработку тел, сидели на водке. Иначе рехнешься. Офицеры порой не выдерживали. Здоровые с виду мужики падали в обморок. Просили: «Сходи! Оpoznай моего».

Это была не первая моя война. Заходил в палатку, опознавал. Я сопровождал прапорщика нашей части. Достойного человека. От него остались только голова и тело. Руки, ноги были оторваны. Пришлось не отходить от него, чтобы никто ничего не перепутал... Оpoznал, а бойцы отказались моего прапорщика одевать. По нашему десантному обычаю погибший должен быть одет, чтобы тельняшка... Ну, все, что полагается: трусы, камуфляж... Берет должен быть сверху на гробу. Солдаты отказывались одевать разорванное тело. Пришлось взять палку и заставить людей. Одевал вместе с ними... То, что осталось... Все равно одели. Положили в гроб. Я еще долго от него не отходил, чтобы не перепутали. Ведь я же вез родным – сына, воина.

А того солдата-связиста, которого стволом танка придавило, – он был представлен к медали «За отвагу», – так и не наградили. Потому что в штабе группировки ему написали, что травма получена не в результате боевых действий. Такие бюрократические, поганые закорючки. Это оборотная сторона войны. Как и проблема списанного на войну имущества. Это и не дошедшие до Чечни миллионы денег, повернувшие или застрявшие в Москве. Обратная сторона войны на совести тех, кто сидит в пиджаках и галстуках, а не тех, кто воюет.

Обидно за то, что тебя годами учили в военном училище, потом ты с фанатизмом обучал «науке побеждать» личный состав своей роты, верил в

непобедимость нашей тактики ведения боевых действий, в методы выживания, привитые нам на специальных занятиях, служил, гордился своим родом войск – и все зря. На этой войне нас попросту сделали мясом. Как в песне поется: «...Не надо мясо делать из нас, а после искать виноватых. Нам важно, чтобы четко звучал приказ и не сомневались солдаты...»

Все мы – от рядового до генерала – выполнили отданные нам приказы. Восточная группировка решала задачу, поправ все правила (написанные кровью) ведения боя в городе. Она изобразила мощный и несуразный удар федеральных сил, стремительно вошла в Грозный, держалась как могла и, растерзанная, разгромленная, также стремительно вышла из города. А где-то совсем рядом в это же время погибала еще одна группировка, поменьше численностью – «Майкопская бригада», заходившая в город с другого направления.

А высший командный состав – выпускники академий? Они знали, как воевать. Знали, что город берется от дома к дому, от куска к куску. Завоевается каждый пятачок. Так брали Берлин. По Грозному, скорее всего, сверху был жесткий приказ – сосредоточенный только на временном промежутке. Дескать, это надо взять завтра, другое послезавтра. Не отходить, держаться. Взять. Жесткая постановка задач сверху ставила командных людей в недозволённые для войны рамки. Что такое временной фактор? Данный населенный пункт должен быть взят к пяти часам! А по всей логике боевых действий этот приказ невозможен для исполнения. За назначенное время можно было только подготовиться, сосредоточить средства, провести разведку, уяснить задачу, оценить обстановку, поставить задачу, отдать боевые приказы, наладить слаженность подразделений, радиосвязь, радиообмен, уяснить динамику развития события, определить пути отхода... На это при штурме Грозного времени не давалось. Сегодня пока никто не признает это преступлением... Но человек в больших погонах шел на преступление – против своей совести, против своей морали, губя жизни солдат и офицеров. Безумство. Что же это за командование было? Что за руководство операцией?

А если говорить о пехоте... Еще в Моздоке ко мне подошел солдат, и, видя три лейтенантских звезды на погонах, спросил, как к автомату подсоединить магазин? Из этого случая можно сделать серьезные выводы. И вообще больше ничего не говорить. Солдат подходит не к своему командиру, а видя десантника-офицера, спрашивает, как подсоединить: так или с другой стороны?

На момент начала боевых действий в Чечне армия уже деградировала. У солдат не было не только теоретических, практических навыков. Большинство не имело навыков механических действий, когда солдат собирает, разбирает автомат с закрытыми глазами, умеет выполнять элементарные упражнения. Например, изготовка для стрельбы лежа... Он даже думать не должен – как? Все должно исполняться механически. А у него... хаотичные, необдуманные действия, что я видел и пережил при новогоднем штурме Грозного. Страшные, какие-то полусумасшедшие движения мотострелков, а в руках оружие, извергающее свинец, которым убиваются свои же солдаты...

Касательно наших десантников, то сегодня мы собираемся на день ВДВ, 2 августа. Подходят солдаты, благодарят. «За что?» – спрашиваю. «Спасибо за то, что в два часа ночи мы ползали по асфальту, за то, что на учениях не шли по дорогам, как другие, а ползли через ручьи, падали в грязь, бежали по несколько десятков километров. За это спасибо. Тогда, до войны, мы вас ненавидели. Люто ненавидели. Сжимали кулаки в строю. Готовы были... Радовались бы – случись с вами что-то недоброе. А когда вышли из Грозного и практически все остались живы, сказали «спасибо».

Я помнил их окровавленные, повзрослевшие за несколько дней боев лица. Да, поседевшие, злые, контуженные, раненые, но живые тогда, в 1995-м, разведчики-десантники говорили мне: «Спасибо». А я был счастлив, что они живы.

Звонят теперь...»

Тяжесть воспоминаний не опустила офицера-десантника на житейское дно. Пройдя первую чеченскую кампанию, сделав из нее личные выводы, он снова воюет с духами, уничтожает наемников в горах. Делает то, что хорошо умеет. За его голову ичкерийские боевики обещают огромные деньги, но материнские молитвы хранят этого русского воина, по-прежнему верящего в справедливость и ...в боевую учебу, без которой армия – не армия, а собрание обреченных на смерть людей.

Один из многих тысяч офицеров, благодаря которым Россия не сгинула, он неприметен в толпе, в московской подземке. И в этом его преимущество. Ничего не требуя от Отечества, исповедуя мысль: «Кто на что подписался», этот офицер – за ответственность, за умение государства спросить с тех, кто уполномочен на стратегические решения. Ни у государства, ни у друзей, ни у суженой он не попросит любви. Но – потребует ее для тех, кто погиб за Россию.

2000 г.

МЫ ВАС БУДЕМ СМЕТАТЬ ОГНЕМ

С полковником Кукариным Евгением Викторовичем судьба свела меня весной 1999 года под Кизляром. В ту пору он, офицер Главкомата внутренних войск МВД России, был командирован в Дагестан, где по всей линии административной границы с Чечней нарастало напряжение: боевые столкновения следовали одно за другим. Я, обозреватель газеты "Щит и меч", освещая эти события, бывал на заставах и в подразделениях, отбивавших дерзкие вылазки боевиков.

Особенно часто чеченцы устраивали провокации на окраине Кизляра, в районе Копайского гидроузла. За сутки до того, как я появился на заставе, прикрывавшей гидроузел, она была подвергнута массированному минометному удару. Ответ был адекватным. По чеченцам, помимо артиллерии, отработала российская вертушка. И выпускники диверсионных школ Хаттаба, сдававшие экзамены на границе Чечни и Дагестана, откатились в глубь своей территории зализывать раны.

На заставе, где держали оборону офицеры и бойцы внутренних войск, не было паники. Отразившая нападение военная молодежь была полна спокойствия и достоинства, которые появляются в человеке, добывшем победу в бою.

На заставе "Копайский гидроузел" я сразу обратил внимание на полковника с дерзкой смешинкой в умных, голубых глазах, легкого в движениях, плечистого, среднего роста. Он неторопливо, по-командирски дотошно беседовал с офицерами, солдатами, ничего не записывая, все запоминая. Говорил просто, вопросы задавал со знанием дела. Вел себя доступно, как старший товарищ, командир-батя, к которому всегда можно обратиться за советом, помощью и получить её без задержки и нареканий.

Тогда я ещё не знал, что там, где появлялся этот старший офицер-москвич, всегда разворачивались серьезные боевые действия.

Вот так, далеко от Москвы, на заставе, понесшей потери ранеными, я познакомился с человеком, который во второй чеченской кампании будет штурмовать Грозный, командуя группировкой "Восток", и поднимет российский флаг над многострадальной площадью "Минутка". За умелое, высоко-профессиональное руководство подразделениями и проявленное при этом мужество и героизм полковник Кукарин Евгений Викторович будет удостоен звания Героя Российской Федерации. Звезду Героя ему вручит в Кремле Верховный Главнокомандующий, Президент Российской Федерации Путин Владимир Владимирович.

В другой раз мы встретились, когда полковник Кукарин Е. В. уже был на должности заместителя командира Отряда милиции специального назначения "Рысь" ГУБОП СКМ МВД РФ. Его наработанный в годы армейской службы и во внутренних войсках опыт понадобился на новом направлении - в точечных ударах по организованной преступности и терроризму.

Этот старший офицер умеет хранить государственные тайны. Только через семь лет после нашей первой встречи на окраине Кизляра я узнал, что появление Евгения Кукарина на заставе у Копайского гидроузла было подготовкой к операции, которая нанесла чеченским боевикам серьезный урон.

Это Евгений Викторович спланировал операцию по уничтожению чеченского таможенного поста в районе дагестанского села Первомайское. Пост этот был логовом террористов, совершавших диверсионные выходы в сопредельный Дагестан,

Полковник Кукарин Е. В. начал воевать в 1999 году на севере Дагестана, участвовал в отражении отрядов Басаева в Рахате, Ансалте и Ботлихе. Вершиной его командирского успеха был победный штурм Грозного.

Когда по Центральному телевидению я увидел, как этот плотный, суворовского духа и роста полковник поднимает российский флаг над освобожденным Грозным, я разволновался, гордый за этого человека, любящего жизнь, победителя врагов Отечества, а по чувству юмора - Василия Теркина.

При нашей крайней встрече мне показалось, что Звезда Героя России сделала Кукарина ещё проще, доступнее, расковала его, как личность, обострив впечатления от войны и жизни.

В праздничные дни, когда Россия веселится, отдыхает, силовые структуры страны находятся на усилении, особенно спецподразделения ФСБ, МВД и армии.

В один из таких дней, после утреннего развода, мы с полковником Кукариным Евгением Викторовичем встретились в его рабочем помещении заместителя командира ОМСН "Рысь". На стенах висели фотографии, в неполной мере отражавшие боевой путь хозяина кабинета. Вот фото двух российских танков, подбитых на горной чеченской дороге. Соброрцы Норильска - сурового вида офицеры в спецснаряжении, с автоматами и снайперскими винтовками были сфотографированы на фоне развалин Грозного, а по низу фотографии легко читалось их уважительное обращение к командиру группировки "Восток".

На письменном столе полковника милицейского спецподразделения стояла модель танка Т-80 - воспоминание о том, что выпускник Благовещенского высшего командного танкового училища Кукарин долгие годы жизни отдал бронетанковым войскам. Всё, что было в военной жизни полковника Кукарина Е. В., когда он стал заместителем командира ОМСН "Рысь", теперь принадлежало не только ему, но и новому в его биографии боевому подразделению, с которым Евгений Викторович сроднился заслуженно быстро. История - дело тонкое, великодержавное. Детали истории быстро утрачиваются, растворяются в повседневности. Чтобы сохранить эти подробности в памяти, людям надо почаще встречаться, раз за разом вспоминать пройденное на дорогах войны.

Время, выбранное нами, располагало к разговору в подробностях. Дежурные отделения ОМСН отдыхали, а мы с полковником Кукариным говорили об его участии в штурме Грозного...

Сначала подразделения под командой полковника Кукарина шли через

Старую Сунжу, потом их перебросили на восточное направление, перенацелив кукаринскую группировку в направлении площади "Минутка".

Магическое, кровавое слово "Минутка"... Что такое "Минутка" - хорошо знают, воевавшие в Чечне. Так до первой войны называлось кафе на площади, трагически известной по количеству потерь в живой силе, которые понесли здесь российские войска. Площадь "Минутка"- народное название, рожденное обстоятельствами войны. В конце марта 1996 года я вылетел из Грозного в Центр погибших "Черным тюльпаном", сопровождая двух убитых собровцев - земляков. Печальный груз «200» я привез в 124-ю лабораторию, где меня встретил полковник медицинской службы, командированный в Ростов-на-Дону из Военно-Медицинской Академии г. Санкт-Петербурга. Приняв от меня документы, он, сверхутомленный, спросил, где люди погибли? Я ответил: "На Минутке". И полковник с невыносимой болью сказал: "Ну, сколько вы будете с этой Минутки убитых возить?!"

"Минутка" всегда была важна в стратегическом смысле. Поэтому в первую и во вторую войну за неё сражались с особым ожесточением.

В первую чеченскую кампанию СОБР ГУОП участвовал в штурме Грозного. Начальник СОБРа Крестьянинов Андрей Владимирович, в ту пору командир отделения, в январе 1995 года вместе с офицерами 45-го полка ВДВ, спецназа ГРУ и собровцами сводного отряда отбивал у врага "Кукурузу"- злосчастный семнадцатизэтажный дом, нависавший над рекой Сунжа, дворцом Дудаева, Совмином, Нефтяным институтом. С «Кукурузы» просматривался весь проспект Ленина, ведущий к "Минутке".

Во вторую войну с востока на Грозный наступал Кукарин Е.В., фронтовой опыт которого теперь был составной частью боевого опыта ОМСН "Рысь".

В нашем неторопливом разговоре я сразу обратил внимание, что он редко говорит "я", больше "мы", имея в виду своих боевых друзей, с которыми освобождал город. Он был честен в перечне проблем, отдавал должное не только мужеству своих солдат, но и реально оценивал силу противника. Его

обыкновенно фонтанирующее чувство юмора и самоирония затихали при воспоминаниях о сложностях боевых будней. В рассказах о погибших преобладала скрытая горечь. Сидевший передо мной боевой офицер в своей любви к артиллерии, минометам, в искусстве их применения, в суворовском уважении к российскому солдату был для меня легендарным капитаном Тушиным из романа "Война и мир»- только уже полковником, с академическим образованием, познавшим чудовищную криминально-террористическую войну.

Кукарин Евгений Викторович курил сигарету за сигаретой, и я его глазами видел Грозный, профессионально подготовленный чеченцем Масхадовым к обороне.

Во время нашего разговора в расположении Отряда милиции специального назначения телефон в рабочем кабинете Евгения Викторовича на мою удачу молчал.

Диктофон позволил сохранить подлинность интонации Кукарина. В своем рассказе о штурме Грозного он был по-солдатски щедр в подробностях. На такое способны только бывалые люди, которые даже не догадываются что их участие в войне, то есть в защите жизни, останется в истории.

Седьмого ноября 2006 года полковник Кукарин Евгений Викторович рассказал:

- В Чечню я, тогда начальник оперативного отдела штаба Группировки Внутренних войск, и со мной десять офицеров прибыли в декабре 1999 года. Дорога на войну была короткой: от Моздока до Терского хребта, где, помимо нас, разворачивался армейский командный пункт. Грозный визуально не наблюдался. Погода была паршивая: то туман, то низкие облака. Да он нам зримо, как на картине, и не нужен был. Мы были операторами командного пункта ВВ, и в нашу задачу не входил самостоятельный поиск огневых точек противника. Нормальный оператор, он, когда читает сводку, смотрит на карту, слушает, что ему докладывают по телефону, обязан зримо представлять перед собой всю обстановку, анализировать, выдавать свои предложения -

куда перебросить войска, какое направление усилить, где обойти противника. Операторы - это мозг командного пункта, который собирает информацию, обобщает, докладывает, вырабатывает предложения для принятия решения начальника штаба. Потом тот докладывает эти предложения командующему. Операторы ведут обстановку, постоянно осуществляя сбор информации. Я был начальником оперативного отдела: помимо сбора, анализа, подготовки предложений, мы постоянно оформляли карты для доклада начальника штаба - командующему.

Стандартные доклады утром, в обед и вечером при осложнении обстановки отметались. Доклад немедленно: просто стучишься, заходишь. Карты велись круглосуточно: где войска, их положение, кто куда вышел, кто с кем взаимодействует. В этом кропотливом отслеживании была главная сложность нашей работы. Сложность была и в том, что офицеры в оперативный отдел были назначены с разных округов, и по уровню своего образования на первом этапе их вживания в дело не могли работать в полную силу. Порой у человека отсутствовала необходимая система знаний. Были такие ребята, с которыми мы в оперативном отделе проводили занятия. Оставались после дежурств, собирались возле карты, учили их, как правильно доложить информацию, чтобы не распыляться. Учили избегать лишнего. Командующему не надо рассказывать, что водовозка проехала десять километров, доехала до куста, из-за которого вышли боевики. Мы должны докладывать - почему это произошло на этой дороге, когда случилось. В своих докладах мы обязаны были давать выжимки.

Когда мы приступили к работе на Хребте, чеченская группировка, ещё целехонькая, обладала большими силами и средствами. Мы её просто обжимали. Наши войска по хребтам двигались к Грозному. Шло планомерное отрезание города от предгорий. Главной задачей было окружить его, прекратить подпитку людьми, продуктами, боеприпасами. Разведчики оценивали количество защищающих Грозный боевиков цифрой свыше пяти тысяч подготовленных, умеющих воевать людей. Арабы и другие наемники держались

отдельно. Даже чеченцам они особо не доверяли. Но в каждом чеченском отряде были эмиссары Хаттаба или группы арабов, выполнявшие контрольные функции. Через них поступали денежные средства. Арабы в чеченских отрядах работали, как идеологи. Внедряли идеологию по созданию Всемирного исламского Халифата, где предполагалось только две нации: мусульмане и их рабы.

Арабы-эмиссары контролировали своевременность докладов руководству чеченской группировки.

Существовала и система управления: повоевали, вывели боевиков, свежих ввели. Состояние подразделений внимательно отслеживалось

Российские войска обжимали чеченскую группировку, стратегическое положение и состояние духа которой, естественно, менялось в худшую сторону. Чеченцам тяжело было видеть себя окруженными, пусть даже и в городе, когда ты не можешь осуществить маневр силами, осуществить их переброску.

Неделю мы готовили командный пункт. Я уже доложил, что он готов к приему оперативного состава, к работе, как мне поступила команда спуститься «с бугра», найти группировку "Восток", что стояла под Сунжей и возглавить её. Сказали: "Прибыть, возглавить, организовать" ...Ответ один: «Есть».

Шел процесс слаживания подразделений. В группировке «Восток» помимо внутренних войск, была большая группа ОМОН, СОБР. Предстояло действовать совместно. На первом этапе, когда входили в пригород Сунжа, предвиделось, что будет какое-то сопротивление, и в то время стояла задача - зачистить территорию без напрасных жертв с обеих сторон. В каждой наступающей группе планировались проводник; представители чеченской администрации для разъяснения местным жителям происходящего.

Зачистка, идем по улице. С нами представитель - чеченец. Он обращается к жителям:

- Предъявите дом к осмотру.

На первом этапе боевых действий в Грозном так и было.

Начальную часть Старой Сунжи, пригорода Грозного, мы практически прошли без выстрелов, пока не подошли к третьему и четвертому микрорайонам, Как только мы вышли на улицу Лермонтова, и до высотных домов осталось метров четыреста, тут во второй половине дня все и началось...

В составе группировки «Восток» была 33-я бригада ВВ Паши Тишкова, 101-я бригада ВВ Евгения Зубарева - тогда они были полковники - сейчас генералы. Много было подразделений милиции - порядка 800 человек. Передо мной стояла задача - состыковать штурмовые группы внутренних войск со штурмгруппами органов внутренних дел: собровцами, омовцами, чтобы все работали слаженно. Сложности были разного порядка, в том числе психологического. Люди не знали друг - друга, а идут на такую задачу - штурм Грозного. Надо было пройти определенные стадии взаимодействия, тренировок, чтобы лучше узнать друг - друга. Таким образом, повышался уровень доверия. СОБР и ОМОН видят - с кем имеют дело, мы, внутренние войска, тоже понимаем с кем имеем дело. Определились: какой настрой у личного состава. А настрой на штурм у народа был серьезный. Мы выложили макет населенного пункта, подготовили карты, организовали взаимодействие, отработали сигналы: как, в каких случаях действовать, как поступать при осложнении обстановки, были назначены старшие штурмовых групп от милиции, внутренних войск, их заместители. Все мы отработали на макете. Выезжали на рекогносцировку поближе к Сунже: кто, как пойдет, где разместить для огневой поддержки минометные батареи. В это время Грозный был уже заблокирован, по узлам обороны противника велся обстрел, подавлялись выявленные огневые точки.

Макет, сослуживший нам великую службу, готовили командиры бригад, офицеры управления, начальники штабов. Как готовился макет населенного пункта, назначенного для штурма? Распилили на чурочки березку. Вот это домик, это улочка... Вся география Старой Сунжи была выложена из подручных средств. Постарались солдаты. Это была наша обычная жизнь.

Мы все привели к нормальному бою. Мы пошли в атаку не на "ура". Дескать, шапками закидаем. Были проведены занятия. ОМОН Питера провел учебные стрельбы из подствольных гранатометов.

Если говорить о возможности командному составу отдохнуть, то я исходил из понятия: не имеющий времени на сон командир - это ЧП.

Во время боя он может рухнуть без сил в любой момент. А к войне надо относиться философически. Конечно, мы спали мало, но... спали. В период подготовки к штурму людям давали отдохнуть, даже бани организовывали. Во всех бригадах создали запасы нательного белья. Во время интенсивного огневого воздействия перед Новым 2000-м Годом тоже организовали баню - все в группировке вымылись. Война войной, но солдат и офицер должны иметь человеческий облик.

Мы находились не на Великой Отечественной войне, где требовали: "Ни шагу назад!" Никто нам на этот раз не говорил". Взять Грозный к такому-то числу!". Но давление сверху чувствовалось. Рекомендовали поспешать. Да и понятно почему... Штурм Грозного был единым замыслом войны. Мы, участники его реализации, не могли действовать каждый со своей колокольни, и кто-то на севере, я на востоке оценивать все происходящее самостоятельно. Во-первых, информация доводилась до меня только в части меня касающейся. Общий замысел всей операции нам не раскрывался.

...Как только мы вышли на улицу Лермонтова, резко возросло сопротивление боевиков: пошел обстрел минометами, заработали чеченские снайпера, гранатометчики, пулеметчики. Наше положение осложняло то, что в этом микрорайоне улицы были непараллельны. По параллельным улицам возможно скрытное продвижение. Эти улицы в пригороде Грозного мы прошли нормально. Когда вышли на продольные, то сразу понесли потери. Ранено исполняющего обязанности командира 33-й бригады полковника Никольского. Его эвакуировали.

Пришлось занять этот рубеж, рассредоточиться, закрыть всю линию с поля от парников. Стали готовить огневые точки, оседлав все ключевые, выгодные угловые дома. Мы рассредоточились от реки Сунжа до парников. Получилась дуга.

Сто первую бригаду по ровному полю не стали пускать. Она зарылась в землю. В радиозэфире чечены вели себя, как обычно. Прослушивали нас, но это был не 1995 год. В эту кампанию ничего секретного им не обломалось. Какие-то обычные разговоры без кодировки, без скрытого управления они могли послушать и все. Кодировочку мы меняли периодически.

Против нас стоял какой-то Джамаат, 2-й Ингушский полк, группа "Кандагар", подразделения арабов. Солидные силы.

Были сведения, что боевики хотят вырваться из города через Сунжу. Вариант для отхода в горы обычный: и ближе, и местность позволяет, далее на Аргун, Джалку, Гудермес, а потом раствориться в лесах. Данные об отходе поступали серьезные. Несколько попыток прорыва через Сунжу чеченцы сделали. Зондировали, как мы себя чувствуем. Конечно, не было у меня никаких беспилотных самолетов. Разведданные по нашему направлению мы получали от генерал-лейтенанта Булгакова, командующего Особой группировкой района Грозный. Он от Министерства обороны непосредственно руководил всеми, кто штурмовал Грозный. За солидное, узнаваемое по радиостанции рычание Булгакова в офицерской среде уважительно называли Ширханом. Голос у него специфический, с замечательной командирской интонацией. Заслушаешься.

Булгакову надо отдать должное. У него огромный опыт. Прошел Афганистан, первую чеченскую войну. Он реально представлял, с чем нам придется столкнуться. Это очень подготовленный командир. С ним приятно было общаться. Он все понимал. Мы приезжали к нему на Ханкалу, говорили: «Товарищ генерал, у меня вот так обстановка складывается... "Все, давай, наращивай, - говорил в ответ, - продавливай". Не было такого: «Штыки примк-

нуть и в психическую атаку!» Старался помогать всем, что у него из средств и сил было.

Нам принесли данные, что за третьим, четвертым микрорайонами парковая зона и в ней скопление арабов, которые разбили там свой лагерь. Я доложил генералу, что у меня нет адекватных средств воздействия - не достаю до арабов минометным огнем. Через десять - пятнадцать минут пошло воздействие на противника. Булгаков нанес удар Градами. У него были тяжелые батареи "Мста", реактивные дивизионы. Его реакция на нашу просьбу была мгновенной. На севере Груднов столкнулся с трудностями и попросил поддержку. Булгаков помог. Не было такого, как в первую чеченскую войну: дескать, вы с одного ведомства, мы с другого, станьте в очередь, ковыряйтесь сами. Министерство обороны и МВД в 1999 - 2000 г. г. работали вместе, выполняя одну задачу. В этом и есть новая главная особенность второй кампании. Не было разногласий между офицерами армии, МВД и внутренних войск. Трудились на один результат, от которого зависело выполнение задачи. Кому-то тяжелее приходилось, другим чуть легче. В общем, кому как на роду написано. В Бога я не верю, а крестик ношу. Верно, есть что-то. Как оно называется - не знаю. Но над каждым человеком это неизвестное, властное, судьбоносное есть. И ведет человека по жизни. Руководит твоими действиями.

Когда мы непосредственно встали на Лермонтова - этой огненной улице, первое время спать пришлось по часу, два в сутки, потому что ночные вылазки боевиков стали постоянными. Это были их проверки, как мы себя чувствуем, как закрепились. Их попытки проскочить, просочиться ночью лишили нас, командиров, сна.

Надо отдать должное службе тыла: мы не испытывали недостатка в боеприпасах, специальных средствах. А по боеприпасам к минометам у нас был большой расход. У меня было две батареи 120 мм минометов и одна 82 мм. Они день и ночь работали по выявленным и разведанным целям, по данным, которые давали перебежчики. Сдавшиеся в плен боевики говорили: "Здесь и

там они сидят". Мы засекали, наносили на карты и старательно отработывали по целям. Так работали минометчики 101-й и 33-й бригад ВВ. Некоторые из них должны были уволиться в запас непосредственно перед штурмом Грозного. Жизнь не остановишь. Но надо отдать должное офицерам, которые провели с пацанами работу: Больше других командиру дивизиона, который потом погиб в селе Комсомольское. Дембеля остались не только на начало штурма. Они воевали до последнего дня, пока мы не вышли из взятого города. Я бывал на батареях. Как не побывать у бойцов тем, кто войной руководит. Геройские ребята: замызганные, грязные - одни зубы белые, но минометы чистые. Позиции подготовленные. Что ещё надо? Двадцати - девятнадцатилетние мальчишки, а работали очень хорошо. Я не помню ни одного накрытия, удара по своим. Чтобы они стрельнули, как попало - лишь бы выстрелить. Все, как в копейку. Просишь минометчиков: «Вот сюда надо» - и настолько четкое попадание. Конечно, это заслуга офицеров. Ведь стреляет офицер, а не миномет.

У чеченцев тоже работали минометы, осколки 82-х мм мин падали рядом с нами. Боевики вели обстрелы наших позиций. В первый день штурма нас накрыли с 82-х миллиметровых. Видимо эти места были пристреляны заранее, просто ждали, когда мы выйдем на рубежи. Мы понимали, что столкнемся с боевиками лоб в лоб. Если в начале Старой Сунжи люди находились в домах, то по мере приближения к городской черте, к первым высоткам, жителей в домах практически не было. Это был первый знак, что здесь что-то произойдет, надо ждать. И когда мы продвинулись в глубину, приблизились к боевикам непосредственно, они получили возможность применить минометы. Своих чеченцев в частном секторе они теперь зацепить не могли. А по нам с полным удовольствием могли отработать.

Чеченские снайперы вели огонь постоянно. Это были снайпера без всякой натяжки. Стреляли очень неплохо. Был случай, когда мы попытались вытащить нашего снайпера, убитого на нейтралке. Боевая машина пехоты вышла из частного сектора, где-то за двести метров до высоток, буквально че-

рез пять минут у БМП-2 ни одного целого прибора не осталось: ни одной фары, ни одного подфарника. Даже башню заклинили - пуля попала под погон. Настолько боевики плотный, точный огонь вели, что эта БМП просто пришла в негодность. В тот раз тело своего снайпера мы не забрали. Потом мы все равно его вытащили - парня с 33-й бригады внутренних войск. Его смерть была разгильдяйством... Два контрактника решили проверить в деле снайперскую винтовку. Поскольку в частном секторе сильно не развернешься, они вдвоем, наивно посчитав, что война как бы спокойная, решили выдвинуться на окраину микрорайона, чтобы пострелять по высоткам. В результате, как только контрактники вышли на ровное место, классически прошло первое поражение - по ногам. Один начинает кричать, второй стал метаться. Он не имел разгрузки, поэтому набил патроны в карманы ХБ. Ему тоже стреляли в ноги, но попали в карман, где лежали патроны. Пуля срикошетила - это и спасло парня. Слабость экипировки сберегла ему жизнь. И с криком: «Надо друга вытаскивать!» - он вернулся в расположение. Вытащить штатного снайпера не получилось. Огонь был настолько плотный. А лежал он очень близко к противнику.

Мы с улицы Лермонтова так дальше и не продвинулись. Если бы мы разбились на штурмовые группы и пошли продольными улицами в направлении высоток, то стали бы лакомым куском для боевиков. Наши группы по пятнадцать-двадцать человек просто уничтожились бы. Исходя из обстановки, при поступлении данных о планируемом прорыве чеченцев, мы были вынуждены закрепиться, создать жесткий рубеж обороны, который потом по приказу генерала Булгакова передали армейцам, обладающим большими силами и средствами. Нас, группировку МВД, отвели на день отдыха.

Нас отвели и тут произошли трагические события в городе Аргун. Шла передислокация армейцев и подразделений внутренних войск. Нарастивалась группировка: подтягивались силы из Гудермеса. На Аргун шла колонна. Перевозились тылы. Из засады напали боевики. Под огонь попал «Урал» 33-й

бригады ВВ. В эфире была запрошена помощь. Мы сразу выделили туда усиленный взвод: три БМП - пятнадцать человек десанта. На каждую БМП посадили по офицеру. Мы точно не знали, где "Урал", но нам сказали, что он обстрелян и его с людьми надо вытаскивать. Я туда отправил людей. На броне пошел заместитель командира батальона Никита Геннадьевич Кульков. Он получил Героя России посмертно.

Я ему категорически запретил входить в город! Ну на трех БМП - куда? По данным разведки в Аргуне в этот момент находилось 200-300 чеченских боевиков. Ведя атаку, они сковали действия местной чеченской милиции, заблокировали пункты дислокации приданных сил. Хозяйничали в городе, к вокзалу пошли. Когда наши парни из 33-й бригады подошли к мосту на въезде в Аргун, к ним навстречу выехал военный комендант, сказал: «Ребята, надо помогать! Там наши гибнут!» И Кульков принял решение: «Вперед!» Но как он принимал решение? Ему военный комендант, старший по званию и должности, приказал своей властью: «Вперед!» И, кто на этих трех БМП вошли в город, практически погибли все. Из пятнадцати военнослужащих - вышло только двое. Выскочили на одной БМП. Пришла машина. Пустой конвейер. Пустые пулеметные коробки. Расстреляли все. Механик-водитель рассказал: «Все погибли на выезде из Аргуна. Это в сторону Гудермеса - возле крайних пятиэтажек и элеватора».

II.

Через два дня мы получили задачу от Ханкалы - действовать в сторону Минутки. Сначала моя группировка прошла Ханкалу, потом мы ушли в сторону - в район дачи Доки Завгаева. Там занимал оборону штурмовой отряд 504-го армейского полка. Мы выдвинулись к ним, а потом вместе, двумя отрядами, пошли в сторону площади Минутка. Чуть попозже армейцев тоже передали мне.

Первое время нашей задачей было, продвигаясь за боевыми порядками армейцев: осваивать и зачищать тыл, чтобы боевики не занимали эту терри-

торию вновь. В принципе главной нашей задачей было выставить блокпосты, нарезанные на карте. Потом в связи с изменением обстановки и потерями в армейском штурмовом отряде эта задача изменилась. Мы получили приказ действовать в Грозном, как штурмовой отряд и пошли планомерно - квартал за кварталом: потихонечку, без лишнего фанатизма, вгрызаясь в чеченскую оборону.

Против нас по разведанным оказались те же силы, с кем мы бились на Старой Сунже. Чеченцы активно маневрировали по городу. Где их начинали прижимать, туда они перебрасывали лучших.

Чеченцы грамотно выстроили оборону. Создали единые системы траншей. Перекопали улицы на ключевых, просматриваемых точках: площадях, площадках. Все было под перекрестным огнем. Фундаменты домов с проломанными бойницами стали дотами. Боевики могли перемещаться скрытно. Внешне их не было видно. Малыми силами чеченцы были способны удерживать большие "ключи". В капитальных многоэтажных домах они проломили межкомнатные стены - для активного перемещения. В отдельных квартирах даже потолки пробивали, чтобы на веревке покинуть опасное место, Инструкторы у противника были в этом плане грамотные. Иногда спрашивают: «А что тактически нового придумали чеченские боевики при защите своего города, какую новую изюминку?» «А ничего, - отвечаю, - Мы им изюминку сделали». Боевики ожидали, что мы, как в 1994 - 1995 гг. введем технику на улицы Грозного. Под прикрытием личного состава, как написано в учебниках, пойдем стройными рядами. Построим елочкой огонь: правая колонна по левой стороне смотрит, левая по правой, а чеченцы нас будут планомерно расстреливать. Этого не произошло. Мы не стали использовать старую тактику. Мы выбрали другую. Впереди шел личный состав. Артиллерийские наводчики и авианаводчики действовали непосредственно в боевых порядках. Как только откуда-то начиналось сопротивление, группировка немедленно останавливалась, сообщала свое местоположение и противнику наносилось огневое поражение. После подавления сопротивления огнем, мы

начинали продвигаться дальше. В этом и состояла планомерность нашего движения.

Когда к нам на переговоры приходил «товарищ» с той стороны: дескать, давайте обсудим то, да се, боеприпасы не продадите ли, я отвечал: «Ты видишь, мы в эту войну даже погоны не снимаем. Видишь, у меня звездочки, знаки различия налицо. Видишь? Мы не прячемся от вас». Я ему говорил: «Дорогой, эта война немножко другая. То, что вы рассчитывали увидеть, вы не увидите. Мы вас будем сметать огнем, а потом потихонечку занимать ваши рубежи». Вот так мы действовали в направлении Минутки - планомерно и каждый день. Соппротивление было постоянное.

Минутку оборонял Басаев. У него была артиллерия, минометы, в том числе самодельные, зенитные орудия. Когда заходила на обработку наша авиация, по самолетам в открытую вели огонь басаевские ДШК. Для городских условий подразделения Басаева были довольно хорошо вооружены: гранатометы, огнеметы, снайперское оружие. К обороне Грозного чеченские боевики подготовились очень хорошо. Но они думали, что тактика второго штурма будет аналогична тактике первого, 1995 года, штурма. Рассчитывали на косность мышления, армейское дуболомство. Ура! Ура! Лишь бы доложить к празднику, к юбилею, выборам, как это было раньше, а мы шапкозакидательский вариант исключили. Основой тактики по освобождению Грозного стало: надежно давить огневые точки противника артиллерией, минометами, авиацией, а потом уже идти и щупать людей.

Мы действовали планомерно, не ставя себе никаких сверхзадач: «Взять Минутку к 1-ому января». Мы шли, как шлось.

Надо отдать должное армейским начальникам, с которыми мы, внутренние войска, работали... Генералу Булгакову, Казанцеву - это мудрые, вдумчивые люди. Булгаков, волчара военный, вот такой: «Я сказал. Сделай!» «Товарищ генерал, может вот так лучше будет?» - скажу. Задумается: «Да, ты думаешь, так лучше будет?» «Да». «Ну, давай». Зубр. За штурм Грозного от-

вечал Булгаков. А объединенной группировкой командовал генерал Казанцев.

Стратегически все решал Булгаков. Постановка задач от него была ежедневно. Он постоянно объезжал всех. Сядет в какой-нибудь УАЗик и мотанет, куда нужно. Раз его чуть БМП не раздавила: он даже травму серьезную получил. Булгаков плотного телосложения, голосина - труба. Как рявкнет, пчелы мед роняют. Как начнет рычать: «Дети мои, вперед!»

На своем направлении мы более удачно использовали имеющиеся силы и средства. И, наверное, имели наибольший успех из всех подразделений, охватывающих Грозный. Чем важна Минутка? При её взятии, она сразу отрезает северную, восточную часть города - режет их, рассекает и деваться боевикам некуда. Но большая часть боевиков все-таки отошла из города на другом направлении. Чеченцы обстановкой владели, внимательно слушали эфир, анализировали. У боевиков традиционно были серьезные средства связи, в том числе и со сканерами. Сканер ловит волну, на которой работает противник, потом включаешься и слушаешь.

Мы тоже хорошо знали противника, который, порой, откровенно саморазоблачался. У меня сохранился радиоперехват:

«Если русская броня подойдет к дому, вызывай артогонь, не дожидайся связи.

- Там гражданские.

- Все жертвы во имя Джихада. В раю разберемся.

- Русские начинают проческу и могут найти наших раненных.

- Закладка в доме есть? (имеется в виду фугас)

- Да.

- Тогда действуй при обнаружении. (Отдан приказ на уничтожение дома вместе с ранеными боевиками)»

Когда мы шли к Минутке, то всегда навверх, на крыши домов поднимали батареи СПГ-9. У нас они, как рапиры, как снайперские винтовки стреляли. За нашими артиллеристами чеченские снайперы особенно охоти-

лись. Многие из артиллеристов получили ранения. Расчеты СПГ-9 огонь вели, конечно, губительный. На прямой наводке исключительно точный.

- Видишь? - говорю командиру расчета. - Надо попасть в балконное окно.

Не вопрос, - отвечает.

Нижегородский армейский 245-й полк шел с нами на Минутку. Тоже настолько подготовленные ребята! Когда они на Минутке прорвались к высоткам, боевики начали сразу сдаваться.

Наши парни, 674-й полк ВВ, смотрят на армейцев, говорят:

- Красавчики! На едином порыве ворвались. Молодцы!

В эту войну все воевали локоть к локтю. Если что-то у армейцев не получалось - мы помогали, если у нас не шло - армейцы спешили на помощь. Из 504-го полка, приданного нам в боях на Сунже, начальник штаба их батальона прибыл к нам измученный насмерть чеченским огневым воздействием, постоянной бессонницей. Я ему говорю:

- Садись, рассказывай. В чем дело? Какая обстановка?

- Мы идем вдоль железной дороги, - говорит, - Боевики по каким-то продольным канавам ночью подбираются и постоянно обстреливают. Житья не дают. Простреливают все во фланг.

Мы ему дали свою кодировку карты, радиостанцию, накормили его, сказали:

- Езжай в батальон, сегодня ты будешь спать спокойно.

И по его заявкам с наших минометов все огневое воздействие боевиков исключили полностью. И это, несмотря на то, что он был в другом штурмовом отряде, у него был свой командир полка, свои артиллерийские и минометные батареи. Но он обратился к нам, потому что знал, как мы результативно работали на Старой Сунже.

Мы ему сказали:

- Езжай с миром. Будет тебе спокойствие.

Выполнили свое слово, но прощались так:

- Скажи своим начальникам - пусть нам подарят машину мин.

К тому времени они были в большом дефиците. Так мы, внутренние войска и армия, взаимодействовали при штурме Грозного.

Чеченцы под таким мощным огневым напором стали проявлять некую парламентскую активность.

Сначала к нам приехал представитель ФСБ и сказал, что к вам со стороны боевиков выйдет некий субъект, дал приметы. И тот действительно вышел, при нем радиостанция, нож и все. Представился Зелимханом, что он начальник службы безопасности Абдул-Малика.

- Я, - говорит, - прибыл к вам для переговоров.

Его притащили ко мне на командный пункт с завязанными глазами. Развязали ему глаза и начали вести беседу - чего он хочет? Был поставлен вопрос об обмене пленных, но на моем направлении с нашей стороны пленных не было. У нас в тылу был развернут госпиталь Красного Креста. Зелимхан попросил разрешения на вынос своих раненых в этот госпиталь. У них, у боевиков, дескать, заканчиваются медицинские средства. Я ответил:

- Не вопрос. Выносите. Один ваш раненый на носилках, а четверо наших пленных его несут. Вашим раненым окажут медицинскую помощь, а наши парни, плененные вами, останутся у нас. Зелимхан ответил:

- Я подумаю. Передам информацию на решение Абдул-Малика.

Мы тогда жестко закрыли Сунжу. Исключили проход в этот район всех. Им, боевикам, не нравилось, что все так жестко закрыто. Если в начале боевых действий на улице Лермонтова было еще какое-то движение людей, то мы это прекратили. Потому что это же утечка информации, вынос врагу каких-то сведений. Мы не раз вылавливали и сдавали нашим органам чеченских разведчиков. Однажды поймали ветерана первой чеченской войны. Он имел удостоверение о льготах. Документы были зашиты в подкладку. Один из лучших чеченских разведчиков... Мы держали под контролем эфир. Боевики проговорились: "Дед пойдет утром"... Мы тоже в тетрадочку записываем: "Дед пойдет утром". Понятно, дедушку надо встречать. Вычислили деда.

Привели ко мне старого, злобного волка. Глаза от ненависти к нам были у него где-то в районе затылка. Налитый злобой хищник. Может, были у него агентурные способности, но их ему не удалось проявить. Если бы у нас не было информации, что пойдет дед - хромой, с палкой, он, матерый враг, может и прошел. Но у 20-го отряда был сканер и мы организовали пост прослушки.

Когда официальная часть переговоров с Зелимханом закончилась, я ему говорю:

- Зелимхан, ты что не понимаешь, что война переходит в другое русло. Заканчивайте сопротивление. Людей, атакующих толпами, как это было в первую войну, вы больше не увидите. Бронетехнику не увидите. Мы просто будем уничтожать вас артиллерийским, минометным огнем и авиацией. Больше вам людей никто не подставит, чтобы вы настрелялись в свое удовольствие. Война перешла в другое качество. Каков смысл вашего сопротивления? Мы вас просто перемелем. Давай вести другой разговор.

Наш разговор потом шел о том, что боевики будут сдаваться: выходить по одному, с дистанции 50 метров складывать оружие перед постом и проходить в накопитель...

Вопрос о сдаче стоял, но что-то не получилось. Абдул-Малик, полевой командир, был идейным арабом. Поэтому чеченские боевики, не решившись на сдачу, жестоко пострадали, понесли невосполнимые потери.

В завершении разговора Зелимхан попросил продать боеприпасы. От такой наглости я поперхнулся.

- Э нет, дорогой, - сказал я. - Ты что не видишь, здесь все люди нормальные. Мы тебе даже использованную укупорку не подарим, чтобы вы в неё по-большому не сходили.

Зелимхан ушел от нас в горе.

Как-то иностранных корреспондентов на моем направлении выявили. Мы их, как положено, обласкали. Аккредитация у них была по Москве, а

журналисты оказались в городской черте Грозного. На их лицах было неподдельное удивление - за что задержаны? Но когда я попросил российскую аккредитацию, разрешающую находиться в зоне боевых действий, тут они успокоились. Я их спросил:

- Где вы должны работать?

И сам же с улыбкой за них ответил:

- Город Москва. А вы где находитесь? Вас же здесь нет... Вы тут можете потеряться. Здесь такие места. Да мы вам жизнь спасаем, задерживая.

Мы доложили наверх. Говорят:

- Ждите. Пришлем за журналистами вертолет.

Их человек пять, шесть было. Все мужского пола. Американец, англичанин, испанцы, чех, поляк. Они на волгах довольно нагло въехали в район, подконтрольный нам. В сопровождении чеченцев передвигались. А у меня бойцы-то внутренних войск, обучены особой бдительности, докладывают:

- Товарищ полковник, по деревне шарятся непонятные люди с видео камерами. Вроде как не по-русски говорят.

Я приказываю:

- Всех собрать и ко мне на беседу.

- Есть.

Приводят. Спрашиваю:

- Кто такие?

- Да мы журналисты.

- Я вижу. Дальше что?

- Нам разрешили. Мы в командировке. Все снимаем.

- А кто разрешил?

- Да мы тут везде проехали, нам слова никто не сказал. Мы все сняли.

- На моем направлении другие порядки, - говорю. А у меня собры в подчинении. Командую:

- Видеоаппаратуру сдать на проверку. Ребята, проверьте. Есть специалисты?

- Есть, - отвечают собровцы.

- Фотоаппараты сдать.

И тут началось. Они мне:

- Может, вам шампанского? Хотите? Скоро Новый Год.

- Спасибо, не употребляю.

- Может, есть желание домой позвонить? (журналисты имели в виду свою космическую связь)

- Жена на работе, сын на службе. Звонить некому.

Я потом говорю:

- А вот бойцы-то, наверное, позвонят. А ну-ка, боец, иди сюда. Мама где у тебя?

- В Сибири,

- Маме хочешь позвонить?

- Ну, что? - Обращаюсь к журналистам. - Пусть мальчик позвонит.

Поставили телефон. И мальчики по одному как пошли из окопов звонить. Но журналисты это почему-то не снимали.

- Вы, наверное, голодные? - спрашиваю корреспондентов.

- Да так, - не знают, что отвечать,

Сейчас накормим. - А у нас самих есть толком нечего было.

- Обед пока не готов, - говорю. - А русскую экзотическую кашу будем есть?

- Какую кашу?

- Ну, елки зеленые! Сколько лет в России работаете и не знаете. Ну-ка откройте им несколько банок солдатской каши с тушенкой, - команду.

Открыли им, разогрели.

- А ложки, боец? - спрашиваю. Отвечает:

- Ложек нет.

- Сухари есть?- интересуюсь.

- Есть.

- Неси.

Спрашиваю иностранцев:

- Все умеют применять сухарь вместо ложки? Вот так, смотрите... Делай, как я. - Пришлось научить этой премудрости журналистов.

- Ты что, мало зарабатываешь?- говорю корреспонденту. - Коллеги, снимите его за чашкой солдатской каши. И главный редактор за этот подвиг ему зарплату в два раза увеличит - по прибытии.

Американец-журналист, слушая все это, катался от смеха. Потом Коля Зайцев принес им чая в термосе.

- Чай будете?

- Будем.

Достали наш чайник закопченный, кружки грязные. Боец такой счастливый - домой маме позвонил - тоже закопченный - одни зубы блестят, колдует возле плиты: чай в кружках подал, несет, палец в кипяток обмакивает, улыбается:

- У меня ещё лимончик есть, - докладывает. В одной руке лимон, в другой ножичек. Порезал лимон грязными руками, подал.

Говорю:

- Сахара нет, но у нас есть новогодние подарки. Конфеты господам.

Карамельки какие-то принесли. Журналисты окончательно поняли - куда попали. Называется - передний край. Я потом говорю англичанину:

- В Москву вернешься, позвони моей жене, - даю телефон, - Скажи, за Моздоком на прогулке встретил вашего мужа. Он в штабе работает. С Новым Годом семью поздравляет. Понял?

- Понял.

И, молодец такой, позвонил. С войны приезжаю, жена говорит:

- Звонил очень вежливый парень, говорит с акцентом, поздравил с Новым Годом. Порядочный такой.

Я говорю:

- Он же джентльмен. Англичанин. Как он не выполнит, если слово дал.

Его звонок был как раз перед Новым Годом.

Испанцу - журналисту говорю:

- Ты-то сюда зачем приехал? У вас в Испании своих проблем предостаточно.

К американцу обращаюсь:

- Он, наверное, думает. Сейчас какой-то Хулио идет по белоснежному пляжу с белоснежкой, а потом на яхте в том же составе читает его материал о Чечне. А оно ему это надо там, в Испании? Или ты им стрессовыми ситуациями пищеварение улучшаешь?

- А можно мы снимем, как ваши солдаты стреляют? - просят меня журналисты.

- Да зачем вам эти игрушки?

Пацаны говорят:

- Товарищ полковник, а что? Можно поработать.

Танк вылетает. Журналисты к нему вплотную. Танк как шарахнул. Все корреспонденты на задницу упали,

- Сняли, - говорю. - Достаточно,

Нормально, в общем, людей приняли. И отправили их в тыл для их же блага. По документам, они все в Москве были прописаны. Как они к нам попали?

Они уехали очень довольные. Но на прощание опять пожаловались, что зарплата за эту командировку на войну у них будет маленькая - ничего не удалось снять. Прилетел вертолет и увез корреспондентов от греха подальше.

Однажды была чеченская попыточка количеством человек в двадцать подсесть к нам ближе - для последующего прорыва в ночное время. Все они скрытно сосредоточились в доме - в метрах 200-300 от нашей передовой. Разведчики засекли их, дали возможность сосредоточиться. Потом с двух направлений всю эту группу в доме уничтожили огнеметами "Шмель", чем показали боевикам, что глаза у нас есть, уши тоже на месте. После этого новые

попытки прорыва через Сунжу были исключены. Потому нас перебросили. Поступили твердые данные, что боевики через Сунжу не пойдут. Это была основная причина нашего отвода.

Ночами мы жестко гоняли чеченцев. Некоторые военные обозреватели, знающие бой со стороны, пишут в своих обзорах: «Российские штурмовые группы грешили однообразием мышления». Не знаю. Мы размышляли творчески. Позывные у нас, конечно, были от кутюр - "Плэйбой", "Никитà", в 33-й бригаде "Прицел". Чечены переговаривались в эфире: «Что за отморозки против нас, урки что ли?»

Я с минометчиками посидел, подумал:

- Давайте разнообразим огонь. Я вам скажу: «Трубы врозь». Значит, каждый миномет стреляет в свою зону.

Мы взяли часть штурмуемой нами территории и поделили олимпийскими кольцами радиусов поражений отдельно падающих мин. Получалась довольно солидная площадь. Залп и каждый миномет бьет в свою точку. Команда идет открытым текстом. Её можно и пропустить. Какие-то "трубы врозь", а потом залп. И все у боевиков накрывалось. Они тоже нас внимательно слушали. Когда ночью говоришь: "Свет!", миномет стреляет, вешает "люстру". Потом команда: "Залп!» Идет накрытие. Если люстру увидел - чеченцы смекали - надо уходить в укрытие. Мы эти команды чередовали: «Свет! Залп!» Потом немножко покурим: «Залп! Свет!» А что нам оставалось? И это не только наши идеи. Наверное, кто-то невидимый подсказывал...

Однажды ночью они нас жестко атаковали. Обстрел начался серьезный. Мы даже понесли потери. Разведку накрыло прямо в здании - через крышу - они отдыхали там. Прилетела мина, потом гранатомет по разведчикам отработал. Пришлось разозлиться. И полночи мы чеченцам давали шороху: «Залп! Свет! Трубы врозь! Свет! Залп!» А у них праздник был, когда они могут принимать пищу только до подъема солнца. Понятно, что на огневых позициях боевиков находятся дежурные силы. Остальные как бы на от-

дыхе - в подвалах. Мы продумываем - во сколько встает солнце? Во столько-то. Хорошо. Во сколько боевикам нужно встать, чтобы успеть покушать и выдвинуться на позиции? Рассчитываем период и накрываем всю площадь беспорядочным минометным огнем. Вот так мы включались в их рабочий день. Мы делали все, чтобы максимально поразить врага, а не так как по старинке: «По рубежам! Огонь!» Всю эту тупость мы оставили в прошлом. Чеченские потери мы оценивали так... Выходили беженцы. Мы им задавали вопросы:

- Как обстановка там?

Они говорили:

- После новогодней ночи в этом доме весь подвал забит ранеными.

Через некоторое время другие выходят. Спрашиваем:

- Как там наши друзья себя чувствуют?

- Очень много раненых. Кричат!

У боевиков уже кончались обезболивающие. Конечно, они несли потери. И мы этому старательно способствовали.

Кладбище там было. Боевики по ночам пытались хоронить своих. Разведка докладывает: "На кладбище шевеление".

- Что за шевеление?

- Очевидно, готовятся. Будут зарывать погибших.

Мы накрывали этот квадрат минометной батареей. А что было делать? Война. Цель сосредоточенная. Простые люди на кладбище по ночам не ходят.

Мы не давали чеченским боевикам покоя ни днем, ни ночью. Поэтому на нашем направлении где-то после Нового года их сопротивление ослабло.

Девочки-снайперы нам, конечно, обещали в эфире:

- Мы вам, мальчики, все яйца поотстреливаем.

И до последнего дня, пока мы оттуда не ушли, снайперский огонь со стороны чеченцев был изумительно точный.

Нас пришла менять армейская мотострелковая рота. Мои сидят в дотах, подготовленных гнездах, налицо снайперские, пулеметные позиции - есть где скрытно перемещаться. А вновь прибывшие мотострелки встали в полный рост:

- Да что вы, пацаны, здесь все ништяк. Что вы прячетесь? Когда за полчаса у них срубили трех, четырех бойцов, смотрим - мотострелки уже пригнулись, на наши позиции уже стали обращать внимание. Мы им снова говорим:

- Ребята, здесь другой вариант не проходит. Выщелкают всех. Что касается так называемой психологической войны в эфире, ну настолько ичкерийская гавкотня надоела. Он мог сидеть не перед нами, а где-нибудь в Ведено и твякать на всю Чечню. Что нам обращать на него внимание?

Иногда мы отвечали в эфире:

- Уважаемый, выходи бороться! Мы тебя, брат, сейчас приголубим. Хватит впустую вякать.

На угрозы мы никакого внимания не обращали. В дискуссии, рядовую ругань не втягивались. Старались дисциплинированно себя вести.

Продвигаясь к площади "Минутка", мы применяли тактику, опробованную на Старой Сунже. Наши основные силы были: штурмовой отряд 504-го армейского полка, отряд 245-го армейского полка, отряд 674-го Моздокского полка ВВ и 33-я Питерская бригада ВВ. СОБРы, Питерский ОМОН были со мной до последней секунды. Зайцев Николай Андреевич был моим замом по милиции. Теперь он тотальный пенсионер. Хороший мужчина.

Мы зашли на Минутку крыльями. Первый полк был у нас в оперативном подчинении. Он на левом фланге отрезал противника от крестообразной больницы - это наше левое крыло. Силами 33-й бригады, 674-м, 504-м и 245-м полками мы взяли Минутку как бы в подкову. Вошли, охватили с флангов и замкнули свои крылья на Минутке. Жестко встали, заняли оборо-

ну. Особенностью наших действий было: начинали огневой бой утром, заканчивали в обед.

Каждая группировка: с севера, с запада в свое определенное время начинала давить. Чтобы боевики не могли понять, где главное направление удара. Булгаков, например, говорил мне:

- В семь часов ты вперед.

Я отвечаю:

- Товарищ генерал, в семь часов я ничего не вижу. Во-первых, у нас плановый утренний огневой налет по всем точкам, - а сколько ни попросишь, Булгаков давал огня. - Пока осядет среди домов кирпичная пыль, сойдет туман. Давайте, - говорю командующему, - будем начинать, когда развиднеется. Я вижу, кто по мне стреляет - я его давлю. А в тумане носом к носу столкнулся... Хлоп. Хлоп. Всё. Опять разбежались. Никто никого не видел.

Поэтому у нас, как у немцев было. Утренний кофе! Немцы, кстати, в тактическом смысле были очень молодцы.

Утренний чай. Смотрим... Туман сел, пыль осела. Мы даем команду:

- Вперед!

Мы видим свои подразделения. Я с ними все время находился: в зоне прямой видимости. Главное, когда солдат знает, что ты, командир, идешь непосредственно за ним. Он спокоен, когда командный пункт, а это несколько офицеров, которые тащат все на себе, идет за наступающими бойцами. Солдаты всегда знали, что мы рядом. Мы их не бросали. Воевали не так, как написано в уставе: «НП - километр от переднего края, КМП - 2, 3 километра». Мы были с солдатами. В условиях города это надежнее, никто тогда не отрежет командный пункт, где только офицеры с картами и связисты. Так мы двигались на Минутку.

Утром наносился удар всей группировкой по выявленным целям. Это был сигнал к началу действия. Но мы, как правило, не начинали, пока результаты артиллерийского удара не создадут нам условия для дальнейшего

продвижения. Как только все оседало, появлялась видимость, мы начинали идти. Где встречали сопротивление, то сразу давили его минометами, артиллерией, бомберами - авиацией, Булгаков не скупился на боевые средства. Была создана группа офицеров по применению артиллерии, которая работала изумительно. К артиллеристам мы испытывали максимальное уважение. Только благодаря им, у нас были минимальные потери и максимальное продвижение.

Настолько точно вели огонь! И никто не гавкался: «Ты что? А ты что?!» Меня удивляло - насколько слаженно работали! Артиллерийскими наводчиками были офицеры от старшего лейтенанта до старших офицеров - командиров батарей. Офицеры - умницы были!

Если мы заходили в какой-то многоэтажный дом, я выделял себе комнату для командного пункта... Лежала моя единая карта, рядом командиры полков, у всех листочки с кодами. Мы даже улицы на нашем направлении переименовали, чем ввели в большое заблуждение боевиков. Мы все разговаривали на одном языке - в едином реальном масштабе времени. Обстановка собиралась сюда же: вся и немедленно. В соседней комнате работала группа артиллеристов - вот они рядом. Происходило буквально следующее:

- Леша, срочно - цель!

- Вопросов нет: сюда, так сюда. Удар!

Единственное, чем был недоволен генерал Булгаков... Говорил мне:

- Так. Я свой командный путь к тебе подтягиваю. Отвечаю:

- Я тогда в соседний дом перейду. Он:

- Ты что - со мной работать не хочешь?

- Нет, мне просто неудобно будет вам мешать.

Командный пункт генерала Булгакова тоже все время перемещался. Мы у него очень много почерпнули. Огромного опыта человек.

Самое первое достоинство в нем - целесообразное принятие решений. Булгаков никогда не махал шашкой. Он выслушивал всех и принималось наиболее целесообразное решение, при воплощении которого он применял

все силы и средства. Не метался: «Ах, я щас сюда! Ах, щас я туда! А вот туда нет». Булгаков действовал продуманно, планоно, жестко. Требовал тоже жестко. Мог и нехорошее слово сказать, но если видел результат, то прощал. Во-вторых, всегда реагировал на неоправданные потери, на невыполнение какой-либо задачи: «В чем причина?! Докладывайте!» Он не выносил обмана - это когда некоторые командиры в угоду обстоятельств начинали выдавать желаемое за действительность. Или, наоборот, никаких мер не принимали, чтобы задачу выполнить, какой-то бред несли в эфире, типа: «Перегруппируюсь, накапливаюсь». А Булгаков: «Ты мне уже двое суток перегруппируешься и накапливаешься».

О СОБРах в ходе штурма у меня остались самые лучшие впечатления: никаких вопросов к ним, никаких тренировок. Командиры были хорошие. ОМО-НЫ проявили себя с самой лучшей стороны: красноярцы, питерцы.

Остались в памяти норильские собровцы. Снайперская пара выдвигается на работу. Я говорю:

- Так, поаккуратнее.

- Есть.

Ушли. Залегли. Ночью: бух, бух. Два выстрела. Приходят - две насечки на прикладах сделаны. Говорят:

- Винтовочка СВД старовата, но хорошо работает.

Хорошие, серьезные воины. Без всякой дури, гиков ветеранских. Пальцы веером никто не гнул. А их никто и не ставит, если в боевом коллективе складываются нормальные, рабочие отношения. Когда они понимают, что ты на войне ими правильно руководишь - тогда тебе верят. Не придумываешь там что-то невообразимое, типа: «Встаем - я первый. Вы за мной. И кричим «Ура». И в беспощадной атаке сносим всех, занимая высотку. А потом? Высота-то нам нужна? А х... его знает! Нужно только доложить об исполнении.

Надо всегда трезво оценивать ситуацию. А потом у нас практически был сухой закон... Требование мое такое. Не было случаев, чтобы кто-то в моем поле зрения оказался в нетрезвом виде. Война должна идти на трезвую

голову. Тогда никаких глюков не появится. Порывов на ежесекундный подвиг, на авантюры разные тоже не будет. Не было у нас стремления доложить, что что-то взято любой ценой. Нормальная, спокойная работа. Но были, конечно, случаи интересные...

Когда на Минутку шли, заняли мы школьный комплекс. Разместили на крыше батарею. Как обычно, стреляем. Офицеры работают. Мебель какую-то нашли, чтобы карту в моей комнате разложить. Стульчики поставили, дверь сняли - вот и стол появился. Создали минимальные удобства для работы. Начали, шлепаем. Заходит паренек - офицер, капитан, и особо не оглядевшись, говорит:

Так. Ну-ка, закончили тут все - на хрен. Я тут со своей разведротой, блин, порядок наведу. Кто будет дергаться, всех к ногтю...

- Ты кто, дорогой? - спрашиваю.

- Я командир разведроты.

- Очень приятно. Ты что так себя ведешь?

А капитан это в дымину пьяненький.

Я опять:

- Ну ты будь поскромней. Ты, извини, мы уж тут начали без тебя.

А в 674-ом полку был командир роты с погонялом "Кирпич". Я ему говорю:

- Кирпич, ну-ка поговори с джентльменом из разведки. Серега этого разведчика отвел в сторону, прояснил ему ситуацию. Надо сказать, парень сразу въехал, принес свои извинения и больше мы его не видели.

Но вот почему-то остался в памяти этот пьяный парень «Ну так, закончили. Я тут сам войнушку организую». В общем, мы на командном пункте попали под раздачу: войска идут, а нам нужно сворачиваться.

Ещё один раз сидим. Все нормально, стреляем, войска идут. Настроение бодрое. Вдруг стрельба, бешенная в тылу - что такое? Стая боевиков, что ли прорвалась? Или вылезли из колодца? Притаскивают экипаж БМП. Кон-

трактники. Снова не наши, и в хлам пьяные. Я дал команду их разоружить. А те у меня на командном пункте стали права качать: «Ну что - с кем тут разобратся?»

Я говорю:

- О, ребята. Ну-ка, разведчики, объясните им ситуацию - куда они попали и каковы здесь правила хорошего тона.

Разведчики физическое воздействие к ним не применили, а уложили их на пол, руки за спину. Я вышел по радиации на командира этих контрактников, говорю:

- Тут БМП твоя заблудилась.

Этот экипаж спьяну стрелял по домам - куда попало. Может, куры какие по дворам ходили. В общем, устроили войну. Так обычно бывает с теми, кто стоит в тылу. У них, как правило, боевые действия возникают спонтанно, скоротечно и ведутся с высокой плотностью огня.

Приехали офицеры, забрали своих контрактников. Ну, может, за счет и этого тоже с армейскими офицерами нормальные отношения выстраивались. Ведь не было никаких докладов наверх:

- Товарищ генерал, пьяный экипаж номер такой-то, контрактники Вася, Петя - и дальше по существу вопроса.

Нашу тамошнюю жизнь, если воспринимать без юмора, умрешь от заворота мозгов. На третью, вторую неделю скончаешься.

К жизни надо относиться философически. Когда меня спрашивают - давно ли я вывел такую формулу личной жизни, я переспрашиваю:

- Выгляжу нормально?

- Нормально, - отвечают.

- Значит, давно.

Война - это война. А жизнь - это жизнь. На чеченской войне я злой бывал. Даже очень. На бестолковость. На отношение к людям, как мясу. Конечно, в начале второй компании случались попытки командовать: «Вперед и все!» Бывало, давили на меня: « Вперед туда - выполнить задачу!» Вопросов

нет. Выполним. И задавал мучительные кое для кого вопросы: «А кто меня поддерживает? Кто прикрывает? Кто у меня сосед справа, кто слева? При следующем развороте событий, куда я должен отходить? И самое последнее говоришь: «Я вас попрошу - дайте мне, пожалуйста, достоверные сведения о противнике». Молчание... Сведений никаких нет.

- Давай дуй! Наступай на север, - говорят мне, - у тебя все нормально будет. Надо переправиться.

Ну, переправлюсь. А дальше что? Кто меня там ждет? Сведений никаких нет. Что там будет? Как оно повернется?

А это все исполнять солдатику. Живому человеку. Солдатик пошел... Хорошо, если в таком бою вместе с солдатом погибнешь, а если нет? Как дальше жить, если знать, что кто-то погиб по твоей вине? Тяжелая ноша. Командирская. Ответственность офицера в мою молодость воспитывала сама система его подготовки. Начиная с училища, она была глубокой, продуманной. Во-первых, воспитывали чувство ответственности за свои деяния. Во-вторых, мы учились побеждать врага.

Солдат хорош, когда обучен. А СОБРы, ОМОНЫ, с которыми мы шли на Минутку, прошли первый штурм Грозного, и теперь участвовали во втором. С биографией офицеры! Проверяли меня, спрашивали перед штурмом:

- А если вот так будет?

- Будет вот так.

- А если такой разворот событий.

- Будет вот так.

Когда шли на Минутку, на пути встретился какой-то хитрый школьный комплекс. ОМОНЫ решили залезть на него. И попали... Я минометчикам отдал приказ: «Прикройте!» Те отработали по боевикам окончательно. Мы никогда не бросали своих. До сих пор дружим. Перезваниваемся.

СОБРы, ОМОНЫ пришли на войну без бронетехники. И мы находили выходы. Грызли и грызли чеченскую оборону. И ничего. Дошли. Как говорят

французы: «Каждый должен внести свой лепет в общее дело». Ну, мы внесли.

По ходатайству генерала Булгакова я был представлен к званию Героя России. Вручали в Кремле. Когда вручали, подошел ко мне однокурсник моего сына по Рязанскому училищу ВДВ - тоже Героя получал. Подходит:

- Дядя Женя, здравствуйте!

А я им не раз в училище сумки продуктовые таскал - надо было подкармливать подрастающую российскую десантуру.

- Как служится?- спрашиваю.

- Нормально.

- Возмужал...

Вот такие в России ребята. А на фуршет после вручения Звезды я не попал. Надо было идти со всеми наградами. Ну что я поеду через всю Москву наряженный, как елка? Греть там в метро!

Начинал я в танковых войсках Министерства обороны. В 1996 году уволился из армии за профнепригодностью и перешел во внутренние войска. Не думал, что смогу в штабе функционировать. Но мне всегда нравилось работать с людьми.

Ну а в истории с российским флагом, поднятым на Минутке, было так. У офицера пресс-службы УВД Алтайского края. Веры Кулаковой на Минутке в первую войну - в августе 1996 года - погиб муж. Когда Вера узнала, что нас перебрасывают на Минутку, она, в ту пору командированная в Чечню, приехала, рассказала, как было дело. Офицеры, воевавшие с её мужем, сохранили российский флаг, снятый ими со здания Временного Управления МВД РФ в Чечне (ГУОШ), когда покидали его в августе, и передали Кулаковой Вере. Она попросила меня:

- Когда на Минутку выйдете, сообщите мне по рации, я приеду. Она - человек активный. Как представитель пресс-службы МВД, все время мета-

лась по войскам. У неё государственные награды, в войне соображает. Я ей сообщил:

- Мы вышли на Минутку. Можешь подъехать. Увидеть, где муж воевал и погиб.

Она приехала и говорит:

- Вот у меня флаг. Я дала слово - поднять его на Минутке. Будет правильно, если флаг поднимете вы, Евгений Викторович.

Вот я его и поднял. Не ожидал, что видеоматериал пройдет по Центральному телевидению, и его увидит моя жена, которой я в начале штурма Грозного позвонил и сказал, а потом ещё пару раз подтверждал, что сижу в Моздоке и карты рисую.

III.

С большим трудом, чтобы сохранить в своей памяти навсегда, я нашел видеопленку, на которой полковник Кукарин поднимает над Минуткой российский флаг... Заснеженный, разбитый вдребезги укрепрайон чеченских боевиков. Множество их в камуфлированной экипировке лежат в развалинах, настигнутые метким артиллерийским огнем. Двое российских военных пробиваются через грозненские каменоломни на крышу высотного дома, у Кукарина в левой руке автомат, в правой российский флаг. Боец силится пролезть в узкий, с острыми краями, лаз и пулей взлетает наверх, посаженный могучими руками полковника. На Минутке он поднял два флага. Поднятие первого, сохраненного Верой Кулаковой в память о погибшем здесь, на Минутке, муже, в эфире не показали. Вся Россия увидела, как полковник Кукарин Е.В., закрепив на заснеженной крыше высотки, государственный флаг, оборачивается и говорит:

- А этот флаг поднят в честь победного штурма Грозного, - и, обращаясь к чеченским боевикам, продолжает: - И никакой Хаттаб вам не поможет его снять. Надо будет, мы повесим его в третий раз на другом флагштоке.

Потом боевой полковник с мудрыми, невеселыми глазами сказал:

- За погибших в этой и той войне, - и, салютуя, выпустил из своего автомата в чистое, свободное небо Грозного длинную очередь.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

*«В последние годы ты придешь в землю,
избавленную от меча...»*

Иезекииль. Глава 38.8

БАБОЧКА – СМЕРТЬ

I.

Когда в сторону блок-поста из каменоломен Грозного, клубясь, начинался выход очередной серой толпы беженцев, прикомандированный опер первым брал в руки бинокль, лез на крышу и занимал резервную лежку снайпера, чтобы присмотреться к идущим. В грозненской толпе молодые русские женщины были большой редкостью. Боясь всех: боевиков-чеченцев, российских воинов-освободителей, эти несчастные, спасаясь от нескромных взглядов и зимних холодов, закутывались в "броню" старых, истертых пальто, изъеденных молью платков, шалей и домашних халатов. Давно немые старухи, старики, женщины и дети проходили через блок-посты, стыдясь своей неопрятности, бедности, пряча глаза от тщательно фильтрующих их специалистов из МВД, ФСК и военной контрразведки. Русские старики и старухи, умирающие от голода, подозрений не вызывали, у них даже документы не требовали. А вот молодежь, если обстановка просила, могли досмотреть. Молодые чеченские боевики не раз пытались вырваться из окружения в женском тряпье. Но российские наблюдатели вычисляли их ещё на подходе к блок-постам. Мужик или юноша, переодеваясь женщиной, стараясь подражать ей, как ни старался, все равно выглядел педерастом, а на эту публику, особенно после 1991 года, когда гомосеки активно пошли во власть, у российской милиции, возмущенной таким безобразием, глаз был наметан.

Количество беженцев, покидающих город, нарастало после ночных боев, обстрелов комендатур и блок-постов, когда осажденные чеченцами русские, запрашивали огневую поддержку, и из укрепрайонов Северный или Ханкала летели мины 120-ти миллиметрового калибра, которые поражали боевиков и заваливали тесно набитые мирными жителями подвалы домов, обрушивая, словно тысячепудовым молотом, этажи многоэтажек. Профессиональные корректировщики огня на милицейских блок-постах и в комен-

датурах отсутствовали, и минометы наводились с поправкой: " Чуть правее, левее 50 метров".

Прикомандированный опер, частенько залегавший с биноклем на лежке снайпера, любил уединение. Майор Никандров не только отсматривал пространство развалин вокруг блок-поста, фиксируя мельчайшие перемены, он после шумной, многомиллионной Москвы наслаждался одиночеством. Грубые солдатские шутки о том, что, забираясь на "кукушку", он высматривает себе невесту, опер из ГУОП МВД РФ не пресекал, потому что, если на блок-посту - микроостровке России, исчезнет смех - это "не есть гут". В боевой обстановке лучше беззлобно смеяться, чем беззвучно, тайно от всех, плакать.

Прошедшей ночью по квадрату, подконтрольному соседней комендатуре, даже ударили Градом, потому что по ней взялся работать чеченский снайпер. Бил по личному составу из мелкашки с разных дистанций, всегда попадая в голову.

После ночного удара опер ожидал исхода мирных людей через свой объект, и тот начался, как только инженерная разведка без происшествий зачистила улицы.

В надвигающемся на блок-пост стонущем клубке людей майор Никандров долго не мог увидеть ничего примечательного. Изможденные, опухшие от голода, кирпичного цвета лица, глядящие в землю глаза людей, идущих в никуда. Бегство мирных грозненцев из квадратов смерти он видел десятки раз и всегда содрогался. Жизнь русских грозненцев, безысходность, с которой они покидали родной город, опровергали известные истины: "человек человеку друг, товарищ и брат". Тот, кто такое выдумал, представлялся Никандрову далеким от жизни сказочником. За несколько дней до январского штурма основная масса чеченцев была вывезена дудаевцами в горы, в соседние Ингушетию, Дагестан. Узлы чеченского огневого сопротивления были возведены в многоэтажках русских районов Грозного. И вся сила авиаци-

онных, артиллерийских ударов наступающих российских группировок обрушилась на мирных русских жителей Грозного - заложников этого города.

Были случаи, когда чеченская семья, уезжая в горы, забирала с собой русских соседей. Но в основной своей массе на русских срывали зло. Чем ближе продвигалась российская армия, тем меньше в Грозном стоила жизнь человека.

Блок-пост, на крыше которого под маскировочной сетью с биноклем лежал Никандров, возвышался над Сунжей - черной, вонючей речкой, делящей город на две неравные части. Развалины жилых домов, словно живые головы с выбитыми глазами теснили блок-пост и простреливались с него насквозь. Поэтому боевики редко обнаруживали себя. Разведка считала, что этот блок-пост использовался для прохода чеченской агентуры, выявлять которую пытались уже на визуальном уровне.

Майор Никандров имел высшее историческое образование. За его плечами был провинциальный пединститут. Готовя курсовые работы в госархиве, он наловчился работать с документами, привык читать их по несколько раз - вдоль и поперек, раз за разом возвращаясь к началу документа и его концовке. Точно таким же образом он отсматривал в бинокль интересующих его жителей Грозного. Укрытый от вражеских снайперов бетонным козырьком строения и маскировочной сетью, он наблюдал людей на всем пути их движения в зону его ответственности, а потом спускался вниз и редко ошибался в расшифровке лиц, проходящих через блок-пост. "Собровцем" его прозвали постоянные насельники блок-поста: офицеры и солдаты внутренних войск, сотрудники ППС, постоянно присутствующий на блоке лейтенант особого отдела полка внутренних войск. Собровца еще называли "прикомандированным". Кто он такой на самом деле - об этом не рассуждали. Никандров был толковый мужик, улыбался охотно, сердился только по делу. Он задерживал преступников, как рыбу ловил: то выявит, что паспорт поддельный, то у невзрачного на вид чеченского мужичка обнаружит, что правое плечо у него - сплошной синяк, а локти и колени сбиты, как у матерого партизана.

Выявленных визуально боевиков он записывал на счет блок-поста. Для него это была не представляющая интереса мелочь. С наступлением ночи, вооруженный только пистолетом Стечкина, гранатами и ножом Никандров часто исчезал, словно телепортировался, или, как НЛЮ растворялся в звездном пространстве. Где он был, что делал, никто не знал. Самым интересным было то, что когда этот "собровец" уходил на полную ночь, у блок-поста появлялся танк Т-80, который нервно шарил стволом своей длинной пушки, готовый к немедленному открытию огня, а когда из предутреннего тумана выныривал смертельной усталый Никандров, танк сразу уходил к себе в Северный.

Наутро, когда инженерная разведка открывала дороги для движения, на блок-пост к "собровцу" на невзрачной "Ниве" обязательно приезжали подполковник и майор в собровском снаряжении и, переговорив, уезжали.

Никандров не командовал в караулах - это была его привилегия. Питался из общего котла, отсыпался в кубрике среди лежащих вповалку солдат. Какой он должности, звания - знал только старший на блок-посту, личный состав которого менялся каждую неделю. Люди уходили на отдых, возвращались. А у собровца было только одно развлечение - поваляться под маскировочной сеткой с биноклем в руках. Он называл это психологическими опытами или разгадкой кроссвордов. Иногда собровец спускался вниз с сияющими глазами - помароковать над картой. Он уединялся со старшим блок-поста, а с наступлением темноты садился на место оператора-наводчика в стареньком бэтээре... Он вел одному ему понятную жизнь - никому не известный, облеченный властью вершитель судеб людей.

Мирные жители Грозного были мужественным народом - считал Никандров. Покидали город, уходя в неизвестность, пережив кошмары январского штурма 1995 года люди, исчерпавшие запас прочности, не верящие во власть. Они просто открывали двери своих полуразрушенных квартир, частных домов, подвалов и уходили - куда глаза глядят: подальше от грозненских ночных ужасов. Их, как стаю косуль, гнало вперед желание побыть там, где не стреляют.

Наблюдая за приближающимися к блок-посту грозненцами, Никандров всегда остро чувствовал передающийся на расстоянии, наваливающийся на него чужой, исподний страх, от которого его быстро начинало мутить. Сам он тоже давно устал от развалин, людского горя, которому не мог помочь. Все увиденное ранило его душу, начинало озлоблять.

Уезжая в командировку из Москвы в составе СОБР ГУОП он внушил себе, что выживет, если не будет доверять никому из чужих. Глядя в бинокль на идущую к блок-посту, тонущую в грязи, толпу человек в семьдесят, волокущую мешки, тележки, укутанную в нечто невообразимое, Никандров усиленным воли заставил себя отрешиться от гнетущих впечатлений и сочувствия. Людей надо было рассматривать, как объекты, представляющие оперативный интерес. Неопытному глазу могло показаться, что беженцы выдвигаются единой массой, но Никандров сразу увидел, что люди движутся по каменным джунглям тремя неплотными, перетекающими одна в другую группами, в каждой из которых был свой лидер. У майора было не больше двадцати минут, чтобы понять, кто и зачем пытается уйти из зоны его ответственности.

Большинство людей изгонял из города страх смерти. Ужас голода был вторичен. У всех, кто нарастал в окулярах 8-микратного бинокля Никандрова, в глазах было желание выжить. Эти глаза блуждали в поисках огневых точек, не задерживаясь на том, что не представляло опасность.

Люди инстинктивно держались возле самых волевых из своей среды, сумевших организовать их на подвиг бегства из Грозного. Никандров не имел времени и сил на мысли об их дальнейшей участи. Он знал, что русских грозненцев активно отторгает перенаселенное Ставрополье, Краснодарский край и Дон, а на Урал и в Сибирь привыкшие к теплым зимам славяне Северного Кавказа сами никогда не поедут. Разве что в Столыпинских вагонах, а добровольно туда никто из них с места не сдвинется.

Неформальных лидеров уходящих из Грозного беженцев Никандров вычислил скоро. Эти два старика, по внешнему виду бывшие военные, и исхудалая, гладкая, как доска, женщина пятидесяти пяти лет, в прошлом явно

административный работник, не представляли для него интереса. За неимением времени он сразу применил главный прием своей методики распознавания противника: он стал искать человека, идущего рядом с лидером - формально близкого, по существу чужого. Он словно сидел на галерке в театре и все, происходящее на сцене, не имело для него тайн: у каждого, участвующего в спектакле, была своя роль, и тот, кто играл роль, а не жил происходящим, сразу выбивался из логики события - как не хотел, а вылезал на передний план, терял смысловую сцепку с окружающими его людьми.

Никандрову Ивану Сергеевичу бросилось в глаза, что, преодолевая канавку, старик с отменной гвардейской выправкой, обратился за помощью не к молодой женщине, ближе к нему, а к такой же, как сам, пожилой чеченке, тащащей за руку плачущего внучонка. Всего-то и нужно было, чтобы старик оперся на женское плечо, но он предпочел, видимо соседку-чеченку, а не подволакивающую ногу молодую русскую, одетую в длинное, без пояса, когда-то изящное белое пальто, теперь грязно-серое, словно подобранное в развалинах. Пальто такого покроя и цвета в девушках носила жена Никандрова Валентина, и это воспоминание вдруг сладко укололо его, заставило на мгновение отвлечься. Его любовь к Валентине давно была в прошлом, теперь в Москве она была его ежедневным раздражением. Когда она носила белое демисезонное пальто, какое теперь было на беженке, Валентина была чувствительна, радостно-соблазнительна. Ему нравилось снимать с неё это пальто, под ним часто оказывалась изящная, полупрозрачная, сводящая с ума кофточка, которая слетала с нежных плеч Валентины в два касания.

Никандров старательно, пожежче, даже как-то обиженно вгляделся в идущую к блок-посту грозненку и не потому, что его захлестнули воспоминания, что любовь к Валентине давно пребывала в прошлом.

Любитель московских театров, глаз которого был безусловно поставлен на фальшь, он вдруг сразу понял, что молодая женщина, жмущаяся к старику, изображающая особую близость к нему, на самом деле чужой ему человек. Отсюда, с кукушки - из гнезда снайпера, Никандрову была видна каж-

дая клеточка тонкого лица голубоглазой блондинки, смазливой, но с давно немывтыми волосами, выбивающимися из-под синего старенького платка.

Взгляд светловолосой женщины был отрешенно-хмур, в сторону блок-поста она не глядела, подволакивала левую ногу без погрешностей. Но во всей её фигуре майор-оперативник, вглядываясь, не видел привычного для грозненских женщин переутомления. Никандров уже давно насторожился, как стоящий на номере стрелок по волку. Интуиция редко подводила его, привыкшего к виду крови. Внимательно отсмотрев всех, подходящих к блок-посту грозненских беженцев он снова поймал в бинокль хромоножку. Поклонник Александра Дюма, "собровец" окрестил интересующую его женщину "мадемуазель де Лавальер".

Чем ближе эта невысокая, изящная женщина подходила к блок-посту, тем больше страдания выражало её лицо, тем ближе она жалась к высокому старику, в прошлом, несомненно, армейскому офицеру. Тот уже охотнее принимал её помощь, даже позволил один раз обнять себя, когда подскользнулся на обмерзшем камне. Старик был одинок и величественен. Он шел к блок-посту, как корабль в спасительный порт. Пережив ужасы авиационных налетов, артиллерийских дуэлей и рукопашные схватки противоборствующих сторон, он все равно был спокоен. На его благородном, исхудалом, узком лице Никандров не видел страха, в давно потерявших цвет глазах контузионное воспаление отсутствовало. Он напоминал бежавшего из плена, одолевшего сотни километров по бездорожью, потерявшего силы, но идущего к цели на силе характера.

Спустившись вниз по узкой, под тяжестью его боевого снаряжения гнущейся лестницей, майор Никандров крикнул фельдшера и, показав на старика, хорошо видного невооруженным глазом, приказал отвезти ветерана Великой Отечественной войны в госпиталь аэропорта Северный. Надо было побороться за жизнь старого офицера.

Когда грозненцы подошли к блок-посту - массивному кубу из стоящих друг на друге бетонных блоков, зарядил привычный, изматывающий душу

снег с дождем. Никандров заметил, что по лицу идущей рядом со стариком блондинки мелькнула легкая тень радости. Она подумала - кому охота в такую погоду плотно досматривать десятки людей, всегда готовых сорваться в пике истерики. Рогатки, завернутые в колючую проволоку, и правда, стали быстро раздвигать для прохода людей. Когда к высокому старику-ветерану мягко шагнул фельдшер, и, не обращая внимания на его легкое сопротивление, увел за собой в глубь блок-поста, блондинка даже сделала вид, что хочет последовать за ним, но дорогу ей преградил человек в черном ооновском берете без российской эмблемы, с полным отсутствием знаков отличия на пятнистой, с поднятым меховым воротником, спецназовской куртке, в разгрузке, набитой боеприпасами, с ножом на левом бедре - автомат висел за спиной. Щурясь от падающих на ресницы карих глаз снежинок, он улыбнулся и тихо сказал:

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, - женщина попыталась улыбнуться в ответ, стеснительно заправляя давно немытые, когда-то роскошного цвета волосы под платок.

Теперь Никандров отчетливо видел, что женщине не больше двадцати пяти лет, что она умна, скрытна, что с документами у неё наверняка все в порядке. Её длинные, красивые пальцы были тоже давно неухожены и не обезображены золотыми кольцами, которыми до войны не в меру украшали себя как русские, так и чеченки.

- Куда путь держите, красивая, незамужняя? - поиграл словами Никандров, не сводя глаз с лица беженки.

- В Моздок хочу выехать, - тихо сказала она и застегнула верхнюю пуговицу потерявшего белый цвет великоватого ей пальто.

- Почему раньше не могли выехать? Какие препятствия были? - сказал майор, ощупывая молодую женщину дерзким, молодцеватым взглядом.

- Мать у меня убили, - опустив голову и уже громче, чтобы слышали все, ответила беженка.

- Кто?

- Да кто ж его знает. Снаряд залетел в квартиру. Первую комнату разворотил, а до третьей, где мы с мамой на полу лежали, осколки долетели.

- У боевиков тоже артиллерия есть, - нейтрально сказал майор.

На их разговор уже обращали внимание. Проходящие мимо беженцы невыразительно-легко скользили по ним взглядом. Солдаты внутренних войск - хозяева блок-поста, зная, что "собровец" никогда просто так не цепляется, с интересом ждали развязки происходящего.

- Документы у вас какие есть на руках? - поинтересовался Никандров. Он был на редкость спокоен. Хотя впервые за месяц командировки в Грозный не мог уверенно признаться себе, что перед ним враг.

Майор Никандров знал, что мешает этому. Его жена Валентина, сидящая сейчас в Москве у своего любимого телевизора и представить себе не могла, как волновало его душу это проклятое, самой Валентиной давно забытое белоснежное, красивое пальто, в которое теперь была одета русская грозненка. Именно такое пальто было на Валентине, когда двенадцать лет назад он привел её, москвичку, в старенький дом на окраине уральского города, где жила его бабушка, в ту неделю госпитализированная в больницу. Он, Никандров Иван, расстелив белое роскошное пальто Валентины на стареньком диванчике, заласкавшись, сделал из Валентины, скромной тогда восемнадцатилетней работницы Останкинского молочного комбината, легкую, гибкую женщину-хищницу, с которой сегодня его в душевном плане ничего, кроме сына не связывало.

Паспорт на имя Раисы Приставкиной, уроженки Гудермеса, проживающей в Грозном, был в полном порядке. В меру поношенный, со всеми реквизитами, с законной печатью о разводе. То, что Раиса Аркадьевна, красавица, уже успела развестись, не удивило, но искренне расстроило Никандрова. Он представил, какие через две-три недели в ней произойдут перемены. Отмоется, отоспится у родственников в Моздоке и начнется у неё в тыловом городе реабилитация с попойками в ресторанах, со встречами на квартирах, в гостиницах. И для попавших по разным делам в глубокий тыл фронтовиков

из чеченских ущелий, горных комендатур она, такая красивая, станет самым большим утешением их временного возвращения в жизнь. Он вспомнил, как сладостно билось в его руках, воздушное, ладное тело Вали, откровенное в красоте, и, чтобы больше не тревожить себя воспоминаниями, отдал Приставкиной паспорт. Оставался последний вопрос, который обязан, был задать каждый уважающий себя офицер. Ведь женщина при ходьбе подтаскивала ногу, как бывает при сильной травме колена.

- Вы нуждаетесь в помощи? Могу попросить нашего медика, - как можно мягче сказал Никандров. – Он в этих делах разбирается. Вмиг починит.

Отказавшись с искренней благодарной улыбкой, женщина откровенно ждала, когда ей можно будет покинуть блок-пост. Беженцы, наскоро проверенные солдатами ВВ и сержантами ППС, уже выходили за его охраняемый периметр.

Никандров, понимая, что в отказе женщины от медицинской помощи нет логики, вслух посочувствовал:

- Как вы одна до Моздока добираться будете?

- Не знаю, - лицо молодой женщины просветлело.

Она уже поворачивалась, чтобы уйти, когда за спиной Никандрова раздался по-детски восторженный, радостный окрик:

- Наташка!

Кричал вышедший из отдыхайки солдат-пулеметчик, всю ночь отстоявший на боевом посту, а теперь отоспавшийся и голодным термитом вылезший на белый свет.

- Наташка! - завопил он ещё громче и бросился обнимать молодую женщину, только что отпущенную Никандровым, прячущую от всех лицо.

- Не может быть! Наташка! Сестренка!

Солдат обнимал беженку, душил её в своих объятиях. Женщина в грязно-белом, изношенном пальто просто тонула в них. Солдат разворачивал её лицо к себе, в сторону застывшего от удивления майора Никандрова, а жен-

щина растерянно утыкала голову в солдатскую грудь, закрытую черным бро-нежилетом.

На блок-посту все, кто видел происходящее, застыли, будто их косну-лась волшебная палочка.

- Вы ошиблись. Вы ошиблись, - шептала, пытаясь освободиться из объ-ятий солдата, грозненка.

Платок с её головы упал, открыв не ухоженные, светлые, прямые, как тонкие, боевые стрелы волосы. Когда, больше не стянутые платком, они рас-сыпались по плечам, все на блок-посту поняли, как похожи этот юный, давно не стриженный, красивый, как славянский полубог, солдат и молодая, при-родного изящества и прелести женщина, взгляд которой стал пронизывающе остр.

Первым сбросил оцепенение Никандров, привыкший ко всему опера-тивный офицер ГУОП МВД РФ. Сведя свои руки, как поступают в детской игре "кованы-раскованы", он резким движением разрезал солдатские объ-ятия, оттолкнул его на шаг и дал команду:

- Разоружить!

Стоявшие неподалеку сотрудник милиции и лейтенант - особист сорва-ли с плеча не прекратившего радоваться солдата автомат, сняли с бедра штык-нож.

- Наташка, - продолжал говорить солдат, - Сестра. Ребята, ё моё - это моя сестра. Я её три года не видел. - Обращался он к тем, кто разоружил его, ища в их лицах радостного участия.

Женщина, освобожденная от объятий, похожая теперь на старую, вы-брошенную на улицу куклу, стояла, опустив голову. Её руки свисали вдоль тела. Длинные, музыкального тона пальцы, чуть подрагивали, словно она только что отыграла на инструменте. Упавшая на блокпост тишина была по-хожа на ту, какая бывает перед началом разминирования.

- Фамилия твоя, солдатик?- бесстрастно спросил майор Никандров,

- Рядовой Луганский, - ответил за своего бойца лейтенант ВВ.

- А вы Раиса Приставкина, - строго, по-судейски, выговаривая каждую букву, сказал майор, - Двоюродная сестра, солдатик?

- Родная. Три года не виделись, - ещё ничего не понимая, но уже начиная пугаться, поспешил с ответом солдат.

Никандров вдруг ужаснулся, что не досмотрел женщину. Она сейчас могла сунуть руку в карман, и, выхватив гранату Ф-1, привести её в действие. Он огляделся и понял, что ни один из десятка автоматных стволов, находящихся в руках наблюдающих происходящее милиционеров и солдат не наведен на женщину, до окончательной расшифровки которой оставались минуты.

- Солдат ошибается. Я ему не сестра, - твердо сказала русская грозненка, - Много похожих людей. Я месяц чистой воды не видела.

Никандров не стал приказывать: "Подними руки!" Вплотную сблизившись с женщиной, закрыв её собой от начавших приближаться к месту происшествия свободных от несения службы солдат, он резким движением, отрывая пуговицы на пальто, распахнул его и правой рукой грубо, словно имел дело с проституткой, провел по всей линии ее левого бедра вниз: от ягодиц до колена. Потом, словно перед ним стоял манекен, а не живой, объятый ужасом, человек, он высоко, почти до подбородка женщины, подпернул голубоватый, из козьего пуха свитер, ловко расстегнул ремень широковатых в бедрах темно-коричневых мужских брюк, и махом выдернул из них зарубежного дизайна дальнобойную малокалиберную винтовку.

Все, кто находился на блок-посту разом выдохнули, а со вдохом не получилось. Оцепенение снова стало всеобщим. Первым из военнослужащих пришел в себя разоруженный солдат. Милиционеры успели повиснуть у него на плечах, и солдат ничего не успел.

- Сука! – хрипел нашедший и тут же потерявший сестру солдат.

У майора мелькнуло и сразу в глубине черных зрачков пропало сочувствие. Он сказал:

- Уведите парня. Когда придет в себя, опросите под протокол.

Молодая женщина на глазах у всех превратившаяся в жалкую, всхлипывающую девчонку, пыталась застегнуть брючный ремень, но на ее теле чужой, тот не поддавался. Брюки все время сползали, открывая никому теперь не интересную девичью наготу.

- Пойдем, - позвал с собой снайпершу в глубину блок-поста Никандров,

- Надо поговорить.

- Что? Убьете? Или изнасилуете сначала? - вскрикнула девка.

- Да кому ты, грязная половая тряпка нужна? - бесстрастно сказал Никандров, рассматривая лежащий под её ногами синий платок. - О жизни с тобой будем разговаривать.

Он подождал, пока милиционеры досмотрят женщину. Под правой подмышкой у неё нашли притянутый к телу скотчем миниатюрный снайперский прицел. Винтовка была японского производства. Патронов при обыске не оказалось.

Разговор с задержанной снайпершей Никандров продолжил в отдыхайке, откуда выгнали всех отсыпавшихся после ночного дежурства солдат и милиционеров. Перед тем, как приступить к допросу, Никандров вспомнил о разоруженном солдате и сказал, чтобы ему налили водки и ни на минуту не оставляли без внимания. Майор Никандров, проживший на свете тридцать пять лет, уже умел поставить себя на место другого человека и понимал, что от парня, сестра которого снайперила у чеченцев, можно было ожидать чего угодно.

Наталья Луганская, двадцати четырех лет, по чеченскому паспорту Приставкина Рая, молчала недолго. Нервно вглядываясь в плоскогубцы, оставленные кем-то на железной кровати, застеленной синим солдатским одеялом, поставленная на колени перед сидящим на этой кровати майором, она клялась, что пошла на контракт к дудаевцам от нищеты, обрушившейся на семью. Замужняя с семнадцати лет, она три года ждала мужа с атомного подводного флота. Не гуляла, топя свою тоску и желания в стрелковом спорте. Была чемпионкой маленького, приволжского, отравленного химпроизводст-

вом города. Муж вернулся с подводной лодки облученным, больным. Много пил. Развелись. Спуталась с чеченом, который приезжал в городок на личном КАМазе. Гордый, что под ним оказалась светловолосая подлинная русская богиня, он даже свозил её на своем КАМазе в Чечню, но не в родовое селение, где его ждала жена и двое детей, а в Грозный - к русским гостеприимным друзьям-товарищам. Город был ухожен, красив, но по ночам уже стреляли. Любовник-чечен объяснял это природной влюбленностью чеченцев в оружие, горскими ритуалами. И Наталья, заласканная горячим, кавказским парнем, на время лишенная привычных проблем: как выживать, быстро успокаивалась и старалась ни о чем тревожном не думать. Самыми трудными её мыслями были - жизнь отца, матери и брата, которые с её замужества жили отдельно, в замызганной трехэтажке заводского поселка. После развода с моряком-подводником, за ней оставалась комната в коммуналке, где она не любила бывать, надолго исчезая из жизни родителей и брата, по которому сильно тосковать тоже никогда не было времени.

Считая, что так живет большая часть страны, Наталья Луганская не чувствовала себя ущербной. Она верила в себя. Знала, что красота дается человеку во имя чего-то. Не просто же так?

Внешне в её жизни все было сложно: учеба в школе, замужество, отношения с родителями. Внутренне, когда она сильно о себе раздумывалась, у неё складывалось не хуже и не лучше других. Её яркая девичья красота, роскошные белые косы, зовущая голубизна глаз облегчали ей жизнь, освобождая от строго к ней отношения. Если бы не её внешность, не вылезать бы ей из двоек по математике, сидеть по два года в каждом классе, но учителя-мужчины: математики, физики, женатые на кикиморах, всегда были её защитниками. А когда она стала получать почетные грамоты за стрельбу, то удостоилась в школе, бедной на таланты, статуса неприкасаемой.

Её везением сначала было умение нравиться, потом умение самозабвенно любить. Спорт дал ей выносливость, развернув её и без того прекрасную плоть в сторону совершенства. Она никогда не была фригидной. А

её любовник-чечен открыл в ней новый талант - ненасытность, словно затянул на её шею золотой аркан, оставив конец страшной волосяной веревки в своих умеющих ласкать руках.

Первыми жертвами снайпера Натальи Луганской стали чеченцы-оппозиционеры. В ноябре 1994 года она стреляла по контрактникам Кантемировской и Таманской дивизий. Славу "бабочки - смерть" получила в конце декабря, начале января 1995 года.

После работы в Грозном в ноябре 1994 года, она вернулась в родной город с большими деньгами. Брат служил в армии - на Урале, Наталья была в раздумьях: родить ли ей ребенка от красивого мужика без всяких к нему претензий или купить машину. Карта выпала на покупку Жигулей новой модели. Могла и иномарку купить, но не захотела привлекать к себе внимание - выпендриваться, знала от чеченцев, что ФСК в маленьких городках с оборонной промышленностью особенно бдительна.

Дав ей выговориться майор-оперативник Никандров Иван Сергеевич вытащил из своей командирской сумки несколько листков бумаги и перешел к конкретным вопросам: "Кто вербовал, где проходила специальную подготовку, у какого полевого командира в штате, где прикрытие? Сколько военнослужащих стали её жертвой? Куда осуществляла переход? Почему сама переносила винтовку? Зачем такая спешка?"

Луганская, отдохнув на личных воспоминаниях, не торопилась с ответами, путалась в датах, географии мест, молчала про адреса, где боевики отсиживались днем, просила показать брата, спрашивала, что с ним теперь будет? Закон оперативного жанра рекомендовал взять Луганскую на испуг, заявив, что твоего брата уже отправили в военную контрразведку, где за связь с врагом ему для начала поломают ребра, и, находясь в безвыходном положении, он будет вынужден рассказать все, что было и чего не было, но Никандров знал, что в её грешной жизни брат уже давно не главное.

- Ты из себя девочку не строй, - насупив брови, жестко сказал Никандров и взял в руки плоскогубцы, рукоятка которых были в простенькой тра-

урной изоленте. – Мы тебе для начала зубы плоскогубцами обломаем, потом подравняем их напильником. А хорошего секса не жди: будешь в молчанку играть, мы тебе туда ржавый лом загоним.

Никандров говорил и не верил, что на такое способен. В морге аэропорта Северный - в бывшей пожарке - он видел молоденьких русских солдат, убитых снайперами-наемниками. Сестра Басаева, та любила сначала выстрелить в пах и только потом, когда боец или офицер помучается, добивала попаданием в голову.

Здесь в Грозном нормальная человеческая жизнь померла, издохла - налицо было другое - безжалостное, и женщина, стоящая перед ним на коленях, допрашиваемая, сама сделала выбор.

"На что она рассчитывала? - думал Никандров, - Кто внушил ей, что её голову не отсечет топор палача?"

В отдыхайку вошел старший на блок-посту - капитан внутренних войск.

- Что солдат? - громко спросил Никандров.

- Пока плачет, - ответил капитан, вглядываясь в снайпершу.

- Обстановка?

- Приказал усилить наблюдение. Всех поднял. Выставил двойные посты.

- Правильное решение.

- Вывози её поскорее. Мои не хотят её отпускать. Надо, говорят, её живьем в землю зарыть.

- Это моя добыча, - мрачно пошутил Никандров. - Сам её расколю. Завтра вызову за ней бэтээр. И с собрами ГУОП доставлю в ГУОШ. А пока буду с ней беседы вести.

- Смотри, чтобы громко не выла. Неприятно.

- Солдату оружие не возвращайте. А то он или нас или её порешит. - На этом Никандров разговор с капитаном закончил и попросил его одеть на снайпершу наручники.

С руками, стянутыми за спиной, в полутемноте отдыхайки Луганская минута за минутой теряла возраст, отвечала на вопросы, еле открывая рот, пришептывала.

- Ты что язык себе искусала, - злился Никандров, - Отвечай внятно. Тебя что на чеченском допрашивать? Родной русский язык забыла?

- Пока брата не покажете, говорить не буду, - выдавила из себя, словно парализованная Наталья Луганская.

Никандров нехотя поднялся, взял лежавший рядом с ним автомат, повесил себе за спину, внимательно огляделся - нет ли в поле зрения Луганской чего лишнего и прошел к выходу из отдыхайки. Его удивило - сколько солдат и милиционеров, свободных от нарядов, толпилось за дверью.

- Приведите Луганского, - приказал он, вернулся и сел на кровать перед продолжающей стоять на коленях снайпершей.

В отдыхайку Луганского завели двое милиционеров. Он был без ремня на бушлате, с непокрытой головой, зубы крепко сжаты.

- Вы что с него ремень сняли? Он же не арестованный, - закричал на милиционеров Никандров. - Верните ему все, кроме оружия!

В отдыхайке долго молчали. Снайперша, сев на бок, разглядывала брата с откровенным волнением.

«Хорошая была бы актриса», - думал о ней любящий театр Никандров. Закончив театральное училище, играла бы в московском театре. — Он верил, что все хорошие актрисы - стервы. Ему об этом рассказывал знакомый полковник военной разведки, женатый на актрисе и всю жизнь страдавший от ревности к ней. - Была бы любимая народом актриса, а стала «бабочка — смерть».

Никандров прекратил отвлекаться на пустяки и спросил солдата со всей строгостью:

- В этой женщине вы опознаете свою сестру Наталью Луганскую?

- Нет, не опознаю, - дерзко, с вызовом ответил солдат. - Я ошибся. Эту женщину я не знаю. Мне показалось, что она моя сестра. Свою сестру Ната-

лю Викторовну Луганскую я не видел много лет. Обмануться было легко. У меня контузия. Можете проверить.

"Хорошо, что я его сразу разоружил", - подумал Никандров. За две недели своего пребывания на блок-посту он, оперативник, приданный СОБРУ ГУОП, добыл немало ценной информации, успешно реализованной собровцами. То, что половину командировки он находился в отрыве от отряда - было его личной инициативой. Он отдавал информацию собровцам только после личной проверки. Никандров ходил по ночному Грозному, рискуя быть убитым своими или чеченцами. Переодетый в турецкий камуфляж, в черной шапочке с зеленой повязкой на лбу, он отслеживал дислокацию бандгрупп, встречался со своими источниками, благодарил их солдатскими сухпаями. Он действовал осторожно, больше всего опасаясь попасть в прицел ночных охотников-снайперов. Не каждый его выход приносил результат. Ночью Грозный полностью контролировался боевиками. Защищенные островки - комендатуры, блок-посты, воинские части огрызались огнем на огонь. Тяжелее всех приходилось солдатам. С первых дней войны, попутав день-ночь, всегда полусонные, постоянно голодные, они были надежны только в условиях боя, подчиняясь железной воле своих командиров. Старший на блокпосту держал их в руках только одной командой: "Стройся!" - по любому поводу и без повода, лишь бы у бойцов не было времени задуматься, затосковать по дому, по такой сладкой гражданской жизни.

Никандров понимал, от стоящего перед ним рядового ожидать ответа, которым бы тот подписал приговор своей сестре, не следовало. Наличие малокалиберной винтовки, скрытой на теле - уже сказало обо всем. А кто она - эта баба: Луганская, Приставкина теперь было дело вторым.

Рядовой со скорбным, молящим лицом, с подтопленными слезами глазами Никандрову был больше не нужен.

Перед тем, как дать команду: "Солдата на выход!", - Никандров порылся в записной книжке и прочитал вслух ориентировку двухнедельной давности: «В г. Грозном активно работает группа наемниц, прошедших дополни-

тельную подготовку под руководством турецкого инструктора-снайпера. Оознавательный знак - выколота под правой подмышкой женщин-славянок бабочка "Мертвая голова"».

- У твоей сестры есть такой знак. В районе 7-го и 22-го блок-постов и на трассе, ведущей в Ханкалу за последние десять дней убито семь бойцов и пять офицеров. Поражают из мелкашек. Уведите этого парня. От нарядов освободить. Он болеет.

Выходя из отдыхайки, рядовой Луганский на снайперше взгляда не держал.

II.

Закончив разведпрос, в котором Луганская, борясь за жизнь, была откровенна, Никандров, думая о людях, в отдыхайке её не оставил. Он спрятал снайпершу в двухметровой яме, на дне которой лежало несколько досок и мокрый, начинающий плесневеть матрац. Зев ямы Никандров также приказал закрыть досками. Охрану зиндана поручили милиции.

Пока из зиндана вычерпывали растаявший снег, Никандров, сняв "браслеты" с тонких, когда-то красивых рук молодой женщины, угостил её сигаретой из пачки популярного в военной среде синего Лэма. Не поблагодарив за сигарету, растягивая удовольствие, она курила задумчиво - медленно. А Никандров, тридцатипятилетний розыскник, прописанный у жены-москвички, в прошлом провинциальный милиционер, смотрел на неё, и все мысли его, свободные от разведпроса, сосредоточились теперь на бабочке "Мертвая голова". Он давно забыл об её существовании.

В комнате его семилетнего сына на стене висело несколько застекленных коробочек с бабочками, и в специально купленной энциклопедии он с сыном прочитал много интересного про них, пойманных в экзотических странах, искусно высушенных и проданных в Москве.

Никандрова, постоянно ходившего рядом со смертью, больше других заинтересовала бабочка "Мертвая голова". Размах её крыльев был 120 мил-

лиметров. Она принадлежала к семейству "бразжников". На её спине отчетливо просматривался желтого цвета, тревожащий воображение человеческий череп. В Европе эту бабочку считали предвестницей смерти.

Здесь, в Грозном, он неожиданно вспомнил и поразился точности второго названия бабочки. Перед тем, как проникнуть в пчелиный улей, чтобы воровски насытиться медом, обманывая пчел, бабочка-смерть выла. За это её прозвали "волком". Басовитое гудение бабочки "Мертвая голова" напоминало наивным трудягам-пчелам звук, издаваемый родившейся пчелиной матки.

Выбирая себе тотем - "бабочка-смерть", славянки-наемницы, не понимая этого, саморазоблачались. Никандров думал: сколько самолюбования было в этой наколке под правым, опорным для снайперской винтовки, плечом. Он помнил, что если человеку удавалось взять в руки бабочку - смерть, она издавала резкий, как бы предсмертный писк. По сути, вся жизнь бабочки была бесконечным дрожанием. Втягивая в себя пищу или воздух, находящаяся в зобе бабочки тоненькая пленка издавала звук далеко не грозный, а тонюсенький, испуганный - звук постоянной готовности к смерти ранимого, хитрого, слабого существа, всегда находящегося в опасности быть пойманным.

III.

В двадцать сорок пять вечера по блок-посту отработал чеченский гранатомет, потом было попадание из "Мухи". Сначала блок-пост не отвечал на огонь, полагая, что налицо попытка боевиков засечь российские огневые точки. В секторе, подконтрольном блоку, наблюдалось подозрительное радиомолчание. Но когда боевики произвели залп из подствольных гранатометов, все поняли, что чеченцы готовятся к атаке. Никандров не поверил словам старшего блок-поста, что будет осуществлена попытка отбить «бабочку – смерть». Если бы она была природной чеченкой, боевики могли бы решиться на штурм, но отдавать свои жизни за наемницу чужой крови? Такого быть не

могло. Никандров здраво решил, что залп из подствольников - напоминание, что с захватом снайперши, война против России не закончилась.

Потом был ещё один залп из подствольников. Активные передвижения боевиков начались после часа ночи. Обсуждая со старшим блокпоста сложившуюся ситуацию, Никандров напомнил, что был прав, не вывезя снайпершу, боевики явно пересидели в засаде и теперь выплескивали свое раздражение.

- Подморозили твари задницы, теперь греются - бегают, - вглядываясь в темноту через бойницу, говорил капитан внутренних войск. Он держал постоянную связь с командиром своего полка, дислоцированного в Старо-Промысловском районе, и не ждал никакой помощи. Ночью техника не выходила в город. На это был строжайший запрет командования. Старший блокпоста первый раз в этом месяце испытывал раздражение на собровца, зная, что задержание снайперши он в их актив не отдаст. По её информации отработают его люди из СОБРа ГУОП. Таковы суровые законы войны в Чечне. Ещё он думал о том, что, если руководству, находящемуся в аэропорту Северный, было бы доложено о наличии на блок-посту наемницы-снайперши, бронетехнику в нарушении всех запретов обязательно подогнали бы, чтобы вывезти Луганскую в ФСК.

Разрыв ГП-25 на секунду осветил пространство перед блок-постом, и Никандров, стоявший рядом с капитаном, первым увидел за проволочным заграждением шевеление похожих на дождевых червей тел.

- Огонь! Огонь! - заорал он. - Крыша! Ракеты в небо!

Бывшие в постоянном дефиците осветительные ракеты, запущенные с наблюдательных точек, размещенных на верхотуре блока, высветили подползающих, а кое-где встающих в полный рост чеченцев-боевиков.

- Гранаты к бою! - кричал, метнувшись вдоль огневой линии, капитан, - Огонь! Огонь!

В огненных, по цвету автогенных всполохах ночного боя Никандров увидел прильнувшего к пулемету ПК рядового Луганского - лучшего пуле-

метчика на блок-посту. Он стрелял из неудачно пробитой, самой широкой бойницы, рискуя быть убитым чеченским снайпером. Но именно эта огневая точка позволяла Луганскому держать в прицеле весь фронт решившихся на безумную атаку боевиков.

У Никандрова не было времени выяснить, кто допустил родного брата снайперши до пулемета. Он сам вел огонь из своего старенького АК, любимого разведчиками, незаменимого в городских боях и на лесных тропах. Пули из него 7, 62 прошивали кавказские деревья насквозь, а модные калибра 5, 45 могли срикошетировать от какой-нибудь легкомысленной ветки.

Воюя, Никандров думал, что недооценил Наталью Луганскую, была в ней ещё какая-то тайна.

Отбитые гранатами, пулеметами, тридцатью автоматными стволами и точным огнем двух снайперов, работавших с крыши, чеченские боевики исчезли, словно никогда и не приходили.

Сверхутомленный Никандров позволил себе заснуть только в начале рассвета. Только он смежил веки, как его разбудил дежурный по блок-посту и нервно-виновато сказал:

- У нас ЧП. Рядовой Луганский уговорил милиционера дать ему десять минут для разговора с сестрой. Безоружного, его спустили на веревке в зиндан. Он и правда десять минут спокойно поговорил с ней. А потом, достав из бушлата левый ПМ, убил сестру и себя.

ДОКЛАД ПО ОБСТАНОВКЕ

Когда к палатке курганских собровцев подошел бэтээр, я не услышал: работающая и стреляющая техника меня не будит. А вот рубящие воздух голоса офицеров ГУОП я сквозь сон отчетливо разобрал. Москвичей из Министерского СОБРа мы ждали через два дня, а они приехали из Грозного сегодня раным-рано.

Крылья входа в палатку, как бурка Чапая, взлетели и перед нами, скоренько вылезаящими из спальных мешков, предстал укутанный в плащ-палатку, но с открытой, активно лысеющей, промоченной дождем головой офицер. Его небесно-голубые глаза над нами, сибиряками, откровенно смеялись.

- Ну что? - закричал он с порога. - Отдыхаем? А того не знаем, что если операция назначена на послезавтра - это значит: она будет сегодня!

С ним в палатку ввалились ещё четверо, быстро спасающихся от дождя, собровцев. Особенно бросился в глаза один в роскошной, образца 1937 года, советской каске. Рассекать по чеченским дорогам в таком с точки зрения чеченских боевиков оккупационном шлеме – это вызов. Но парень был с головой и носил раритет, закрыв его камуфлированным чехлом. Хотя от опытного глаза строгость, безупречность линий шлема, в котором 23 февраля 1944 года выселяли чеченцев, никаким камуфляжем не спрячешь.

- Иван, - представился мне хозяин каски, на которой были пристроены шикарные, противопылевые очки. - Ты как к казакам относишься?

Почему именно мне был задан такой вопрос, я не очень понял. Наше боевое расположение находилось за станицей Чёрвленной. Уже этим вопрос был внешне оправдан. Закономерность вопроса собровца из Москвы открылась через мгновение.

Подполковник-москвич, громкий на голос, после традиционного собровского объятия с нашим командиром Евгением Родькиным, сказал, чтобы слышали все:

- Чистить будем Старые Щедрины - старинную казачью станицу. - Есть там ещё казаки?

Мой командир страдальчески поморщился и ответил, ссылаясь на информацию добытую мной, оперуполномоченным курганского СОБРа:

- В Старых Щедринах сегодня русских практически нет. Остался один старик, сын которого принял ислам и снайперит у Дудаева.

- Ну и дела, - матюгнулся подполковник-москвич, снимая свою непромокашку - армейскую плащ-палатку. Среди нас, москвичей и курганцев, собирающихся на операцию, одетых в собровский камуфляж, торопливо обувающих берцы, он выделялся особой столичной альбиносностью, умением подержать слово продуманным командирским жестом.

Николай Миронов, заместитель начальника Министерского СОБРа, опытный оперативник, был разочарован, что в бывшей казачьей станице Старые Щедрины не было людей, способных ему помочь. В основном он располагал данными, полученными от милиции Шелковского района, начальник которой подозревался в контактах с боевиками.

Пять минут назад смотрящая сны собровская палатка напоминала теперь веселый пионерский лагерь. Наши люди умели скидывать сон мгновенно, как с плеча автомат. Собровская служба научила их спокойно реагировать на изменения обстановки. Размеренная жизнь обывателя - это не наш стиль. Даже зарплату собровцы получали в начале месяца. Это была наша маленькая привилегия за риск уйти на тот свет в любой день из четырех недель месяца.

Миронов и Родькин, сидя за длинным, самодельным обеденным столом в центре палатки, говорили громко, открыто, ничего не тая от собирающихся на зачистку курганцев. Приехавшие с Мироновым столичные собровцы смотрели на нашу провинциальную экипировку не-то с сочувствием, не-то по-братски снисходительно. Конечно, мы, сибиряки, живем в лесу, молимся

колесу. Не нашлось в нашем городе предпринимателей, которые могли бы спонсировать наши сборы на войну.

Не было на нас натовских камуфляжей, кевларовых бронежилетов, удобных РД. Но одеты и обуты мы были по форме, чистенько, с хорошо подготовленным к бою оружием.

Москвичи, конечно, выглядели, как на рекламных армейских проспектах: все новехонькое и в тему. Каждый с рацией "Кенвуд", не как у нас: одна рация на троих. Тогда мы не знали, что парни из СОБРа ГУОП, или, как они себя называли, из Главка по организованной - что-то особенное для своей экипировке покупали на свои деньги. Хочешь сохранить жизнь и выполнить задачу - не скупись.

Евгения Викторович Родькина, командира нашего курганского СОБРа начальство никогда не могло застать врасплох. И этим утром он встретил москвичей из ГУОШ, успев сбегать на утреннюю зарядку.

Рекогносцировку он проводил лично: помотался вчера по Старым Щедринам на Уазике в сопровождении трех офицеров. Визуальная разведка дала слабые результаты, но зато на столе перед Мироновым руководителем операции лежал теперь план села... Миронов же упрямо называл это чеченское село казачьей станицей. Видно, перед командировкой в Чечню, как человек образованный, он прочел несколько исторических книг о том, как вольно и хорошо жило Гребенское казачество на этих благословенных землях в станицах Гребенской, Шелковской, Червленной, Наурской, Микенской.

- Станицу Старые Щедрины,- говорил подполковник Миронов, - окружим бэтээрами. В операции участвует большая часть сводного отряда СОБР, будем закрывать и держать станицу, чтобы никто не вышел. Мы с тобой, Женя, в первую фазу операции на Уазике встанем на входе в станицу, вызовем главу администрации - имя и фамилия у меня имеется - и в его сопровождении поедем в администрацию, где глава соберет стариков. Сначала будем разговаривать с ними. Такова инструкция,- с новой, обижающей ноткой в голосе, - продолжал Николай Венедиктович, - Все остальное зависит от того, как

чеченцы себя поведут. По данным разведки, в Старых Щедринах на отдыхе около сорока боевиков, спустившихся с гор. Начальника милиции Шелковского района и его людей мы о начале операции информировать не станем. Потом сообщим, когда закроем населенный пункт. Дождь нам помощник. Боевики сейчас дома сидят, лаваш кушают. Давай и мы перекусим, что ли...

Меня искренне удивляла способность некоторых офицеров есть и сытно поесть перед боем. Будет он или нет - бабушка надвое сказала. А вот мой дед, ветеран многих войн, наставлял меня, уже вошедшего в разум: «Попадешь на войну, никогда перед сражением не ешь. Пуля в живот попадет, не выживешь. Сгниешь на корню. Выпей лучше воды - обмани голод». Этому совету деда здесь, в Чечне, я следовал свято.

Дед мне эту чеченскую кампанию напророчил. Думалось, никаких войн на территории нашей страны не предвидится. Такой могучей она казалась. Дак нет! Дед мой не раз говорил: "Хорошая власть, да дуракам досталась". Как в воду глядел Николай Николаевич - пехотный разведчик. Это он научил меня первым приемам рукопашного боя. В настоящем рукопашном бою я ещё не участвовал. Хотя мы, собровцы, к ним подготовлены. Срочную я служил во Владимирском батальоне ВВ и мой ротный, большой умница, любил приговаривать: "Главное в рукопашном бою, чтобы не кончились патроны".

Собираясь на операцию, готовясь к неведомому, мы стараемся думать, что все пойдет по нашему варианту. Гоним от себя мрачные мысли, уверенные, что командир все продумал, учел неожиданности. Вера в своего командира - половина победы.

Сам Родькин, ветеран войны в Афганистане, есть не стал, а москвичей от души накормил. Парни на бэтэре выехали засветло, рискуя попасть под чеченские гранатометы, мчались на предельной скорости, и сейчас, отходя от дорожного напряжения, юмора, вспоминали, как их бэтэр, идя через Терек, заюлил на понтонах.

- Терек воеет дик и злобен меж утесистых громад,- процитировал Лермонтова собровец из Москвы, хозяин каски, которой все обзавидовались.

- Нет тут никаких утесов,- вздохнул я. - Мы на плоскости. Но Терек по весне здесь очень опасен. В снаряжении не выплывешь.

Я всегда мечтал увидеть горы, но видел их только раз по дороге из Наурской в Червленную. Они, словно стадо оленей пробежало в тумане, горы эти выплыли из дымки по правую руку - далекие, как космос и остались в памяти нервно-изломанной линией - абсолютно недоступной.

Мы, курганские собровцы, несли службу на левом берегу Терека - могучего Змея Горыныча. У многих из нас кровь была не простой, казачьей. Поэтому в станицах, где ещё жили потомки старинных казачьих родов, мы чувствовали себя, как дома. Все казачьи реки: Терек, Дон, Кубань, Днестр, Тобол, Иртыш - одинаково стремительны, бурливы, глубоки, характерны. Нырнешь - дна не разглядишь, забьет глаза песок или глина, снесет с ног натиск течения или столетняя щука рубанет хвостом... Все нам, пришедшим на Терек с реки Тобол, было в казачьих станицах понятно и дорого. Но в бывших станицах, где русское население было вырезано или изгнано чеченскими боевиками и уголовниками, нас обдавал смертельный холод. Мы чувствовали себя уверенно и спокойно в засадах, на адресных операциях. А вот зачистки, какая предстояла в Старых Щедринах, были для нас событием не из приятных. Мы считали их нелепым дипломатическим мероприятием, не приносившим, как правило, никаких результатов.

Чеченцы за глаза называли собровцев Рэксами. Мы это знали, но так уважительно о себе не думали. В Чечне мы, курганцы, только зубы показывали, ощущая себя привязанными на длинную стальную цепь, с которой нас ещё не спускали, а вот москвичи по слухам уже навоевались вволю. В декабре-январе участвовали в штурме Грозного, ходили в разведку, охотились за снайперами, взаимодействуя с армейским спецназом - в общем поднимали славу собровцев ввысь.

Нам было интересно поглядеть на них в деле, даже посоревноваться в лихости. Не на зачистке, конечно...

Сам я холеричного темперамента. Собровская служба моему характеру соответствует. Время на начало и завершение операций в нашем деле - секунды, максимум - две, три минуты. И результат есть. Главарь банды или киллер лежит в наручниках у тебя под ногами - в машине и не вякает. А наша собровская "буханка" летит, как на крыльях. Мы шутим, смеемся, радостные, потому что очередная нечисть утихомирена, вырвана из круга жизни, где бандитам больше не духариться.

Здесь, в Чечне, у нас другой фронт работ. Никогда не думал, что окажусь там, где бродил с ружьишкой Лев Толстой, что промчусь на БМП по станице Стодеревской, где он жил и служил, дружил с нохчей, который спас писателя от зиндана.

О чеченцах я раньше практически ничего не знал, никогда не думал о них. Все события с 1991 года по 1994-й, разворачивающиеся здесь, прошли мимо моего сознания. Российское телевидение искрилось праздниками, веселило. Я служил в элитном подразделении, носил на правом рукаве камуфляжа эмблему "СОБР". Приятно было, вернувшись со службы, подумать, что жизнь состоялась, будущее определено. Живи себе. Я охранял закон. И все что происходило за пределами Курганской области, меня не интересовало. Потому что не входило в зону моей ответственности. За страну, её границы, внутренний мир России отвечали другие люди. Я их не знал и никогда не думал, как о чем-то близком, лично для меня важном, но именно эти люди в корне изменили мою жизнь, подняли по тревоге и отправили в командировку в Чечню - обеспечивать здесь конституционный порядок.

Подполковник Миронов, помароковав с Родькиным над планом Старых Щедринов - к концу разговора он уже научился называть эту бывшую казачью станицу селом - вдруг резко замолк, прислушался к шуму все нарастающего дождя и, откашлявшись, ну точь-в-точь Леонид Ильич Брежнев, сказал:

- Задачи, поставленные нашим съездом, определены. За работу, товарищи.

Ничего обидного во всем этом для памяти Брежнева не было, просто всем сразу вспомнились наши беззаботные юность и детство, и мы, засмеявшись, начали выходить из палатки.

Дожди в Чечне затяжные, матерые, с бешеным, необузданным, как чеченский мужской темперамент, ветром. Мы уже работали при такой погоде в лесу на берегу Терека и не раз перешептывались, сидя в засаде, что наше милицейское спецназовское снаряжение ни к черту не годно. А вот чеченские бурка и папаха должны быть удостоены Нобелевской премии, как лучшее изобретение тысячелетия. В них можно выжить при любой погоде. Столько комфорта и тепла в бурке присутствует, что мы себе обещали, памятуя о будущем, прикупить это великое кавказское снаряжение для войны и мира.

Наш бэтээр стоит у самого входа в палатку, прикрывая от пуль, способных достать нас со стороны упрятанной в кустарник дороги. С дорожного полотна лагерь сибирского полка ВВ, в котором затерялась наша собровская палатка, не наблюдается. Но если какой отчаянный башибузук сумеет преодолеть заминированную чащобу, прозаборенную рядами колючей проволоки, то за короткий срок, пока не убьют, сумеет натворить немало бед. Поэтому бэтээр с броским именем Акула, если не на выезде, стоит на приколе, как крейсер Аврора. Это наша любимая броня, про которую даже песню сложили.

За эту дождливую ночь наш бэтээр вобрал в себя весь природный и душевный холод могучей Чеченской Республики. Садится на его броню, что голой задницей на ежа. Но мы, собровцы с юга Западной Сибири, люди предусмотрительные: у каждого есть свой поджопник - у кого подушка, подаренная казачьей семьей, у другого сиденье от венского стула. В Грозном я видел, как земляк из уиновского спецназа, начальник командированной на охрану фильтра спецгруппы, ездит по городу в персональном кресле, пристыренном за башней. А вокруг гроздьями винограда бойцы, один даже в краповом берете. И это в то время, когда все, опасаясь пули чеченского снай-

пера, не носят знаков различия, камуфлируют принадлежность к спецслужбам, их достижениям.

II.

"Мы непредсказуемы, потому что непредсказуемо наше начальство", - справедливая солдатская поговорка. Любит начальство операции в непогоду. То Грозный штурмует в новогоднюю ночь, то зачистки в дождливую бурю проводит. Есть в этом какая-то нервная выламонность. А может в этом виновата вечная нехватка керосина для авиации? В воздух её поднять - это какие надо связи иметь. А так, чтобы не случилось, сколько бы на земле людей не просило о помощи, ответ часто один": Нелетная погода". Летчики, конечно, не при чем. Никто не скажет": Не хочу, не буду". Российские асы всегда рвутся в бой.

Когда наши бэтээры выстроятся в колонну, а на соборовском слэнге - "в ниточку", нам будет не хватать прикрытия с воздуха. Но вслух об этом никто не скажет. Надо марку держать. Ведь мы - спецназ Управлений по борьбе с организованной преступностью. "Рэксы",- как называют нас чеченцы-боевики.

За эту дождливую ночь землю под станицей Червленной, словно намылили. Водителям, пока до асфальта не доберутся, придется несладко. А уж потом - только по-разбойничьи ветер в ушах засвистит.

Москвичи и несколько курганцев сановито рассказываются на броне бэтээра под названием "Гоша". Перед их посадкой я успел спросить - в честь кого наименовали. И Иван Кондратов, улыбнувшись, сказал, что так зовут собаку их боевого товарища Андрея Сионова. Пес-лабрадор, добродушный, верный, веселый, остался в Москве, и чтобы Андрей не сильно по нему тосковал, решили Гошу по просьбе Сионова увековечить. Теперь он у Андрея все время, как бы перед глазами.

Подполковники Миронов и Родькин установили радиообмен. Наши два бэтээра вышли проводить солдаты внутренних войск сибирского полка - у

них белый медведь на рукавах камуфляжей. Эти пацаны любят бывать возле курганской палатки: их интерес к нашему специальному оружию по-детски восторженный, бесконечный. С особенной радостью они воспринимают разрешение сфотографироваться с СВД, Вэээсом, пистолетом-пулеметов ПП-93, с Апээсом - пистолетом Стечкина.

Пацаны провожают нас на операцию с откровенной завистью. Их девятнадцатилетние бесхитростные физиономии печальны. Им снова оставаться в расположении, ходить в наряды, есть опостылевшую кашу и переживать за нас - собровцев, к которым солдаты относятся, как к старшим братьям. Они не знают - куда и на какое дело мы выезжаем. Мы видим, с какой романтической серьезностью они, вылезая на дождь из палаток, нас провожают, но нет за нами пока никаких особенных подвигов. Главное наше достижение, что мы ещё ни разу не брали с собой этих мальчишек-солдатиков из рабоче-крестьянских внутренних войск. В перестрелке на Тереке, когда по нам били с правого берега из нескольких пулеметов, а потом даже нанесли минометный удар, мы справились сами двумя собровскими отделениями, загасив огневые точки. Даже в эфир не вышли, что подверглись обстрелу. А когда вражеский АГС изъяли, мы милостиво по-соседски записали его обнаружение на офицера-разведчика из ВВ, который был с нами на выходе. Желających посмотреть на чеченский АГЭЭС, потрогать его солдатская очередь выстроилась, как в Мавзолей.

Головным пошел бэтээр москвичей из СОБРа ГУОП. По левую руку осталось позади вытянутое, как пожарный рукав, глубокое озеро. Мы подозревали, оно хранило в себе немало криминальных тайн чеченского участия во власти, Именно я нашел на плоском озерном берегу осколки лобового стекла "Жигулей". Немало таких машин с седоками, неугодными дудаевцам, пропало на дорогах Ичкерии. Людей убивали или уводили в горы, а легковушки топили - была такая оперативная информация. Но чтобы её проверить, нужны акваланги, легкие водолазные костюмы, а у собровцев, командированных в стреляющую республику, не было даже резиновых лодок, с помощью кото-

рых можно было проверить многочисленные, поросшие кустарником и камышом островки, где нас ждал не один десяток бандитских схронов.

Когда идешь на броне, впечатление от тебя и других: сидящих тесно людей, ошестинившихся стволами автоматов и пулеметов, что над пешеходами и другими мирно передвигающимися, нависает грозная, всемогущая сила - милующая и карающая. Когда она на тебя, как торнадо надвигается, кажется, что эта сила неуязвима. А на самом деле нет цели более беспомощной, чем бэтээр, усыпанный военнослужащими, сидящими на броне и внутри корпуса. Таящийся в засаде гранатометчик одним-единственным выстрелом может в корне изменить судьбу передвигающихся на броне. Поэтому, идя на задачу, каждый из нас держит, как у нас говорят, свой сектор, то есть все мы несем ответственность за машину и десант.

Пасмурное, изрыгающее холодную воду небо, в это утро низкое и такое тяжелое, словно на наших плечах лежат патронные ящики, неожиданно начинает светлеть. На это Иван, хозяин антикварной каски, прикрывающий с пулеметом ПК тыл московского бэтээра, улыбается мне и показывает большой палец: дескать, дождь скоро кончится и все будет ништяк. Я, удовлетворенный прогнозом, киваю ему головой. Иван понравился мне не только потому, что спросил, как я отношусь к казакам? Я ответил, что с большой любовью, Мне нравится, что он едет в чеченскую неизвестность с каким-то видимым удовольствием. Все москвичи, за которыми я с интересом наблюдал, мчались на броне, не замечая дождя, перешучиваясь, в то же время цепко ощупывая взглядом свои сектора. Воротники их утепленных камуфлированных курток были подняты, черные шапочки-боевки, модные среди спецназовцев всех родов войск, были низко надвинуты на глаза, чтобы не застудить лоб. Собровцы ГУОП шли на цель без видимого волнения, хотя в палатке при анализе обстановки я, вместе с Родькиным участвовавший в рекогносцировке, во всех подробностях, с карандашом в руке доложил возле карты, что боевиков, отдыхающих, залечивающих раны после январских боев Грозном может быть не сорок, а все восемьдесят и они могут вступить в бой.

Дорога на Шелковскую была пустынная, поэтому наш водитель Мишаня, которому в оперативных интересах было разрешено носить длинные, заплетенные в косичку, волосы, неожиданно поддал газу и какое-то время, чтобы показать себя, он, оперуполномоченный курганского СОБРа, с звучным погонялом - "батюшка" промчался рядом с московским бэтээром голова в голову. Но Родькин, любящий дисциплину, очень ответственный, спустившись в броню, прекратил это безобразие. И бронетранспортер Гоша снова помчался по безлюдному шоссе во главе ниточки. Хотя москвичи были у нас как бы в гостях, и это мы должны были вести их по территории, находящейся под нашим контролем. Но подполковник Миронов, ответственный за ход операции, поступал, как считал нужным, а мы ему подчинялись.

Бэтээры шли талантливо легко, мягко пружиня всеми восемью колесами, Башенные пулеметы были задраны высоко вверх. То, что КПВТ московского, бэтээра был заблокирован, можно сказать, завален тесно сидящими друг к другу офицерами, было неправильно. По своей срочной службе в ВВ я знал, что у операторов, находящихся внутри брони, пулеметы должны были ходить по кругу свободно, чтобы, найдя цель, немедленно открыть огонь.

Когда я видел, как беспечно люди ведут себя на броне, порой бэтээры напоминали мне елку, украшенную игрушками, у меня сердце кровью обливалось. Ни одна таким образом обсаженная военными машинами не имела сил защитить их шквальным огнем, на который была способна. У нашей Акулы хобот КПВТ был свободен, мы, седоки, концентрировались в основном за башней. Только Родькин сидел, свесив ноги в командирский люк, всегда готовый нырнуть в спасительную, но только от автоматного огня броню.

На перекрестке дорог нас ожидала остальная бронетехника сводного отряда СОБР, подошедшие из Грозного и Шелковской. Меня всегда восхищала постоянная готовность офицеров нашей системы к работе. При любой погоде они отличались бодрим видом, спецназовской подтянутостью, мгновенной реакцией. Спрыгивать с бэтээров никто не стал, но обмен приветствиями прошел по-спецназовски бурно. Челябинцы были по-

прежнему без брони. Их бэтээр, назначенный возить командированных в Шелковскую собровцев, самым непостижимым образом оказался в Моздоке, и ходил теперь под тамошними заслуженными тыловиками. Вернуть его реально воюющим челябинцам не удалось. Ведь главное на войне - это служба тыла. Приехал в Моздок за боеприпасами челябинец Сергей, ему с порога отказывают, а потом, ещё раз изучив заявку, говорят: «Камуфляж твой мне очень понравился». Вернулся Серега, собровский тыловик, в свой запыленный, увешанный для защиты бронежилетами, «Уазик», переоделся в какое-то тряпье и торжественно вручил, чтобы откупиться свой новенький камуфляж моздокской роже, получив в ответ даже укупорку патронов для СВД - безумный дефицит. "Дабы мне было хорошо ради тебя", - живущих по такому ветхозаветному принципу немало толкалось в моздокских коридорах власти, по Ханкале и в аэропорту Северном, где на ночь укрывались представители госаппарата Москвы и Чечни.

Ниточка из семи бэтээров выстроилась так, что московский бэтээр Гоша снова шел впереди, а мы, курганцы, в хвосте. Такой грозной силе, мчавшейся на скорости, здесь на чеченской плоскости засады можно было не опасаться. Это в горах мы даже в таком количестве оставались бы уязвимой мишенью, а здесь на просторе для боевого маневра все условия. Мы, как стадо слонов, затопчем любого противника.

III.

О том, что семь русских бэтээров с десантом идут в сторону Шелковской Доквах получил информацию сразу же, как только собровская нитка попала в поле зрения одинокого пастуха, по которому офицеры только скользнули взглядом. Хвостовой бэтээр - ещё не уменьшился в глазах пастуха, как тот достал из нагрудного кармана выдавшего виды плаща с капюшоном японскую портативную радиостанцию и выдал свою тревожную информацию.

Доквах был смотрящим за Старыми Щедринами. То, что милицейский спецназ идет на его село, сомнений не оставалось. Боевому выходу собровцев

предшествовала наглая, без какой-либо подстраховки вчерашняя рекогносцировка. Незнакомый, с замазанными номерами старенький Уазик, сопровождаемый шумными, быстроногими сельскими мальчишками, долго на малой скорости, словно заблудился, ездил по селу. Но опытному глазу Доквах была понятна неброская логика сидящих в машине четырех русских вооруженных людей в спецназовских куртках, без головных уборов, с пулеметом ПК на заднем сидении. Его держал в руках крепкий, накаченный парень со сломанным носом и черными, смотрящими исподлобья глазами. Доквах сумел его разглядеть и почувствовать на себе девятый вал недоброжелательной энергии спецназера, его недоверие и решительность в случае опасности мгновенно открыть огонь на поражение. Машина дважды проехала по всему периметру села, надсадно урча, переехала вал, защищающий Старые Щедрины от разливов весеннего Терека. Возле реки никто из машины не выходил. Потом Уазик ещё немало по времени крутился в селе, а один из вездесущих пацанов, оседлавших высокий забор, сумел увидеть, что сидящий рядом с пулеметчиком человек держал на коленях большой лист бумаги и карандаш в его руке бегал очень быстро. Нетрудно было догадаться, что отрабатывался план села, его рисовали в подробностях.

Накрыть эту машину огнем Доквах не решился. Хотя лично он и ещё двадцать людей были уже здоровы, и им ничего не стоило поразить милицкий Уазик из «Мухи», а потом добить всех, кто останется в живых после разгромного выстрела. Село Старые Щедрины считалось глубоким тылом, где на сегодняшний день проходили лечение ещё шестьдесят пять неокрепших после тяжелых ранений в Грозном и в горах боевиков, и Докваху надо было сделать все, чтобы они выжили и вернулись в строй.

За себя лично Доквах не беспокоился. Его документы были в порядке. Он сохранил советский, молоткастый паспорт, и эта охранная грамота сберегала ему жизнь при проходе через российские блок-посты. Он, скромный сельский учитель, всегда честно глядел в глаза проверяющих его цепких милиционеров. Все, что он излагал при проверке документов и личном досмотре,

соответствовало действительности и его невозможно было поймать на каких-то мелочных нестыковках его реального участия в жизни и легенды, которую он излагал про себя всем, кто знал его до 1992 года. Даже соседи не ведали, что в биографии Докваха было недолгое участие в Абхазской войне, защита Грозного в начале января 1995 года, ранение, потом служба в разведдиверсионном батальоне Басаева, ещё одно ранение. После госпиталя в горах, когда встать на ноги ему помогли пленные русские врачи, он с провожаемым прибыл в родные Старые Щедрины, чтобы заниматься безопасностью тех, кто ещё нуждался в медицинской помощи и охране. Для всех в селе он был человеком, облеченным властью, данной ему находящимся в подполье Дудаевым. Этого было достаточно, чтобы молчать. Все в Чечне знали, что русская власть кончается с наступлением темноты. Можно было лишиться головы за излишнее любопытство. В селе Старые Щедрины сторонников Хаджиева не было, здесь боялись расплаты за грабежи российских железнодорожных составов, которые начались с приходом к власти «Джовхара». Российские поезда выходили останавливать и потрошить вагоны, как на революционный праздник. Сначала Докваху это не нравилось. Он даже упрекнул соседа, который после очередного разбойничьего налета, привез домой одиннадцать чугунных ванн.

- Зачем тебе столько? - возмутился учитель.

- Тебе какое дело? Гляди лучше в свои тетрадки, а не ко мне во двор. Все в этой жизни имеет цену.

Видя, что Москву грабежи поездов не особенно беспокоят, Доквах удивлялся, а когда прочитал в столичной прессе, что это одна из форм народного освобождения от советского колониального гнета, понял, что на его народ в Кремле положили глаз и готовят к чему-то серьезному.

Начитанный выпускник педучилища, Доквах долго не понимал, что происходит на просторах СССР, но в ту пору очень скромный во спасение своей психики взял и решил, что все это не его ума дело и ему на погибель. Теперь, когда с кем-либо в разговоре он вспоминал те смутные времена, то говорил

весело и просто: "Иншалла!" Так можно было найти ответ на самые трудные вопросы.

Когда бэтээры на свертке в село разделились и начали брать Старые Щедрины в кольцо, Доквах вышел в эфир на запасном канале и приказал всем подконтрольным ему моджахедам укрыться в схронах. Все было выполнено. Лежачих раненных тоже спрятали под землей, где можно было безболезненно продержаться несколько суток.

Доквах всегда поражался способности своего народа к жизни в длительном напряжении, умению хранить тайны, даже артистичности перед лицом врага. На территории Чечни расплата за предательство всегда была неминуемой, поэтому жителей села он не опасался. Он знал, что на зачистку идет милицейский спецназ. Остроглазые пастухи доложили, что на головах людей появились какие-то непонятные шлемы, а в руках у некоторых винтовки неизвестной конструкции с надульниками и снайперскими прицелами. "СВУ – оружие спецназа", - понял Доквах, и его сердце забилося. Чтобы успокоиться, он сделал несколько быстрых вдохов. После задержки дыхания, он каждый раз выдыхал медленно, чувствуя, как сердце обретает прежний, уверенный ритм.

Доквах, аккуратно подстриженный, гладко выбритый, двадцати шестилетний парень в темно-синем отглаженном костюме и белоснежной рубашке - за его одеждой следила младшая сестра Седа - находился на веранде двухэтажного дома и, сидя на стареньком стуле, на котором любил отдыхать его покойный дед, сжимал в руке теперь бесполезную рацию. Она могла понадобиться только в том случае, если кто-то из его людей попросит о помощи. У Докваха был готов план на случай крайней необходимости. А пока надо таиться, соблюдать режим радиомолчания, быть приветливым, даже если враг войдет в дом, перевернет здесь все вверх дном, потопчет на детской половине игрушки. Русские спецназовцы были хитроумны, наблюдательны и не сентиментальны. Чей спецназ подходил к селу, Доквах догадывался, но продолжал молить Аллаха, чтобы это были не милиционеры. Он по Грозному

знал, что менты, не веря никому, всегда настороженны, обыскивают профессионально, лезут в каждую дыру, дотошно исследуют документы. Они и правда были умны - эти лягавые. Умирать по-глупому Доквах не хотел. В селе было 394 двора. Всего проживающих 1680 человек. Он надеялся, что его хитроумные схроны российская милиция не сумеет вскрыть. Для себя он без всякого приказа сверху решил, что не отдаст русским ни одного человека, из ему порученных. Начнется бой, загорятся дома и у тех, кто сегодня держит нейтралитет, после гибели родственников, не будет другого выхода, как взять в руки оружие и уйти в горы вместе с Доквахом.

Быстроногой белочкой рядом с ним пробежала младшая, четырнадцатилетняя сестренка.

- Седа, - окликнул её Доквах.- скоро в село войдут русские, Будет зачистка. Находишься рядом с мамой. Успокой её, на грубости военных не отвечай. Мы, мужчины, сами между собой разберемся.

IV.

На само село взяли курс три Уазика и бэтээр москвичей Гоша. Остальные машины с десантом заняли позиции, окружив Старые Щедрины. Подполковник Миронов недовольно морщился: ему доложили, что из села сумела вырваться синяя "Нива", забитая людьми, и ушла по колдобинам, подпрыгивая, как лягушка. Курганский бэтээр не стал её преследовать, а приказ об открытии огня на такой случай во вводной перед началом операции не отдали. Ругать Миронов, как руководитель операции, мог только себя, но он не ругался, понимая, что в машине могли быть просто напуганные крестьяне. На всех чеченских дорогах при вопросе на блок-постах: «Куда держим путь?»- ответы могли быть, как государственная награда, только трех степеней: на похороны, в больницу или на свадьбу едем.

Начинать зачистку в таком большом селе со стрельбы и жертв не хотелось. Весна была в самом начале: он знал, что жители Старых Щедринов занимались посевом, привыкали к мирной жизни и врывать в село по-

пиратски - такого приказа он не имел. Предстоял наихудший вариант зачистки - через переговорный процесс, диктуемый обстановкой в Чечне. Явного перевеса сил не было ни с той, ни с другой стороны. Удуговская пропаганда в своих радиопередачах преподносила российские вооруженные силы и правоохранительные органы, как беспредельщиков. Московские пресса и телевидение в открытую оказывали моральную поддержку дудаевцам или держали вооруженный нейтралитет, рассказывая в основном о страданиях измученных войной чеченцев, не вспоминая о том уголовном мраке, который распростерся над республикой с приходом к власти Дудаева, когда жизнь простого человека ничего не стоила.

В этой войне не было ни фронта, ни флангов - и это уже давно морально давило на Николая Миронова и его собровцев.

Командира курганского СОБРа подполковника Евгения Родькина он оставил при себе.

- Кто будет вести переговоры со стариками? - сначала спросил Родькина для порядка, и сам же быстро ответил: - Ты, Женя, будешь разговаривать с ними. Посолиднее, чем все мы, выглядишь.

Ветеран Афганистана Родькин Евгений Викторович за время командировки, на её тридцатый день отрастил густую, черную бороду. Кареглазый, он походил на чеченца, говорил степенно, и внятно, не жестикулировал. Он был вежлив, тверд, никогда и никому не обещал лишнего и за свои слова всегда отвечал. Родькин не стал отнекиваться, понимая, что слова Миронова - это почти приказ. И курганский бэтээр с десантом принял под свою команду командир отделения - молодой капитан. Курганцы и челябинцы закрыли село по Тереку, взяв под свой контроль переправу, берег и растущий по нему густой кустарник, где щипы акаций ранили, как бандитские пиковины.

Первую легковую машину, которая попыталась выехать из села, московские собровцы остановили, и Миронов дал команду чеченцу-водителю вернуться и привезти сюда к ним - главу сельской администрации Усмана.

Пока его не доставили у Миронова с Родькиным было время, не суетясь, поразмыслить, как дальше развивать события.

Село уже возбужденно бурлило. Собровцы, ставшие блок-постом на околице, невооруженным глазом видели, как от дома к дому стали переходить, а кое-где и перебегать люди. Открывались, закрывались высокие, окрашенные в зеленый цвет ворота домов, надсадно-глухо вопили собаки, растревоженные волнением, гортанными голосами хозяев.

Пейзаж, открывшийся перед глазами офицеров-собровцев, был до боли знаком. Уже совсем скоро им предстояло ворваться в этот чужой, непривычный мир, где нельзя было прямо и открыто глядеть на женщин, отвечать на их вопросы полагалось стоящему рядом мужу. А именно от женщин прежде всего можно было услышать оскорбления по своему адресу, за которые в обычной жизни полагалось административное наказание, а здесь на всех людей полагалось реагировать, как на больных, отравленных ядом многолетней, криминально-революционной вседозволенности и вражды.

Чеченцев защищал адат - неписанные правила чеченских взаимоотношений. Русских, проживающих в Ичкерии, не защищал никто. Даже собровцы, прежде чем применить оружие, должны были тысячу раз подумать, а стоит ли это здесь, за Терekom, делать. На этот день в зоне ответственности сибирского полка внутренних войск, курганского и челябинского СОБР за месяц погибло одиннадцать солдат. Только двое были убиты боевиками, остальные встретили смерть при неосторожном обращении с оружием.

Когда показалась машина, везущая Усмана, Миронов вдруг с заметным волнением снова спросил:

- Ну что мы его старикам скажем?

- Их ещё собрать надо, - суховато ответил Родькин. Внешне он был спокоен.- Старики здесь - мудрый народ. Любят порядок.

Усман, глава сельской администрации, оказался сухоньким, невысокого роста, с непокрытой головой чеченцем сорока пяти - пятидесяти лет. Он был в помятом, темно-коричневом костюме и стареньких, давно нечищенных по-

луботинках. Разволнованный окружавшей село боевой техникой, он не стал тратить время на переодевание, а в чем был на дворе, в том и прыгнул в машину, из которой его позвали к российским военным.

Старшие офицеры, козырнув, представились.... Усман тоже назвал свое имя, фамилию, должность. Родькин кратко изложил суть вопроса:

- Мы - не армия, а представители Главного Управления по борьбе с организованной преступностью МВД России. Мы располагаем сведениями, что в селе есть вооруженные люди. Предлагаем им выйти и сдать оружие. При добровольной выдаче автоматов, людям, их сдавшим, ничего не будет. Если, конечно, они не принимали участия в расстрелах и истязаниях. Если на них нет крови, люди вернутся к своим семьям.

Усман слушал русского офицера, проговаривая его слова про себя. Его волнение выдавали губы... Он шевелил ими, как школьник, перешептывающий слова диктанта. Потом Усман собрался с силами и сказал:

- В феврале мы сдали федералам двенадцать автоматов и несколько маленьких гранат. Не знаю, как они называются. Больше автоматического оружия в Старых Щедринах нет.

- По нашим сведениям в селе на хранении больше ста автоматов,- твердо и громко сказал подполковник Миронов.

- На нас клеветают.

- Есть ли в селе раненые боевики?

- Нет. С начала 1995 года в село привезли и похоронили пятерых молодых людей. Родственники говорят, что молодежь попала под случайный обстрел.

Ничего другого старшие офицеры СОБР и не ожидали услышать. Проведя два года в Афганистане, в округе Хост, советником Царандоя, Евгений Родькин участвовал в десятках таких, не дававших никакого результата, переговоров. Глядя в затуманенные страхом глаза Усмана, Родькин знал, что этот человек будет биться за свое село до последнего. Лгать иноверцам, как заблагорассудится, чеченцу позволял Адат.

- В таком случае мы начнем подворный обход... Пусть жители села приготовят домовые книги, - строгим голосом произнес неприятные для главы администрации слова подполковник Родькин. - У нас есть списки лиц, воевавших у Дудаева.

Солнце вышло из-за туч, засияло слепяще-сильно. С лица Усмана ушли глубокие тени, даже морщины разгладились, он вдруг помолодел и предельно уважительно, обращаясь к Родькину, сказал:

- Командир, давай соберем стариков. Пусть свое слово скажут. Они хозяева села, а не администрация. Лично меня молодежь не слушает.

Миронов и Родькин переглянулись и дали добро. Все разворачивалось по плану.

В село поехали вместе. В головном «Уазике» на переднем сидении Усман, на заднем сидении с автоматами на предохранителях подполковники. Следом две машины, набитые собровцами и бэтээр.

Сельские улицы уже были пустынные, словно всех поразила внезапная болезнь. Родькин ехал по селу, как сквозь строй, ощущая себя в прицеле десятков глаз - недоброжелательных, желающих ему несчастья на этих узких, опасных для собровцев улочках.

В Афганистане все было в тысячу раз понятней и проще. Когда на зачистках муджахеддины начинали бой, силы, проводящие операцию, оттягивались, и в дело вступали винтокрылые машины. Ответственность за происходящее несли афганские партизаны, которым часто не хватало выдержки пересидеть, переждать плановые выходы царандоя. Смертельно разящие нурсы неслись с небес карающими мечами и муджахеддины погибали, наказанные за гордыню, вспыльчивость, молодую нетерпимость. Вместе с ними под глинобитными завалами умирали их жены и дети, не ставшие мстителями. Все-го этого Родькин не хотел здесь - в Чечне. Он считал, что войск сюда нагнали с избытком. И вероятности попасть под огонь своих было куда больше, чем под обстрел чеченских боевиков. Он не верил здесь никому: ни чужим, ни своим, доверяя только собственным чувствам, которые сегодня были обост-

рены особенно. То, что оружие в селе хранилось в каждом доме, он ни минуты не сомневался, а вот сил, чтобы изъять его, не хватало. Он видел, что молодым собровцам хочется окунуться в бой, проверить себя под автоматным огнем, может быть даже совершить подвиг. Он называл это грехами молодости и не торопился разжечь пожар. "Иншалла", - редко, но метко Родькин использовал эту восточную присказку, переводя её по-своему, по-советски: "Как будет угодно судьбе". К ней он относился настороженно, как к капризной, знающей свою красоту, диве. Судьбу не полагалось гневить.

Родькин вежливо обращался с судьбой и требовал того же от подчиненных. Происходящее в Чечне ему было не до конца понятно: он чувствовал неискренность политиков и большезвездных начальников, пославших его на войну. Политический смрад висел над Чечней. Её вулканизация была реальностью, карающей всех, кто оказался втянутым. Родькин вглядывался, вчитывался в Чечню, как в старую книгу, язык которой ещё был сложен для понимания.

По дороге в администрацию, Усман успел рассказать, что жители недавно получили зерно. Мельница есть, пекарня тоже. Сейчас активно идут посевные работы: бывшие колхозники сеют пшеницу, ячмень, овес, люцерну. Все семена в наличии. Земля подготовлена. Хорошо родятся арбузы, капуста, лук. Вот картошка плохо растет, не приживается здесь.

- А школа, - спросил Родькин, - Что со школой?

- Школа средняя, - сказал Усман. - Детей школьного возраста 270. Но не все учатся.

- Почему?

- Школа не всегда работает. Учителя на месте, но их некомплект. С зарплатой беда, дали зарплату только за два месяца. Я лично, - разочарованно вздыхал Усман, - получил свою только за январь. Пенсию не получаю. А у меня двое детей - школьников, жена. Наурскому району, знаю, деньги правительство выделило, а Шелковскому пока ничего.

Здание администрации - одноэтажное, ничем не примечательное, скромно стояло посредине села. Деревянный навес над входом прятал от вновь начавшегося дождя двух седобородых старцев в темно-синих фетровых шляпах, на ногах стариков были ботинки с галошами, носки которых загибались вверх, как носы турецких филюг. На приветствия Усмана и соборовцев старейшины ответили с высокомерным достоинством.

- Проходите, проходите,- пригласил всех зайти Усман.

Он не отдал никаких поручений насчет быстрого сбора старейшин. Его подчиненные: пожилая женщина, гонявшая костяшки на счетах - бухгалтер и молодая девушка, наверное, секретарша остались на месте. Приветствуя вошедших мужчин они на секунду встали и снова углубились в дела. Родькин понял, что механизм поведения людей во время зачисток здесь отработан до мелочей. Подполковник знал только про одно такое, проведенное в Старых Щедринах, мероприятие. Информация о работе командированных в Чечню предшественников из МВД всегда добывалась с трудом. Даже схемы минных полей передовались наспех: «Туда ходи, а вот туда не смей! Взлетишь!» Механизм отъезда командированных был не отработан, поэтому все торопились, собирались нервно, лишь бы успеть вырваться с этой опостылевшей территории. О зачистках, проведенных в Старо-Щедринской армейцами, Родькин вообще ничего не знал.

V.

Нам, курганцам и челябинцам, приказали перекрыть село со стороны Терека. Мы оставили бэтээр за валом, а сами россыпью прошли вдоль реки и наглухо запечатали переправу. Паром, идущий с того берега по мощному, стальному проводу, с полдороги вернулся обратно. Никому не хотелось встречаться с военными.

На мокром камне, ожидая паром, как ни в чем не бывало, сидела молодая, с искусно повязанным на голове платком чеченка и нисколько не страдала от дождя. Мы, наблюдая, как паром торопится пристать к правому берегу, оста-

новились с ней рядышком. Посмотрев на наше оружие, она задержалась взглядом на автомате Илаева, крышка ствольной коробки которого была украшена аж тремя картинками с обнаженными девушками. В прошлом лихой десантник, Сашка добыл этих красоток, удачно купив жевательные резинки. У доброго солдата все пойдет в дело. Взгляд миловидной чеченки, сначала изучающе-строгий, стал лукавым и она сказала:

- Как вы без них обходитесь?

Мы ничего не поняли.

- Ну, без девушек,- пояснила, улыбаясь, она.

- Мы их во сне видим,- на полном серьезе сказал я.

- Э-э-э, несчастные, - сочувствуя нам, сказала чеченка. - Я фельдшер. Знаю то, что вы не знаете. Мужчине без женщины долго нельзя. Езжайте скорее домой. Так лучше будет. Для здоровья.

"Что за народ, - подумал я. - Все на боевом посту. Если не мечом воюют, так словом".

Терек под вновь пролившемся дождем казался мне неприступным. В этом месте он оказался особенно широк и мутен. В бешеной казачьей пляске на воде крутились воронки. Но казаки здесь в Старо-Щедринской, Ново-Щедринской, старинных станицах Гребенского и Терского казачьего войска уже давно не жили. Их исход начался с первых лет Гражданской войны. О том, что казаки в списке репрессированных на Северном Кавказе народов были самые первые, в Чечне не любили вспоминать. Когда по приказам Свердлова, Орджоникидзе казаков с семьями выселяли из станиц, их дома и уголья занимали горцы, чтобы строить здесь свое кумачовое счастье. Я считал чеченцев легковерным народом. История на их пути все время расставляла капканы, в которые они с легкостью попадали. Здесь в Чечне я понял, что их извечная мечта не свобода, а воля. Но за обретенную за счет других волю жизнь берет особую плату.

В глубину леса, идущего вдоль реки, идти не хотелось. Можно было в ключья изорвать куртки и камуфляж об острые шипы акаций. Сменной фор-

менной одежды у нас не было. ХОЗО УВД перед командировкой не особенно о нас позаботилось, ведь мы были офицерами 6-го отдела, другими словами, самыми строгими блюстителями закона в системе... Поэтому те, у кого были тысячи возможностей воровать, нас недолюбливали. Однажды за Терекком мы подняли схрон с доброй сотней турецких камуфляжей. Мне они оказались малы, только двум собровцам-форточникам подошли, но те побоялись их одевать, решив: не стоит из-за чужого барахла рисковать жизнью - свои взвешники или армейцы могли подвалить.

Мы сконцентрировались на выходящих к реке дорогах и тропках. Долго никакого движения не наблюдалось. В селе не стреляли - это радовало и одновременно настораживало. Опробованным верхним чутьем я знал, что Старо-Щедринская таила в себе немало опасностей. Особенно мы волновались за Родькина. Мы знали, наш командир будет биться до последнего патрона, и считали, что лезть в пасть волка таким малым количеством людей было безумием. Но такого регламента действий требовала политическая ситуация в Чечне. Куда качнется народ? За кем пойдет? От этого зависела дальнейшая жизнь республики.

Сначала мне показалось, что на тропинку, которую мы держали с Уфимцевым, вышел, стоящий на дыбах медведь. У нормального человека такой ширины плеч, косматости и роста не могло быть. Но откуда на чеченской плоскости медведи? В Ставропольский край и Дагестан убежало спасаясь от войны, все живое: олени, лисы, даже волки.

Мы увидели человека! Несмотря на дождь и налетающий из-за реки ледяной ветер, он был в рубашке с коротким рукавами, истертых вельветовых брюках и галошах на босу ногу. Его иссиня-черные волосы как у Маугли спадали до плеч, красиво-богатырски развернутых. В левой руке у парня двадцати пяти лет был старинный, необыкновенного изгиба и остроты топор. Такой я видел только в кинофильмах про рыцарей. Глаза у парня с иконописным, узким, чисто выбритым лицом, радостно по-детски сияли. Он был не в

себе. И Уфимцев, угрожающе направив на выплывшего из-за дождевого тумана чеченца, автомат, сознательно-шумно передернул затвор.

- Стоять!- закричали мы в один голос.

Но парень, играя в руке топориком, не снизил скорости наступления.

- Стой! Тебе говорю! - начальственно прикрикнул Уфимцев. Парень, явно не видя нас, стал на ходу прислушиваться. Он шел тяжело, по-слоновьи вбивая ступни в мокрую землю.

Олег взял молодого нохчу в прицел и уже самым обыкновенным тоном сказал:

- Стой. Буду валить.

Замерев, парень быстро поднял топор и, закрыв лицо его широким изящным лезвием, как бы спрятавшись за топор, испуганно, почти робко произнес:

- Не надо валить.

Уфимцев опустил автомат. Стало ясно - перед нами больной человек. Спрашивать у него документы в прибрежной лесной полосе бессмысленно, даже смешно.

- Не надо валить. Не надо валить, - продолжал монотонно, словно молился, говорить чеченец.

- Не бойся, - примирительным тоном сказал я, - Брось на землю топор и уходи.

Топор был уникальной, древней работы, и я хотел забрать его. Стыда я не чувствовал. Я сразу убедил себя, что шарашиться по лесу с таким топором для больного большая опасность. Столкнувшись в лесной чащобе с вооруженным монстром, любой быстро нажмет на курок.

- Брось топор к ногам и уходи! - прикрикнул я, сделав несколько шагов к чеченцу. Нас разделяло не больше десяти метров.

- Не надо валить, - продолжал говорить блаженный, пряча лицо за лезвием топора.

Уфимцев был абсолютно спокоен, а я начинал раздражаться. Мне вдруг показалось или я хотел убедить себя, что парень только прикидывается больным и готов пустить топор в дело.

Я снял автомат с предохранителя, передернул затвор.

- Застрелю! - стал кричать,- Брось топор и у.....й!

Душевнобольной был на полторы головы выше меня. Он вдруг стал раскачиваться из стороны в сторону, словно готовился танцевать и больше из-за топора не выглядывал.

Мы с Уфимцевым почти бегом сократили расстояние, и я с налета прикладом автомата с размаха ударил чеченца в живот. Тот беззвучно, как свалившийся с телеги мешок, упал ничком. Я быстро выхватил из его ослабевшей руки топор, отбросил его в сторону, хотел нанести прикладом второй удар в голову, но Уфимцев остановил меня.

- Нельзя быть детей, - сказал.

Когда чеченец начал внятно дышать, а потом поднес руки к лицу, мы ушли - вернулись на берег Терека. Отнятый топор я унес с собой, сунув его за спину.

VI.

Старейшины собрались в течении тридцати минут. Последним зашел глубокий старик в иссиня-белой шапочке, означавшей, что он совершил Хадж и, судя по возрасту, не один раз. Все при его появлении, включая собровцев, уважительно поднялись.

По тому, как старики оживились, подполковник Миронов понял, что можно говорить. Родькин начал разговор со слов, которые заставили стариков сосредоточиться:

- Здравствуйте, уважаемые отцы!

Надо было пройти Афганистан, опалиться тамошним солнцем в боях муджахиддинами, чтобы навсегда осознать: в мусульманском мире старость - это святое, Слушая разговоры бывалых людей, что Чечня своим мятежом на-

дорвала природные силы, как бы смертельно подорвалась на фугасе и не сумеет восстановиться, Родькин знал, если чеченская молодежь сбережет нравственную власть стариков, сохранит святое к ним отношение, народ обретет прежние силы, справится с обуявшим многих грехом беспредела, отучит юношество черпать силы в насилии над беззащитными русскими стариками, старухами, женщинами, девчонками, над теми, кто не имел оружия для защиты.

- Уважаемые отцы! - снова сказал подполковник Родькин. - Мы - не армия. Мы - представители Главного Управления по борьбе с организованной преступностью МВД России. Нам не хочется заходить в ваши дома в поисках оружия и людей, совершивших на территории Чечни кровавые преступления. Мы надеемся, что вы своей властью убедите молодежь села сдать оружие. Вы знаете всех, кто ходил здесь по улицам с автоматами. Если они добровольно сдадут оружие, мы не подвергнем их аресту. Если они не палачи, то эти парни и мужчины спокойно вернутся домой, к семьям.

- Никого из тех, кто продолжает воевать, в селе нет,- сказал старик в зеленой, импортной феске и экзотических галошах. - Автоматов тоже в Старых Щедринах нет. Сдали все.

Подполковник Миронов решил усилить давление:

- В таком большом селе не может не быть оружия. Подумайте о последствиях. У нас есть фамилии тех, кто воевал и воюет у Дудаева, Их дома мы зачистим в первую очередь и особенно тщательно.

Ничего не ответив Миронову, старики перешептались и в полный рост поднялся сохранивший юношескую стройность старик старше семидесяти:

- Я с тридцать пятого года веду трудовую жизнь. Я жил в Советском Союзе. Воспитан им, теперь из людей сделали хороших овчарок. Какие здесь боевики? Нет тут боевиков. Мы - трудовой народ. Мы сохранили в районе колхозы, овцеводство. У нас на выпасе больше двадцати тысяч баранов, три тысячи голов рогатого скота. Озимых посеяли более трех тысяч гектаров. В Шелковском районе не убивают людей. В Старых Щедринах живут двена-

дцать заслуженных механизаторов, СССР. У нас было много передовиков производства, даже есть бывшие Депутаты Верховного Совета... У нас не было времени заниматься хулиганством. Возле нашего села не делали засад, мы не воевали ни с кем.

Внимательно слушая пожилого человека, Родькин верил в его искренность. Он видел тоску старика по прежним, спокойным временам и хотел того же. Политическая воронка, в которой оказалась Россия, убивала его силы, терзала душу. Подполковника-афганца раздражали розовощекие политики-всезнайки, взявшие моду говорить: «Эта страна». Россия была его страной - любимой, многострадальной, за которую он немало повоевал. Согласно-доброжелательно кивая в такт словам старика-чеченца, выслушав его, не перебивая, Родькин сказал не то, о чем думал минутой раньше:

- А кто грабил российские поезда на железной дороге? Разве не ваши дети и внуки? Все они, по нашим сведениям, были с автоматическим оружием.

На что старикам было нечего возразить.

- Мы не овчарки, чтобы гонять людей по дворам, - вымолвил интеллигентного вида старик - бывший учитель.- Молодежь станет на нас показывать пальцем. Сейчас не те времена. Власть стариков убита, теряет смысл.

Молчание в комнате, где друг против друга сидели чеченцы и русские, начинало затягиваться.

- Мы пришли в село, чтобы помочь вам, - нашел нужные слова Миронов. - Меньше оружия, меньше крови.

- Охотничьи ружья у лесников тоже станете отбирать? - спросили его.

- Если стволы не зарегистрированы, заберем. Мы действуем в соответствии с Законом о милиции.

- Не действуют здесь никакие законы, - тихо, но все услышали сказал старец-хаджи: - На все воля Аллаха. Иншалла. Поступайте, как считаете нужным.

Тут дверь отворилась и в комнату не вошел, а ворвался начальник милиции Шелковского района. Шумно, по-хозяйски обстоятельно со всеми поздоровался. И, ни о чем не спрашивая, глядя в лицо Родькина, которого знал лично, заговорил:

- Мне позвонили. Сказали - в Старо-Щедринской работают неизвестные военные. Может, бандиты переодетые!? Вот поднял своих людей по тревоге. И прибыл в полном составе. А тут мирный, простой разговор. Правда, столы не накрыты.- Начальник милиции примирительно улыбнулся. Он был страшно обижен, что командированные в его район собровцы проводили специальное мероприятие, не поставив в известность начальника райотдела. Это был удар по его милицейскому самолюбию и престижу.

Русские офицеры отмолчались и полковник Д. продолжил:

- В моем районе мы поддерживаем порядок. Здесь нет уголовного беспредела. Во власти только лояльные правительству люди.

Подполковник Родькин знал, что эта речь может затянуться надолго и взмахом руки остановил полковника Д.:

- Разве прокурор Шелковского района не призывал убивать русских? Разве не в Шелковской недавно вырезали русскую семью: пожилую женщину убили ножом, нанеся ей семнадцать ран, а потом перерезали горло. В вашем райотделе это дело оформили, как преступление на бытовой почве.

Родькин не стал во всеуслышание озвучивать, что именно его собровцы взяли в ночной засаде пятерых вооруженных духов, сдали их в райотдел, сказав полковнику Д., чтобы подождал приезда оперативников курганского СОБРа. Но начальник Шелковского РОВД своей властью отпустил духов на волю, заявив, что эти люди из его агентурного аппарата.

По лицу полковника чеченской милиции Д. серой полевой мышкой пробежала тень, но он овладел собой и без всякой горячности продолжил:

- Нам надо больше взаимодействовать, обмениваться информацией, доверять друг другу.

Старики-чеченцы с интересом наблюдали за спектаклем, который перед ними разворачивался. У старика в зеленой феске даже мелькнула мысль, что может быть милиционеры доспорятся до того, что забудут зачем в Старых Щедринах собрались.

Полковник Д. вдруг перешел на чеченский язык. По интонации его речь была вызывающей, даже угрожающей. По тому, как посуровели лица стариков, а глаза засияли сталью, начальник райотдела говорил что-то очень обидное. Русские офицеры: два подполковника и трое собровцев, державших под своим наблюдением вход в комнату и окно, изумленные наглостью полковника, осмелившегося на длинный монолог без перевода, пока молчали. И тут Родькин достал из бокового кармана камуфляжных брюк небольшой блокнот и стал записывать то, что воспаленно говорил старейшинам полковник Д. Увлеченный речью, тот заметил, что его фиксируют самым последним. Старики уже с давним интересом разглядывали бородатого, похожего на чеченца, русского подполковника, знавшего чеченский язык, пораженные таким открытием.

Голос начальника райотдела, плотного, большеголового, минуту назад звучащий уверенно, стал потихонечку гаснуть, а потом затих.

- Решение будет такое, - сказал подполковник Миронов, представитель ГУОШ. - Сейчас разойдемся на десять минут. Перекурим. Старейшины, не выходя из комнаты, посоветуются. Повторяю, если вы нам не приведете людей, которые захотят сдать автоматы, мы начинаем подворный обход. Мы будем зачищать село, а вы будете здесь, в этом помещении, под нашей охраной.

Родькин спрятал блокнот и вышел из комнаты первым. Он был недоволен ходом переговоров. План операции, составленный в ГУОШе, подписанный его начальником, был данью моде, навязанной из Москвы, где, похоже, даже гордились тем, что в Чечне не введено чрезвычайное положение. Противостоящим боевикам российским спецназовцам вместо боевых, навязывались миротворческие функции. Ведя себя, как голубые каски, изъять

оружие, хранящееся в селе, было практически невозможно. В списке, который привез с собой из Грозного подполковник Миронов, были только фамилии боевиков, уроженцев Старо-Щедринской. Их инициалы и адреса проживания отсутствовали. Найти этих людей не представлялось вероятным.

Выйдя за Родькиным, Миронов с серьезным выражением лица, даже с какой-то надеждой спросил:

– Евгений Викторович, вы знаете чеченский язык?

– Да нет, Николай Венедиктович, я вдруг сильно по семье заскучал.

Решил домой письмо написать...

На улицу Миронов вышел один. Родькину закрыла дорогу молоденькая, хорошо одетая, изящная чеченка - секретарша Усмана и сказала:

– Вы, когда вошли, военные, напугали всех. Аж руки у нас затряслись. Такие симпатичные, а от вас все шарахаются...

– Не бойтесь, - устало улыбнулся Евгений. - Мы с женщинами не воюем.

Пока старики, собравшись в круг, тихо беседовали, начальник Шелковского райотдела милиции, молча сидел за столом Усмана, который вышел на улицу успокоить собравшихся возле здания администрации односельчан. Полковник Д. вслушивался в растревоженные, доносящиеся через открытую дверь голоса и думал, что измучился быть чужим среди своих, своим среди чужих. Он опасался всех. Его арестовывала ДГБ Дудаева и контрразведка внутренних войск. Когда пришел к власти Джохар, полковник спасал Доку Завгаева и руководил службой безопасности Хазбулатова. Все его мысли были о детях, которых некуда было вывезти из опаленной огнем и страхом Чечни. Каждую ночь полковник Д. засыпал с автоматом в руках, держа под подушкой и в других комнатах гранаты РГД и Ф-1. Он в любую минуту был готов принять неравный бой за жизнь своей семьи. Лавируя между правыми и виноватыми, проявляя чудеса дипломатии, полковник Д. чувствовал, что теряет лицо и жалел, что уехал с Дальнего Востока, где служба и жизнь складывались успешно.

Он хотел для своей Чечни крепкой, законной власти, без воровства и коррупции, без унижения слабых. Революции только отравляли жизнь простого народа - в этом он ни грамма не сомневался. Чтобы что-то переустроить, считал он с высоты своих лет, надо, чтобы лидеры уже имели это хорошее в своем сердце - в абсолютном преобладании.

Полковник Д. считал, что сорок пять суток милицейской командировки в Чечню - срок, не дающий результатов. Первые пятнадцать дней российские милиционеры осматривались, налаживали связи, потом пятнадцать суток интенсивно работали, а остальные дни готовились к дембелю. Кому хотелось умирать на этой малопонятной среднерусскому человеку земле. У командиров подразделений была одна сверхзадача - вернуть своих людей в Россию живыми, здоровыми.

Чеченцы возле здания сельской администрации, несмотря на льющийся дождь, накапливались. Женщин и детей среди них не было. И подполковник Родькин, преговорив с Мироновым, вызвал по рации своих людей. Курганцы на бэтээре Акула примчались самой короткой дорогой и с видимой охотой - поднадоело шататься по лесу - рассредоточились возле администрации, а бэтээр стал крутить башней - это наводчик определялся с возможными целями.

У входа в здание скопилось больше сорока мужчин. Внешне они не выражали агрессии, просто молча ждали решения стариков. Миронов пытался поймать на себе хотя бы один взгляд, но чеченцы отводили глаза. Выражение их лиц оставалось спокойно-брезгливым. Служивший до СОБРа в милицейской разведке, Миронов гордыней не страдал, имея многолетнюю привычку всегда оставаться в тени. И в обстановке такого взаимонеудовольствия чувствовал себя уютно. Перед ним стояла конкретная цель - изъять у этих людей оружие. Сегодня в Старых Щедринах он представлял закон, о существовании которого здесь давно забыли и вспоминать не хотели.

VII.

Доквах с легальным паспортом в левом нагрудном кармане пиджака, закрывшись от дождя большим куском целлофановой пленки, торопясь в дом, где умирал от воспаленной раны Хамзат, специально прошел возле здания администрации. Он владел всей информацией о силах и средствах, задействованных русскими на зачистку, но надо было поглядеть на противника, чтобы оценить степень его готовности к бою, решительность, выучку. Возле администрации стояло два бэтээра. Восемнадцать собровцев, спокойно перенося непогоду, отлично вооруженных, неподвижными, холодными статуями стыли под дождем, крепко держа весь периметр здания. Под навесом без особого любопытства рассматривая толпу, переговариваясь, стояли два уверенных, снаряженных по-спецназовски, командира. Один, с головой, покрытой светлой паутиной волос, в накинутом на плечи офицерском дождевике, курил. Вот он нервно бросил сигарету и офицеры вернулись в дом.

Доквах, узнанный всеми, кто толпился у здания, ни с кем не здороваясь: все поняли - почему - ускорил шаг.

Он вышел из дома без рации. Надо было скорее добраться туда, где прятался Хамзат, чтобы не только проводить его, но и не потерять связь и управление моджахедами.

Пройти по улицам села с рацией сегодня означало подписать себе смертный приговор. Доквах покидал дом, свой пост, недовольный тем, что хозяин, прятавший Хамзата, настоял на присутствии полевого командира.

Хамзата, семнадцатилетнего парнишку, переправили через Терек на лодке неделей раньше. Две раны, полученные в Грозном при ночном обстреле комендатуры, вели себя сначала спокойно. Но надежды на выздоровление юного воина не оправдались. Фельдшерица, лечившая Хамзата, не смогла толком ничего объяснить.

- Умирает, - сказала она потерянно, - когда Доквах вошел в летнюю холодную комнату.

Если бы не присутствие русских в Старо-Щедринской, Доквах бы помчался за хирургом даже в Кизляр. Но фельдшерица сказала, что юноша обречен:

- У него молниеносный сепсис, наверно.

Тайным входом Доквах ушел в подземелье, где было сыро и холодно, как в средневековой темнице. Голая лампочка в сорок пять ват светилась желтовато-тускло, как глаз шакала. Доквах подошел к изголовью лежащего на деревянном топчане воспаленно-тяжело дышащего парня и понял, что все слова, которыми он попытается утешить этого человека будут дежурно вычурны.

-Ты счастливый, - сказал Доквах, взяв в свои холодные руки горячую потную ладонь Хамзата. - Скоро увидишь Аллаха. Он встретит тебя, как героя. А нам, грешным, плохо воюющим, не выпало такого счастья - быть ранеными в бою с неверными и умереть за родину. Мы будем к этому стремиться. Ты меня слышишь?

Хамзат приоткрыл глаза и чуть заметно кивнул гладко выбритой головой. Он страдал от потрясающего озноба, а налицо была проливная потливость. Усы и редкую юношескую бородку фельдшерица, принимая раненого и приводя его в порядок неделю назад, не оскорбила бритвой. Парень, несмотря на крупную, красную сыпь на лице, был прекрасен уже какой-то неземной красотой. На щеках вестником смерти, как сигнальные костры в ночи, пылал румянец, убивающего юношу заражения крови, Доквах не стал говорить Хамзату, что в селе работает русский спецназ. Юный воин то терял сознание, то приходил в себя. Доквах не знал его раньше, но видя его беспомощным, как младенец, легко представил его плачущим мальчиком, упавшем на крутых, вырубленных в камне ступеньках, ведущих к родовому дому, у высокого фундамента которого на скамейке сидел в косматой папахе старик и ласково звал к себе заливающегося слезами внука.

- Иди ко мне, иди сюда, малыш, - поигрывая пальцами ласково-требовательно говорил дед, но не поднимался с места. Внук, только начав-

ший ходить уверенно, должен был сам, преодолевая боль и страх, попасть в спасительные объятия старого человека. И Хамзатик с разбитым в кровь лбом полз по каменным, столетним ступенькам лестницы, ведущей в небо.

Все это цветным миражом мелькнуло в растревоженном сознании Доквах и пропало. Он снова был один на один с умирающим юношей.

Доквах с ненавистью к русским подумал, что в России, когда ребенок падал и ушибался, к нему со всех ног неслись мамки, няньки, отцы и деды. А пацан, упавший на ровном месте, избалованный таким вниманием, поддавал реву. И его заласкивали, тут же искали виноватых, предлагали стукнуть того, кто сделал ему, маленькому, «бобо». И покрасневший от пережитого волнения младенец, стучал по полу или углу, оказавшемуся на пути шкафа крохотным кулачком.

"Не умеют в Москве воспитывать воинов, - думал Доквах, - Разучились". Но тут же поймал себя на мысли, что знает немало случаев, когда окруженные в Грозном русские восемнадцатилетние пацаны бились до последнего патрона, подрывали себя гранатами, дерзко шли в рукопашную, рубясь саперными лопатками, как средневековыми топорами. И мало кто из пленных просил пощады, умирая под ножами наемников из Афганистана и Западной Украины. Сам Доквах ни разу не оскорбил свой род истязаниями пленных российских солдат и офицеров, не забывал, что его дед был солдатом Великой Отечественной войны и защищал Брестскую крепость.

Доквах не стал будоражить угасающее сознание Хамзата рассказами, что изумительной красоты гурии там, на небесах, будут ему главным утешением и подарком. Юноша уходил, не изведав девичей красоты. Наколотый обезболивающими, он молчал. Доквах знал, что этот парень был рядовым бойцом, без больших покровителей. Иначе его по воздуху давно перебросили бы в Азербайджан или Турцию. Не вся чеченская авиация была уничтожена. Дудаев заблаговременно спрятал часть вертолетов и крылатых машин в Грузии и Азербайджане. Они прилетали в Чечню с грузом боеприпасов, а улетали, набитые ранеными. Хамзата после его смерти, которая здесь в подземелье

уже незримо присутствовала, надо было везти в родовое селение. Доквах не навидел поговорку: "Нет человека - нет проблемы". В Чечне говорили: «Нет человека - есть две проблемы».

Удивляло, что Хамзат ни слова не говорил о войне, словно в его биографии она отсутствовала. В подвалах Дворца Дудаева Доквах раненым видел с какой ненавистью к врагу умирали защитники Грозного - маджахеды. Он вовремя тогда заметил подползающего к русскому офицеру бойца президентской гвардии. Чеченец, истерзанный осколками, что хотел добить ножом уходящего из жизни русского, долго бился в припадке под навалившимся на него Доквахом и медицинской сестрой - матерью пленного российского сержанта.

То, что Хамзат, прибывший в Старо-Щедринскую с чистыми, заживающими ранами, вдруг потерял силы и умирал, мучило Докваха. Это был его грех, а не халатность женщины-фельдшера, которая вернула в строй десятки людей. Ещё живой Хамзат лежал на топчане, вытянувшись, как покойник. Бинты, опоясывающие его живот, поражали белизной. Хамзат, давно отпустивший руку Докваха, мучился от обрушившейся на него слабости.

- Дождь никак не кончается,- вдруг отчетливо сказал он. – Это значит, на земле много неубранных трупов. Непогребенные зывают. Я слышу это. Господин Мирон не ожидал от нас...

Что не ожидал от чеченцев Аллах, Хамзат не успел сказать.

VIII.

Войдя в комнату, тесно набитую людьми - подошли ещё старики - Миронов и Родькин сразу поняли, что решение принято. Слово взял старейшина в зеленой феске. Он внятно, на этот раз без всякого акцента, не без боли сказал:

– Старики пойдут по домам вместе с собровцами... Когда в прошлый раз сдали двенадцать автоматов, старейшинам угрожали. Но надо думать о будущем, когда времена изменятся в корне.

- С каждой группой, - подчеркнул Миронов, - которая отправится по дворам, будет не только старейшина, но и чеченский милиционер.

Старики просили русских офицеров не грубить женщинам, не досматривать их, не входить на женскую половину.

Родькин не сомневался, что такая просьба поступит. С ней нельзя было не согласиться. Так диктовал Адат. Старейшины тоже понимали, что село из 394-х дворов задействованной силой зачистить, как собровцам диктовал приказ, нереально. А вот нарваться на боевое сопротивление - было реально.

Миронову не хотелось думать, что сводный СОБР завели сюда на разведку боем. Реальность диктовала проведение здесь не зачистки, а полномасштабной войсковой операции. В оперативных сводках Старые Щедрины занимали особое место. Информация о наличии в селе боевиков и схронов с оружием поступала регулярно. Периодически здесь появлялся Руслан Лабазанов - кровник Дудаева. Зачем? Команду на спецоперацию в селе все время придерживали, а тут, неожиданно, срывая все планы, СОБРУ сказали: "Фас!" "Мы непредсказуемы, потому что непредсказуемы наши генералы", - в этом Миронов убеждался регулярно.

- Вы меня хоть кверху ногами подвесьте! - начинал горячиться старик в зеленой феске. - Ну нет у меня автомата!

- Мы пойдем в адреса, которые есть в нашем списке, - успокоил старика Миронов.

- Людей оговорить могут! - не унимался старейшина.

- Пусть приготовят документы на автотранспорт, Если в паспортах будет печать с волком, доставляйте обладателей таких документов сюда, - Миронов перевел разговор со старейшинами в инструктаж собровцев и чеченских милиционеров.

Начальник Шелковского райотдела милиции вмешался в разговор:

- При Дудаеве на каждом повороте торговали оружием. Власть всячески способствовала его приобретению. У нас тоже есть список с именами боевиков - уроженцев села. В списке 39 фамилий, четверо из этого списка

принимали участие в расстрелах федералов. Список в сейфе остался. Не знал, что может понадобиться. Нам надо чаще состыковываться. - Полковник Д. снова упрекнул командированных в его район собровцев.

- Состыковывались уже, - с заметной горечью сказал Родькин.

Миронов продолжил инструктаж:

- По улицам идти двумя группами: одна по левой стороне, другая по правой. В хвосте "Урал" или бэтээр. Вести себя корректно.

- Уважаемые отцы!- обратился к старейшинам Родькин. - Наша задача – не допустить кровопролития. Сделайте так, чтобы во время мероприятия брат не бегал к брату на другой конец села. Чтобы женщины и дети находились дома. Мы будем работать без грубости. Судя по всему, мы к вам еще не раз наведемся.

На добровольную сдачу боевиков и выдачу оружия собровцы не считывали. Во время десятиминутного перекура, Родькин сказал Миронову, что с чеченцами о добровольной сдаче родственников – боевиков разговаривать трудно, практически бесполезно. На фильтрах арестованных людей бьют по-черному. В Чечне это не тайна. Поэтому все боятся фильтрационных пунктов, как огня.

Миронов вышел в эфир:

- 310-й, я 32-й. Начинаем работать. Усилить наблюдение.

Он с двумя телохранителями остался в здании. А Родькин, начальник милиции и старики, шумно переговариваясь, вышли к людям, толпившимся во дворе. Дождь не разогнал людей по домам. Начальник райотдела коротко объяснил собравшимся, что сейчас будет происходить в селе. Толпа начала быстро рассасываться.

Родькин вернулся к Миронову, не захотел оставлять его в одиночестве. Информация по радиации поступала регулярно. На столе перед старшими офицерами был подробный план села, который им передал руководитель сельской администрации. Уходя на проверку паспортного режима вместе со стариками, Усман по просьбе Родькина достал план из сейфа. И теперь, полу-

чая сообщения, собровцы отмечали продвижение своих людей на плане – схеме.

IX.

Мы не стали заходить в дома по-боевому, как обучены – это значит, страхуя друг друга, открывая двери хозпостроек крюками на длинных веревках, проникая внутрь с задержкой, чтобы не подорваться на чеченских растяжках, минах-ловушках. В нашей группе был говорливый, всем недовольный старик в зеленой феске и галошах с загнутыми носками, как у персонажа из сказки «Маленький Мук». С нами шли еще два чеченских милиционера. Поэтому мы, собровцы, чтобы не травмировать старика, вели себя так, словно войны в Чечне не было. Вежливо здоровались, спрашивали про наличие в доме оружия и наркотиков, предлагали выдать их добровольно. Получая в ответ недоуменные взгляды хозяина дома и домочадцев, заглядывали в помещения, осматривали пустые углы, открывали домовую книгу, проверяли документы и уходили в другой адрес. Везде жили добропорядочные, уважаемые граждане. Было трудно предположить, что в Старых Щедринах жили специалисты, способные разграбить грузовой поезд за какие-то тридцать минут и уйти, оставив на поживу чеченской милиции один вагон нетронутым. «Моя добыча - это и твоя добыча», - закон волчьей стаи здесь соблюдался свято. Ещё и поэтому старо-щедринцы были неуловимы.

Раздражала бессмысленность наших действий. Попадались типы с правильными документами, но только что сбритыми бородами, нагло усмехавшиеся нам в лицо. Они, конечно, были достойны ордена Сутулова с закруткой на спине. Но нам приходилось с каменными лицами, запоминая облик этих подозрительных субъектов, выходить ни с чем. Только у одного чечена в 14.40 дня мы забрали незарегистрированное охотничье ружье. Он долго шел за нами следом и, чуть не плача, просил двухстволку обратно.

- Я пастух, - говорил, - Мне без ружья нельзя. Как от волков овец сберечь?

- Из автомата будешь отстреливаться,- строго сказал я. Только после этих слов чеченец отстал.

Чечня поражала обилием домов с большим личным достатком. Откуда проистекало богатство - я старался не думать. Мужчины здесь жили по принципу - сначала семья, род, тейп и только потом нация. Для современной капиталистической жизни - самое то. Никаких высоких планок ставить не надо. Сам обогатился - значит, обогатилось и государство. Революционная ситуация в Чечне была налицо. Её пользовались, кто как умел.

Нас насторожило, что калитка была приоткрыта, как будто из дома сбежали при нашем подходе. У меня на подобные обстоятельства нюх.

- Непорядок, - сказал я старику в зеленой феске, который чуть помедлил, но во двор вошел первым. Эту заминку я видел и обострил внимание.

Чеченский двор и сам дом - это государство в государстве. Если бы нас встретил хозяин с женой, я не имел права даже взглянуть на женщину, не-то чтобы рассматривать её в упор. Эти знания я почерпнул у терских казаков.

В доме никого не было. Следы поспешного бегства отсутствовали. Люди взяли и просто ушли.

Мы поняли, что здесь можно нарваться... Увидев, что мы подняли автоматы к плечам, сопровождающие нас чеченцы остановились. Мы словно перешагнули незримую нить, которая нас разделила. С этой минуты мы стали жить своей, отдельной от них жизнью.

Наши действия по зачистке шли, словно в дом вошли биороботы. Я шел в паре с Иваном Кондратовым - капитаном СОБРа ГУОП - обладателем армейской каски, обтянутой шикарной маскировочной тканью. Иван выделялся не только каской. Его движения выдавали опытного спецназовца, умеющего видеть. Он не отвлекался, вникал в мелочи. То, что Иван надежный товарищ, я убедился быстро. Мы были готовы применить оружие в любую минуту.

Мы зачищали жилые комнаты, в каждой из которой нас могли ждать вооруженные люди. Пробивая дорогу на выход, они могли выкатить нам под ноги гранату, открыть шквальный огонь, а потом, перешагнув через наши тела, уйти.

Дома нас ждали дети - об этом мы всегда помнили и не собирались умирать по-глупому.

Старик в зеленой феске, идя за нами, нарочито тяжело бухал ногами, обутыми в сказочные галоши, привезенные из Турции. И громче громкого говорил:

- Мы не закрываем свои дома. У нас в селе чужих нет. Не от кого прятаться.

Я не отвлекался на аксакала. Я был неверным, значит, недостойным знать правду. Меня можно было убеждать в чем угодно, без опасности обидеть Аллаха ложью.

В каждой комнате стояло по телевизору, на стенах висели ковры. Дом дышал благополучием времени, которое наступило. Я заглянул в фотоальбом, который обнаружил в платяном шкафу... Старики в высоких папахах, изробленные, как говорят у нас в Зауралье, женщины, то есть изработанные в полях. Девочки в белых передниках на школьных линейках, юноши-выпускники средней школы с битловскими челками. Фотографии боевиков с автоматами с зеленых повязках на упрямых лбах в фотоальбоме я не нашел. Но это абсолютно ничего не значило.

- Хозяина нет. Наверно, в район уехал. - В чем-то старался убедить меня старейшина. - Я его знаю. Хороший человек. Механизатор. Болеет последнее время. Мы все болеем, как эта война началась. Ни одного спокойного дня не жили.

- Дедушка, - сказал ему Иван Кондратов, - Вы бы не ходили у нас за спиной. Не дай БОГ, под огонь попадете.

- Под какой огонь? - удивился старейшина.

- Под автоматный, - полный достоинства ответил Иван.

В просторную, светлую комнату на женской половине пустого дома мы все же зашли, а старик не стал, словно врос на пороге, цепко следя за нашими действиями. Не то, чтобы неприятно было, что пожилой человек, не доверяя, не сводит глаз с наших рук, подозревая в способностях взять чужое... Мы служили в офицерском спецназе. Никто в Чечне не мог упрекнуть СОБР в мародерстве. Активное недоверие старика начинало нас раздражать.

...Прежде всего в глаза бросился плотно стоящий у стены двухстворчатый шкаф. Я подошел к нему, оглянулся. Старик смотрел на меня с нескрываемым злым любопытством. И молчал. Я понимал ход его мыслей: «Что, гяуры, полезете в полированный шкаф женское белье ворошить? Не стыдно вам!». Я понимал, что шкаф может быть заминирован. Белого металла маленький ключик, оставленный в замочной скважине, завораживал. Манил. Одно движение и можно превратиться в груз "200". Взгляд старика буравил наши затылки, испепелял. А я все не мог собраться с силами, чтобы открыть дверцу ничем не примечательного, светло-красного, похожего на гроб, платяного шкафа.

Иван Кондратов не стал раздумывать. Легкий, без скрипа, оборот ключа. За распахнутой дверцей плотный ряд бархатных, висящих на плечиках темно-синих, темно-зеленых платьев. Пока стволом автомата Иван зачищал внутренность шкафа, я выцеливал темно-зеленую глубину таинственного пространства.

Х.

То, что по дому ходят чужие, Доквах понял давно. Умиравший Хамзат снова бредил, снова нервными, худыми пальцами теребил край синего солдатского одеяла. Потушив и без того тускло горящую лампочку, Доквах подготовил оружие к ведению огня и поднялся по ступенькам вверх - к выходу из подземелья. Теперь от врагов его отделяла только задняя стенка платяного шкафа. Приходя в дом фельдшерицы, муж которой был водителем и имел ранение в Грозном при перевозке боеприпасов, Доквах заходил в женскую

половину и проникал в подземелье, открывая на себя заднюю из прессованной фанеры стенку этого единственного в комнате шкафа. Потайной замок, внешне невидимый, был изготовлен лучшим сельским автослесарем, умеющим молчать,

Если бы спецназовцы нагло-решительно опрокинули шкаф, то им бы открылся пробитый в кирпичной стене круглый лаз, и оттуда по ним ударил бы автомат Докваха. Но они только тыкали стволами в прессованную фанеру и молчали. Это безгласие взвинчивало нервы Докваха, сердце которого было готово закровоточить от напряжения. Он мог умереть, но никогда не отдал бы русскому спецназу умирающего моджахеда.

Там, десятью ступеньками вниз, находящийся в беспамятстве юноша начинал постанывать. Но, миновав ступеньки, надо было, сгибаясь, еще уйти влево, и этот предусмотрительно пробитый в земле изгиб - слава Аллаху - гасил, прятал от русских стон умирающего.

В минуту высшей ответственности автомат в руках Докваха был невесом, как перо из крыла Ангела.

Русские ещё потоптались, громко, словно бахнули из ПМ, захлопнули шкаф, закрыли его на ключ и со смехом ушли.

Доквах долго стоял, веря, что спецназовцы могут вернуться. Автомат в его руках постепенно набирал вес, пока не превратился в нечто такое, что Доквах мог и не удержать. Он чутко уловил, когда оружие заскользило в потных руках и ловким, привычным движением, прихватив ремень, забросил автомат за левое плечо.

Теперь Докваху предстояло самое страшное - принять смерть Хамзата и схоронить его до заката.

XI.

В три сорок дня Миронову принесли ещё два охотничьих ружья, отнятых у пастухов. Усмехаясь, он переглянулся с Родькиным и недвусмысленно протянул:

– Да-а-а. Результат. Доклад по обстановке произведет в ГУОШе эффект.

– Не переживай. - Родькин не стал отвечать на его улыбку своей.

Напряжение не ослабевало. Он ежеминутно ждал обострения обстановки, огневого контакта. Оперативники из Тулы и Волгограда, приданные его СОБРу на время командировки обладали четкой информацией, что боевики в селе есть: контуженные, раненые, утомленные, пытающиеся здесь поправиться и снова встать в строй.

Родькин рассчитывал на опытность собровцев, обученных обнаруживать схроны, выявлять поддельные документы. Он, как и Миронов воспринимал свой заход в село, как разведку боем и как подставу. Боевиков ловили на живца, в роли которого выступал сводный, малочисленный по составу СОБР.

Родькин думал, что знай о том, как неразумно в этот раз применяется СОБР, первый заместитель Министра МВД генерал-полковник Егоров Михаил Константинович, Начальник Главного управления по организованной преступности, обязательно наказал бы руководство ГУОШ. Но Егоров находился в Москве и не знал, что офицеров структуры, которую он создавал, в Чечне использовали для разведки боем, то есть пускали на мясо.

Прямым делом СОБРа был захват вооруженных преступников в адресе. После перепроверенных разведданных следовал внезапный для бандитов штурм... Вылетала выбитая или подорванная накладным зарядом дверь, черными коршунами залетали собровцы и бандосы, как порубанные саблями, валились на пол, неспособные к сопротивлению. В Чечне милицейская реальность оказалась перевернутой с ног на голову. Не все командированные в Ичкерия начальники понимали, что прибыли на войну, где ухо остро надо было держать даже среди своих. Приказ, отданный сверху, мог оказаться губительным. Рыночные отношения здесь проявлялись во всем, даже на поле боя, в гуще кровавого столкновения, в схватке лицом к лицу. Не было случая, чтобы российский спецназ за деньги оставил занятый рубеж. Но были нелю-

ди, продававшие за доллары маршруты колонн, планы боевых операций. Вот кому Родькин с хрустом заломил бы руки за спину, вот кого с удовольствием собровцы повесили бы вниз головой на турнике возле своей палатки и предатель через известный срок, как включенный магнитофон, изложил бы все про контакты с боевиками.

Но Родькина в большие штабы, где решались судьбы войны, не пускали.

Двое собровцев завели в кабинет пожилого русского, вымокшего насквозь. Он был в черных брюках, красном растянутом свитере, с непокрытой головой и в офицерских хромовых сапогах. Родькину с Мироновым эти сапоги особенно бросились в глаза. Следом вошел прикомандированный к курганцам опер из Тулы. За яркую азиатскую внешность и холерический темперамент он имел погоняло "Якудза". Но этим громким позывным в эфире не пользовался. Так собровцы обозначали туляка-опера в своей среде.

Якудза наклонился к самому уху Миронова и чтобы Родькин тоже услышал прошептал:

- Его сын принял ислам и снайперит у Дудаева.
- Фамилия?- выпалил Николай Миронов.
- Рафаэлов, - так же громко ответил задержанный.
- Сколько лет сыну? - спросил подполковник Родькин.
- Не знаю.
- Как так?- искренне удивился Миронов.
- Я этим не интересуюсь.

Якудза открыл записную книжку и доложил, что этот человек вернулся в Старо-Щедринскую перед самой войной, отсидев большой срок. Что его сын теперь носит мусульманское имя, воевал в Грозном, имеет ранение, хромотает и недавно, подлечившись, ушел в горы,

- Я ещё пятнадцать лет отсижу, но буду людям прямо в глаза глядеть, Я этой войны не касаюсь,- на истерике заговорил задержанный.

- Помолчи а, - оборвал его подполковник Миронов, - Разговаривать

будем в другом месте.

Обведя долгим взглядом сидящих полукругом молчаливых чеченских старейшин, полковника Д. с его заместителем, Миронов сказал:

- Задержанного в бэтээр. Заберем с собой, - и снова пристально посмотрел на хромовые, забрызганные грязью сапоги Рафаэлова. Подполковник не сомневался, что на ногах русского старика снайперский трофей сына, новое имя которого собровцы пока не знали.

Отца предателя вывел доставивший его в штаб капитан Кондратов. Старик уходил сгорбившись, привычно заложив за спину руки, не скованные наручниками.

Доклады по рации шли каждые десять минут. Работа по адресам заканчивалась. Жалоб от местных жителей не поступало. Усман, начальник сельской администрации, вернувшийся с маршрута, все больше светлел лицом.

Весело улыбаясь, раскатисто приветствуя всех:

- А-сс-оо-лом Алл-ей-куум!- вошел известный всем Хасан, житель села Новые Щедрины. Именно под его началом годами грабились российские поезда. Информация по Хасану была только оперативного характера, никто и никогда не выступил бы против него в суде. Вся Чечня была повязана законом "молчания" - омэрты, как сказали бы в итальянской мафии.

Хасан был широк в связях, легко шел на контакты с военными. Наверняка сотрудничал со всеми российскими спецслужбами, продолжая верой и правдой служить себе любимому и дудаевцам.

Очень уверенный в себе, он обнялся со старейшинами, поздоровался за руку с полковником Д., подполковником Мироновым. Родькин Евгений Викторович Хасану руки не подал. Тот секунду, другую подержав открытой широкою, как саперная лопатка, ладонь, сжал её в кулак и обиженной скороговоркой сказал:

- Давно к тебе присматриваюсь. Наверно, генералом станешь, - потом помолчал и примирительно улыбаясь, добавил: - Если не убьют.

Миронов предложил Хасану сесть на свободное место и не рыпаться. А Родькин попросил у Хасана документы, внимательно изучил их, внес в свою записную книжку все данные паспорта, водительских прав и вернул со словами:

– Через пару дней я к тебе наведаюсь.

– Трофейного танка во дворе у меня вы не обнаружите,- попробовал отшутиться Хасан.

– А вот пара АГС-ов у тебя в огороде наверняка закопаны, - сказал Родькин. - Помолчи пока. Не мешай работать.

В комнату проник солнечный луч, заиграл, слепя глаза, на лицах утомленных людей. С окончанием, заглушившего посторонние шумы, дождя, стало слышно отдаленное рычание бэтээров. Их гул нарастал. Чеченские старейшины беспокойно запереглядывались.

Это Миронов кодовым сигналом отдал приказ снять оцепление и выходить на асфальт. В центр села, чтобы усилить штабную группу со стороны Терека выдвинулся третий бэтээр с десантом – на всякий случай.

Покинув здание, Миронов удивился большому скоплению людей. Обнадеживало, что в толпе было немало детей и женщин. Пацаны, как это всегда бывает, с веселым гомоном лазали по бронетранспортерам, пытались коснуться оружия, особенно их интересовали гранатометы.

- Шайтан-труба, - так они называли РПГ-7 и собравцы, улыбаясь, соглашались.

Это внешнее миролюбие напомнило Родькину армейское время, когда, служа на Урале, они, выпускники Курганского пединститута, на БМП-2 двигаясь по маршруту, заходили в села и детишки, радостно переключаясь, просились на броню. В ту пору можно было, не опасаясь, дать ребенку подержать разряженный автомат. Здесь это было категорически невозможно. Вся группировка знала, как двенадцатилетние дети, подняв на плечо «муху» - одноразовый гранатомет успешно сжигали в Грозном российскую бронетехнику.

Родькину вдруг нестерпимо захотелось покинуть село. Надоело изображать из себя военную мощь. «Мы участвовали в каком-то дурацком спектакле», - думал он и откровенно сказал об этом Миронову:

- Занавес. Спектакль окончен.

- Слава Богу, ружье не выстрелило, - рассудительно произнес Миронов.

Толпа начала расступаться и к сидящим на головном бэтээре в окружении соборовцев Родькину и Миронову подошли самые уважаемые старейшины. И тот, кто на переговорах меньше всех говорил, с достоинством произнес:

- Обижаете нас! Из чеченцев никого не забрали, а увозите русского – единственного русского живущего в селе. Обижаете. Что о нас люди в соседних селах скажут. Он ведь не боевик!

ХII.

Я удивился, что, выслушав стариков, Родькин с Мироновым от души рассмеялись.

- Вот молодцы! Великий народ, - обернулся ко мне Евгений Викторович, - Никого из близких людей не оставят в беде.

Я сидел на башне бэтээра за спиной Родькина. От меня, возвышающегося над толпой, не ускользала ни одна подробность происходящего. Старички глядели на моих командиров с надеждой.

- Что о нас в других селах подумают, - продолжал говорить старейшина, - Оставьте русского дома. Отец за сына не отвечает.

Даже дети прекратили возню на броне и вопросительно-молча взирали на Родькина.

Подполковник Миронов, ответственный за операцию в Старых Щедриках, дав старику выговориться, после короткого раздумья, громко, чтобы все слышали, сказал:

- Уважаемые отцы! Принимая во внимание вашу просьбу, мы отпускаем вашего односельчанина Рафаэлова. Но завтра утром, в 9 утра, он должен явиться в райотдел к полковнику Д. для разговора по существу вопроса.

В толпе, секунду назад враждебно-сосредоточенной у немногих, но тронула лица улыбка, старики помягчали, пацаны снова стали играть на броне стоящих ниточкой трех бэтээров.

Из открытого правого люка головной машины Рафаэлов, несмотря на пожилой возраст, выпорхнул юной, красной птичкой и сразу попал в круг разволнованных стариков.

Теперь люди смотрели на нас, собровцев, с интересом.

- Спасибо вам, - обращаясь к нашим командирам, сказал знакомый мне и Ивану старик в зеленой феске, - Спасибо, что уважили просьбу старейшин.

Мягко помахивая руками Родькин с Мироновым сгоняли ребятишек с брони, просили взрослое население Старых Щедринов отойти подальше от техники.

Спустившись на землю, Миронов с Родькиным ещё раз пожали руки старейшинам и дали команду на выдвижение. Я внимательно, не снимая руки с предохранителя автомата, больше не вглядывался в лица чеченцев.

Я всматривался в чердачные окна, осматривал крыши, открытые калитки. Стоявший на входе в сельскую администрацию полковник Д. приветливо помахал рукой нам, отъезжающим. Только я ответил ему.

А глава администрации, неестественно бледный, даже не посмотрел в нашу сторону, занятый разговором с молодой чеченкой - своей секретаршей.

Мы уходили из растревоженного села под молчание взрослого населения, а детишки, подождав, когда мы подальше отъедем, сжимая кулачки, вздымая их вверх, кричали нам вслед:

- Аллаху Акбар!

И тут во весь рост поднялся москвич Иван Кондратов, капитан СОБРа ГУОП. Держась за ствол башенного крупнокалиберного пулемета, он снял с

головы свою знаменитую каску образца 1937 года и, взмахнув ею, как флагом, улыбаясь, закричал по-богатырски так, что остающиеся в Старых Щедринах услышали:

- Воистину спецназ!

И все, сидящие на трех бэтэрах, радостно засмеялись.

Ещё пять бэтэров ждали нас на асфальте, развернутые в сторону станции Червленной. Московский бэтээр Гоша с подполковником Мироновым, сразу пересевшим к своим на броню, снова ушел в голову колонны. Николай Венедиктович попрощался с Евгением Викторовичем так, будто снова увидится завтра - легким рукопожатием, без крепкого соборовского объятия. Я подумал, что все мы за этот день изрядно надоели друг другу. Миронову предстоял доклад в ГУОШе и он готовился получить выговор за отсутствие результата.

Бэтээры шли на скорости, словно стлались по воздуху мощные птицы... Наша Акула, оседланный нами бэтээр, был собран на курганском заводе КЗКТ, и это давало нам особую уверенность в его надежности. Машину, легкую в управлении, не надев очков, высунувшись из люка, вел Миша Немчинов - позывной которого "батюшка" всегда радовал, поднимал нам, шансы на жизнь. Я долго разглядывал пробивающуюся к небу траву и вслух по-радовался, что пока мы зачищали Старые Щедрины, на ветках деревьев распустились листочки.

На что подполковник Родькин сказал:

- Зелень-то здесь уж очень обманчиво нежная.

ВЗРЫВ НА ТЕРЕКЕ

Захарка Руднев называл этих чеченцев обыкновенными скотокрадами. Они же считали себя воинами ислама. А в российских газетах их именовали членами незаконных вооруженных формирований. Вооруженные, как спецназовцы, они регулярно ходили за Терек, а, возвращаясь, бахвалились, что занимались не только кражами.

Захарка знал все это в подробностях, потому что его мама, Наталья, и в тридцать пять слыла красавицей. Когда их дом после ухода русских войск сожгли (за просто так), Лом – чеченец купил ей другой, поскромнее, став ее властелином.

Лом – по-чеченски Лев, рассказывал Захару, что получил имя царя зверей в память о предках, пришедших из Аравии осваивать ичкерийскую землю. Но мать, стыдясь тринадцатилетнего сына, что стала наложницей бандита, шепотом рассказала Захарке, как эти земли приводили в божеский вид терские казаки, а коренные чеченцы тогда были жителями гор. Мальчишка знал это и сам. Станицы Старо-Щедринская, Гребенская были родиной его предков, где в свое время казаков извели как класс. Что такое «класс», Захарка помнил со школы. В последнюю русско-чеченскую войну в Старо-Щедринской жил-поживал только один русак-алкоголик, сын которого принял мусульманство и снайперил у Дудаева. Захарка узнал об этом из рассказов Лома, в обычае которого было соврать, приукрасить. Чеченцы, как малые дети, часто самообманывались, выдавая желаемое за действительность.

Когда российские войска по приказу Москвы ушли из Чечни, наступило время невообразимого пиратского пиршества. Лежа в комнатке дома, купленного врагом, слушая доносящиеся из-за стены песни и пьяные разговоры (когда по-чеченски, чаще по-русски), Захарка думал, что тем русским воинам, кого он лично знал, не дали победить. Гости Лома кричали, что настанет час, когда «рыжих псов» окончательно, как из Чечни, погонят с Кавказа. Во-

царится великое исламское государство. Больших сражений не будет. Партизаны, словно дикие пчелы, измотают полудохлого русского медведя, и он, косолапя, умчится к себе на Север околевать.

Захарке не надо было в эти минуты быть среди гуляющих от души боевиков: он и так знал, что мать, как и полагается в чеченском доме, стоит где-то за их спиной с полотенцем в руке, следя за лицом Лома, чтобы мгновенно исполнить любое его желание. «Рабыня! – беззвучно кричал в темноте Захарка. – Кого рождает рабыня? Неужели только раба?!»

Все, что писалось в умных книгах, которые он любил читать до войны, оказалось беспредельным враньем. Ничего не было – ни любви, ни жалости к людям! Особенно ввали про жизнь кинофильмы: чтобы спасти горстку обыкновенных людей, высаживались десанты, куда-то обеспокоенно звонил президент. Ничего подобного не наблюдалось в действительности. Как только скрылся в пыли последний российский БТР с людьми на броне, в Чечне началось уничтожение русских. Кому в мире было дело до этого?

Классную руководительницу Захарки разрубили топором, а её ребеночка, «пожалев», задушили телефонным проводом. На русских отыгрались сполна. Теперь в бывших казачьих станицах была новая мода: отбирать пенсии у тех, кто получал их на Ставрополье. Если русские сопротивлялись, их убивали, включали газ – все следы преступления уничтожал пожар.

Жаловаться было некому. Когда Захарка слышал по московскому радио мудреные рассуждения о демократии, о каких-то правозащитниках, об успехах борьбы с преступностью в Чеченской Республике, то смеялся, как сумасшедший.

И еще он остервенело дрался на улицах. С отчаянностью обреченного, нося синяки и порезы с гордостью, как ордена. Чеченские пацаны набрасывались только стаей, а он отбивался как мог.

Лом, перевезший его с матерью сюда, в незнакомое место, не вмешивался. Он желал только тела Натальи. Бежать ей с Захаркой было некуда. В

России ее с сыном никто не ждал. Душа Натальи давно уже приказала долго жить, а тело принадлежало Лому, пахнущему не волком, как он любил хвастаться, а бараниной, которую Наталье приходилось готовить днем и ночью, потому что Лом никогда не приезжал один.

Дом, где с недавних пор жили Наталья с Захаркой, был невелик, но с добротными подвалами. Прежний хозяин – казак был виноградарь, каких поискать. После его гибели жена откупилась от злодеев убыточной продажей дома и ушла, не оглянувшись, будто и не жила тут.

В подвалах, помимо старого чихиря, теперь Лом хранил оружие, боеприпасы, взрывчатку. Все это привозили, увозили такие же, как он, крепкие бородачи в камуфляжах.

А вот сегодня вечером на джипах приехали только одетые в черное. Наталья носилась по дому, как угорелая. А боевики, зная, что она не жена, весело ее подгоняли. Захарка знал: «хазки» по-чеченски – говно молодого поросенка, и это слово стремительно летало между переговаривающимися боевиками. От ненависти к ним Захарка только нервно жмурился, словно не хотел глядеть на огонь, который его заставили разжечь и поддерживать во дворе.

Захарку уже давно не интересовало, в какой стороне Москва, но когда боевики в черном, вытащив из подвала несколько ящиков, стали набивать патронами автоматные рожки и несколько раз упомянули Москву в разговоре, он снова о ней подумал. В школе, куда Захарка дорогу давно забыл, их учили любить Москву, рассказывая о ней, как о чем-то светлом, драгоценном, даже святом. Песню про Москву в первом классе заставили выучить. Слов он теперь не помнил.

Когда российские военные, с которыми Захарка любил общаться, бросив заставы на Тереке, стремительно ушли, он впервые стал думать о Москве и о них, как о чужом, далеком. Потом он пытался оправдать их отъезд.

Особенно хорошо Захарка относился к собровцам. Когда они приезжали на БТРе в станичную баню, обязательно угощали его и других детей – всех без разбора – простенькими конфетами, поливитаминами, катали казачат на технике, показывали приемы рукопашного боя. Их с окраины станицы вывели много раньше, чем российская группировка оставила Чечню. О собровцах из Сибири Захарка вспоминал с теплотой. На них, особенно перед ночной работой, тоже бывала черная форма, подчеркивающая стройность, мужественность и силу.

Захарка поворошил угольки в костре. Из темноты на свет вышел чеченец, молодой лицом, но с седой бородой, сказал, улыбаясь:

– Красивая девка Наталка.

– Она не девка, – подросток вступился за мать. – Женщина она.

– Красивая. Очень, – продолжал разговор боевик в черном, – Молодец Лом. Надо, чтобы у каждого чеченца была такая Наталка. Мы заслужили.

Захар решил дальше молчать. Громко кричали цикады.

– Ты бы принял мусульманство, – посоветовал боевик.

– Бога нет, – протяжно и тихо сказал Захарка.

– Неправда твоя, – ответил чеченец.

– Если бы он был, вы, боевики, давно бы подорвались на минах или утопили в Тереке.

Захарка, светловолосый, худой, долговязый, думал, что его ударят, испинают ногами, но боевик засмеялся, одобрительно хлопнул его по спине.

И мальчик понял, что сегодня в доме очень опасные люди.

– Мы уважаем казачество! – сказал чеченец. – Вы – серьезный противник. Слава Аллаху, у вас нет денег, чтобы организовать. Честным путем их не заработаешь, а вы воспитаны в честности.

Боевик поклацал затвором своего автомата и ушел в дом, где в этот раз было нешумно. Никаких песен, громких тостов.

Все, кто приехал с Ломом, были от двадцати пяти до тридцати лет – легкие, в движениях, затянутые в «разгрузки», обвешанные оружием, с которым обращались уверенно и любовно. Никто не обнажал ножи, не кричал испуганно «Аллах Акбар».

Сначала эти люди побывали с Ломом в подвалах, потом сели к столу, выставив немногочисленную охрану. Над матерью Захарки они шутили недолго – поиграла нерастраченная мужская сила и спряталась.

«Зачем они приехали?» – Захаркой вдруг овладела тревога. Он знал, что Лом часто ходит за Терек, угоняя дагестанский и казачий скот. Вестей с того берега практически не было. Те из русских, кто бывал в Кизляре, хранили молчание, опасаясь сотрудников чеченской национальной безопасности.

Иногда мать перед сном жаловалась Захарке на свою судьбу, на нежелание жить, говорила, что живет по привычке. И просила у сына прощения. Тогда он уходил на Терек и слушал его холодно-величавый гул, вспоминал отца, которого бандиты убили еще до войны, отбирая новенький мотоцикл. Тело так и не было найдено. Но Захарка чувствовал: оно в Тереке – привычной казачьей могиле. Мать говорила, что когда-нибудь возле суровой пограничной реки соберутся все православные священники России и отслужат панихиду по тем, чьим последним прибежищем стали глубокие, бурные, сокрывшие многие чеченские преступления воды.

Мать то выбегала во двор, теперь свободный от боевиков, то исчезала в доме с ярко освещенными окнами. Тускло-желто, как волчий глаз, светила в небе луна. Проскакал по острым верхушкам тополей ветерок.

Похожая на ласку, такая же быстрая, снова выскочила из дома мать, присела возле костра, протянула к огню руки, словно просила помощи.

– Кто они? – негромко спросил Захарка о боевиках. – Зачем приехали?

– Диверсанты Хаттаба, – равнодушно ответила мать. – Ночью уйдут за Терек – убивать милиционеров на блокпостах.

– Наталка! – прокричал, открыв окно, Лом. Мать только и успела погладить Захарку по голове. «Зачем я живу? – думал он. – Зачем мне эта луна? Весь этот мир? Может, в эти минуты на золотую монету в небе, как и я, в далекой непонятной Москве смотрит девочка, предназначенная мне судьбой?»

Чеченских боевиков, он посчитал, было двадцать два человека – уверенных в своих силах, беззлобных, как и полагается профессионалам. Живя на войне, Захарка давно разобрался, что ветераны боевых действий спокойны, на отдыхе мечтательны, а в сражении опасны, как бритва. Сея вокруг себя смерть и разрушение, каждый стоит десятерых.

«Значит, в доме ночуют не двадцать два, – подумал он, – а двести двадцать боевиков-диверсантов, собирающихся отнять жизнь у российских милиционеров».

Вход в подвал никем не охранялся. Там, он знал, лежало несколько танковых снарядов, которые привезли неделю назад ночью. В нескольких ящиках Лом хранил гранаты Ф-1, РГД-5. Захарка умел обращаться с ними. Научился за годы войны. Не раз кидал их, найденные возле станицы, в Терек. Захарке, с особенно острой тоской вспомнившего убитого чеченцами отца, больше не хотелось, чтобы Лом терзал тело его матери, чтобы боевики в черном отрезали головы русским. Как тень, проникнув в подвал с боеприпасами, он тихонько вскрыл ящик с гранатами и, взяв Ф-1, перекрестившись, выдернул чеку...

На милицейских вышках в квадрате «Х» был отмечен за Терекком большой силы взрыв, осветивший ночное небо. В сводках разведывательных служб об этом факте долго ничего конкретного не сообщалось. На чеченских базарах же много судачили о том, что российская ФСК провела успешную акцию против диверсантов Хаттаба.

ШАГ ДО НЕИЗВЕСТНОСТИ

В этом районе Москвы СОБР работал впервые - поэтому поплутали.

Оперативники, ожидавшие собровцев, нервничали, торопили. Рация в руках Влада Суханова то и дело оживала, звала. Но командир отделения Министерского СОБРА был спокоен. Его команда еще никуда не опаздывала. Постоянно включенный внутри Влада не-то счетчик Гейгера, не-то гидрокомпас спасал его от ошибок, точно выводил на боевой курс.

На этот раз целью собровцев были торговцы оружием. Оперативники долго гонялись за ними по всей Москве. И, наконец, установили их проживание. Принять надо было группу кавказцев. Сколько их, способны ли на открытие огня - для оперативников было тайной за семью печатями. Командир отделения СОБРА ГУОП МВД России, недовольный этим, сурово хранил молчание. В микроавтобусе, то и дело застревающем в пробках, изнывали от бездействия девять офицеров-собровцев. Настроенные на работу, они проводили время в обычном веселом перебресе фраз, легких воспоминаниях, шутках. Они еще не знали, что ничего, кроме адреса, у оперов Главного Управления по организованной преступности, нет. Майору Владу Суханову, его боевым товарищам в очередной раз предстояло откровенно рисковать жизнью. В отличие от многих, он не считал это привычным делом. Отсутствие толковой вводной информации командир отделения называл форменным безобразием, хотя и понимал все сложности оперативной работы.

Первыми в адрес предстояло войти собровцам, поэтому Влад, ловкий, высокий мастер спорта по самбо, всегда был требователен к коллегам-оперативникам. От точности, собранных ими сведений о преступниках, зависело не только выполнение задания, но и то, что находилось в руках Господа. "Бог, чтобы сделать выбор, тоже нуждается в информации", - в разговорах с оперативниками любил подчеркнуть Влад. Сегодня достойной информации

не было. И целеустремленный, всегда уверенный в себе Влад, сидя рядом с водителем в тонированном микроавтобусе, старался не думать о плохом.

Его команда в любой обстановке действовала, как нокаутирующий кулак. Это армия прежде, чем взломать оборону противника, применяла авиацию, артиллерию, а у собровцев, имеющих приказ на задержание преступников, самым частым препятствием была закрытая дверь, как у древних городов - крепостные ворота. Двери: стальные, пуленепробиваемые, дубовые собровцы открывали милицейской хитростью или высаживали их. Дальше действовали по обстановке, все зависело от того - оказывают сопротивление или нет.

Опера встретили собровцев на свертке к дому - серьезные, ушедшие в себя. Прозвон квартиры осуществлять не стали. Сколько людей в адресе - решили оперативным путем не пробивать. Торговцы оружием могли иметь его под рукой. Фактор внезапности - единственное, что могло дать результат.

Побывав в доме этажом ниже "адреса", оперативники имели на руках план квартиры. Большая комната с балконом - направо от входа, вторая - прямо перед входной дверью, налево по коридорчику ванная, санузел, кухня. Применять высотников сочли нецелесообразным. Дверь оказалась не бронированной. Выбить её не представляло труда. Но что там - за дверью?

Готовились к штурму за два подъезда до объекта - в зеленке. Дом стоял в парковой зоне - это облегчало скрытность передвижения. В спецснаряжении собровцы были похожи на средневековых рыцарей. Пройдя цепочкой вдоль стены дома, собровцы вошли в подъезд, оставив на выходе вооруженных оперов, под окна квартиры, которую предстояло штурмовать, ушли два собровца. Преступники в горячке могли сигануть с третьего этажа.

В нужный адрес поднялись не на лифте. Двигались мягко, по рысьи. Лишние мысли и чувства уже давно отсутствовали.

Собровец, идущий на штурм квартиры - сгусток энергии. Шаг до неизвестности - это высшее испытание нервной системы офицера, его воли, всех способностей.

Вооруженность преступников сегодня так высока, что собровцев, появляющихся вслед за выбитой-падающей дверью, мог ожидать пулемет ПК с дежурным, сидящим напротив двери, пулеметчиком. Уже созданы спецприборы, позволяющие выяснить обстановку в адресе, но они радуют милицейский глаз только в западных кинобоевиках. Работа МВД против современного преступного мира - зачастую древнее ристалище, где все решает ум, военная хитрость, талант перевоплощения, личное мужество.

На третьем этаже, где, как на охоте, по номерам были расставлены собровцы, четыре квартиры. За дверью, назначенной для штурма, гробовая тишина. На площадке перед дверью собровцы общались только знаками. Молитва "Отче наш", обязательная перед операцией, уже прочитана. Все в отделении знают, что майор Влад Суханов, как всегда пойдет первым. Он и выбьет дверь. В боевой экипировке, со щитом в руках его общий вес больше ста десяти килограммов. На лице командира черная маска с прорезями для глаз и рта, на голове стальной шлем без забрала. Не любят собровцы сужающее поле видимости забрало. Майор Суханов в черном камуфляже, на ногах черные берцы, на плечах, закрывающий грудь и спину бронежилет, на поясе нож, наручники, на правом бедре пистолет, на груди стволом вниз пистолет-пулемет. Так же внушительно был экипирован каждый из офицеров его отделения.

Идя первым, Влад был обязан с компьютерной точностью оценить обстановку и нейтрализовать в адресе самого опасного человека.

Время жмет. Напряжение, как перед стартом на космодроме Байконур, нарастало. Идущие вторым эшелонном оперативники стоят с умоляющими лицами - "давай, давай". Их начальник уже давно ждал доклада.

"Господи, благослови!"- мысленно произнес Влад. Махом снес дверь, и вместо круглого черного зрачка пулемета на него глянули строгие, темно-карие глаза сидящего в вольтеровском кресле - посреди комнаты - высокого, сильного, зачарованно смотрящего прямо перед собой, рыже-белого бультерьера.

Пейзаж перед битвой был таков: пустая комната, посреди которой старое кресло, а в нем молодой, с головой, как у крупного сайгака, полный сил боевой пес.

- Ле-е-ж-а-ть!- оглушительно, словно разорвалась граната, заорали в один голос, нваправив на пса автоматы, майор Суханов и капитан Пашков, страшные во всем космическо-черном, и пес, смежив веки, словно его угостили сахарной косточкой, рухнул набок в глубоком обмороке. Следующим движением, перекинув автомат за спину и влетев в комнату, Влад схватил пса на руки. Тот, находящийся без сознания, был очень тяжел. А собровцы, разлетевшись по помещениям, как стая больших, хищных птиц с криками: "Лицом вниз! Руки за голову!"- уже опрокидывали на пол ошеломленных торговцев оружием. И весь этот ор, шум, гам не приводил в сознание бультерьера - суперохранника штурмуемой квартиры.

В пять секунд командир отделения Министерского СОБРа выкинул пса на балкон, закрыл на все щеколды дверь и продолжил работу в адресе.

Никто из шести, находящихся в большой комнате и на кухне, преступников, не успел достать ствол.

Парализованные случившимся, матерые, крепкие торговцы оружием, лежали, раскинув ноги, «окольцованные» наручниками, и молчали. А пришедший в себя на балконе, отрезвленный чистым летним воздухом, бультерьер пытался выбить мощным телом балконную дверь и, сходя с ума от бессильной ярости, оскорбленно-взвизгивающе лаял.

Чтобы вывезти складированное в адресе оружие: АКМ-ы, пистолеты различных модификаций пришлось вызывать дополнительный автотранспорт.

Собровцы немало побалагурили над арестованными.

На обратной дороге майор Суханов мысленно не раз прокрутил перед собой случившееся. Ему было жалко проспавшего спецназовцев бультерьера. И еще он очень скучал по своему Бобу - ризеншнауцеру-двухлетке, который ждал его дома.

ВДОВЬЕ УТРО

I.

Уходя на службу утром восьмого января 1996 года, сержант Кизлярского горотдела милиции Павел Ромащенко попрощался с особенной теплотой: маму Анну Ивановну обнял, поцеловал несколько раз, племянницу Анечку вскинул на сильных руках и младенец ответил на ласку небесной улыбкой. Мать любовалась сыном - русоволосым, высоколобым, в милицейской форме особенно мужественным. Довольна была, что Павел при деле, не сидит безработным, как другие. В Кизляре, городке на севере Дагестана, растить детей было всегда тяжело, а теперь, когда в Чечне бушевала война, в сердцах матерей, кому выпало жить возле мятежной Ичкерии, поселилась ещё и тревога за близких, даже страх.

Здравый смысл подсказывал Анне Ивановне, что чеченцев не надо бояться: сто тридцать тысяч беженцев из Чечни принял на жительство гостеприимный Дагестан, каждое утро десятки машин из Шелковского района пересекали административную границу: чеченцы приезжали на кизлярские базары не только с равнины, а даже из горного Шатоя. Ехали за знаменитой каспийской рыбой, сыром, маслом и хлебом. Вывозили кизлярские товары тоннами. В Кизляре понимали, что их рынки питают сотни ичкерийских боевиков, но что поделаешь... Демократия. Все люди, все есть хотят. Иншалла!

В тревоге за сына на какое-то мгновение пойманной пичужкой забились сердце Анны Ивановны Ромащенко, видя с какой небывалой нежностью, уходя в горотдел, прощается сын. «Да что с ним может случиться?» - успокоила она себя. - Придет, получит оружие, отдежурит сутки и вернется живой, здоровый». Но что-то тревожное все равно томило её. Уж так внимательно Павел вглядывался в лица родных, словно надолго запоминал. Он знал, что после Нового года в Кизляр каждый день могла ворваться банда чеченских боевиков. «А может и не будет ничего, - надеялся сержант патруль-

но-постовой службы.- Как это? Истерзать близких по вере, обычаям дагестанцев, напасть на тех, кто укрыл от войны чеченских женщин, детей, стариков.

Информация о предполагаемом нападении на город чеченского бандформирования была доведена до кизлярского руководства в конце декабря 1995 года. У мэра даже прошло совещание, присутствовали все ответственные за безопасность объектов и людей. Особые надежды возлагались на приданные милицейские силы. Дагестанской милиции недоставало автоматического оружия, гранатометов, а командированные в Кизляр подразделения были лучше вооружены.

Информация о возможной атаке боевиков была из очень серьезного источника - от Командующего Объединенной группировкой в Чечне.

Сначала в Кизляре все, кому было положено, пребывали в значительном напряжении: потом оно стало ослабевать. Мирный дагестанский город, известный хлебосольством, отличным коньяком и производством знаменитых кизлярских ножей, было трудно представить разоренным, сгоревшим. «За что?» - прежде всего задавали себе вопрос дагестанцы, допущенные к секретной информации о возможном налете. Именно в Дагестане с началом боевого выдвижения на Чечню, мирные жители заблокировали большое количество моторизованных российских колонн. В Хасавюрте не только захватили в плен 58 военнослужащих Нижегородского полка внутренних войск, но и пожгли боевую технику. В Махачкале сутками митинговали тысячи и тысячи дагестанцев, недовольные, что в Чечне пролилась мусульманская кровь. С помощью руководства Дагестана 37 солдат и сержантов удалось освободить из ичкерийского плена, а прапорщики и офицеры ВВ, отправленные чеченцами - аккинцами к Дудаеву в Грозный, ещё долго мучились, погибли в застенках.

Северный Кавказ, долгие годы пребывавший в мире, ценящий благоденствие и верность слову, освобожденный от всех присяг старой власти, те-

перь был похож на вздыбленного аргмака, не желающего ходить под седлом. В Чечне дудаевские пропагандисты так перегрели свой народ, что черное стало казаться белым, ложь - правдой, а кровь - вином. Самые мудрые из чеченских стариков, глядя на все это, только горько качали головами и молили Аллаха простить заблудших. Муфтий - ненавистный Дудаеву старец, единственный в Чечне призывал народ к покаянию, говоря, что мы, чеченцы, развращенные Дудаевым, поддались на его обещания легкой жизни и за этот грех придется ответить: «Не может быть свободы за счет несвободы, несчастья других людей!» Но у тех, кто понимал муфтия, хотел идти его дорогой, не было ни сил, ни оружия, ни власти. Все это было в руках тех, кто избрал своим символом волка.

Кизлярский аэродром - вот что раздражало чеченских полевых командиров и самого Дудаева в приграничном Кизляре.

Аэродром этот, где обслуживались вертолеты внутренних войск МВД России и Вооруженных Сил, был костью в горле боевиков. Именно вертушки кизлярского базирования уничтожили в горах караван, перевозивший в Ичкерии большое количество ПЗРК. Разведка боевиков вела за аэродромом постоянное наблюдение, фиксируя все передвижения авиатехники, собирая информацию о летчиках, охране объекта.

Аэродром охраняли саратовцы - солдаты срочной службы милицейского полка ВВ. Не раз на разгром караванов и другие спецоперации кизлярскими бортами уходили в небо альфовцы, спецназовцы внутренних войск и возвращались с победой.

Всю позднюю осень дагестанские спецслужбы фиксировали возле аэродрома странное шевеление: то белая «Нива», якобы поломавшись, задержится возле близких к аэродрому частных домов, то подростки-чеченцы, заигравшись в мяч, окажутся в охраняемом месте.

В Кизляре ичкерийское подполье больше себя никак не проявляло. Это был город, где все знали друг друга, где в мечетях молились за ниспослание

мира мятежной Чечне. В начале 1996 года в Кизляре юрко сновали милицейские Узики и жигули с командированными омовцами из Калининграда, гаишниками Татарстана, Москвы. Регулярно выходили на маршруты передвижные милицейские группы (ПМГ) городского отдела внутренних дел, держали административную границу с Чечней сотрудники Кизлярского райотдела. Милицейский состав этих подразделений был многонациональным: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, русские, чеченцы, носившие милицейскую форму, как и все в России, хотели благополучия своим детям и семьям, мира, добра.

II.

В наряд на охрану Кизлярской районной больницы с 8-го на 9-е января заступило три человека: сержант Павел Ромащенко, рядовой Александр Дестистов и стажер Алексей Сикачев. Вооружен был только сержант, у остальных дубинки. Но в любое время можно было вызвать передвижную милицейскую группу. Две ПМГ горотдела с экипажами находились на маршрутах в состоянии постоянной готовности.

Ночь с понедельника на вторник была, как всегда, промозглой и тихой. Спящий Кизляр своей сонной уравновешенностью был похож на сотни других городов России. Это в столицах было кому прожигать жизнь, на окраинах люди могли копить силы только во сне. Все остальное время уходило на выживание, на попытки выстоять в новой жизни, начатой страной в 1991 году.

За окнами больницы непроглядная мгла, а молодому сердцу стажера Алексея Сикачева хотелось, чтобы над Кизляром всегда сияла радуга ночных веселых огней, чтобы душа радовалась каждому дню. Пока в его жизни все складывалось неплохо: ещё полмесяца и закончится стажерство, зарплата станет побольше, что обрадует Иринку и их ожидание малыша станет не таким тревожным. «Выйти замуж за парня без большого заработка - это посту-

пок»,- думал Алексей. « Трудно будет, - знал он. - Главное, прощать друг друга, не ссориться по пустякам».

В суточном наряде по охране больницы Алексей стоял в гражданской одежде. Из-за отсутствия милицейской формы, как стажер, он чувствовал себя не совсем уютно и держался поближе к Павлу Ромащенко - сержанту со стажем, одетому в камуфляж, с пистолетом Макарова в потаенном кармане.

Ромащенко, отслуживший срочную службу в войсках КГБ, понимал, что с одним ПМ больницу на пятьсот коек не защитишь, знал он и то, что для мусульман больница - место почти священное: ни один похититель людей или дебошир сюда носа не сунет, иначе покроет свою фамилию позором на веки.

Находясь в больнице, видя, как беспомощны люди в хирургическом отделении, как возвышенно спокойны в родильном доме юные матери, Павел, Александр и Алексей не представляли возможность теракта, равного Буденновскому. Весь мир тогда осудил кровавый рейд Шамиля Басаева. Но Саша Детистов все же спросил старшего наряда Ромащенко:

- А если снова рискнут? Они же отмороженные - эти басаевцы, дудаевцы. По зэковским законам живут. Оповещатель "свой-чужой" включат и на больницу. Чечен попадетса - проходи, дорогой! Русский - под нож его!

На что Павел Ромащенко ответил:

- У меня в ПМ восемь ангелов со стальным сердечником. Значит, восемь раз помогу Аллаху убрать недостойных жить.

Русские парни в Дагестане умели при случае изложить свои мысли по-восточному метафорично. Сержант знал, что все внимание силовых структур, оберегавших город, сейчас направлено на административную границу с Чечней, горотдел тоже выделил людей в это опасное место службы.

Граница с Чечней шла как по суше, так и по Тереку - многоводному весной. Зимой же в отдельных квадратах он становился мелким, легко проходимым. Павел горько улыбался, когда видел или слышал обывателей,

предлагавших окружить Чечню забором из колючей проволоки и тогда, дескать, войне конец: раковая опухоль сепаратизма и бандитизма сама - собой рассосется. Спокойный, доброжелательный Павел носил в себе обострённое чувство справедливости, умел принять решение даже во вред себе. Он был проверен армией, нелегкой работой в кочегарке, где до службы в милиции трудился вместе с отцом. Однажды он пошутил с сестрой, и она твердо запомнила - брат говорил о своем желании стать генералом. Кизлярский парни, дипломатичный народ, совмещали в себе суровую стойкость терских казаков, вежливую обходительность, напористость дагестанцев.

Павел Ромашенко был женат, но семейная жизнь не ладилась. Ходя по ночным, гулким коридорам больницы, чувствуя у сердца величественную тяжесть пистолета Макарова, Павел не позволял себе захлебнуться в личном.

III.

Чеченские полевые командиры считали дагестанский Кизляр русским городом. Держа свою историческую память в постоянном напряжении, им не надо было агентурных донесений - каков процент русских, аварцев, даргинцев, лезгин в руководстве города и района. Самым важным для них было то, что испокон веков чеченцы считали Кизляр русской военной крепостью... В середине 19-го века он был форпостом российского владычества на Северном Кавказе. Кизляр атаковал Шейх-Мансур, но был отбит русскими пушкарями, регулярной конницей, казаками и пехотой. С падением советской власти в 1991 году те, кто был рядом с Дудаевым, только и делали, что старательно переписывали историю. Идя по стопам своих предшественников Дудаев, Яндарбиев, Масхадов, Басаев, Гелаев видели особый магический смысл в том, чтобы повоевать там, где что-то не удалось знаменитым абрекам, где чеченцы не взяли верх. В тайных планах Дудаева было распространение своего могущества все дальше и дальше: на Дагестан, Кабарду, Карачаево-Черкесию, Калмыкию, Татарстан, Башкирию. Россия слабла в арифметиче-

ской прогрессии с ослаблением здоровья своего Президента, и надо было, не теряя время, изматывать её испытанными в партизанских войнах приемами: даже медведь спасается бегством от разъяренного пчелиного роя.

Президент Ичкерии считал свой народ нацией, рожденной повелевать. Он не верил, что вдоль границ с Чечней есть мирные города, населению которых война в Ичкерии так же обременительно - ненавистна. Имеющий военное образование Дудаев, исходя из боевого здравого смысла, называл все кавказские города вдоль границ его республики тыловыми базами российской группировки, развернутой в Чечне. Ему не нравилось, что в тихом и по чеченским меркам богатом Кизляре ничего важного в пользу Ичкерии не происходит.

Всю обстановку вокруг Чечни надо было вздыбить. Оставаясь наедине с собой, Дудаев не раз благодарил судьбу, что никому, кроме чеченцев, внутренний смысл жизни Ичкерии неподвластен для осмысления. Ошибкой, облегчившей путь Джохара Дудаева к власти, было, что его враги и доброжелатели примерялись к нему, изучали и видели его перспективу с позиций европейской демократии. Тайны чеченского Адата, как были, так и остались секретом для крестоносцев - друзей ли врагов. На поле битвы за создание Всемирного Исламского Халифата можно было манипулировать европейскими демократическими идеями и законами, как поверженными полками.

В главной книге крестоносцев - Библии, которую Дудаев читал, говорилось: «Сначала было слово, и слово было Богом». Генерал Джохар Дудаев стал мастером на этом поле битвы. Чеченцам во вред своим врагам он позволял любые преступления и умел объяснить это столь новаторски-изошренно, что западные журналисты уходили с пресс-конференций чеченского президента максимально удовлетворенными, пиша о чеченских боевиках, как о расшалившихся школьниках или рыцарях без страха и упрека, стоящих на передовых позициях в борьбе с ненавистной западу Российской империей.

IV.

В своих мысленных переживаниях мама сержанта Ромащенко Анна Ивановна, больная астмой, не обращалась ни к Президенту Ельцину, ни к Президенту Дудаеву. Она уже давно научилась не обращать на них никакого внимания, считая их телевизионные мелькания способом защиты от людской критики. Чем хуже шли дела в государстве, тем чаще Бориса Ельцина показывали. Джохар Дудаев тоже часто выступал по чеченскому телевидению: топорщил усы-иглопочки и угрожал не только России, но и всему миру, «равнодушному к проливаемой чеченцами крови».

В ночь с 8-го на 9-е января сон Анны Ивановны был полон забот о семье. Засыпая, она чувствовала, как копятя под веками слезы. Паша снова ушел от жены и, не желая расстраивать мать, сначала две ночи прожил у друзей, а летом он даже переночевал на скамейке перед пятиэтажкой матери, зная, что любая неприятность может спровоцировать у нее астматический приступ. Павлу было страшно все чаще и чаще видеть, как беспомощно задыхается мать, как она мертвенно бледнеет, черты лица заостряются... Он старался оградить ее от знания, как несладко складывается его внутренняя жизнь, его любовь, как и у многих его товарищей раздавленная невозможностью высокой зарплаты, большой квартиры, неспособностью Павла отвезти жену на курорт, даже поездка в рядовой милицейский Дом отдыха социальным статусом сержанта Ромащенко не предусматривалась.

Все это раздражало его молодую жену, тещу... Им хотелось жить сейчас, в январе 1996 года, а не потом. Попытки объяснить своей красивой и, в общем-то, хорошей девчонке, что у него стабильная работа, на которой можно расти, и он, Павел, занят самым мужским делом на свете - охраняет покой и достоинство людей – вся эта информация встречалась женой и тещей с большим осуждением, выражение их лиц было тускло-похожим: дескать, мы твоя Россия. Давай обеспечивай!

Последний скандал сильно порезал ему сердце. И он снова ушел в дом матери, где было твердое осознание, что смысл жизни не в тотальном стремлении к роскоши, приобретательстве, а в дружбе, уважении друг к другу, в способности помочь, теплоте и любви, какую не купишь за деньги, не завоюешь достатком.

"Конечно,- думал Павел, стоя у окна на втором этаже кизлярской больницы, - Живи мы в Москве, собрались бы и чтобы не дуться друг на друга, пошли бы в театр и, посмотрев на чужую жизнь, окунувшись в неё, может, научились тому, чего не знаем".

Пистолет в потайном кармане под левой подмышкой холодил сердце. Новый день, способный принести перемены к лучшему, наступать не спешил.

V.

До начала боевых действий в Чечне, Кизляр был городом, где миролюбие почиталось, как высшая мудрость. В нем не было моды на агрессивность, национализм. Культура межнациональных отношений испытывалась каждый день - на базарах, в школах, на улицах. Люди добрососедствовали, никого не шокировало, когда дагестанец брал в жены казачку. Дагестанцы были хорошими мужьями: все заработанное несли в семьи.

Кизляр был городом, где люди стремились построить свой дом, иметь фазенду. Здесь можно было насладиться скромной семейной жизнью. Плодородная земля одаривала хорошими урожаями, Каспий и Терек питали рыбой.

Кизляр на две части делился Терекком: из одного района города в другой горожане перебирались мостами с безопасным проходом для пешеходов.

Главным промышленным объектом города оставался не разрушенный перестройкой, сохраненный руководителями района, города, самого предприятия - завод КЭМЗ, многие рабочие которого проживали в многоэтажках.

Район компактного расселения рабочих и служащих Кэмза именовался «Черемушки».

В Кизляре добрососедствовали православные церкви и мусульманские мечети, пять раз в день мулла звал людей на молитву. Горожане отличались веротерпимостью, доброжелательностью, любовью к охоте, рыбалке. Браконьерничали... Кто откажется от свежего, дающего силы, мяса фазана, подстреленного и тут же на костре приготовленного.

Война была по соседству. Небо над Кизляром часто утюжили военнотранспортные вертолеты МИ-8, по городу ходили солдаты, отпущенные в увольнительные из воинской части внутренних войск, дислоцированной в Черемушках и с аэродрома. Особенно часто их можно было видеть на переговорном пункте. Бойцы вели себя сдержанно.

Кизляр был глубоким тылом Российской группировки, стоящей в Чечне. Если офицер командировался на север Дагестана, то, возвращаясь в Чечню, увозил с собой купленные в складчину на подарки отличившимся бойцам, офицерам и генералам кизлярские охотничьи ножи. На них среди военных в Чечне была мода, как и на прекрасный кизлярский коньяк.

Приняв на жительство беженцев из Ичкерии, в своих разговорах об идущих там боестолкновениях, зачистках, кизлярцы держали нейтралитет. Острых чеченских разговоров не поддерживали, их ненависти к людям в российской военной форме не разделяли. Считали, что под Кизляром для боевого прикрытия города должна стоять ещё одна мотострелковая часть.

Проживание беженцев-чеченцев в Кизляре особенно растревоженных успокаивало.

Когда в конце декабря по городу поползли слухи, что боевики могут напасть на Кизляр, как такового надежного источника у кизлярцев не было. Просто из города стали потихонечку, неприметно уезжать чеченцы, а в начале января самым таинственным образом с улиц исчезли иномарки. Их хозяева - представители преступного мира перегнали дорогие машины в Махачка-

лу. Эти тревожащие воображение самых остроглазых горожан приметы ничего не говорили кизлярским спецслужбам, руководителю ГУОШ, ответственным за безопасность города. Начальник Главного Управления Объединенного штаба МВД РФ полковник Григорьев В.А. строго следил, чтобы автоматическое оружие его офицеров, после окончания рабочего дня, оставалось на хранении в оружейке ГУОШ.

Информация из компетентных источников о планах боевиков осуществить вторжение в приграничные с Чечней города, поступала регулярно и всегда неконкретная: не-то на Моздок, не-то на Кизляр пойдут. Да и осмелятся ли?

Ночь с 8-го на 9-е января была для Кизляра рядовой и спокойной. Самой короткой она выдалась для двух кизлярцев-охотников, любивших побраконьерить. Надо было проверить расставленные на зайцев и лис петли. Потомки казаков-пластунов, охотники хорошо ориентировались в темноте, но, опасаясь егерей и милиции, выйдя за город, в свою привычную атмосферу, предпочитали неслышный шаг, таились, никогда не переговаривались. Любили тишину, безлюдье, тонкие, понятные шорохи, пробег январского ветра по верхушкам деревьев, еле слышное топотание зайцев. Охотники были с ружьями, но стрелять не собирались: никого, кроме людей, под Кизляром не опасались.

Проверить петли не удалось. Впереди тяжело слетела с ветки ворона, стрекотнула, словно пальнула из автомата, сорока. И через плотный кустарник на замерших в камышах охотников стала надвигаться темная, плотная, тяжело дышащая людская масса. Неглубокий, подмерзший снежный наст под их ногами со стеклянным звоном проламывался. Охотники залегли и мимо вереницей пошли вооруженные люди. Проплешины снега, недолго падавшего ночью, как потайные фонарики подсвечивали лица. Охотники сразу поняли, что перед ними не российские воины, идущие с задания в сторону аэродрома, а вооруженные чеченцы, тащащие на себе ящики с боеприпасами.

Боевики шли давно, утомленные, и один, пройдя в камышах рядышком с остолбеневшими от удивления и страха охотниками, еле слышно по-русски ругнулся.

Переждав проход ичкерийцев, старавшихся идти цепочкой, кизлярцы ошалело нырнули в кустарник и, обойдя чеченцев бараньими тропами, со всех ног кинулись в сторону военного аэродрома. Боевики шли на него. Охотники знали выход к одному из секретов и бежали к нему упредить, понимая, что рискуют попасть под ножи чеченских разведчиков, которые могли залечь возле назначенного для удара объекта еще в середине ночи, ожидая подхода всей группы.

Охрана аэродрома - молоденькие срочники саратовского милицейского батальона были подняты «в ружье!» за минуты до атаки чеченцев.

В окопы ушли все, кто только мог. Направление, откуда ждали удара, усилили охранниками вертолетов - была такая штатная должность. Эти парни с воздуха не раз разили ичкерийские караваны пулеметным огнем, сегодня предстояло вступить в бой на земле.

Давит на глаза невыспавшимся солдатам январская темнота...

Выйдя на исходную, командир группы боевиков в прибор ночного видения обнаружил на аэродромном поле два вертолета МИ-8, а не девять, как обещал Радуев. «Это же совсем ничего», - разочарованно подумал чеченец.

Внешне аэродром был обыкновенным крестьянским полем, вытоптанным баранами, с парой допотопных деревянных построек и несколькими вагончиками. Ничего, представляющего угрозу для своего отряда, полевой командир не увидел. Он посмотрел на часы, ожидая сигнала в эфире, зная, что в эти минуты идет сосредоточение чеченцев возле кизлярской больницы, в жилом массиве Черемушки. Разлетелись по городу легковые машины с вооруженными моджахедами, скрытно подтягивались силы к расположению батальона внутренних войск – надо было блокировать эту маленькую крепость,

чтобы ни одна единица бронетехники с десантом на броне не вырвалась на помощь ненавистной дагестанской милиции.

VI.

В пятом часу утра наряд милиции из сотрудников ППС Кизлярского горотдела обошел четвертый этаж больницы. Во время ночного дежурства о чём только не поговорили милиционеры: о войне в Чечне, о друзьях-товарищах и о том непорядке, что на троих только один ПМ. На что Саша Детистов, поразмыслив, сказал:

- Все равно в стационаре оружие применять нельзя, вон сколько больных. В больнице людей хранит Бог.

- А мы на что? - спросил стажер Алексей Сикачев.

- Мы - помощники Бога,- ответил сержант Ромащенко.

Обычно милицейские наряды были интернациональными. Так решило руководство городского отдела. За сутки людей разных национальностей ответственность спланивала не на словах, а на деле.

То, что в это дежурство охраняли больницу только русские парни, было исключением из правил. А, может, какой-то доброжелатель, прознав, что у Ромащенко и Сикачёва ожидается прибавление семейства, шепнул кому надо и их специально поставили на больницу, чтобы завели связи в родильном отделении ЦРБ.

Недосмотренным оставался первый этаж больницы. Спуститься решили на лифте. Когда шагнули из него, то у всех троих разом на плечах повисли бородатые, одетые в камуфляж, чеченцы с автоматами за спиной, будто знали, что автоматического оружия у охраны больницы нет.

- Менты, менты! - боевики торжествующе загалдели.

И сразу вспыхнул яркий свет. Больше двух десятков чеченцев, открыв настежь двери больницы, уже ничего не опасаясь, сгибаясь под тяжестью за-

носили что-то в мешках. Другие продолжали цепко держать за руки захваченных кизлярских милиционеров.

Сначала сержант Ромащенко ничего не чувствовал. Была только все поглотившая ненависть к себе, что проявил невнимательность, не справился с задачей - всех подставил, в первую очередь беспомощных больных, которых теперь, как в Буденновске, возьмут в заложники. Обреченность белым саваном опутала тело. Он видел, как мертвенно, до синевы в губах, побледнели его товарищи, ошеломленные свершившимся.

Первыми прошарили одетого в милицейскую форму Детистова и Ромащенко. Обыскивали победно - уверенно, наспех.

Когда стажер Алексей Сикачев увидел, что пистолет у Павла Ромащенко не нашли, то словно очнулся от забытья. А до этого стоял отравленный: горем, опустив глаза в пол.

Самый горластый из боевиков и судя по пистолету Стечкина на бедре - командир, удовлетворенный, что милиция без оружия, впился взглядом в Алексея Сикачева и сержант Ромащенко хриплым, чужим голосом сказал:

- Он не с нами.

Полевой командир коротко бросил:

- Кто это?

Держа в левой руке милицейские удостоверения Ромащенко и Детистова, он раздраженно приказал:

- Обыскать. Чего он здесь ходит в такую рань?

- Жена у него тут рожает,- четко сказал сержант,- Мы этого парня не знаем. Отпустите его.

Бросив удостоверения на пол, полевой командир чеченцев ударил сержанта в голову левой рукой:

- Много говоришь!

То, что от выверенного удара Ромащенко не упал, только качнулся, взбесило боевиков. На Павла и Сашу Детистова обрушился град ударов. Би-

ли жестко, мучая, наслаждаясь видом крови, залившей лица кизлярских милиционеров.

Держащие Алексея Сикачёва боевики, ослабив хватку, смотрели на происходящее с удовлетворением.

Боевики теперь были везде: щелкая затворами автоматов, топали вверх по лестнице, вытаскивали из мешков длинные, остроносые, светло-голубые снаряды. «Минировать будут», - со страданием понял Алексей Сикачёв и ещё больше осознал себя виноватым в том, что произошло.

Своих друзей, изломанных тяжелыми ударами, лежащих в лужах крови, он теперь любил, как родных, и та беспомощность, на которую Алексей был обречен, оскорбляла его.

VII.

У боевиков, залегших за железнодорожной насыпью у аэродрома, была задача захватить вертолеты, уничтожить или рассеять охрану. Сколько их - молодых милиционеров-солдат - чеченцы не знали; их преимуществом была внезапность, партизанская дерзость. Главной сложностью, отчетливо понимал полевой командир, был захват вертолетов в целостности и сохранности. Если бы их оказалось столько, сколько обещал Радуев, можно было, по окончании операции, всем её участникам уйти воздухом. Говорили, что возле Радуева в этом походе идут особо охраняемые пилоты.

Но рассмотрев в прибор ночного видения «Ворон», что второй вертолет стоит без лопастей, командир группы чеченцев понял, что надо, несмотря на запрет, выйти в эфир, чтобы объективно доложить обстановку.

Ответ полковника армии Ичкерии Хункар-Паши Исрапилова - военного руководителя операций, был коротким:

- Атакуй!

Но как только цепь чеченских боевиков поднялась из-за железнодорожной насыпи и сделала первые шаги, её встретил кинжальный огонь два-

дцатилетних солдат охраны аэродрома и бойцов сопровождения вертолетов или, как они себя называли, "телохранителей экипажей".

Внезапность атаки была утрачена. Преодолев секунды растерянности, полевой командир приступил к руководству боем. Попытки поджечь из гранатометов склад ГСМ не удались. Снайпера боевиков работали по вспышкам, но солдаты, часто меняя позиции, оставались живы, не давая боевикам продвинуться. Результатов по всей линии атаки не было. Отряд боевиков увязал в перестрелке - это начинало нервировать командира чеченцев.

Минуты улетали, как и боевой запас, притащенный в Кизляр на плечах, где думалось все будет, как не раз получалось в Чечне... Обыкновенно дремлющих часовых чеченцы снимали из бесшумок или кинжалами, потом шли прицельные выстрелы по амбразурам из "Шмелей" и гранатометов, все остальное сметалось огненным валом общего удара по слабому гарнизону и вот оно завершающее ликование "Аллаху Акбар". Подобное случалось там, где российские командиры страдали самомнением, недооценивали противника, теряли бдительность.

Предупрежденные кизлярскими охотниками защитники аэродрома, натасканные учебными тревогами, в своем первом сражении не струсили, с каждой новой минутой боя обретая уверенность, которая до этого дня была только у бойцов сопровождения вертолетов.

Сержант, телохранитель экипажа, Юрий уже давно знал, что либо ты убьешь, либо тебя... И, воюя на вертолете, в боевых столкновениях умел находить цель, видеть перед собой только её - и ничего больше. Юрий не любил, когда в чеченских горах противник оказывался выше его вертушки: вот когда было трудно поразить его ответным огнем, а боевики садят и садят из ДШК по вертолету, идущему на вираж. А здесь, в Кизляре, вариант облегченный: противник на плоскости и вот-вот наступит рассвет.

После десяти минут боя, полевой командир чеченцев, приняв информацию, что в деле теперь все силы, брошенные на Кизляр, решился на уничто-

жение российских военно-транспортных вертолетов и получил на это добро Радуева.

Когда контуры МИ-8-х начали выплывать из тумана, он переместился по влажной, вязкой земле правее, и коснулся плеча одетой в теплую, летнюю куртку круглолицей чеченки. Он хотел утешить её правом первого гранатометного выстрела по вертолёту. Может, именно эта вертушка залпом из НУРСов накрыла разведгруппу, в которой воевал её муж. Двадцатитрехлетняя вдова, несмотря на горе, оставалась певуньей, умеющей поддержать бойцов боевыми песнями, стихами, которых она знала множество.

Но праздника первого гранатометного выстрела по вертолету не получилось. По МИ-8-му запальчиво прошелся один из пулеметчиков. Из вертушки обильно потек керосин, который трассерами поджег кто-то из лежащих за железнодорожной насыпью.

Полевой командир снял со спины "Муху", отдал её певунье - землячке и сказал:

– Твоя цель - второй вертолет.

– Баркалла,- в шуме боя все же сказала она и, подготовив одноразовый гранатомет к выстрелу, закричала во всю силу легких:

– Аллаху Акбар!

Теперь уже можно было заявить о себе - никаких тайн от России чеченцы в районе Кизляра больше не прятали - перестрелка шла по всему городу.

- К вам пришли умирать волки,- открыто в радиозфире о цели прихода в Кизляр заявил Салман Радуев, полевой командир с позывным «одинокий волк».

Вертолет, пораженный чеченкой, взорвался сразу. Взлетевший в небо огненный, клубящийся смерч окончательно разбудил все живое в Кизляре.

VIII.

Когда со стороны аэродрома с коротким промежутком раздалась два взрыва и раскатилась мощная автоматно-пулеметная стрельба, боевики в больнице прекратили избиение милиционеров, Насторожились. Никто и не ждал, что город сдадут без боя. Но все нарастающий темп перестрелки в районе аэродрома нервировал тех, кто готовил больницу "для загона скота" - так говорили боевики. Через короткое время больницу должны были заполнить сотни кизлярцев из многоэтажек, стоящих возле неё.

Убивать милиционеров, захваченных на выходе из лифта, полевой командир быстро не собирался. Их избивали для устрашения, чтобы заложники, входя в больницу, ужаснулись и потеряли волю к сопротивлению. Страшный, истерзанный вид людей в камуфляже, милицейской форме должен был говорить заложникам, что защитников у них нет и не будет.

Милиционеры - два окровавленных, раздавленных куска мяса - еще подавали признаки жизни. Жилистый, худенький паренек в гражданской одежде, захваченный вместе с ними, смотрел на избитых полным ужаса взглядом.

Полевому командиру нравилось, когда перед ним трепетали. Прежде, чем прогнать кизлярского парня наверх, к заложникам, он велел, чтобы милиционеров ещё потоптали, а кизлярцу благосклонно сказал:

- Что ты здесь делал, молодой человек? Почему с ними?

И стажер Алексей Сикачев, видя, что друзей продолжают терзать, ответил:

- Я тоже милиционер.

Сначала боевикам показалось, что они ослышались: с таким спокойствием прозвучало признание. Чуть приподнялся на локте сержант Ромащенко, смахнул с лица кровь. Возле самой больницы, где-то слева захлебывающейся испуганной дробью раскатился пулемет ПК, и боевики, мешая друг другу, накинулись на Сикачева. Даже минеры, до этой минуты бережно разматывающие разноцветные проводки, словно с ума сошли и, оставив своё при-

вычное, профессиональное спокойствие, закрутились в бешеном преступном водовороте.

В этом пограничном городе все начиналось не так, как задумывалось в Чечне. Там говорили: в Кизляре не будет большого сопротивления.

Когда чеченцы начали убивать стажера, к сержанту Ромащенко вернулось сознание. Смахнув кровь с лица еще раз, он увидел, как мелькнул среди боевиков беленький листок - стажерское удостоверение Алексея, найденное на нем. Самого Сикачева Павел не видел: глаза снова затуманила кровь, но он понял, что стажер уже лежит под ногами своих мучителей. Сержант приналег на грудь, опёрся на левый локоть: камуфляж не расстегивал – на нем уже не было пуговиц. Вытащить пистолет из потайного кармана, передернуть затвор - этот вопрос Павел решил мгновенно. Только два выстрела сделал сержант Ромащенко, но ими был убит боевик и тяжело ранен заместитель командира группы, первой ворвавшейся в ЦРБ.

Минутами раньше, расстреляв из ПК экипаж ПМГ, боевики ликовали. И сразу мгновенный ответ. Отрезвление. Ужас от понесенных потерь. Оставалось только взвыть и обрушиться со всей ненавистью на русского мстителя.

Истоптав Ромащенко, осатаневшие боевики облили его найденным в больнице спиртом и подтащили Павла к выходным дверям. Перестрелки шли по всему городу. Выйти из дверей боевики теперь опасались и поэтому, широко раскачав Ромащенко, чеченцы выкинули его на ступеньки главного входа в больницу. Потом самый маленький и юркий из них, крадучись, выбежал из дверей, чиркнул спичкой и метнулся обратно под защиту больничных стен.

А Павел, приведенный в сознание адской болью, встал и пошел, пылая, как факел. Его увидели все: выгоняемые из домов чеченскими боевиками кизлярские женщины, плачущие от горя и ужаса, и согнанные к больничным окнам, способные стоять на ногах люди. Их было несколько сотен, кто видел

мученика Павла Ромащенко - живую свечу, сгорающую в шестом часу утра на глазах города. Люди в бессильной муке кричали, видя, как уходит жизнь человека. Бегущий по улице Павел горел призывно ярко и страшно, простирая руки в черноту зимнего неба.

Страдания Павла Ромащенко прямым попаданием прекратил снайпер боевиков, сидящий на крыше высотки рядом с больницей.

IX.

В эту ночь сна у Ромащенко Анны Ивановны долго не было. Всю свою жизнь, все заботы осмыслила, обсудила она сама с собой за это время, и только под утро уснула. Во сне тоже не хватало воздуха, а потом в нем совсем не стало нужды, потому что из глубины сна появилось видение: сыночек Паша лежит на кровати, раздетый до плавок, а к нему, спящему, подходит вся в черном, склоняется над ним, то ли хочет прикрыть собой, то ли обнять давно умершая бабушка, строго-горестная. Вот её руки обняли внука, стали приподнимать невесомого и уже скелетированного. Анна Ивановна в ужасе закричала: «Зачем ты хочешь забрать Пашу? Не отдам сына!»

И мама сержанта Ромащенко проснулась от грохота и осветившей комнату вспышки. Как заколдованная, каждый шаг давался с трудом, подошла к окну: на аэродромном поле, всегда таком далеком, а сейчас необыкновенно близком - можно рукой дотянуться – горел боевой вертолет, и от гудения клубящегося над ним огня оконное стекло не спасало - жгло ей глаза, лизало руки и грудь. Особенно больно было под сердцем.

- Паши больше нет,- сказала себе правду Анна Ивановна и только потом услышала грохот перестрелки в районе аэродрома. Короткие, частые звуки выстрелов, похожие на морзянку, все теснее охватывали Кизляр. Вспышки эти, то исчезающие, то загорающиеся вновь, долго поблескивающие, были похожи на глаза гонящих добычу волков.

"Чеченцы пришли",- поняла, наконец, Анна Ивановна и, содрогнувшись, повторила вслух:

- Паши больше нет.

Потом она металась по квартире: в дальней комнате укладывала на пол младших детей и внуков. Разлетались от пуль и осколков оконные стекла: Анна Ивановна удивлялась, что сон, так её испугавший, все никак не кончается. Она верила и не верила, что это сон, но несмолкающий огненно-пулеметный грохот, идущий со стороны аэродрома и жилого района Черемушки, все отрезвлял и отрезвлял её, не оставляя никаких надежд, что Павел вернется домой живым.

Х.

Над полем боя все больше набирал силу вой сирены - это на город подали сигнал тревоги сторожа хозяйства, расположенного возле взлетного поля. В свете безумствующего пожара защитники аэродрома снова увидели идущую скорым шагом молчаливую, уже поредевшую цепь боевиков. Остальных своих людей полевой командир, сознательно распылив силы, бросил в тыл активно сопротивляющихся солдат, но и там чеченцев встретил прицельный огонь.

Пятерка боевых друзей: Юра, Олег, Валера, Андрей, Сергей, держа оборону на главном рубеже, вели огонь экономно. Олег Терентьев, девятнадцатилетний воин, лова в прицел автомата перебегающие молчаливые фигурки боевиков, стрелял только двойками. Выпустит очередь из двух патронов, наметит цель и ещё две пули пошлет. На весь бой военное счастье отпустило Олегу всего четыре рожка патронов, и надо было изжить это страшное время с бóльшим смыслом.

Он знал, что в первую минуту боя осколок вражеской гранаты поразил часового, что перебило ноги знакомому парню - водителю. Потом Олег увидел, как с блоков горящего вертолета сошли Нурсы и череда их разрывов -

неожиданных помощников - осыпала боевиков осколками, снизила темп их наступления.

Рядовой внутренних войск Олег Терентьев скоро понял, что ичкерийцы орут свое "Аллах Акбар", когда удача на их стороне, а при первых потерях затихают и радовался, что экипажи двух вертолетов и офицеры управления полетов ночевали в заводском профилактории "Терек", а то бы тоже сейчас, ведя стрельбу, бегали по окопам и не дай Бог, пострадали.

Солдат не знал, что вертолетчики в профилакторий "Терек" тоже ведут бой и на семнадцать офицеров, ночующих в профилактории Кизлярского электромеханического завода, в том числе служивших в ГУОШ, всего пять автоматов.

У профилактория боевики не стали задерживаться. Получив отпор: потеряв двух человек убитыми, двух ранеными, обрушив по зданию огонь гранатометов и подствольников, радуевцы оставили возле профилактория несколько моджахедов для ведения беспокоящего огня и пошли на запасные цели - надо было уничтожать кизлярских милиционеров, пробирающихся к месту постоянной дислокаций: в горотдел, райотдел. Их надлежало перехватывать и уничтожать из засад.

XI.

Батальоном внутренних войск, чуть больше года стоящем в Кизляре, командовал майор Виктор Ванюшкин. Родом из дальневосточного Благовещенска, он заканчивал Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, а вся его служба в Вооруженных Силах - девятнадцать календарных лет - прошла на Северном Кавказе, в основном в Нальчике. Служа во внутренних войсках с 1993 года, майор Ванюшкин выполнял боевые задачи в Северной Осетии, Ингушетии и Чеченской Республике.

По призыву в батальоне, которым он теперь командовал, служили ребята из Ставропольского, Краснодарского краев, Курской области, а так же

контрактники, в том числе женщины. Задача личного состава части состояла в оказании содействия Органам внутренних дел города и района в охране общественного порядка и обеспечения безопасности граждан. Пять дней в неделю с полудня до поздней ночи солдаты совместно с милиционерами гор-отдела несли патрульно-постовую службу на улицах Кизляра.

На совещании в мэрии Ванюшкин заверил, что его батальон отразит любое нападение на город. Военное воспитание не позволяло ему усомниться в победе. Но город - не средневековая крепость, где все рубежи держатся под контролем.

А вот место дислокации батальона ВВ можно было назвать крепостью. Высокие каменные заборы, по углам защищенные мешками с песком и металлом вышки с бойницами для ведения пулеметного огня, на крыше казармы гнезда для снайперов и гранатометчиков.

В пять пятнадцать утра 9-го января 1996 года Ванюшкину поступил доклад дежурного по части, что со стороны аэродрома слышна пулеметно-автоматная канонада и разрывы гранат. Не успел майор принять всю информацию, как слух резанула массированная стрельба по всему периметру батальона.

- В ружье! Личному составу занять сектора для отражения нападения! - прокричал в телефонную трубку майор Ванюшкин и, одев всегда готовую к бою, снаряженную боеприпасами, разгрузку, схватив автомат, он сообщил в ГУОШ, что подвергся обстрелу и выскочил из кабинета, чтобы оценить обстановку на месте контакта с противником.

Часовые на вышках не сплеховали: вовремя обнаружив попытку боевиков продвинуться с угла жилой пятиэтажки в направлении КПП части, пулеметчики рассеяли скопление скрытно перебегающих чеченцев и, несмотря на плотный ответный огонь, теперь вели бой с теми, кто занял позиции в подвальных помещениях пятиэтажного жилого дома напротив КПП, где подвальные оконца сразу превратились в удобные для врага амбразуры. Пуле-

метчики и снайпера части внутренних войск кучно обрабатывали эти огневые точки боевиков, огрызающихся из подствольных гранатометов.

Включившись в управление боем, Ванюшкин приказал держать под прицелом крыши ближайших домов, чтобы не дать вражеским снайперам проявить себя.

В такой обстановке,- он понял,- вводить в бой бэтээры пока не имело смысла. На выходе из расположения их бы сразу сожгли из ручных противотанковых гранатометов.

«Они блокировали меня», - горько думал Ванюшкин. Его войсковая часть оказалась чеченцам не по зубам, и они,- понимал он,- были нацелены только на блокаду людей и техники.

Первые минуты боя в Кизляре были за террористами. На этом этапе операции все силы сопротивления боевикам оказались рассечены и отрезаны друг от друга.

ХII.

После сорока пятиминутного боя, не взяв аэродром, чеченцы отошли к больнице. Батальон ВВ по-прежнему подвергался обстрелу. Из больницы в райотдел милиции сумел дозвониться один из захваченных в заложники милиционеров и сообщил, что с ним ещё трое сотрудников, что больных держат возле окон, здание минируется по всему периметру, людей гонят по улице Победы голыми, босыми, в случае сопротивления расстреливают. В больницу через главный вход их загоняют сотнями...

Первым решением начальника ГУОШ полковника Григорьева В.А, разбуженного войной в Кизляре, было выслать разведку, установить взаимодействие с горотделом, райотделом, линейным отделом милиции, подтянуть резервы с границы, закрыть город, осуществить деблокаду атакованных боевиками объектов, защитить жизненно важные центры города.

Личный резерв ГУОШ, размещенный в совхозе "Кизлярский" вызывать не пришлось. Под руководством калининградца - полковника милиции Леонида Рогожкина резерв калининградских омовцев примчался сам. Прибыли пензенцы, милиционеры ГАИ Татарстана, Москвы. Информация, что боевики захватили больницу и сгоняют в неё людей из Черемушек, ужаснула Григорьева, стало ясно, что события в Кизляре - второй Буденновск и мера ответственности за происходящее распяла душу начальника ГУОШ, но через минуту, другую, взяв себя в руки, немногословный Григорьев Василий Андропович распорядился разбить резерв на три отряда и как группы подавления ввести в дело.

Чеченцы хозяйничали на правом берегу Терека. Мелькание в этой части города легковых машин, из которых боевики вели прицельный огонь, создавали впечатление, что они вездесущи. Целью чеченцев были люди в милицейской и военной форме. Тех из гражданских, кто не подчинялся приказам: впустить в дом, открыть двери в заводском общежитии, спуститься с верхнего этажа на улицу - убивали.

С высоты, оседланной чеченцами, гранатометчик выстрелил в окно общежития завода КЭМЗ и в здании начался пожар.

Кизлярцы быстро поняли, что в масках на лицах разбойничают пособники из местных, до этого дня таившиеся, копившие информацию об адресах проживания сотрудников ФСБ, милиции, прокуратуры. Теперь они реализовывали эту информацию вместе с боевиками.

Сотрудники правоохранительных: органов, застигнутые бедой на квартирах, переодевались в гражданскую одежду, прятали форму в сумки и, делая все возможное, чтобы пробиться к месту службы, смело вступали в бой, стреляя из пистолетов. На весь горотдел милиции было только 57 автоматов. Чеченский же боевик нес на себе: автомат, пулемет или гранатомет, в разгрузке два сдвоенных пулеметных рожка по 45 патронов, 8 рожков к автомату и столько же патронов россыпью, 3-4 гранаты РГД - 5 или Ф-1.

Обученные диверсионной, партизанской тактике боевики действовали жестко и слаженно. Сначала у общежития завода КЭМЗ появился чеченец в черном, длинном полушубке, черной вязаной шапочке, перепоясанный крест-накрест пулеметными лентами, с гранатометом на правом плече. Он кричал:

- Выходите все!

Заводчане - парни и девушки, заспанные, с удивлением выглядывали из окон. А чеченец, ослабившись, призывно махал левой рукой, словно звал на праздник. Выходить на холод никому не хотелось. Но все нарастающая стрельба настораживала, вызывая смятение – все казалось дурным розыгрышем. Кто-то даже сказал:

- Да это кино про войну снимают.

А когда заводчане увидели идущего от больницы страшными рывками горящего человека, все, как с ума сошли - кинулись, кто в чем из общежития на полянку за зданием общежития, а там тоже стреляют. Люди стали метаться, а чеченские боевики выростали перед ними, как из-под земли. Один, бородатый лет сорока, шевеля губами, словно ел на ходу, вел огонь над головами кизлярцев и женские протяжные крики заглушали стрекотню его автомата. То же происходило возле соседних домов и на улицах.

Седая, чистенькая старушка подошла к двери и на грубые окрики:

- Открывай! Выходи! - промолчала. Она испытала немецкую оккупацию и новым наци решила не подчиняться. Боевик полоснул по двери из автомата, и старый человек умер, проклиная тех, кто выбивал ей двери в пять сорок пять утра.

Была тяжело ранена мать казака Виктора Ивановича Ильина. Сам он с сыном Алексеем, взяв охотничьи ружья, держали оборону на мосту через Терек. Этот мост был обильно полит милицейской кровью. Две патрульные машины городского отдела милиции с экипажами, расстрелянные боевиками, осиротевшие, с пробитыми стеклами, молчаливые свидетели ичкерийского

нападения, были сразу нанесены на оперативные карты полковника Григорьева, руководившего сопротивлением.

Эти патрульные машины стали ориентирами для групп подавления, одна из которых по приказу начальника ГУОШ сумела перейти реку по другому мосту и фланговым ударом выбила чеченцев из кафе "Терек", но оседлавшие высотный дом по улице Островского, 36 боевики не давали российским милиционерам продвинуться дальше - к больнице.

Группы подавления, усиленные работниками горотдела, райотдела действовали пятерками.

В частном секторе на правом берегу Терека радуевцы, берегясь, не задерживались: выгнали, кого смогли, из домов и поспешили уйти. По ним стреляли из охотничьих ружей потомки терских казаков, извечных врагов чеченских абреков. Из небогатого дома на берегу Терека шел особенно прицельный огонь: первым же выстрелом был убит боевик-автоматчик и лишь кинжальный огонь из двух пулеметов заставил неизвестного героя-кизлярца сменить позицию.

ХIII.

В райотделе был развернут пункт по приему раненных. Квалифицированную помощь оказывал милицейский врач из Калининграда Михаил Залманов, выпускник Смоленского мединститута, активно помогала медсестра районной больницы Косунова Надежда Михайловна. С массивным кровотечением в медпункт пришел Сулейманов Ибадулла Курбаналиевич. Инвалид на одной ноге, он вытащил из-под огня тяжело раненного сержанта райотдела милиции Юсупова.

Перестрелка в правой части города не затихала. В штаб Григорьева поступила информация, которая добавила напряжения. Под угрозой обстрела мог оказаться железнодорожный вокзал и линейный отдел милиции. Активное сопротивление боевикам по всему городу оказывали стрелки железнодо-

рожной охраны. Был тяжело ранен старший наряда ВОХР Александр Лызов. В его спасении под огнем чеченцев участвовал старший стрелок, казак Юрий Колесников. Он и его люди в течение всего дня не расставались с оружием.

На белой «Ниве», развозя боеприпасы и людей на выполнение новых задач, в бешеном темпе, сидя за рулем, перемещался по городу начальник райотдела майор Валентин Иванов. Он рисковал получить пулю от своих и от боевиков. Григорьеву было доложено, что по Кизляру, сея панику, продолжают метаться «девятки», «шестерки» боевиков и... белая «Нива». Начальник ГУОШ отдал приказ - уничтожить чеченские легковушки. Валентину Иванову, известному всему городу милиционеру гигантского роста - кизлярскому Дяде Степе, повезло не погибнуть. Добрых дел при защите города он сделал немало. Грамотный офицер, Валентин Иванов вел разведку в зоне активных столкновений с боевиками, координировал действия, направлял бойцов и офицеров, согласно распоряжениям Григорьева, ободрял людей словом и личным примером, вывозил раненых.

Подчиненные ни разу не подвели его. Отбил нападение боевиков КМП «Таловский мост». Встреченные автоматным огнем, чеченцы ушли. Там, где на вооружении часовых было автоматическое оружие, боевики отступали.

Григорьеву, Иванову и другим командирам после докладов отработавшей по всему городу милицейской разведки, было известно, что боевики прошли в город лесным массивом возле канала Дельта, где были обнаружены многочисленные следы пеших людей. Оставленные чеченцами следы говорили, что они шли, тяжело нагруженные и потом разделились на три группы: одна ушла в сторону аэродрома, другая к батальону, третья приступила к самому главному - захвату больницы.

XIV.

Стажер - милиционер Алексей Сикачев очнулся, когда боевики волокли его вверх по больничной лестнице. Двое тянули за руки: боль в изломанном теле колыхнула сознание и, услышав звуки близкого боя, Алексей подумал, что в городе есть кому ответить боевикам. Это он понял по горячей скороговорке боевиков, их суетливой беготне с этажа на этаж. "Как крысы мечутся", - думал он о чеченцах. Те занесли его в ординаторскую, набитую сидящими на полу заложниками и бросили на пол с нарочитой жесткостью.

В комнате под усиленной охраной содержались только пленные милиционеры, один из которых, опознав в смертельно избитом парне стажера горотдела милиции, спросил:

- Как ты?

- Нормально,- прошептал Алексей.

Зубы у него были выбиты, изо рта, пульсируя, лилась кровь. Где Паша Ромащенко и Саша Детистов он не знал, но сумел выговорить, что Павел подстрелил заместителя командира группы боевиков, другого чеха убил. И если зам. командира умрет, то весь наряд расстреляют.

Что Павел Ромащенко горел заживо и погиб, Алексею не стали рассказывать: хотели сберечь парню последние силы.

- Здание заминировано,- успел сообщить Алексей Сикачев и снова потерял сознание - боль в нем нарастающе клокотала.

Милиционеров держали отдельно - верили в их способность к сопротивлению. Все помещения кизлярской больницы были плотно забиты людьми. Чеченцы, охранявшие милиционеров, горделиво подшучивали над ними:

- Три тысячи ваших баб держим здесь, такого гарема у Чингис-Хана не было. - Провоцировали на взрыв, но милиционеры молчали.

Полторы тысячи кизлярцев, находящихся в прицеле автоматчиков, сидящие плечом к плечу в больничных палатах и коридорах, стоящие по при-

казу боевиков у окон, кричащие: "Не стреляйте! Не стреляйте!" - чувствовали себя брошенными, одинокими, разобщенными.

Алексей Сикачев знал, что умрет. Происходящему в Кизляре не было наименования. «Так как вели себя духи, могли поступать только выродки, - думал он о врагах. - Они отвергли все правила, поступили, как каннибалы». Он где-то читал, что в первобытно-племенном сознании было запечатлено: люди другого племени уже не люди, с ними можно было поступать, как с идущими в пищу животными или камнями.

Жизнь уходила из молодого, израненного тела, обретая доселе неподвластные Алексею чувства. Боль вдруг отступила перед заполнившим его радостным знанием - у него будет сын. Когда он познал, что в Ирине завязалась светлое зернышко, то решил: если родится девочка, назовут Ирочкой, а если мальчик, он станет Алешей.

Алексей Сикачев, изломанный ударами ичкерийцев, почти гуттаперчевый, неспособный пошевелиться, вдруг ясно увидел своего малыша уже двухлетним. Сыночек, как из белого тумана или молока выступил и Алексею Сикачеву будто кто шепнул, что его Алешка в двухлетнем возрасте будет лежать в кизлярской железнодорожной больнице, и Ирина, находясь вместе с ним, будет беспокоиться, что в больничке к ней с сыном относятся очень прохладно - лекарства приходится докупать. Из окружающего пронзительного эха Алексей вдруг услышал, что за сына переживать не надо, все образуется. Ещё он понял, что Ира - его радость, - с которой они поженились в сентябре 1995 года - станет снова учиться на медсестру в медицинском колледже, потому что после окончания электромеханического колледжа работы по специальности не найдет.

Потом Алексей ещё раз отчетливо увидел, что его сынишку, играющего с только что подаренной игрушкой, в холле той же больницы фотографирует какой-то незнакомый человек в камуфляже, который потом что-то резко выговаривал оправдывающейся женщине - врачу. Все это мелькнуло в сознании

молнией. А вот лицо сынишки – маленького Алешки Сикачева, его продолжения, ещё долго стояло перед глазами милиционера-бойца.

Алексей боялся моргнуть, чтобы дорогое, большеглазое лицо сына не растаяло во все наступающем и наступающем красном мареве.

Когда боевик, раненый сержантом Ромащенко, умер, в ординаторскую, где содержался Алексей Сикачев, зашли трое бесстрастных чеченцев. Они выволокли Алексея в коридор, пронесли для устрашения среди испуганных, сжавшихся в комок, людей и выкинули его с третьего этажа. Алексей погиб. Сашу Детистова палачи убили выстрелом в голову.

XV.

Впереди у людей было ещё много горя... Но уже поднимались в воздух военно-транспортные самолеты в Москве, Краснодаре, Ставрополе. В Дагестан летели бойцы Отряда специального назначения внутренних войск "Витязь", офицеры Специальных отделов быстрого реагирования Управлений по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, альфовцы, спецназовцы «Веги», Службы безопасности Президента России.

В тяжелом бою у села Первомайское больше сотни боевиков Радуева уничтожат. Не все заложники вернутся в родной Кизляр: 18 из 156 человек погибнут.

Убийцы Павла Ромащенко, Александра Детистова, Алексея Сикачева, других сотрудников Органов внутренних дел города и района не уйдут от расплаты. Но это не утешило матерей и вдов. Анна Ивановна Ромащенко у гроба сына услышит от снохи, что та избавится от ребенка. А Ирочка Сикачева родила сына и назвала его в честь мужа - Алешей. Через несколько лет мама Саши Детистова возьмёт в детском доме на воспитание мальчика-дагестанца. И тот поступит учиться в казачий кадетский корпус.

Одиноким чеченским волк Салман Радуев закончит свои дни в российской тюрьме. Хункар-Пашу Исрапилова убьют в бою. Они сделали вдовами

сотни российских женщин, лишили матерей сыновей, осиротили своих детей. Не бывает воли за счет несвободы других! Российский спецназ обучен нещадно карать за кровавые преступления. «Спасай взятых на смерть», - закон русских спецназовцев.

ДЕНЬ КРЕСТЬЯНИНОВА

В Москве шестнадцатого января всегда идет снег. Это день Крестьянинова – спецназовца от Бога. И нет у Господа другого знака, чтобы выразить свою скорбь. Снег тяжелый, неотступный – такой, как в день похорон Героя России Крестьянинова Андрея Владимировича, летает белыми птицами, бьется о могучие ели, постанывает на холодном ветру, тревожа память офицеров спецназа. Неужели прошло десять лет, как мать – сыра земля приняла тело их командира, душа которого села возле Господа, одесную его, среди других праведных воинов.

Кому-то тревожащая воображение закономерность метелей кажется грозным предостережением. Ведь снег и мороз – враги стоящих у могилы командира собровцев.

В Дагестане, когда они атаковали чеченских боевиков, засевших в селе Первомайское, мороз терзал тела офицеров с 10-е по 18-е января. Собровцы день и ночь находились под открытым, извергающим снежную магму, небом, а боевики в перерывах между схватками отсиживались в натопленных домах, ели горячую, приготовленную доброжелательными заложницами, пищу. Даже электрический свет был не отключен в селе. Кто-то неизвестный создал чеченцам и арабам-наемникам все условия, чтобы те выбили как можно больше спецов по борьбе с организованной преступностью.

Мужество офицеров и бойцов «Витязя», совершивших фланговый охват, натиск Крестьянинова, собровцев ГУОП и Московской области разбили все надежды боевиков.

Десять лет для истории — миг. Для офицеров милицейского спецназа, потерявших в бою командира, это долгие годы душевной боли, что ушел из жизни самый лучший из них.

Каждый год шестнадцатого января все дороги действующих офицеров ОМСН «Рысь» и отставников – соборцев туда – на восток Москвы, на воинское Николо-Архангельское кладбище.

За последние годы здесь прибавилось офицерских могил. Недалеко по-братски рядом лежат спецназовцы «Альфы» и «Вымпела». Они полегли на Северном Кавказе, воюя за единство России. Их имена раньше знали только друзья по оружию, а вот позывные всегда знал и никогда не забудет враг.

Нет выше и трагичнее подвига, чем смерть на поле боя в конфликте, который войной не позволено называть. Сначала в Чечне было «наведение конституционного порядка», потом «антитеррористическая операция», а по сути – всегда война: жестокая, кровавая, мистическая – с колдовскими чеченскими плясками, с напусканьем порчи на хлеб, воду и воздух, чтобы русские воины умирали от непонятных медицине болезней.

Плачет у могильного камня мать Крестьянинова. Сколько пролито слез, но не выплакать глаз по сыночку. Мать подполковника Крестьянинова рыдает по нему на земле, а высоко в облаках, невидимая в снежной метели, плачет по нему Богородица.

У Божьей Матери много проторенных дорог – где только нет воинских православных могил.

На Николо-Архангельском кладбище лежит российский спецназ – потомки древнерусских богатырей Александра Невского, Гаврилы Олексича, Василия Буслаева, Евпатия Коловрата, матроса Кошки, атамана Бакланова, казаков-пластунов, разведчиков-победителей 1945 года. Как же Богородице не бывать здесь.

Горячие молитвы возносит к небесам православный священник. Офицеры-спецназовцы чутко вдумываются в слова, обращенные к Господу и Богородице. Кому-то уже близок их праведный, многотысячелетний смысл.

Не все еще просветленно осеняют себя крестом. А вот отделение Влада Ершова с того дня, как он стал его командиром, шло на штурм и выполнение

других задач только после молитвы «Отче наш». Теперь Влад полковник и заместитель командира отряда. Учится в Академии МВД. И когда спецавтобус уносит в своем чреве Влада и его подчиненных на задание, этот богатырской стати умный полковник, видя за окном православные храмы, обязательно осеняет себя крестом. Так было в обычае предков. Таков и Влад на дорогах войны и борьбы с преступностью.

Сбор всего отряда на Николо-Архангельском кладбище обязателен. Только дежурное отделение, в силу специфики службы, остается на боевом посту. Попробовал один офицер, только начавший службу в подразделении, сказать:

– А зачем мне ехать на кладбище? Я лично не знал Крестьянинова.

И услышал от командира отряда Науменко:

– Подумай, о чем говоришь? Завтра на боевом выходе, не дай Бог, погибнешь, а про тебя скажут: «Он к нам недавно пришел. Мы не знаем его». Над твоей могилой некому будет салютовать.

Жесток разговор, да спасителен смысл. Над каждым спецназовцем привычно витает ангел смерти, заглядывает ему в глаза, но редко видит в них страх. Пограничное состояние – между жизнью и смертью – привычно спецназовцу. Он служит во имя жизни, на благо избавления от смерти. Поэтому меньше всего офицер ОМСН «Рысь» должен думать о ней – костлявой.

Думать о смерти и погибших товарищах – не одно и то же. У Бога все живы. Лучше всего это знают воевавшие люди. Но какая невыносимая сердечная боль – нести умирающего командира на двери, сорванной в дагестанском сожженном доме.

Шестнадцатое января 1996 года – был вторым днем боя за село Первомайское, занятое боевиками Радуева. В селе их, отлично вооруженных, было около трехсот. Пока силовые министры искали приемлемое решение, чеченцы основательно укрепились. Не только заложники рыли окопы в полный

профиль, пробивали амбразуры в сложенных из булыжников невысоких, по грудь, заборах, но и боевики трудились, не покладая рук.

Спецназовцам внутренних войск и собровцам свободного отряда пришлось атаковать противника белым днем. Отлично замаскированные, чеченцы бились на смерть, выполняя приказ Джохара Дудаева.

В дневных боях первые помощники смерти — снайпера. В селе Первомайское, на границе Дагестана и Чечни, они с бесовской зоркостью находили цели.

Подполковник Андрей Крестьянинов был поражен снайпером, когда поднял на плечо РПО «Шмель».

Сберегая людей, он в течение всей операции шел первым. «Делай, как я», – этот результативный закон всех времен и народов на бесправной, чеченской войне не оставлял командиру шансов на жизнь. Идя в боевых порядках, по сути пехотным взводным, Крестьянинов, начальник элитного министерского СОБРа, не мог себя вести иначе. Его отряд, подготовленный для скоростных схваток с бандитами, в этот раз шел на пулеметы, гранатометы и Агэ-эсы – по мокрому вязкому грунту: практически утопал в дагестанской земле, но атаковал врага, имея задачу на освобождение заложников, захваченных боевиками в Кизляре.

Снег водит белые хороводы, а офицерам у могильного камня в большой круг не собраться. Внутри оградки войдут только семь ветеранов. Жена Крестьянинова – Люба, его мать Мария Михайловна, да дети не отойдут от Андрея, пока у него не побывают все, кто приехал отдать дань памяти командиру и другу. Здесь генерал Круглов Валерий Александрович – начальник легендарной «Веги». После вредительского расформирования «Вымпела» Круглов возглавил вымпеловцев, которые, отринув ведомственную гордыню, перешли в МВД. И этот спецназ, как и «Вымпел», покрыл себя неувядаемой славой. Их боевая работа в Чечне наводила страх на противника. Вместе с собровцами Крестьянинова, генерал Круглов и его «Вега» штурмовали Гроз-

ный. В августе 1996 года офицеры «Веги» в том же Грозном защищали общежитие ФСБ. Действовали талантливо, дерзко – результативно. Выполняя приказ, ушли из горящего общежития последними. На выходе смертью храбрых пал командир этой группы.

Шестнадцатого января 1996 года погиб Андрей Крестьянинов, но в этот день вспоминают всех, кто дорог сердцу отряда «Рысь».

Сегодня рядом с Любой Крестьяниновой – Лидия Ласточкина. Ее муж Владимир Ласточкин, майор СОБРа ГУОП, погиб в декабре 1995 года в чеченском городе Гудермесе. Находясь в Грозном, узнав о гибели командира Свердловского СОБРа Валова, Владимир Ласточкин выдвинулся из Грозного в Гудермес, чтобы вывезти с поля боя тело боевого друга. До перехода в Главк по организованной, Володя служил в Свердловском СОБРе, и его желание пробиться к месту гибели земляка и друга было исполнением святого закона спецназовского братства: российский спецназ не оставляет врагу тела товарищей по оружию.

В Гудермесе Володя погиб, прикрыв собой от осколков раненого офицера. И посмертно, как и Андрей Крестьянинов, удостоен звания Герой России. Схоронили Володю в родном Свердловске. Андрей родился в Тюмени, вырос и получил военное образование на Северном Кавказе. Володя – уралец. Права народная молва, утверждающая, что сибиряки и уральцы – одни из самых надежных людей Отечества. В них особая крепость духа. Откуда? Это русская тайна.

Низко в раздумьях склонил голову подполковник Иван Кондратов, тяжело контуженный в Первомайском. После боя не мог говорить, мучился головной болью. Не раз лежал в госпитале, восстановился и служит на страх врагам. При внешней суровости, скрытой резкости, Иван очень добр, чуток, внимателен на хорошее.

Внутренне соборовцы – участники первой чеченской кампании – очень похожи. Ведь на службу их отбирал первый заместитель Министра МВД, ге-

нерал Егоров Михаил Константинович. Из огромного количества претендентов он, начальник ГУОП, выбрал офицеров во многом, наверное, похожих на себя: интеллигентов, способных на удар во спасение других. Времени воспитывать в них способность отдать жизнь за други своя у генерала – создателя службы по борьбе с оргпреступностью, не было. Страна нуждалась в готовых кадрах. И его парни вошли в систему, как снайперские патроны в обойму СВД.

Егоров гордился собровцами – этим новым оружием МВД. И ставшие милиционерами бывшие спецназовцы ВВ, десантники, моряки, пограничники, разведчики 7-го управления генерала ни разу не подвели. Они гордились своим именем – «собровцы». СОБР – это Специальный отдел быстрого реагирования. Когда собровцы, проводя задержание, врывались на бандитские сходняки, бандюки, еще секунду назад вальяжные, наглые, при прокрике: «Всем лежать! Руки на голову!» – валились, как снопы. СОБР – был волей государства. СОБР – звучало парализующее. Это гордое слово поднимало душу офицеров ввысь.

На самом верху в 2002-м году структуру переименовали. На этот день и час в ней было восемнадцать Героев России, награжденных посмертно.

Подразделениям СОБР, несущим службу во всех республиках, областных центрах России, дали название ОМСН – Отряды милиции специального назначения. Свое переименование собровцы считают диверсией. То, что радует преступный мир, террористов-боевиков, плохо для страны.

Трудно было выдержать этот правительственный нокдаун. Но при приеме на службу, кандидат в СОБР проходит «обкатку». Одно из испытаний – рукопашная схватка с тремя бойцами: по четыре минуты с каждым, т.е. бой со своими. Главное — выстоять, не сломаться, показать характер. В характере подлинного собровца – жизнелюбие, твердость, умение держать удар. Переименование силовых подразделений СОБР в ОМСН – это был предатель-

ский удар в спину защитникам России. По силе морального воздействия такой же, как вывод российских войск из Чечни в августе 1996 года.

Все, кто бился с организованной преступностью в Чечне, вспоминают это страшное время с горечью и стыдом. Хотят забыть, да разве забудешь тот пир подлецов, результатом которого стала смерть сотен зарезанных, повешенных боевиками русских, чеченцев, помогавших армии и милиции. На чьей совести невозвращенные, умученные в чеченском плену солдаты и офицеры? Они приходят во снах к тем, кто, подписав мирный договор с Масхадовым, оставил их в руках ичкерийских головорезов.

Приказ – это стрела, выпущенная из лука. В чьих руках лук, тот и отвечает за результат. Собровцам, воевавшим на всех чеченских фронтах, не раз плевали в душу. Но политики и чиновники – это еще не вся Россия.

При встрече собровцы крепко жмут руки и обнимаются. Этот знак братской любви друг к другу – молчаливое воспоминание о пережитом. Внешне никто не выражает радости. Сегодня отдают дань памяти. Тем больше достоинства в рукопожатиях.

С подчеркнутым уважением офицеры здороваются с полковником Леонидом Константиновичем Петровым. В Первомайском бою он был заместителем командира СОБРа ГУОП. Сильно контуженный, после гибели Крестьянинова он возглавил отряд. Улетал на операцию в Кизляр, бился в селе Первомайское, зная, что уже подписан приказ об его уходе в отставку. Вернувшись в Москву, достойно похоронив командира, Леонид Петров возглавил Межрегиональную Ассоциацию ветеранов и сотрудников специальных подразделений правоохранительных органов и спецслужб «Русь», посвятив себя новому делу – активной помощи воевавшим в горячих точках.

Он и вице-президент ассоциации Герой России полковник Никишин Александр Николаевич – люди талантливые, инициативные, дисциплинированные. Непростое дело – объединить под своим руководством

старших офицеров разных силовых структур. На первом этапе объединились в главное: в любви к Отечеству, к тем, кто отдал жизнь за Родину.

В Первомайском Петров и Никишин, в ту пору командир «Витязя», воевали рядом. В СОБРе ГУОП погиб подполковник Андрей Крестьянинов, в «Витязе» боец Дмитрий Евдокимов. Не просто память о погибших сроднила ветеранов-полковников. Боль, непоправимость свершившегося крепче цемента соединила две офицерских судьбы. Военскую ответственность за жизнь людей они принесли в свое дело: помогали в экипировке действующим в Чечне спецподразделениям МВД и армии, оказывали помощь медикаментами, пролечивали в госпиталях раненных, искалеченных, оказывали материальную поддержку остро нуждающимся ветеранам. Несколько десятков матерей и жен, потерявших кормильцев, получают ежемесячную «пенсию» от Ассоциации «Русь». Помогали с учебой и работой участникам боевых действий.

Межрегиональная Ассоциация «Русь» выручала десантников, собровцев, спецназовцев ВВ новейшими средствами связи.

Один из уроков боя в селе Первомайское то, что руководством операции вопросы связи между подразделениями были не решены. Армейцы и спецназовцы МВД работали на разных по типу рациях, на различных каналах. Вертолетчики не слышали тех, кто с боем шел по земле. Когда собровцы Краснодар и Дагестана на сельском кладбище попали под удар российских вертушек, у них не было с ними прямой радиосвязи. Связист штаба объединенного отряда, офицер подмосковного СОБРа, получив информацию краснодарцев, что по ним бьют свои, отвечал, что у него с вертолетчиками тоже нет связи. «Я послал к ним человека», – кричал он, лежа в снегу под огнем снайперов, и видел, как «крокодилы» вздыбливают землю на дагестанском кладбище. Чудом никто не погиб, но контузии получили многие.

Наличие добротной связи и боеприпасов – важные составляющие любой операции. Перед началом работы в Первомайском раздражал бестолковый

расход времени на постановку и доведение боевой задачи. Много времени руководство операции тратило зря.

Большой проблемой оказалась зарядка аккумуляторов для раций. Ответственный за связь капитан Сергей Егорычев еле-еле упросил армейцев, чтобы в ночь перед боем те разрешили «зарядиться» собровцам ГУОП и другим милицейским подразделениям.

То, что не доставлялась горячая пища, остро не переживали. Главное, подвозили боеприпасы. В СОБРе ГУОП с этой задачей отлично справлялись Лев Шахов, Юрий Марчук, Ильдар Щепетков. Они же на приданной БМП Буйнакской мотострелковой бригады вывозили с поля боя убитых и раненых, действуя по всей линии боевого соприкосновения с противником.

В ходе боя контузия лишила полковника Петрова зрения. С автоматом в руках, находясь в кромешной тьме, он многое понял и определил для себя на дальнейшую жизнь. Через полчаса зрение вернулось, Леонид Константинович верил, что товарищи по оружию не бросят его.

Десять лет возглавляя Ассоциацию Русь, полковник Петров помогает людям в беде. Думая о будущем, заботится об уровне подготовки молодых спецназовцев. Возглавляя небольшие по численности сводные группы из офицеров спецназа ВВ, ВДВ и СОБР-ОМОН, он прошел курсы по выживанию в одиннадцати странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, приобретая бесценный опыт, применимый в наших условиях.

После гибели командира в Дагестане, последующие десять лет были прожиты Петровым во имя спецназовского братства. Он создал Книгу Памяти, посвященную собровцам, погибшим при исполнении служебного долга.

Там, в Первомайском, все поняли – самое страшное на войне – холод. От него нет спасения в чистом поле. Ночуя в арыках, не всем собровцам удавалось погреться возле костра. Те немногие, кто рисковал развести костерок, могли получить гранату из чеченского подствольника. Холод колот тело сотнями кинжалов. Люди коченели. Падающий с неба снег белым саваном

накрывал тела лежащих спецназовцев. Сон к собровцам и бойцам «Витязя» мог прийти на минуты. Автоматно-пулеметная трескотня не давала сомкнуть глаз. Атаковавших днем спецназовцев МВД до первых лучей рассвета прикрывали стоявшие в резерве офицеры «Веги» и «Альфы», не подпуская боевиков на бросок гранаты.

Снег, обрушившийся на Николо-Архангельское кладбище, тревожил память, вытаскивал из ее глубин старательно забытое...

В День Крестьянинова вспоминают только своих. И не думают о врагах. Шестнадцатого января Отряд милиции специального назначения «Рысь» не охотится. В этот метельный понедельник отряд живет сердцем. Он всегда на людях, а враг таится, запутывает следы, копит силы, но страшится боевых столкновений с российским спецназом.

Собровцы и их противник – боевики оргпреступности, террористы, полковые командиры, похитители людей проживают одни и те же годы, часы, минуты. Только собровцы служат Богу, России, а преступники – подручные сатаны. Разницу позиций объяснил Усама Бен Ладен – лидер Аль Каиды, который сказал: «Вы любите жизнь, а мы любим смерть».

В День Крестьянинова смерть держится подальше от собровцев. Шестнадцатого января воинское Николо-Архангельское кладбище – не ее маршрут. Это время светлых молитв, поминальных литий и знаменного распева.

Смерть со своими любимцами – чеченскими боевиками и террористами-убийцами в этот день танцует лезгинку в горах Ножай-Юртовского района, бродит заминированными лесными тропами, а потом прячется в Башне сатаны у озера Кизиной-Ам. Православные молитвы у могилы подполковника Крестьянинова пугают ее.

Отняв жизнь у командира СОБРа шестнадцатого января 1996 года, смерть возликовала. Да ненадолго. Потому что спецназ – бессмертный гарнизон. На место выбывшего из строя Героя России пришли десятки молодых

офицеров. Они служат в отряде «Рысь», чтобы сражаться за жизнь людей, чтобы поставить на колени тех, кто любит смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

- ГУОШ - Главное Управление объединенного штаба МВД РФ.
- ГУОП - Главное Управление по организованной преступности.
- ГУБОП - Главное Управление по борьбе с организованной преступностью.
- ГУУР - Главное Управление уголовного розыска.
- СОБР - Специальный отдел (отряд) быстрого реагирования.
- ОМСН - Отряд милиции специального назначения.
- ОМОН - Отряд милиции особого назначения.
- ОСН - Отряд специального назначения.
- ОБНОН - Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.
- УИН - Управление исполнения наказаний.
- КМП - контрольный милицейский пост.
- Собровец - офицер Специального отдела (отряда) быстрого реагирования
- АК - 7,62 мм автомат Калашникова.
- АКМ - 7,62 мм модернизированный автомат Калашникова.
- ПМ - 9 мм пистолет Макарова.
- АПС - 9 мм автоматический пистолет Стечкина.
- СВД - 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.
- СВУ - 7,62 мм снайперский автомат ОЦ - 03.
- ВСС - 9 мм винтовка снайперская специальная (Винторез).
- ВСК - 94 - 9 мм снайперская винтовка на основе автомата А-91.
- АГС - автоматический гранатомет станковый.
- ДШК - дальнобойный крупнокалиберный пулемет Шпагина.
- КПВТ - крупнокалиберный танковый пулемет Владимирова.
- ПК - 7,62 мм пулемет Калашникова.
- РПГ - ручной противотанковый гранатомет.
- «Муха» - ручной одноразовый гранатомет.
- «Шмель» - реактивный противотанковый огнемет.
- ПЗРК - переносной зенитный ракетный комплекс.

ВОГ-25- выстрел к подствольному гранатомету (граната подствольная).

Ф-1 - оборонительная ручная осколочная граната.

«Эргэдэшка» - наступательная ручная осколочная граната РГД - 5.

ЗСУ - 23-4 - зенитная самоходная установка.

«Зушка» - зенитная установка.

«Ночник» - прибор ночного видения.

«Рожок» - магазин к автомату.

«Заря» - спецсредство (свето-шумовая граната).

БТР - бронетранспортер.

БМП - боевая машина пехоты.

БМД - боевая машина десанта.

БРДМ - бронированная разведывательно-дозорная машина.

НУРС - неуправляемый реактивный снаряд.

Фугас – снаряд (заряд), содержащий большое количество осколков.

МОН - мина особого назначения.

«Бронник» - бронежилет.

«Лежанка» - место скрытного нахождения снайпера.

«Зеленка» - лесной массив.

Кошара - крытый загон для овец и коз.

«Семечки» (жаргон) - боеприпасы.

«Погремуха» (жаргон) - индивидуальный позывной в радиоэфире.

«Луна» - ночной осветительный прибор на БТР.

«Шайтан – труба» (жаргон) - ручной противотанковый гранатомет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда мне было семь лет, на моих глазах пацаны постарше вешали на проволоке собаку Альму. На эту компанию я набрел случайно и замер в толпе. Альма, с которой переиграли в войну десятки живших возле вокзала мальчишек, весело оглядывалась, думая, что игра продолжается. Но её вздернули и гадко кинулись врассыпную. Я же мгновенно поднял на руках провисшее, безумно тяжелое тело Альмы и - о, чудо! - петля из крупной проволоки раскрылась, освободив голову собаки, и та бросилась за своими учителями, радостно взирая, что снова увидит их.

С тех пор, мягко говоря, я не люблю, когда издеваются над слабыми, беззащитными, доверчивыми, продолжающими верить в доброту, справедливость.

Боевые действия в Чечне открыли мне многие тайны российской жизни. Я - не романтик. Удостоверение обозревателя Центральной милицейской газеты позволило мне находиться в эпицентре кровавых событий. Я - писатель, не журналист: поэтому в критических ситуациях брал в руки оружие раненых воинов... Мне не по душе современный кодекс журналистской этики - находиться над схваткой, соблюдать нейтралитет. Плевал я на этот нейтралитет! В конце марта 1996 года я летел "Черным тюльпаном" в Ростов-на-Дону, сопровождая в Центр погибших останки героев своих очерков - офицеров спецназа.

Книга "Любите нас, пока мы живы" рождалась на войне. Её первое издание вышло в свет благодаря самоотверженному, честному новосибирцу Шилину Юрию Ивановичу, зять которого, офицер СОБРа, был тяжело ранен в Чечне. Юрий Иванович организовал состоятельных людей, и книгу напечатали тиражом три тысячи экземпляров. Две тысячи я раздарил, одна тысяча быстро разошлась в Москве через магазин "Православное слово". Потом был второй тираж, организованный Межрегиональной Ассоциацией ветеранов

спецназа «Русь». Две тысячи экземпляров издания были подарены участникам боевых действий, розданы в госпиталях.

Книгу хорошо принял Союз писателей России. Волгоградская областная администрация, Волгоградская писательская организация, Союз писателей России удостоили меня, сибиряка, Всероссийской литературной премии "Сталинград". Особенно я благодарен Председателю Союза писателей России Ганичеву Валерию Николаевичу - за понимание и сострадание к героям моих очерков - бойцам и офицерам, кто бился на передовой.

Один экземпляр книги "Любите нас, пока мы живы" попал на завод КЭМЗ в дагестанский город Кизляр. Книгу прочитало несколько сотен людей, переживших бандитский налет Радужева. В Кизляре говорили: "Что за страна Россия, если нужная нам книга может выйти только на деньги спонсоров". И вот "Любите нас, пока мы живы" напечатана в издательстве "Астрель".

"Исповедь офицера" в части шестой - это рассказ о первом трагическом штурме Грозного, когда армия вступила в бой ослабленной, разучившейся воевать. Новый очерк «Мы вас будем сметать огнем» - о штурме столицы Ичкерии 1999-2000 г.г. все той же группировкой "Восток".

Часть седьмая в книге - проза, нигде не издававшаяся.

В 1943 году одному писателю, фронтовому журналисту, развеселый комбат сказал: "Какая у вас одинокая профессия. Мы в батальоне, как один кулак. А вы мотаетесь по фронтам, живете нашей жизнью, рискуете и все один. Какая одинокая, грустная должность - писатель".

Комбат был прав и не прав! В октябре 1996 года в Центральном госпитале МВД я умирал в одиночестве, а в лихорадочных снах разговаривал с убитыми на чеченской войне и один солдат сказал: «Мы тебя знаем. Ты к Димке Евдокимову в гости приезжал». Это была правда. Боец "Витязя" Дмитрий Евдокимов, мой земляк, погиб при штурме села Первомайское, и когда я приехал к его родным, напротив деревенского дома, в леске лежал собран-

ный им перед армией металлолом, чтобы на вырученные деньги купить младшему брату и сестрам подарки. Не успел. Пал смертью храбрых!

Россия часто воюет, потому что после каждой новой войны власть имущие стремятся быстро забыть её. Утюжат память о ней, словно танковыми гусеницами. Задача литературы - не забывать, напоминать, что главное в нашей жизни - любовь. Пройдя через войну, это особенно знаешь.

Виталий Носков

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	2
«ЭТО ЗВЕЗДЫ ИЛИ ВОЛЧЬИ ГЛАЗА?...»	3
ПАСХА ПОД ГУДЕРМЕСОМ	10
ВОЛКИ И ОХОТНИКИ.....	21
МИР ВСЕМ.....	30
СТАЛЬНАЯ МУЗЫКА ВОЙНЫ	35
...ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ НОЧЬЮ	40
В ЛОГОВИЩЕ ОГНЯ	46
ПОЗЫВНОЙ: «АФГАНЕЦ»	56
РЕШИЛИ РАНО ПОВЗРОСЛЕТЬ	62
«ПУРГА-555» ПОД ПЕРВОМАЙСКИМ	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	72
МИР НАЧИНАЕТСЯ С НИХ.....	73
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ...	78
ПОГОНЩИКИ ДУШ	83
ЛЮДИ-ДЕРЕВЬЯ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ-ЗМЕЙ.....	90
КОННЫЙ РАЗЪЕЗД НА ТЕРЕКЕ – РЕКЕ ВРЕМЁН	94
СКОРБНАЯ ДОЛЯ БЫТЬ С «КОСТЛЯВОЙ» НА ТЫ	102
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	113
«ЛЮБИТЕ НАС, ПОКА МЫ ЖИВЫ»	114
НЕ ПРЕДАЛИ ИМЯ СВОЁ	118
«ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ БЫЛО ЗАВТРА»	127
«КТО ВЫЗЫВАЕТ «ЭПОХУ»?».....	139
«ТОЛЬКО ГРОМЧЕ ЗОВИТЕ...»	144
УТРО ПСОВОГО ЛАЯ.....	149
ЗА ДРУГИ СВОЯ	161
ВЗРЫВ У ЧЕРНЫХ БУГРОВ.....	170
«Я НЕ БУДУ С ТОБОЙ ПРОЩАТЬСЯ...»	177
СМОГ – ХОРОШЕЕ СЛОВО.....	187
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	189
ВОЗВРАЩЕНИЕ	190
«ЧТОБЫ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВОЙНЫ...»	195
«СОБАР» – ПО-ЧЕЧЕНСКИ ТЕРПЕНИЕ	199

	484
ОН НЕ ИЩЕТ НАГРАД, ОНИ САМИ ЕГО НАХОДЯТ	206
В СПЕЦНАЗЕ НЕ ПРОЩАЮТСЯ	212
НЕВОЛЬНИК	215
ЧЬИ ЭТО ВОЛКИ ВОЮТ?	219
КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ В МВД	224
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	229
«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ТАМ НИКТО НЕ УБИЛ»	230
ОКОЛЬЦОВАННАЯ ЗАСТАВА	236
НОЧНЫЕ ГРОМЫ НАД ТЕРЕКОМ	239
ГЛЯДЯЩИЕ С НЕБЕС	244
ЗАСТАВЫ ПРОСЯТ ПОДДЕРЖКИ	248
ЗАЩИЩАЯ ТУХЧАР	252
ОСВОБОДИТЕЛИ	262
«ЖИВИ ДОЛГО, СОЛДАТ!»	267
ДАЖЕ ВОЗДУХ ЗДЕСЬ ПАХНЕТ БЕДОЙ	279
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	292
ИСПОВЕДЬ ОФИЦЕРА	293
МЫ ВАС БУДЕМ СМЕТАТЬ ОГНЕМ	315
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	351
БАБОЧКА – СМЕРТЬ	352
ДОКЛАД ПО ОБСТАНОВКЕ	374
ВЗРЫВ НА ТЕРЕКЕ	424
ШАГ ДО НЕИЗВЕСТНОСТИ	430
ВДОВЬЕ УТРО	435
ДЕНЬ КРЕСТЬЯНИНОВА	467
ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА	478
ПОСЛЕСЛОВИЕ	480
СОДЕРЖАНИЕ	483